

50 р. (м.и.)

р.б.

М. Циммерманъ

в. 9586.

Д $\frac{60}{215}$

**ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА**

ПРАГА

1924

50 р. (м.и.)

р.б.

М. Циммерманъ

ч. 9586

$\frac{2}{215}$

**ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА**

ПРАГА

1924

801-12
241

Д $\frac{60}{215}$

М. ЦИММЕРМАНЪ.

v. 9586



ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА

съ древнѣйшихъ временъ до

1918 года.

Типографія Русскаго Юридическаго Факультета въ Прагѣ.

1924 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СРЕДНЯЯ ШКОЛА
БИБЛИОТЕКА С О. Р.
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

2159915-47



2007082998

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫИ.

ЗАМЪЧЕННЯ ОПЕЧАТКИ.
(Отдѣлъ I).

Стр.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
46	1 сн.	Пунца	Пунта
61	9 св.	Мильномъ	Милькомъ
62	10 св.	Аронрѣ	Аронѣ
70	1 св.	1813	1913
78	16 св.	амфикціоніи	амификціоніи
78	16 св.	Амфикціоній	амификціоній
78	1 сн.	амфикціоній	амификціоній
81	3 св.	Гіератитной и Итакой	Гіерапитной и Итекой
82	9 св.	Салалинь	Салеминъ
83	8 св.	Амфикціоній	амификціоній
85	7 св.	вооруженнымъ	вооруженнымъ лодямъ
87	15 сн.	Giuridiro	Giuridico
91	14 св.	Астинзалеей	Астипалеей
91	16 св.	астинакейскимъ	астипалеёвскимъ
100		прим. 109	прим. 110
101	7 св.	Астинзалеей	Астипалеей

О Т Д Ъ Л Ъ I .

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЯ ОТНОШЕНИЯ
ДРЕВНЯГО ВОСТОКА, ЭЛЛАДЫ И РИМА.

Г л а в а I .

§1. Проблема зарождения международного права въ учении современной позитивно-юридической школы. §2. Критеріи для оцѣнки международного права древнихъ народовъ и ихъ отверженіе.

Г л а в а II .

§3. Междуплеменные формы сношеній у примитивныхъ народностей. §4. Экзогамія. §5. Мѣна. §6. Гостепримство. §7. Органы представительства. §8. Формальное право. Посредничество. Война, какъ видъ самопомощи. §9. Союзы мира.

Г л а в а III .

§10. Международное право Древняго Востока. §11. Формы международныхъ сношеній въ древнемъ Синаарѣ. §12. Международныя сношенія Египта и Вавилона. Государства не-суверенныя. §13. Органы международного представительства. §14. Международные договоры. §15. Проблема международной ответственности. §16. Война народовъ Древняго Востока.

Г л а в а IV .

§17. Международное положение Палестины. §18. Древнѣйшія междуплеменные сношенія Израиля. §19. Мирныя сношенія и договоры Израиля съ другими народами. §20. Право войны Израиля. §21. Идея мирового назначенія Израиля и идея всеобщаго мира.

Г л а в а V .

§22. Международное право Древней Эллады. §23. Героическая эпоха Эллады. §24. Органы международныхъ сношеній въ позднѣйшую эпоху. §25. Международные договоры

Эллады. §26. Значение третейского суда в международной жизни Эллады. §27. Законы войны в Элладѣ.

Г л а в а VI .

§28. Международное право Рима. Положение иностранцевъ и патронатъ. §29. Право посольствъ. §30. Учение о международныхъ договорахъ и ихъ видахъ. §31. Jus fetiale и право войны.

Г л а в а VII .

§32. Теория рах гомепа, ея международно-правовое значение. §33. Влияние традицій Рима на дальнейшее развитие международныхъ отношений западно-европейскихъ государствъ.

У К А З А Т Е Л Ъ Л И Т Е Р А Т У Р Ъ :

- Каченовскій. Курсъ международного права, выпуски 1-2. 1863.
- Мартенсъ. Современное международное право, т. I. 1900.
- Ростовцевъ. Международныя отношенія и международное право в древности. Современныя Записки. IV. 1921.
- Стояновъ. Счерки исторіи и догматики международного права. 1875.
- Babeyrac. Histoire des anciens traité (depuis les temps les plus reculés jusqu'a Charlemagne). 1739.
- Cybichowski. Des antike Völkerrcht. 1907.
- Hershey. The history of international relations during antiquity and the middle age. Americ. Journal of International Law. V. 1901.
- v. Holtzendorff. Geschichte des Völkerrechts. Handbuch des Völkerrechts bd. I. 1885.
- Hosack. On the rise and growth of the law of nations. 1882.
- Kohler. Die Grundlagen des Völkerrechts. 1918.
- Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité. 2 édit. vol. I-III. 1863.
- Leech. Ancient International Law. Contemporary Review. 43-44. 1883.
- Pierantoni. Trattato di diritto internazionale. vol. I. 1881.
- Redslob. Histoire des grands principes du droit des gens. 1923.
- Walker. A History of the law of nations. vol. I. 1899.

Глава I.

§1. Проблема зарождения международного права в учении современной позитивно-юридической школы. §2. Критерии для оценки международного права древних народов и их отвержение.

История международного права совпадает со всемирной историей человечества. Поэтому полное и детальное изложение международно-правовых учреждений в их развитии должно обнимать не жизнь отдельных народов, или их групповых скоплений, но жизнь государств, как членов *humanitas nationum*, как частей единого цѣлага, для существования которого не установлено точных границ во времени. Но такая задача при современном состоянии исторической науки является неразрѣшимой и такое филогенетическое понимание международно-правовых институтов в их ростѣ и измененіях не может быть проведено вполне последовательно до конца. Может быть достигнуто лишь большее или меньшее приближеніе къ такой широко поставленной цѣли. Задача научнаго изслѣдованія должна быть гораздо скромнѣе: дать лишь главные линии развитія международного права и международных отношеній.

Признавая невозможность представить во всей полнотѣ прошлое международно-правовой жизни государств, необходимо сразу и очень резко ограничиться от попытки современной юридически-позитивной школы свести проблему развитія международного права къ своеобразнымъ попыткамъ стыскать тот историческій моментъ, когда *зародился* прежде несуществующее международное право, причемъ предпосылками такихъ поисковъ является убѣжденіе представителей позитивнаго направленія, что международное право есть продуктъ романогерманской цивилизаціи (Мартенсъ, Листъ, Б. Таубе), что оно христіанскаго (Пюттеръ, Гефферъ, Нейманнъ), или даже протестантскаго (Ф. Кальтенборнъ), происхожде-

нія(1). И, если в началѣ XIX вѣка в Германіи нѣмецкіе писатели по международному праву утверждали, что помимо исторіи не можетъ быть теоріи, или, какъ тогда говорили, „философіи“ права, то современная школа какъ будто воскрешаетъ традиціи естественно-правовыхъ ученых, когда, послѣ Гроція, устанавливается начало постоянства и окаменѣнія права. Отрицаніе за международнымъ правомъ его длительного многовѣкового развитія объясняется стремленіемъ позитивныхъ юристовъ связать общія теоретическія послылки права съ той формой, которую оно приняло вь наши дни. И отсюда дѣлаются дальнейшіе выводы обь ограниченности развитія права и вь будущемъ. Вь итогѣ отверженіе прошлаго связывается съ ученіемъ о недопустимости выйти изъ той вѣшной оболочки, вь которой проявилось международное право вь настоящее время. Происходить гипостазированіе догматической формы и отрицается возможность сохраненія теоретическаго содержанія при преобразованіи формы.

Международное право отвергалось вь древности путемъ грубаго механическаго сопоставленія дѣйствующаго вь наши дни права съ правомъ прошлаго, причемъ первая форма права была и объектомъ сравненія и мас-

1) Ниппольдт, критикуя современныя господствующія теоріи, однако сочувственно цитируетъ ф. Мартиа, утверждающаго, что, хотя исторіи известны многочисленные виды общенія народовъ, но что самымъ значительнымъ и прочнымъ было общеніе, сложившееся на исходѣ средневѣковья вь Европѣ на основѣ общаго христіанскаго міросозерцанія. „Das heute in Geltung stehende Recht dieser Gemeinschaft giebt uns schlechtweg als das Völkerrecht, das Internationale Recht“. v. Martitz. Völkerrecht. Systematische Rechtswissenschaft. Die Kultur der Gegenwart. 1906, стр. 427. Nippold. Das Geltungsgebiet des Völkerrechts in Theorie und Praxis. Z.V.B. II, 1908, стр. 441.

штабомъ или критеріемъ оцѣнки. Но вь виду полнаго отсутствія общихъ теоретическихъ предпосылокъ споры о томъ, когда „народилось“ международное право, не приводили къ определеннымъ результатамъ. И, если большинство склонялось къ тому, что международное право зародилось на германской почвѣ и даже вь определенномъ году (1648 г. - Вестфальскій миръ), (особенно Vonfils, Мартенсъ и Ульманъ) (2), то другіе изслѣдователи, спеціально занимавшіеся изученіемъ проблемы, утверждали, что такой эпохой является вторая половина средневѣковья (Nys, бар. Таубе) (3). Наконецъ, третьи интернационалисты не безъ основанія доказываютъ, что на подобное почетное преимущество можетъ претендовать только XIX вѣкъ и одинъ нѣмецкій ученый (Т. Niemeuer) заявилъ, что международное право совершенно определенно засвидѣтельствовало о своемъ существованіи лишь вь 1874 году (годъ основанія Всеобщаго Почтоваго Союза) (4).

Критеріемъ для всѣхъ этихъ сравненій, поисковъ и открытій является наличность вь современной правовой

2) Ср. Мартенсъ. Современное международное право, т. I, 1898, стр. 90-93. v. Ullmann. Völkerrecht, 1908.

3) Nys. Les Origines du droit international. 1894. Le droit international, т. I, 1912.

б. Таубе. Исторія зарожденія современнаго международного права, т. I, 1894, т. II, 1899.

4) Niemeuer. Vom Wesen des internationalen Rechts. Zeitschrift für internationales Recht, bd. XX, стр. 10 и д., особенно стр. 12.

Наоборотъ, для одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей проблемы М. Ростовцева ясно, что уже античная Греція влила въ форму традиціонныхъ международныхъ отношеній новое содержаніе и что на эллинской почвѣ началъ „мерцать свѣтъ рождающагося международного права“. Международныя отношенія и международное право вь древнемъ мірѣ. Современныя записки. 1921, IV, стр. 139.

системъ "международнаго общенія", вытекающаго изъ мета-юридическихъ факторовъ: религіозной, идейной и экономической близости европейскихъ народовъ и являющагося въ своей совокупности и въ своемъ взаимодействіи социальнымъ субстратомъ, необходимымъ для народженія международнаго права. Вліяніе ряда культурныхъ факторовъ на развитіе права является, конечно безспорнымъ, но теоретически можно установить лишь принципъ параллелизма права и другихъ культурныхъ силъ и ни въ коемъ случаѣ нельзя выводить право изъ категорій явленій совершенно иного порядка.

Теорія "общенія" сложилась въ концѣ 40-хъ годовъ въ трудахъ Кальтенборна, замѣнившимъ этимъ ученіемъ теоретически болѣе глубокою, но практически менѣе удобную теорію Вольфа о „civitas maxima". Къ концу XIX вѣка эта теорія международнаго общенія получила общее признаніе, несмотря на то, что въ области догмы она не охватывала всѣхъ правоотношеній современныхъ государствъ, пытансь провести несуществующія пространственныя границы и исключая "полу-цивилизованныя" и "нецивилизованныя" государства изъ сферы дѣйствія общаго права, а въ области исторіи общеніе должно было бытъ показателемъ того момента, когда рядъ культурныхъ факторовъ въ своемъ взаимодействіи и совокупности породилъ доселѣ несуществовавшее междугосударственное право. Въ виду того, что ученіе это отнюдь не отличается точностью своей формулировки ни у Кальтенборна, ни у его послѣдователей, такихъ, какъ Даневскій и Мартенсъ (5), и въ виду того, что по отношенію къ праву разнообразныя культурныя силы далеко не равноцѣнны, каждый изъ изслѣдователей понимаетъ значеніе ихъ индивидуально и въ итогѣ этимъ въ большей степени объ-

5) Даневскій. Основаніе международнаго права. Юридическій Вѣстникъ, 1880, N 5, стр. 116 и д.
Мартенсъ. Современное Международное право, т. I, 1898, стр. 203 и д.

ясняются недоразумѣнія при рѣшеніи вопроса объ опредѣленіи точной даты рожденія международнаго права.

Проблема однако осложняется тѣмъ, что ученіе о международномъ общеніи было не только попыткой ввести въ догму и теорію международнаго права нѣкоторыя обобщающія начала. Для Кальтенборна и Даневскаго вопросъ шелъ объ открытіи общаго историческаго закона, который будто бы имѣлъ универсальное значеніе и смыслъ котораго сводится къ тому, что всюду въ развитіи правовыхъ учрежденій наблюдается равновѣсіе между принципомъ личнымъ, субъективнымъ и общественнымъ, въ данномъ случаѣ „общеніемъ" народовъ (6). Это равновѣсіе влечетъ съ собою необходимость правсвую регулировку и дѣлаетъ общеніе правовымъ. Въ такой формѣ не отрицается автономное развитіе международноправовыхъ институтовъ, но допускается а priori принципъ предустановленной законмѣрности въ ихъ развитіи, причемъ этотъ принципъ не вытекаетъ изъ правовой природы междуна-

6) v. Kältenborn, Kritik des Völkerrechts, 1846, стр. 257 и д. Даневскій. Op. cit., стр. 117.

На тѣхъ же традиціонныхъ предпосылкахъ строить свои доказательства народженія международнаго права въ кругу эллинскихъ народовъ Ростовцевъ, утверждающій, что „международное право предполагаетъ существованіе нѣкоторыхъ всеми признанныхъ принциповъ юридическаго-ли, моральнаго-ли, или религіознаго характера". Послѣдніе, правда, имѣлись налицо и въ Древнемъ Востокѣ, но религія принимала рѣзко выраженный національный характеръ. Поэтому религіозная санкція не имѣла серьезнаго значенія и, если между народами и устанавливалось равновѣсіе силъ, то оно базировалось не на правѣ, а на „соотношеніи физическихъ силъ и матеріальныхъ средствъ". Ростовцевъ. Международныя отношенія и международное право въ древнемъ мірѣ. Современныя Записки. 1921, IV, стр. 137-138.

родной системы, а является внешним моментом, перенесенным из чужой научной дисциплины, изучающей вообще природу социальных отношений. Может быть, подобное стремление и является до некоторой степени обоснованным, но отнюдь не в форме конструирования подобных законов и не в виде механического перенесения их в область исторического изучения международных явлений, имеющих своеобразный характер и в силу своей нормативной природы и в смысле своей исторической индивидуальной исключительности и неповторимости.

Во всяком случае необходимо резко ограничить право от других культурных сил и условий. В известная историческая эпоха связь с религией и нравственностью была неизбежна и необходима, но это было лишь случайным соединением и теоретически вполне допустимо проведение точных границ между требованиями юридического характера, обращенными к народам, и религиозными велениями и запретами. Интересно отметить, что первоучителями международного права, признавшими его самостоятельное значение, были большей частью служители Церкви, но это имя не помешало заложить основы новой науки о праве между народами (7). С этой правовой точки зрения важны не религиозные и экономические связи государств между собой, но связи эти поскольку они находят свое юридическое воплощение. Значителен иногда не столько факт большей или меньшей интенсивности сношений народов, но наличие правовых форм, иногда с удивительной силой находящихся свое применение между государствами разной культуры, разной веры, различной расы и экономически мало соприкасающихся друг с другом (8). И такого рода яв-

7) В данном случае я имею в виду испанских схоластиков и среди них особенно гениального Суареца.

8) В этом смысле исключительный интерес представ-

ления, такое почти чудесное проявление права, представляют гораздо больше правового значения, чем повторяющаяся по одному шаблону сдвиги в пределах совокупности государств, близких между собой в силу действия ряда различных мета-юридических условий. Центр тяжести лежит совсем не в идеальных, религиозных и экономических связях народов и не в том, что связи эти могут в большей или меньшей степени определять рост и изменения международного права, но в том, что сами народы считают, что их отношения регулируются *правом*, а не религией, или моралью. Если народы считают свое поведение подчиненным правовым нормам и если это признание проявляется в совершенный ряд актов, имеющих, согласно нашим представлениям о праве, юридический характер, то, совершенно независимо от других культурных взаимоотношений, надо считать, что приходится иметь дело с правовыми институтами, а не с каким-то социальным недоразумением чисто фактического характера, каковое принималось соответственными народами за право, тогда как с точки зрения некоторых современных юристов, это было лишь печальным заблуждением (9). В такой форме

являло бы историческое исследование международных отношений народов Дальнего и Ближнего Востока, Византии и мусульманских стран, Московской Руси и Турции до XVIII века и т.д. Историки международного права традиционно игнорируют эти сношения, оперируя понятием "международного общения".

9) "В конце концов оказывается, что и обычаями древности, которые можно было бы и принять (и которые действительно принимают) за институты зарождающегося международного права, не соответствует сознание обязательности, они остаются чем-то всегда случайным, основанным на внешних соображениях, остаются одним словом в области факта..." б. Таубе. История зарождения современного международна-

школа позитивистов воскрешала традиции естественного права в наиболее неприемлемой форме субъективных силлогизмов.

Если народы говорят о правах и утверждают наличие правовой связанности совершением ряда символических обрядов и если народы провозглашают целью правовых институтов в области процесса преодоления насилия в международной жизни, причем обосновывают силу правоутверждений ссылками на религию, обычай, договор или прецедент, то тут приходится иметь дело с явлениями правовыми, оставляя в стороне утверждения современных исследователей, что для признания этих явлений правовыми нужна большая интензивность в культурном обороте между народами.

Международное право является прежде всего правым и оценивать его надлежит с точки зрения правового масштаба, причем тут возможны в сущности только два различия и в корне противоположны точки зрения. Или право вытекает из государства и тогда

го права, т. I. 1894, стр. 19-20. Мартенс. Современное межд. право. I, 30-67. Но, если бар. Таубе идет за рождения международного права в средние века, другой русский исследователь утверждает: «В средние века... отношения государств имели случайный характер. Но те или другие обыкновения соблюдались не в силу сознания их юридической необходимости, а главным образом в виду их внутренней целесообразности». Шалландт. Международно-правовое отношение. Вестник Права. 1900. № 8, стр. 37. Для таких отрицателей международного права, как Гумплович, и сейчас в междугосударственных отношениях нет права, а есть факты, создавшие некоторую моральную идею, сила которой однако слишком незначительна, чтобы оказывать решающее влияние на международные отношения. Gumplovicz. Das allgemeine Staatsrecht. 1896. 2 aufl. §§ 215-220.

да международного права нет и сейчас (10), или же право выше государства и тогда, независимо от его определения, нельзя найти противоположности между правом, определяющим отношения современных государств и правом народов древности (11).

10) Lasson. Princip und Zukunft des Völkerrechts. 1871. Gumplovicz. Das allgemeine Staatsrecht. 1896. Последний утверждает: «развитие (права) идет от факта к нравственности и даже от нравственности с помощью всемогущей государственной власти к праву». Подъ чьей же охраной может происходить то правообразование, которое должно выйти за границы отдельных государств? До сих пор нет никакой силы, которая могла бы провозгласить, а затем защищать это выходящее за пределы государства право. § 215, и далее.

11) В положительном смысле разрешили проблему в XIX и XX веках только немногие юристы и историки, особенно Wachsmuth, Müller Iochmus, Egger, Pierantoni, Holtzendorff, Kohler, Cybichowski, Coleman Philipsson, Виноградов и Ростовцев.

В русской международной литературе следует упомянуть: Александренко, Грабаря и Эйхельмана. Последний замечает: «Мы наблюдаем довольно содержательную международную жизнь еще в древнем мире, затем в средние века и с самого начала нового времени. Везде, где образовался культурный круг соплеменных народов (в Индии, Финикии, Греции и древней Италии), вступающих в сношения между собой, там образовались и международно-правовые отношения.

Греческие и итальянские государства и Рим заключали много международных договоров о мирных международных отношениях, на войны против неприятеля они собирали обязательные правила... Одним словом мы видим, что принцип международ-

Но наряду съ своеобразными попытками сдѣлать существующую форму международных правоотношеній единственнымъ мѣриломъ оцѣнки для прошлаго права и для будущаго его развитія, существуютъ еще и другія тенденции выдвинуть въ качества мѣрила оцѣнки принципы, которые и сейчасъ не получили правового признанія, т.е. принципы, которые имѣютъ отношеніе не къ теоретической сущности международнаго права, но къ политикѣ права — *Rehtspolitik*, или *droit international futur*.

Такой характеръ имѣютъ утвержденія о томъ, что народамъ древности было чуждо сознаніе солидарности, какъ будто этимъ чувствомъ дѣйствительно проникнуты современные народы (12). Сюда же слѣдуетъ отнести указанія на то, что древности было неизвѣстно *jus commercii*, что въ древности не было достаточно уваженія къ идеѣ человѣческой свободы и человѣческой личности, что древнимъ народамъ было чуждо сознаніе необходимости полной ассимиляціи иностранцевъ съ туземными подданными въ осуществленіи первыхъ гражданскихъ правъ (13). Наконецъ, почти общимъ мѣстомъ стало заяв-

наго права принимался осуществляться неоднократно: всегда, когда былъ подходящий случай. То есть развитіе международнаго права есть одинъ изъ законовъ человечества". Эихельманъ. Введеніе въ систему международнаго права. 1889. §22, стр.12. Ср. v. Holtendorff. Handbuch des Völkerrechts, bd. I, 1885, стр.159-160. De Maulde la Claviere. La diplomatie au temps de Machiavel, vol. I, стр. 1.

12) Новѣйшую попытку Redslob прослѣдить въ исторіи международнаго права развитіе трехъ основныхъ его принциповъ: равенства, свободы и солидарности, врядъ ли можно признать удачной. Redslob. Histoire des grands principes du droit des gens. 1923.

13) "Спарга открыто провозглашаетъ принципъ ксенелазіи, изгнанія изъ страны всѣхъ иностранцевъ (даже грековъ-же, но уроженцевъ другихъ городовъ), а

леніе, что въ древности царилъ культъ силы и что война считалась общимъ правиломъ, а миръ исключеніемъ (14).

либеральнымъ Аеины отказываютъ иногороднимъ грекамъ, не говоря уже о правахъ политическихъ въ цѣломъ рядѣ такихъ элементарныхъ гражданскихъ правъ, какъ право владѣть недвижимостью, вступать въ бракъ съ аеинянокой и пр.". б. Таубе. История зарожденія соврем. межд. права. 1899, т. II, стр. 25. Мартенсъ. Современ. межд. право, т. I, стр. 40. v. Dungen. Geschichte des Völkerrechts, 1914, стр. 33-34.

По этому поводу слѣдуетъ упомянуть, что въ Аеинахъ отнюдь не былъ признанъ принципъ недействительности браковъ съ иностранцами. Ср. Beauchet. Droit privé de la République Athénienne. I vol., 1897, стр. 187. Право приобрѣтенія недвижимости тоже неоднократно представлялось особыми соглашениями. Объ охранѣ собственности иностранцевъ въ Аеинахъ см. Beauchet. Op. cit., III vol., 1897, стр. 580-584.

14) "En fait...l'antiquité classique offre le triste spectacle du regne de la force et de la violence". Nys. Le Droit International. T. I, 1912, стр. 3. Мартенсъ. Современ. межд. право, 1, 26 и особенно 6. Таубе. История зарожденія современнаго международнаго права, т. I, стр. 9 и д. т. II, стр. 3 и д. Ростовцевъ. Международныя отношенія и международное право въ древнемъ мѣрѣ. Современныя Записки. 1921. IV, стр. 131. Къ отрицателямъ международнаго права въ древности слѣдуетъ отнести: v. Kaltenborn, Zalasski, Laurent, Bluntschli, Bulmerincq, Gareis, Heffter, Ullmann, Iellinek, Bry Despagnet, de Boeck, Bonfils, Fauchille, Renault, Nys, Oppenheim, Merignhac, Fiore, и изъ русскихъ ученыхъ: Стоянова, Даневскаго, Мартенса, Каченовскаго, гр. Комаровскаго, б. Таубе и Уляницкаго.

По поводу этих утверждений необходимо отметить, что положение иностранцев и сейчас определяется в гораздо большей степени территориальным законодательством, чем международными соглашениями и мечами Канта о *Veltbürgerrecht* остались пока только мечтами. Между людьми и международным правом находится промежуточное положение занимает государство и люди, как таковые, не являются субъектами международного права. В этом отношении современный порядок гораздо ближе к античному, чем это может показаться на первый взгляд.

Что касается применения насилия в международной жизни, то сейчас оно принципиально осуществляется также, как и десятки веков тому назад. Правда, в наши дни как будто установился своеобразный параллелизм способов мирных и способов вооруженных для ликвидации международных споров. Но этот параллелизм был известен и древности. И основной мотив, лежавший в основе Гаагских Конвенций 1899 и 1907 г.г. и Соглашения о Лиге Наций о том, что каждая война не является лишь делом сторон в конфликте, но наоборот общим делом всех народов, с большей силой было неоднократно выражено и в древности. Достаточно привести слова родосских послов, убеждавших этолйцев в 205 году до Р.Хр. о необходимости прекратить войну с Филиппом Македонским: «Коль скоро огонь брошен на воспламеняющиеся предметы, дальнейшее его распространение уже не во власти поджигателя, и пламя разбрасывается, куда попало, обыкновенно по направлению ветра и в зависимости от горящих предметов, причем часто, сверх всякого ожидания, огонь прежде всего обращается на самого поджигателя».

Подобно этому, война, раз она возгорается по чьей либо вине, прежде всего губит самих виновников ее, или уничтожает без разбора всех попадающихся на пути, и безразлично прикосновенных к ней наро-

довь, как ветер, раздувает и распространяет ее.

Посему, этолйе, вообразите себя, что все островные и азиатские эллины - и они захватываются событиями - предстали к вам с просьбой кончить войну и водворить мир; одумайтесь и внемлите нашим увещаниям" (15). Такое оправдание посредничества и добрых услуг повторяется неоднократно и позднее и является в наше время получившим международную общую санкцию.

Наряду с попытками выдвинуть для отвержения международного права в древности критерии, или основания, или перенесения в область права чуждых ему элементов, или вытекшие из перемены действующей ныне системы, некоторые кристы пробуют дать такую общую характеристику жизни народов древности и особенно держав Востока, которая сама по себе исключает возможность международных правоотношений.

Представители науки международного права в большинстве случаев еще и сейчас оперируют с совершенно устаревшим материалом и теориями, происхождение которых объясняется тем, что долгое время для освещения жизни Древнего Востока единственным доступным материалом были Библия и отрывки из греческих писателей. Отсюда и утверждения о замкнутости и исключительности народов Востока и о деспотиях, как типичных формах правления у этих народов. Однако последние десятилетия XIX и начало XX века характеризуются тем, что ожили камни и письмена на них, ранее казавшиеся загадочными и непонятными. И наука открыла не только возможность скрывать отдельные памятники глубокой старины, но в недрах земли она нашла целые дипломатические архивы, где к вели-

15) Polybios. XI, 41-6. Cp. Le Bas et Foucart. Inscriptions de Paléoponnesse. N 328. Polyb., IV, 52, V, 11, 24, 28. Id. XVI, 351-2. Id., XXI, 291-15. Id. XXVIII, 1715, 2323; Ib. XXIX, 10, 19 и т.д.

кому счастью для потомства документы записывались на глиняных плитках, отлично сохранившихся в течении долгих вѣковъ. Новыми открытиями была сначала поклеблена и затѣмъ разрушена старая теорія, пытавшаяся однимъ именемъ и однимъ понятіемъ объять сложное развитие древне-восточныхъ государствъ, пережившихъ самыя разнообразныя потрясенія и пресоброзованія (16). Поэтому необходимо въ корнѣ пересмотрѣть традиционную точку зрѣнія на ростъ и измѣненія международно-правовыхъ институтовъ. Нельзя упускать изъ виду, что для современныхъ историковъ Древняго Востока однимъ изъ главныхъ достижений является ликвидація ученія о замкнутости и обособленности древнихъ державъ. Это болѣе не случайный и отрывочный комплексъ безсвяз-

16) Однако съ научной точки зрѣнія является совершенно недопустимымъ смѣшивать воедино исторію международного права народовъ Древняго Востока, Эллады и Рима. Народы древняго мира пережили совершенно различныя стадии развитія и нельзя говорить о томъ, что черезъ всю Древнюю исторію прсходитъ одно стремление владычествовать надъ міромъ, причеъ Римъ ставится рядомъ съ Египтомъ, Вавилономъ и Персией. Нельзя говорить о дипломатии Египта и Рима, какъ о чемъ-то аналогичномъ, когда по существу различіе между правовымъ характеромъ международного представительства Египта и Рима является чрезвычайно значительнымъ. Нельзя и договорное право Рима и Эллады ставить рядомъ съ соглашениями народовъ Востока. У послѣднихъ правоотношенія развиваются въ гораздо болѣе примитивной формѣ и подобное механическое сопоставленіе у новѣйшаго историка международного права Redslob очевидно объясняется лишь полнымъ его незнакомствомъ съ элементами правовой жизни Востока.
Ср. Redslob. Histoire des grands principes du Droit des Gens. 1923, стр. 58, 74, 79 и т.д.

ныхъ событій, но это "первый отдѣлъ всемірной исторіи" (17). И, если еще недавно могло казаться, что Египетъ, Вавилонъ и Ассирія и рядъ болѣе мелкихъ государствъ Передней Азии жили почти изолированно и индивидуально каждое своею жизнью, то въ наше время понемногу возстанавливается картина ихъ общей международной жизни.

Значеніе историческаго изученія сводится не только къ тому, что оно является какъ бы вторичной апостеріорной повѣркой основннхъ теоретическихъ посылокъ международного права, и не только къ тому, что динамическое изученіе даетъ жизнь и праву будущаго, которому принадлежитъ задача преодоленія той застывшей формы, въ которую вылилось дѣйствующее право. Историческое изученіе становится пробирнымъ камнемъ при столкновеніи двухъ міросозерцаній и двухъ точекъ зрѣнія, въ корнѣ враждебныхъ и непримиримыхъ. Или международное право есть случайный результатъ западно-европейской цивилизаціи, получившее свое существованіе подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій жизни романо-германскихъ народовъ, или оно является самостоятельной силой не въ жизни одного круга государствъ, но всѣхъ народовъ всего міра. Или оно слѣдствие совпаденія нѣкоторыхъ метаюридическихъ условій, или же оно автономно по своему происхожденію и по своимъ цѣлямъ, не совпадающимъ съ телеологіей другихъ социальныхъ нормативныхъ явленій.

Международное право, какъ на это указалъ съ глумкимъ проникновеніемъ въ настоящее время почти забытый Суарезъ (18), въ своихъ основннхъ принципахъ является постояннымъ, но изъ этого отнюдь не вытекаетъ, что оно является неизмѣннымъ. Сохраняя свою теорети-

17) Турчезъ. Исторія Древняго Востока, т. I. 1911, стр. 9.
18) Suarez. De legibus ac Deo legislatore. 1620, II, 14-15. Ср. Kohler. Die spanische Naturrechtslehrer des XVI und XVII Jahrhunderts. Archiv. für Rechtsphilosophie. bd. X, 1917, стр. 235 и д.

ческую сущность, будучи всегда правом, оно вместе с тем непрерывно обновляется и перерождается и нигде быть может не находить своего более яркого применения слова Гераклита о вечной смене всего сущаго, как в сферах развития международно-правовых институтов. И даже тогда, когда совершается чудо и как будто свободно по воле и плану людей осуществляются коренные изменения в системах международных отношений, даже тогда остается в силе стремление считать лучшим освящением основ права их древность и их ненарушимое соблюдение в течении веков. И это настойчивое желание найти в великой книге бытия человечества следы правовых связей и правовых учреждений остается сильнее попытке вычеркнуть из прошлого то право, которое не укладывается на Прокрустово ложе действующей догмы.

В области права народы, как и отдельные люди, проявляют большую силу инерции и, освящая эту стабилизацию и неподвижность своей жизни религией и обычаями, они преодолевают анархический индивидуализм. Не было и нет ни для людей, ни для народов того естественного состояния, о котором учили Гоббес и Спиноза и в которое еще вошел Кант. Традиция народов не ошибается, когда в противоположность философии, утверждает извечный характер права. История правовых учреждений обнимает всю историю человечества. Везде, где собиралось в коллективном духовном соединении единство из безформенного множества, а такое сосредоточение осуществимо только при наличности высшей нормы, ограничивающей одно единство от другого, везде тем самым призываются к жизни начала правовых взаимоотношений. Современная история и этнография дали неисчерпаемый материал, на основании которого необходимо отвергнуть попытки установить особый совершенно специфический характер тех правовых институтов, которые порождены современными культурными народами и которые будто бы принципиально отличны от

права народов древности, или от права примитивных человеческих образований.

И развитие науки и развитие международных отношений привели к необходимости ликвидировать учения о различных категориях государств в зависимости от степени их большей, или меньшей культурности и современному действующему праву, если не считать попыток оправдания колониального расширения великих держав, подобное деление народов совершенно неведомо.

Глава II.

- §3. Междуплеменные формы сношений у примитивных народностей. §4. Эквогамия. §5. Мѣна. §6. Гостеприимство. §7. Органы представительства. §8. Формальное право. Посредничество. Война, какъ видъ самопомощи. §9. Союзы мира.

Нѣтъ народовъ и нѣтъ племень безъ публично-правовой организаціи, гдѣ имѣется политическая дифференціация властвующихъ и подвластныхъ и гдѣ съ неизбежностью существуетъ право, опредѣляющее отношеніе однихъ образованій къ аналогичнымъ по строенію другимъ (19). И даже есть нѣчто большее: имѣется всегда налицо тенденція персонифицировать подобныя образованія, рассматривая ихъ, какъ своеобразную индивидуальность, причемъ такая задача достигается противопоставленіемъ себя другимъ. „L'Etat se pose en s'opposant" (20) — этотъ принципъ имѣетъ свой глубокой смыслъ, потому что не изнутри своимъ самоустановленіемъ фиксируется правовая личность, но черезъ признаніе и освященіе нормой внѣшняго объективнаго права.

Правда, если рассматривать государство, какъ принудительно-властную организацію, быть можетъ, придется признать, что у примитивныхъ народовъ подобная организація находится лишь въ періодъ становленія, причемъ на ней въ чрезвычайной мѣрѣ отражаются традиціи

- 19) Paschel. Völkerkunde. 1874. Post. Grundriss der ethnographischen Jurisprudenz. 1894—1895. Ratzel. Völkerkunde. 2. Aufl., I—II. 1894. Schurtz. Urgeschichte der Kultur. 1904. Spenser and Gellen. The native tribes of Central Australia. 1899. Spenser and Gellen. The northern tribes of Central Australia. 1904. Wheeler. The Tribe and international relations in Australia. 1910.
20) Bruhnes et Vallaux. La Géographie de l'Histoire. 1921, стр. 260.

и вѣра въ сверхъестественныя силы, особенно въ законодательствѣ, когда нормы иногда устанавливаются согласно откровенію людямъ, обладающимъ возможностью непосредственно познавать волю духовъ (21). Но, если внутренняя структура политическихъ образованій и складывается очень медленно, одно остается безспорнымъ, что корни подобной организаціи уходятъ очень глубоко и также древни, какъ древне и человѣчество (22).

Конечно, эти первоначальныя простѣйшія государственныя образованія непрочно и непостоянны и по отношенію къ нимъ менѣе всего примѣнимо выраженіе, что внутренній правопорядокъ выше времени и что онъ безсмертенъ. Напротивъ, эти скопленія очень часто имѣютъ амфорный и случайный характеръ и иногда кажется, что сложившаяся организація обслуживаетъ одну опредѣленную цѣль: общее рыболовство или общую охоту, причемъ, пока однако правовая организація и послѣ достиженія поставленной цѣли не умираетъ безповоротно. То, что социологи называютъ индивидуализмомъ и что, по мнѣнію историковъ германскаго права, характерно для древнихъ нѣмецкихъ социальныхъ образованій, никогда не находитъ своего полнаго воплощенія въ жизни людей. Самыя тяжелыя потрясенія никогда не ведутъ къ полному распаденію. „ Политическія измѣненія, какъ говоритъ Ратцель, не являются безформеннымъ разложеніемъ, но лишь новой кристаллизаціей существующихъ отношеній" (23).

- 21) Vierkandt. Die Verfassung und Verwaltung der primitiven Völker. Allgemeine Verfassungsgeschichte und Verwaltungsgeschichte. Kultur der Gegenwart. 1911. стр. 9.
22) „Sein (des Staates) Anfang ist... nicht als einmaliger plötzlicher Vorgang, sondern als allmähliches Werden zu denken. Und dies reicht bis zu den Anfängen der Menschheit zurück, mit denen der keim des staatlichen Lebens als gleichzeitig anzusetzen ist". Vierkandt. op. cit., стр. 3.
23) Ratzel. Völkerkunde, 1894, I, стр. 122

Все-таки как будто характерным для примитивных народов является отсутствие сознания самоценности твердого и неизменного внутреннего правопорядка. Последний является как бы игрушкой в руках более сильных людей. Очень часто случается, что через короткие промежутки времени группы недовольных элементов, опираясь на отсутствие точно зафиксированных норм общей организации, увлекают за собой одинаково мыслящих людей и выдвигаются в самостоятельное образование и, привлекая к себе другие племена наиболее буйных и беспокойных индивидуумов, создают в конце концов новое государство завоевателей, иногда более могучее, чем то, от которого они откололись. Завоевание тесно связано с грабежом и обогащением. И такие полуразбойничьи племена играют крупную роль в истории примитивных междуплеменных отношений (24).

И другой момент характерен для примитивных племен. В них как будто мало ощущается единство. И даже охота и религиозные празднества очень часто имеют не общий, а частный характер. Инициативой отдельных лиц как будто предоставляется в данном случае широкий простор и точно также и в военных экспедициях трудно установить, имеют ли они характер частного или публичного выступления.

Несмотря однако на неустойчивость, неясность и противоречивые правовые нормы, наблюдаемых внутри племенных образований, их существование отрицать все-таки нельзя и вместе с тем нельзя признать право только зарождающимся началом. Наоборот, оно является уже данным, существующим и быть может пережившим длительное развитие. В этом смысле нет, как правильно утверждает Колер, примитивных народов: "Naturvölker in diesem Sinne gibt es nicht" (25).

24) Id. c. p. 121-122.

25) Kohler. Allgemeine Rechtsgeschichte Kultur der Gegenwart. 1914, стр. 1.

Уже у примитивных племен ясно сознается желание установить высшую неподчиненную власть в каждом разрозненном политическом образовании, где внутри имеется противопоставление властвующих и подвластных. Наличие верховенства власти однако не освобождает ее от долга соблюдения других норм, стоящих выше земного господства. Один из вождей папуасов на островах Фиджи называл себя подданным лишь одного неба и этим самым признавал себя подчиненным великим религиозного характера (26). В этот период развития правовых институтов, они еще неразрывно связаны с религиозным мироощущением и связь и сплетение учреждений социального характера с их освящением со стороны веры в сверхъестественные силы остается долгое время непреодолимой. Религия — решающий фактор в правовом и политическом строительстве примитивных людей и весь комплекс их юридических представлений в конечном итоге выводится из одного и того же высшего небесного источника. В таком строю междуплеменных сношения не только связываются с осуществлением ряда символических обрядов, без которых вообще недействительны юридические акты, но эти сношения рассматриваются под своеобразным углом целостной живой и единой системы, охватывающей в своеобразных формах порядок отношений и близких и дальних племен. Начала солидарности и связанности проявляются тут, благодаря примитивности мысли и чувства, в гораздо более яркой форме, чем в позднейших эпохи. Система отношений племен получает здесь свои специфический характер: не по природе своих субъектов, но по характеру объекта, по тем действиям, имеющим характер взаимной поддержки *tu quoque* (по выражению Суарца), действиям, которые выходят за границы компетенции отдельного племени, взятого изолированно и индифферентно.

26) Peschel. 1874. стр. 367.

1. Простейшее персональное образование кланъ, какъ духовное и правовое единство, символически въ одномъ животномъ, въ обезьянѣ, леопардѣ, медвѣдѣ, волкѣ, въ растеніи, или въ силѣ природы: въ вѣтрѣ, солнцѣ, водѣ. И это символическое воплощеніе коллентиса въ живомъ существѣ или въ силѣ природы, — тотемъ въ свою очередь какъ бы отражаетъ болѣе широкое и всеобъемлющее единство всѣхъ клановъ и всѣхъ тотемовъ въ одномъ великомъ одухотворенномъ началѣ божественной природы, дающей всему разрозненному и индивидуальному высшее синтетическое единство. Черезъ тотемизмъ человекъ и кланъ сливаются съ природой и только въ результатѣ длительной борьбы и тяжелого развитія люди стали противопоставлять себя остальному живому міру. И это дальнѣйшее развитіе въ некоторомъ смыслѣ было регрессивнымъ, потому что оно разбило цѣлостное пониманіе міра духовнаго и міра матеріальнаго и уничтожило зародыши того универсализма, который лежалъ въ основѣ примитивной системы морали и права.

Связь въ предѣлахъ одного клана и съ однимъ тотемомъ персональная и чаще всего сохраняется по материнской линіи, но эта связь имѣетъ въ своей основѣ общій культъ тотема, находящійся въ своеобразныхъ отношеніяхъ съ другими тотемами (27). Традиціи и культъ

27) Вълѣдствіе персональнаго характера тотемизма и вълѣдствіе интенсивнаго общенія племени съ теченіемъ времени получается очень сложная и запутанная картина, когда въ одной семьѣ нѣсколько членовъ принадлежатъ къ различнымъ системамъ тотемовъ. Подобная картина была знакома и средневѣковью, когда преобладала принципъ персональнаго статута. Ср. Baldwin Spencer and Gillen. The Native Tribes of Central Australia. 1899. стр. 112-127. Позднѣе, повидимому, племена, мифируя своей тотемъ, стремятся принять характеръ территориальныхъ образований. Frazer приводит примѣры изъ выраженій

устанавливаютъ общеніе людей не только путемъ признанія ихъ моральнаго единства, но и путемъ установленія начала кровнаго родства людей, признающихъ одинъ тотемъ. Если иронически непосредственно происходить отъ одного родоначальника: волка или медвѣдья, то другіе кланы красноногихъ Сѣверной Америки имѣютъ своимъ прародителемъ орла, голубя или дикую утку (28). При наличности кровнаго родства браки въ предѣлахъ большинства клановъ, имѣвшихъ каждый свой тотемъ, постепенно стали признаваться недопустимыми и устанавливался принципъ внѣ-племенныхъ браковъ (экзогамія). Такимъ образомъ выдвигалось съ неизбѣжною необходимостью начало сближенія между различными племенами въ силу высшаго надъ-клановаго закона, запрещавшаго, какъ кровосмѣшникъ, браки внутри клана. Однако, не только въ этомъ проявлялся принципъ связанности и взаимной зависимости племенъ. Брачныя отношенія между кланами далеко не были произвольными и опредѣлялись не только простымъ фактомъ необходимости искать женщинъ внѣ своего клана. Между кланами и ихъ тотемами могли быть отношенія большей или меньшей близости и поэтому устанавливалась цѣлая система междуплеменныхъ нормъ, регулирующая очень детально степеня родства клановъ и тотемовъ. Всѣ кланы и тотемы образывали какъ бы одно великое семейство, гдѣ болѣе

бعضаюны въ Африкѣ, которые говорятъ о землѣ людей обезьяны или о землѣ людей верблюда. Frazer. Totemism and Exogamy, vol. I. 1910, стр. 83 и д.

28) Система тотемизма чрезвычайно широко распространена. Она известна и черочамъ Азии, аридцамъ, семитамъ и монголамъ, и племенамъ Африки, Австрали и Америки. Особенное вниманіе въ новѣйшее время обратила на себя система тотемизма въ Австрали, которая получила классическую разработку въ трудахъ Baldwin Spencer'a, Gillen'a и Howitt'a. См. примѣчаніе 19.

Близкое родство исключало возможность брачных отношений. И в Америке и в Австралии выработывалась поэтому очень тщательная и детальная регулировка вопроса о родственных отношениях различных кланов и их тотемов. И в особенности сложным становился порядок для потомства при наличии постоянного перекрещивания разных кланов. Одному классу кланов и тотемов таких, как волк, медведь, бобр, лисица и т. д., соответствовал другой класс таких тотемов, как дикая утка, пеликан и т. д., и брачные отношения могли иметь место только между кланами различных классов (28).

Такие внеплеменные браки, стоявшие под защитой и охраной норм, общих для комплекса кланов, были фактором мирного сближения племен. очень часто устанавливавшихся особыми соглашениями, принимавшими характер обычая, групповые браки, причем одна сторона давала невесты, а другая женихов, и общение допускалось между всеми мужчинами одного племени по отношению ко всем женщинам другого племени. В данном месте меня не могут интересовать детали этой проблемы. Для меня достаточно лишь указать, что вопрос о внеплеменных браках решался не волею одного клана, но двух, или многих. Предпосылкой соглашения является сознание обязанности выполнять нормы, истекающие из общего религиозного сознания. Междуклановая регулировка экзогамии далеко не связана с необходи-

28) Baldwin Spencer and Gillen Op. cit., стр. 55. Frazer. Op. cit., vol. I, стр. 54 и д., стр. 256-288 (экзогамия в Австралии), vol. III, стр. 84 и д., стр. 241 и д. (экзогамия у краснокожих племен в Америке). Нельзя только упускать из виду, что нет непре- рывной связи тотемизма с экзогамией. Экзогамия не есть функция тотемизма, но лишь одно из сопутствующих ему явлений. Frazer. Op. cit., vol. I, стр. 162 и д., vol. IV, стр. 10 и д.

мостью каждый раз совершать формальные акты, наоборот, она покоится чаще всего на обычаях и прецедентах, но это не подрывает правового значения этой своеобразной системы взаимоотношений племени. Надо только отметить, что попутно возникал и ряд других проблем в связи с правами и судьбой потомства от таких смешанных браков. Такие или иначе, но экзогамия остается одним из самых отчетливых проявлений существования у примитивных народов междуплеменной системы правовой регуляции основного вопроса продолжения существования человеческого рода.

2. Другим моментом, лежащим вне компетенции отдельных племен, взявших изолированно, была *мйна*.

Путем простого захвата примитивные племена не могут обеспечить себя нужные предметы и они вынуждены установить или обычным и прецедентным, или договорным путем порядок обмена различными товарами. Такие товары нормально являются редкими и особенно привлекательными. Сюда относятся приправа к пища (соль), красящие вещества и материал для выделки оружия. И позднее получает развитие местная торговля предметами украшения, драгоценными металлами и камнями и янтарем. Эти предметы можно добыть лишь в определенных вполне определенных пунктах и одной из задач для всех заинтересованных племен является обеспечение свободы путей к местонахождению этих редких предметов. Интересно отметить, что даже те племена Австралии, которые нормально относятся чрезвычайно враждебно друг к другу, пропускают всетаки совершенно свободно торговые караваны, идущие за сахаром и обменивающие его на зеленый камень, необходимый при оттачивании оружия (29). Мало того, в результате мины устанавливается и обмен нормальными средствами обмена, и, наконец, единицы обмена. Такими междуплеменны-

29) Липперт. История культуры, перевод под редакцией Д. Корочевского. 1902, стр. 159-160.

ми единицами обмена могут быть и шкуры зверей, и шнур-ки с раковинами, и бруски каменной соли, и полосы материи, и головы рогатого скота.

При мѣнѣ обѣ стороны чувствуют себя обязанными уважать известный устойчивый порядок, регулирующий обменъ товарами и рѣдкими продуктами. Ориу совершенно основательно считаетъ, что обязательственный правоотношенія, повидимому, раньше сложились въ междуплеменныхъ отношеніяхъ, чѣмъ внутри племени въ отношеніяхъ междуиндивидуальныхъ (30). Первоначальной формой мѣны является нѣмая, или молчаливая торговля, когда въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ одной стороной кладется товаръ, а другой стороной мѣновой эквивалентъ. Но наряду съ нѣмой торговлей очень рано начинает развиваться и обменъ продуктами и товарами через посредство иностранныхъ купцовъ. И тогда возникает проблема правовой охраны этихъ людей, или въ видѣ предоставления имъ убѣжища, или въ видѣ созданія патроната, т. е. покровительства со стороны влиятельнаго туземнаго лица.

Иногда право убѣжища локализируется постоянно въ одномъ и томъ же мѣстѣ, дѣлающимся нормальнымъ пунктомъ внешней торговли. Такая система знакома примитивнымъ народностямъ Африки и Азии и затѣмъ начинается складываться болѣе сложный порядокъ, когда создаются специальные факторіи и нѣкоторые туземцы становятся представителями иностранныхъ торговцевъ.

Все эти отношенія однако опредѣляются высшей нормой о допустимости торговаго оборота съ чужими племенами и признанія безусловной силы за началомъ правовой защиты, какъ чужого имущества, такъ и личной неприкосновенности иностранца (31).

Особенное значеніе получаетъ мѣна при дальнѣй-

30) Haurion. Les principes du droit public. 1916.

31) Kohler. Die Anfänge des Rechts und das Recht der primitiven Völker. Kultur der Gegenwart. 1914, стр. 31 и д.

шемъ развитіи отношеній уже вполне сформировавшихся государствъ, и международная жизнь народовъ Древняго Востока проходить подъ знакомъ самаго интенсивнаго обмена рѣдкими товарами и драгоценными металлами (32).

3. Однако не только въ связи съ мѣной, но и совершенно самостоятельно развивается другой институтъ междуплеменнаго права: *гостеприимство*.

У примитивныхъ племенъ какъ будто дѣйствуетъ начало, лишающее иностранцевъ какихъ бы то ни было правъ. Разъ чужеземецъ стоитъ внѣ племеннаго правопорядка, онъ не находится подъ охраной мира, у него можно от-

32) Интересно отмѣтить, что новѣйшія открытія привели не только къ ликвидаціи теории объ исключительности и замкнутости Египта (Laurent, Martens, б. Таубе), но къ установленію факта мѣновыхъ сношеній Египта еще въ доисторическое время въ неолитическую эпоху. Известный египтологъ Море пишетъ по этому поводу: «Les vases en pierre dure, qu'on a retrouvé par milliers dans les tombes, ont causé une véritable stupéfaction. Comment s'attendre à voir aux mains d'hommes munis d'un outillage si primitif des coupes des assiettes, des gobelets, des vases... taillés à même dans le grès, le granit, le marbre, le diorite, l'absidiénne, le cristal, ou l'albatu?... La vallée du Nil ne posséde pas de terrains ignés, d'où proviennent ces pierres dures, excepté à la hauteur de la première cataracte entre Assouan et la mer Rouge. Là se trouvaient les centres d'extraction, mais certaines roches venaient de Sinai; d'autres telles que l'absidiénne étaient amenées d'Asie, ou des Iles grecques. Force nous est d'admettre que les rapports commerciaux fréquents unissaient la vallée de Nil et les pays méditerranéens dans les époques les plus reculées». M. Moret. Au temps des Pharaons. 1908, стр. 3.

нять имущество и его самого можно убить. Практика австралийских и африканских племен в этом отношении как будто сходится с обычаями англо-саксов и других германских племен. В действительности однако подобное отношение к чужеземцам встречать ограничено в гостеприимстве, имевшем в примитивной жизни народов чрезвычайно крупное значение (33).

В Африке у богосовь всякое лицо, не состоящее в кровном родстве с туземным племенем и желающее остаться в земле богосовь, должно выбрать в одной из туземных семей своего патрона, по отношению к которому он несет служебные обязанности. Точно такой же обычай существует у кумаловь. Иностранцу нужно найти хозяина-покровителя, который бы его защищал. И такой покровитель обязан заступаться за своего гостя, как за родного по крови. В других арийских племенах хозяин защищает своего гостя не только проливая свою кровь, но даже отдавая за него свою жизнь (обычай древне-германских племен и горцев на Кавказе).

Наряду с частным гостеприимством создаются и нормы публичного гостеприимства. В Африке у воллогалласовь чужеземец должен одёбляться *mogasa*, т.е. должен стать под покровительство простого или главного начальника и тогда он дёблялся неприкосновенным. При позднейшем развитии глава примитивного государства нормально становится покровителем чужеземцев. Цари мелких африканских государств дают своеобразные пропуски, предъявителям которых гарантируется личная и имущественная неприкосновенность. В государстве Киленга таким знаком было кипонго — кусок кожи со лба жертвенного животного и лицо, имевшее такой пропуск, тем самым становилось под защиту местного правопорядка. В других африканских государствах признается, что чужеземец может, с согласия местного властителя, проникнуть в страну и

33) *Liest. Alt-arisches jus gentium.*

пользоваться не только неприкосновенностью, но даже довольствием на счет местной власти, причем в ответ на это чужеземец должен делать подарки соответственным начальникам (34).

Институт гостеприимства был знаком и древнему Египту (в этом отношении яркой примечательной историей Синухита, бегавшего из страны фараонов и нашедшего приют у бедуйского шейха), он был известен Израилю, затем Элладу, где Зевс Ксений был покровителем чужеземцев и где сложилось своеобразное учреждение проксении, бывшее пробразом позднейшего консульского права в эпоху средневековья, он был, наконец, известен и Риму, создавшему для охраны чужеземцев патронаж и обеспечившему им в элементарной форме их гражданские права в силу договоров, устанавливавших *hospitium publicum*.

Через гостеприимство сначала прецедентным, потом обычным путем сложилась система охраны прав иностранцев и этим были заложены основы для признания общего принципа открытого доступа в различные страны подданным чужих государств.

4. Междуплеменные сношения с необходимостью выдвигают проблему создания органов представительства, которым гарантировалась бы личная неприкосновенность.

34) Постъ. Зачатки государственных и правовых отношений, перевод Титлова под редакцией М. М. Ковалевского, 1901, стр. 111-112. Cp. Waitz-Gerland. *Anthropologie der Naturvölker*. V bd. 1865, стр. 125 и 128.

В Африке практика принесения чужеземцами подарков вождям не изменилась за 4.000 лет. Одна древне-египетская надпись (Сабни) гласит о приготовлениях к путешествию в землю негров; в ней подробно перечисляются подарки для негритянских вождей. Breasted. *Ancient Records of Egypt*. vol. I. 1905, стр. 167.

венность. И действительно почти все́м примитивным образованиям знакомы подобные органы междуплеменных сношений. В Австралии предусматриваются специальные посредники при мѣновой торговлѣ. Здѣсь происходит для осуществления этихъ функций своеобразное посвященіе младенцевъ мужского пола, рождающихся одновременно въ различныхъ племенахъ. Отцы двухъ младенцевъ обмѣниваются отрѣзанной пуповиной съ пучкомъ перьевъ и оба ребенка получаютъ названіе Ngin-Ngiampe и, по достиженіи зрѣлости, послѣ совершения ряда религиозныхъ обрядовъ, дѣлаются неприкосновенными представителями своихъ племенъ въ мѣновой торговлѣ (35).

Въ образованияхъ, болѣе развитыхъ въ культурномъ отношеніи, несмѣря на частыя и кровопролитныя войны, между племенами ведутся оживленныя дипломатическія сношенія. У папуасовъ на островахъ Фиджи символомъ неприкосновенности пословъ, какъ и въ древней Элладѣ у герольдовъ, былъ деревянный жезлъ или рыболовная сѣти, которыя выполняли и другое назначеніе. При помощи надрѣзовъ на деревѣ и черезъ завязываніе узловъ на сѣтяхъ послы запоминали различные пункты заключаемыхъ соглашеній (36). Въ некоторыхъ племенахъ функции представительства возлагались на стариковъ и старухъ, причемъ не только на островахъ Тихаго Океана, но и въ Австраліи символомъ неприкосновенности былъ деревянный жезлъ (37).

Высшее международное представительство нормально принадлежитъ главѣ племени, который въ силу своего неотъемлемаго права является очень часто единственнымъ посредникомъ въ мѣновой торговлѣ и распределителемъ благъ между своими подданными (38).

5. Междуплеменному праву знакомъ и институтъ

35) Ratzel. Völkerkunde, bd. I стр. 348-349.

36) Peschel. Völkerkunde, стр. 367.

37) Ratzel. Völkerkunde, bd. I.

38) Ratzel. Op. cit., стр. 125.

добрыхъ услугъ или посредничества, когда въ случаѣ конфликтовъ, возникшихъ между двумя племенами, третьи племена, не участвующія въ спорѣ, предпринимаютъ шаги для мирнаго уложенія возникшихъ недоразумѣній, причемъ обыкновенно для этой цѣли посылаютъ старыхъ почтенныхъ людей, имѣющихъ родственныя связи у обѣихъ сторонъ (39).

6. Нормальнымъ способомъ разрѣшенія междуплеменныхъ споровъ однако является война. Но война не является для примитивныхъ народовъ голымъ насилиемъ, наоборотъ, у нихъ чрезвычайно отчетливо выдвигается понятіе войны, какъ вида самопомощи, причемъ для начала войны требуется материально-правовое основаніе, наличие правонарушенія со стороны противника и затѣмъ соблюденіе и некоторыхъ формальныхъ условій. Поэтому одинъ изслѣдователь войны съ этнографической точки зрѣнія (Летурно) вынужденъ былъ признать, что война у примитивныхъ племенъ имѣетъ гораздо болѣе „юридическій“ характеръ, чѣмъ у болѣе культурныхъ народовъ (40).

Нарушеніе права собственности одного племени другимъ, обработка спорной земли, недозволенный бракъ, захватъ женщинъ, нарушеніе табу, колдовство, убійство и долге кровавой мести даютъ основаніе для междуплеменныхъ вооруженныхъ столкновеній. Но даже при наличности „законнаго“ основанія необходимо соблюденіе ряда формальностей. Въ Австраліи въ случаѣ убійства происходитъ заочный судъ убійцы, совершается проклятiе убійцы и всѣхъ его близкихъ, и только тогда открывается возможность прибѣгнуть къ примѣненію оружія.

У другихъ племенъ необходимо точно выяснитъ отношеніе боговъ къ начинающейся войнѣ. На Маршалскихъ

39) Въ Австраліи такое посредничество нормально осуществляется женщинами Cp. Ch. Letourneau. La Guerre dans les diverses races humaines. 1895, стр. 31 и д.

40) Ch. Letourneau. Op. cit., стр. 529.

островах туземцы для этого приводят в порядок запущенные храмы, очищают их от пыли и грязи и совершают жертвоприношения (41). У малайских племен необходимо оказать чрезвычайное внимание богу земли, который является богом зла. Чтобы его умилостивить, ему приносится в жертву мальчик, который зарывается живым в землю и голова которого вместе с его деревянным изображением носится впереди строя в мѣстѣ, гдѣ одиночные бойцы вымывают на бой противника (42). Для того, чтобы располагать точными свѣдѣніями об отношеніи боговъ къ войнѣ недостаточно одних жертвоприношеній, но нужны еще болѣе опредѣленныя указанія. Поэтому у Маори жрецы закапывают жезлы в землю и, если жезлы остаются в прямомъ положеніи, война не должна быть объявлена, если же жезлы наклоняются въ сторону, война угодна богамъ и будетъ успѣшна (43).

Но, кромѣ своей матеріальной законности, война у большинства племенъ не можетъ начаться безъ формальнаго объявленія. У малайцевъ символическимъ объявленіемъ войны было водруженіе на большой дорогѣ деревяннаго шеста съ вѣрвѣннымъ на немъ человѣческимъ лицомъ (44).

Въ Австраліи объявленіе войны выражается въ бросаніи въ сторону противника земли, или пыли и пучка птичьихъ перьевъ (45). На островѣ Борнео символомъ объявленія войны служить бамбуковый стволъ въ метръ длиной, съ прикрѣпленнымъ къ нему ножомъ, соломой и стрѣлой, двумя знаками убійства и однимъ знакомъ поджога. На стволѣ, кромѣ того, вѣрвѣваются слова съ указаніемъ на все обиды, причиненныя противной стороной.

41) Ratzel. Völkercunde, bd. I, стр. 273.

42) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, bd. V. 1865, стр. 191-192.

43) Ratzel. Völkercunde, bd. I 1894, стр. 273.

44) Waitz-Gerland, Op. cit., стр. 191.

45) Ratzel. Op. cit., стр. 317.

Послѣ водруженія этого ствола война можетъ начаться черезъ нѣсколько дней, но, если срокъ пропущенъ и военныя дѣйствія не начались, требуется новое объявленіе войны (46).

У нѣкоторыхъ племенъ имѣются и нормы, регулирующія самый процессъ борьбы (47). И въ Австраліи и въ Африкѣ у кафровъ стороны указываютъ время и мѣсто боя, запрещаются поджоги и ночныя нападенія и въ бою разрѣшаются убійства лишь рядовыхъ воиновъ, но не вождей. И даже у племенъ, не признающихъ этихъ правилъ, выдвигается требованіе, знакомое и древнему Израилю о сохраненіи посѣвовъ и плодовыхъ деревьевъ (48).

Изъ своеобразнаго пониманія войны, какъ формы процесса, вытекаетъ и опредѣленіе исхода борьбы черезъ поединокъ, когда только отдѣльные бойцы ведутъ борьбу, а воины двухъ сторонъ окружаютъ ихъ въ качествѣ зрителей и судей, и достаточно одному изъ участниковъ поединка пасть, чтобы его соплеменники обрачались въ бѣгство, не пытаясь болѣе оказывать сопротивленія врагу (49). Рѣшеніе тутъ какъ бы передается богамъ и война по характеру своему дѣлается сравнительно съ позднѣйшими ея формами чрезвычайно гуманной.

Пониманіе войны, какъ самопомощи, и попытки ея правового оправданія не являются типичными только для однихъ примитивныхъ народовъ. Оно тѣсно связано съ оправданіемъ войнъ, ведомыхъ Израилемъ, и оно возрождается въ ученіи Рима о *bellum iustum* и въ сложной процедурѣ объявленія наступательныхъ войнъ со стороны не только римскаго, но и другихъ латинскихъ народовъ. Эта теорія оживаетъ въ средневѣковье и упорно

46) Waitz-Gerland, Op. cit.

47) Letourneau. Op. cit., стр. 31, 32 и 33.

48) Waitz-Gerland. Op. cit., стр. 192.

49) Waitz-Gerland. Op. cit., стр. 161-162. Ratzel. Op. cit., стр. 274. Woods. Native Tribes of South Australia, стр. 245-247.

держится въ естественно-правовой доктринѣ до XIX вѣка и только позитивно-юридическая школа пытается уразднить такое пониманіе войны и ликвидировать ученіе о необходимости формальнаго объявленія войны. И, если на Второй Мирной Конференціи (въ 1907 г.) впервые въ международномъ общемъ соглашеніи устанавливается правовая обязанность для государствъ не начинать войнъ безъ формальнаго объявленія, то послѣ мировой борьбы народовъ въ Соглашеніи о Лигѣ Націй дѣлается попытка классифицировать войны на дозволенные и недозволенные по матеріальному ихъ основанію и такимъ образомъ замыкается кругъ развитія ученія о войнѣ, какъ несовершенномъ видѣ международнаго процесса.

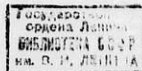
7. Въ междуплеменномъ правѣ есть и элементы, являющиеся зародышемъ грядущаго развитія и преобразования всей междуплеменной системы черезъ установленіе новаго правопорядка. Уже примитивнымъ народностямъ извѣстно состояніе абсолютнаго замиренія и такое состояніе локализируется внутри племени, охватывая святилище и прилегающую къ нему мѣстность. Здѣсь неприкосновенны растенія, неприкосновенны и звѣри, неприкосновенны и люди. Это — священное мѣсто, гдѣ всѣ живыя существа пользуются охраной полнаго мира (50). Такое состояніе полнаго мира является какъ бы идеаломъ жизни примитивныхъ народностей. Внутри племени тоже творится миръ и извнѣ этотъ миръ охраняется общей силой. Внутреннее поддержаніе мира и осуществленіе судебно-третейской функціи оправдываетъ власть въ правовомъ смыслѣ. Власть стремится установить состояніе относительнаго мира внутри племени черезъ ограниченіе частнаго насилія. Въ случаяхъ незначительныхъ правонарушений происходитъ выкупъ вины, въ случаяхъ преступленій правонарушитель исключается изъ объединенія. Ос-

50) B. Spencer and Gillen. The Native Tribes of Central Australia. 1899, стр. 133-135. Frazer. Totemism and Exogamy. Vol. I, 1910, стр. 97 и д.

тальное предоставляется случаю. Лишеннаго мира можно убить или ограбить, но племя не приводитъ своего приговора въ исполненіе и оно не располагаетъ органами принужденія (51).

Но затѣмъ эти примитивныя образованія, сложившіяся на родовой или на областной основѣ, стремятся къ объединеніямъ въ болѣе крупныя союзы, которые, не исключая полноги правъ своихъ членовъ въ ихъ внутренней автономіи, ограничиваютъ ихъ право прибѣгать къ насилію въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такие союзы мира не являются государствами, но лишь союзами государственныхъ образованій, изъ объединенія которыхъ можетъ вырасти и болѣе твердый правопорядокъ, приводящій въ послѣднемъ итогѣ къ настоящему государственному единству. Союзы мира, или мирныя лиги племенъ являются соединеніями политическаго характера, поскольку они преслѣдуютъ цѣли поддержанія существующихъ отношеній, взаимную защиту имущественныхъ и личныхъ правъ членовъ союзныхъ племенъ и прекращенія внутреннихъ войнъ въ предѣлахъ объединенія. Подобная организція мира очень слаба, потому что она нормально не располагаетъ средствами воздѣйствія противъ своихъ членовъ-правонарушителей. Союзъ можетъ только ихъ исключить изъ объединенія и въ остальномъ онъ безсиленъ. Часто органы, возглавляющіе союзъ или лигу, выступаютъ только въ роли посредниковъ и примирителей спорящихъ сторонъ. Союзы мира сложились изъ объединеній, преслѣдовавшихъ ранѣе какую либо одну определенную цѣль и только позднѣе, какъ это было у различныхъ племенъ Абиссиніи (въ округѣ Акалокасай), или въ Новой Каледоніи, или на островѣ Суматрѣ, происходитъ болѣе тѣсное соединеніе племенъ на основѣ оборонительнаго и наступательнаго союза и поддержанія внутренняго мира. Отраженія этихъ союзовъ мира въ жизни на-

51) Gierke. Die Deutsche Genossenschaftsrecht. bd. I, 1868, стр. 30 и д.



родовъ остаются очень долго, и признание за областными или родовыми организациями широких почти суверенныхъ правъ въ ихъ внутренней автономии остается въ силѣ даже тогда, когда имѣется налицо развитая общая организація съ широкой внѣшней компетенціей.

Г л а в а III .

§10. Международное право Древняго Востока. §11. Формы международныхъ сношеній въ древнемъ Синаарѣ. §12. Международныя сношенія Египта и Вавилона. Государства не-суверенныя. §13. Органы международного представительства. §14. Международныя договоры. §15. Проблема международной отвѣтственности. §16. Война народовъ Древняго Востока. (52).

Когда идетъ рѣчь о народахъ Древняго Востока, традиционно создается представление съ одной стороны объ ихъ замкнутости и обособленности и съ другой о постоянной деспотической формѣ правленія, какъ будто неподвижно сохранившейся въ теченіи долгихъ десятковъ лѣтъ. И то и другое является, согласно даннымъ новейшихъ научныхъ изслѣдованій, одинаково неправильнымъ. Нѣтъ другой цивилизаціи, кромѣ зародившейся по среднему и нижнему теченію Тигра и Ефрата въ Передней Азии, которая сплотиворили бы въ болѣе сильной степени духовно своихъ близкихъ сосѣдей и черезъ ихъ посредство другіе болѣе отдаленные народы Вавилона были мѣстомъ столкновения расъ, здѣсь, согласно библейскому преданію, люди, созновавшие свое кровное единство, пытались соперничать съ небомъ и отсюда произошло смѣшеніе расъ и языковъ. Вся лѣтопись этой земли, какъ это особенно подчеркиваетъ проф. Тураевъ, является непрерывнымъ повѣствованіемъ о борьбѣ и вторженіяхъ раз-

- 52) Тураевъ. История Древняго Востока, т. I-II. 1911. Н. J. Breasted. A History of Egypt. 1905. Н. J. Breasted. Ancient Records of Egypt. I-V. 1906-1907. Knutson. El-Amarna Tafeln. I-II. 1910-1915. Winckler. The Tel-el-Amarna Letters. 1896. Ср. Lazzarides. De l'évolution des relations internationales de l'Égypte. Pharaonique. 1922. Ср. также: Helmolt Weltgeschichte bd. III. 1910 и Meyer. Geschichte des Altertums, bd. I. 1911.

личных национальностей, их чередованій и смѣшеній. Область двурѣчья была открыта и съ сѣверо-востока и съ сѣверо-запада, откуда воинственные горныя племена всегда готовы были вторгнуться въ богатую долину. И та же опасность грозила съ запада со стороны кочевниковъ Аравіи и съ востока со стороны азіатскихъ народностей. Если же Египетъ, будучи оазисомъ вдоль нижняго теченія Нила, имѣя естественныя границы въ горныхъ хребтахъ, параллельныхъ рѣкѣ, и будучи соединенъ съ Азіей только сравнительно узкимъ перешейкомъ, въ этомъ отношеніи казался географически отдѣленнымъ отъ остальнаго міра, то это было тоже только частичной изоляціей, не освободившей Египетъ отъ сношеній даже въ древнѣйшую эпоху, какъ съ островами въ Средиземномъ морѣ (особенно съ Кипромъ), такъ и съ сомалийскимъ побережьемъ Африки, и съ различными пунктами Передней Азіи.

Въ итогѣ даже въ древнѣйшее время культура Вавилона оказала свое глубокое вліяніе на духовное развитіе Египта, Индіи и даже Китая и въ этомъ отношеніи Вавилонъ былъ древнѣйшей матеріею gentium, давшей толчекъ къ развитію цѣлаго комплекса культурныхъ образованій въ Африкѣ и Азіи. Новѣйшія изслѣдованія установили, что имѣется тѣсная связь египетскаго языка съ языкомъ семитовъ, поселившихся въ сѣверной части двурѣчья, что имѣется аналогія въ искусствѣ, бытѣ и религіи и, кромѣ того, на азіатскія связи Египта указываетъ и флора и фауна: виноградъ, хлѣбные злаки, быки, козы и овцы происходятъ изъ Азіи. Но, если народы Востока жили въ непрерывномъ общеніи и въ непрерывныхъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ, тѣ государства, которыя играли роль великихъ державъ, тоже не представляли изъ себя постоянного государственнаго единства. Если нельзя найти слѣдовъ родового племеннаго устройства, то въ древнѣйшую эпоху имѣется явное раздѣленіе на мелкія территориальныя областныя образованія: волости или номы въ Египтѣ и волости-города въ районѣ двурѣчья. Между этими образованіями поддерживаются интенсивныя сно-

шенія и, если уже въ эпоху очень стдаленную въ Египтѣ происходитъ политическое объединеніе въ южное и сѣверное царство, въ районѣ Тигра и Ефрата распленіе остается въ силѣ гораздо дольше. Въ результатѣ создается своеобразное общеніе мелкихъ государствъ-волостей, близкихъ другъ другу религіозно и культурно, и это общеніе принимаетъ правовыя формы и получаетъ религіозное освященіе.

Къ этой эпохѣ междуволостныхъ сношеній относится одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ международнаго права, устанавливащій фактъ третейскаго суда около 3100 г. до Р.Хр. и, слѣдовательно, около пяти тысячъ лѣтъ тому назадъ. Царь Киша Месилима былъ третейскимъ судьей въ спорѣ города Ширпурла-Лагаша съ его сосѣдомъ городомъ Гишху. Оба эти города, подъ вліяніемъ Месилимы заключили миръ и согласились на исправленіе границы, Месилима санкціонировалъ это рѣшеніе, водрузивъ пограничный камень. Правда черезъ 150 лѣтъ борьба снова возгорѣлась и, несмотря на заклятія и обращеніе владѣтеля Ширпурлы къ богамъ съ призывомъ не допускать нарушенія границы, правитель Гишху вторгся въ предѣлы своего сосѣда, но потерпѣлъ жестокое пораженіе. Это пораженіе запечатлѣно на барельефѣ, изображающемъ побѣду надъ Гишху. Поле битвы усѣяно павшими, надъ которыми слезаются коршуны, а плѣнные подвергаются закланію. Въ результатъ Гишху долженъ былъ дать новое торжественное обязательство, подкрѣпленное клятвой о томъ, что впредь жители его не будутъ вторгаться въ область Ширпурлы и, кромѣ того, обязуются платить богамъ Ширпурлы подать зерновымъ хлѣбомъ. Этотъ эпизодъ, растянувшійся на полтора вѣка, бросаетъ яркій свѣтъ на междуволостныя отношенія этихъ мелкихъ городовъ, не только постоянно враждовавшихъ между собой, но вынужденныхъ и вступать въ соглашенія, чтобы устанавливать нормальный порядокъ сожителства.

Идейно признавалось единство этихъ городовъ, разсѣянныхъ въ южной и средней части двурѣчья. Онѣ назы-

вался Сennaаромъ и, хотя въ каждомъ городѣ былъ свой національный богъ, олицетвореніемъ обихаго начала былъ богъ Энлиль, сынъ далекаго высшаго небеснаго божества, богъ "горныхъ странъ", владыка неба и земли, сошедшій на землю и обитакшій въ священномъ городѣ Ниппурѣ, гдѣ имѣется его храмъ и гдѣ такимъ образомъ сосредоточивается религиозная жизнь не только Сennaара, но и всего свѣта. Въ настоящее время еще не удалось установить, былъ ли Ниппуръ столицей свѣтскаго владыки, потому что легенда сообщила имя только одного мистическаго царя-страдалца, но въ историческій періодъ Ниппуръ былъ постоянно нейтральнымъ священнымъ городомъ, столицей, гдѣ невидимо присутствовали на высокой храмовой башнѣ "богъ неба и земли". Правовое значеніе храма, освященнаго присутствіемъ высшаго божества, было велико въ томъ смыслѣ, что Энлилю принадлежить высшее осуществленіе справедливости въ междуволостныхъ отношеніяхъ. Онъ рѣшаетъ о судьбахъ царей и государствъ. Его словомъ былъ предопредѣленъ исходъ сраженія Ширпурлы съ Гишху. Онъ "набросилъ, какъ говоритъ надпись на барельефѣ, великую сѣть на Гишху и насыпалъ могильные холмы". Передъ лицомъ его разрѣшаются споры и онъ даетъ высшую санкцію третейскому рѣшенію, онъ же является высшимъ блюстителемъ международныхъ договоровъ. Поэтому всѣ города относятся съ глубокимъ уваженіемъ къ святилицу и жертвуютъ въ храмъ часть добычи и доходовъ.

Въ позднѣйшую эпоху, когда складываются крупныя великія державы, между ними устанавливаются непрерывныя отношенія, требующія органовъ представительства и взаимнаго признанія сложной системы нормъ, регулирующихъ подобныя сношенія. Даже на своей южной военной границѣ съ Нубіей Египетъ не закрывалъ совершенно своихъ предѣловъ, а оставлялъ ихъ открытыми для торговыхъ и дипломатическихъ сношеній. Египетъ постоянно нуждался въ цѣломъ рядѣ товаровъ, которые онъ могъ получить или изъ Нубіи, или изъ Пунша (Сомали), или изъ

Кипра, или изъ Аравіи, или изъ Либана у южной Сирии, или изъ Синайскаго полуострова. Нормально не черезъ военныя экспедиціи, но черезъ многую торговлю, которая осуществлялась правительственными органами, происходило полученіе кедроваго дерева, мѣди, благовоній, эбѣриныхъ шкуръ и другихъ продуктовъ, нужныхъ для земли фараона. И, несмотря на свои гордые титулы, египетскій правитель вынужденъ былъ, какъ и вавилонскіе цари, одно время называвшіе себя господами четырехъ странъ свѣта, признать начало равноправія въ международныхъ отношеніяхъ и называть въ своей дипломатической перепискѣ всѣхъ даже мелкихъ и мало вліятельныхъ, но независимыхъ царей "своими братьями". Это было первой своеобразной попыткой провозглашенія начала формальнаго равенства въ международномъ правѣ. Конечно, фактически были извѣстныя колебанія въ отношеніяхъ фараона къ другимъ государямъ и одинъ изъ египетскихъ царей рѣзко отказывается вавилонскому властителю въ просьбѣ выдать за него замужъ египетскую царевну, но формально всѣ цари — "братья" и формально всѣ независимые властители притязаютъ на одинаковое отношеніе. Въ одномъ только отношеніи чувствуется особое вліяніе Египта, бывшаго монопольнымъ собственникомъ золотыхъ запасовъ и выдаващаго золото въ обмѣнъ на другіе дары чужеземныхъ царей. Интенсивный обмѣнъ между государствами Востока устанавливалъ между ними тѣсныя связи, взаимную зависимость другъ отъ друга и косвенно способствовала сохраненію мира.

Между государствами устанавливаются не только отношенія координаціи, но и отношенія протектората и вассалитета. Народы Востока дрожать своей политической независимостью и рѣзко ограничиваютъ себя отъ государствъ не-суверенныхъ. Царь Вавилона въ одномъ посланіи фараону энергично протестуетъ противъ того, что Египетъ поддерживаетъ официальные сношенія съ Ассиріей, принимая посольства отъ послѣдней, тогда какъ Ассирія находится въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Ва-

вилону: „Ассирийцев моих подданных я тебе не посылал. Зачем они пришли в твою землю? Если ты дорожишь хорошими отношениями со мной, тебе не следует поступать подобным образом!“ Фараон действительно обращал мало внимания на притязания Вавилона и был в этом отношении прав, потому что в эту эпоху (XV в. до Р.Хр.) фактически Ассирия находилась в вассальной зависимости от другого небольшого государства Митани и этот вассалитет продолжался около 75 лет.

Государства, находившиеся под протекторатом великих восточных держав, несли известные обязанности по отношению к своим сюзеренам и в свою очередь претендовали на то, чтобы военные силы их покровителя защищали бы их от внешней опасности. Договоры протектората, дшедшие до нас, дают четкие отношения между двумя сторонами. Один договор царя Хетты с царем Нугасси устанавливает обязанность последнего уплачивать ежегодно подать великому царю и покровителю, причем уплата эта должна производиться лично царем Нугасси. В остальном действует принцип политического союза с общности друзей и врагов. Еще больше подробностей дает другой договор протектората хеттского царя Мурсилиса с одним каппадокийским властителем: последний по призыву великого царя должен являться ко двору последнего, или лично, или же должен присылать своих сыновей. Но при приветствии сюзерена вассалом совет старейшин должен подыматься со своих мест. В этом договоре регулируется и проблема военной помощи со стороны вассала, точно определяется цифра бойцов и устанавливаются принципы длеза военной добычи. Такие договоры не являются исключением, но наоборот целый ряд мелких государственных образований в Сирии и в Передней Азии не могли жить вполне самостоятельной политической жизнью, но неизбежно попадали в орбиту влияния Египта, Вавилона и Хетты.

В Передней Азии к XVI и XV ввк до Р.Хр. уже складывается определенное общеніе цѣлой семьи государств, близких друг другу культурно и религиозно настолько, что в период мирных отношений происходит иногда обмен божествами или пугешествіе божеств, как это было с богиней Истартой, пугешествовавшей под охраной и с большими предосторожностями из Ниневии в Египет, чтобы исцѣлять от болѣзни фараонов. Международныя сношенія требуют соблюденія известных постоянных форм и наличности органов представительства. Такими органами являются посольства, которыми регулярно обмѣниваются как крупныя, так и мелкія государства. В особых случаях, именно при восшествіи на престолъ, справляются с привѣтствіями чрезвычайныя посольства, причем до нас дошли указанія о такихъ посольствахъ, отправленныхъ изъ Вавилона, Алаши (Кипра) и Митани для привѣтствія вступившаго на престолъ Аменофиса IV. Нормальныя посольства не являются постоянными, но періодическими и обыкновенно их отправляютъ и принимаютъ ежегодно. Неотправленіе посольствъ является актомъ недружелюбнаго отношенія. Посольства нельзя задерживать и въ дипломатической перепискѣ эпохи постоянно упоминается о желательности какъ можно скорѣе отпустить представителей той или другой страны. Если же были какія либо причины для недовольства, послы задерживались въ качествѣ заложниковъ и поэтому сторона, принимавшая посольство, особенно настаивала на высокой квалификаціи пословъ, отправляемыхъ изъ другихъ странъ. Наряду с періодическими посольствами начинаетъ складываться и другой институтъ, приближающійся гораздо ближе къ современному дипломатическому представительству. Имѣются указанія о нѣкоторыхъ послахъ, пользовавшихся особымъ положеніемъ; такимъ былъ, напримѣръ, при Аменофисѣ III и Аменофисѣ IV представитель Митани при фараонѣ Гилія. О немъ можно предположить, что онъ и жилъ постоянно въ Египтѣ, лишь наѣздами для особыхъ

докладовъ выѣзжая къ себѣ на родину. Имя его часто упоминается въ перепискѣ царей Египта и Митани, какъ чело-
вѣкъ, много способствовавшяго укрѣпленію дружествен-
ныхъ связей между этими двумя государствами. Фараонъ
(Аменофисъ IV) былъ чрезвычайно недоволенъ при отозва-
ннн Гиліи. Съ египетской стороны тоже извѣстенъ рядъ
именъ пословъ, пользовавшихся большимъ авторитетомъ
при иностранныхъ дворахъ.

Въ международной жизни Древняго Востока дого-
воръ играетъ роль, какъ прецедентъ, въ видѣ ряда повто-
ряющихся однородныхъ сдѣлокъ и какъ соглашение, непо-
средственно устанавливающее нормы матеріальнаго пра-
ва. Субъектами договора являются государства, отъ имени
которыхъ дѣйствуютъ ихъ правители. Свидѣтелями, блюсти-
телями и исполнителями договоровъ были не только лю-
ди, но и боги. Въ знаменитомъ договорѣ царя Хетты Хатту-
шила съ Рамзесомъ II говорится о томъ, что слова дого-
вора будутъ исполнены 1000 богами мужскихъ и женскихъ
Хетты по отношению къ 1000 богамъ мужскихъ и женскихъ
Египта: "Они со мной свидѣтели этихъ словъ..." Дальше
идетъ перечисленіе разныхъ боговъ и богинь горъ и рѣкъ,
отдѣльныхъ земель обѣихъ странъ и общая ссылка на не-
бо и землю, море, вѣтры и бури. Религіозная санкція была
могучимъ средствомъ, вынуждавшимъ соблюдать междуна-
родныя соглашения. Международное обещаніе было обще-
ннмъ національныхъ боговъ и у народовъ Востока суще-
ствовала глубокая и неискоренимая вѣра въ своеобраз-
ное значеніе и силу чужеземныхъ божествъ, особенно мо-
гучихъ во злѣ и разрушеніи. Въ египетско-хеттскомъ до-
говорѣ предусматривается и наказаніе при правонаруше-
ннн: "...если не будутъ къмѣ либо соблюдены слова догово-
ра, то пусть его погубятъ тысяча боговъ страны египтянъ
и страны хеттовъ, также какъ его домъ, его землю, его ра-
бовъ и слугъ. Того же, кто будетъ соблюдать слова... да не
погубятъ его боги, но тысяча боговъ страны хеттовъ и
тысяча боговъ страны египтянъ дадутъ ему здоровье и
жизнь и его роднымъ и его землямъ и его слугамъ".

По характеру своему договоры, какъ сдѣлки, были
большею частью политическаго характера. Договоръ Хет-
ты съ Египтомъ является типичнымъ политическимъ со-
глашеніемъ, содержащимъ ссылку на прежніе договоры и
прежнія отношенія двухъ дружественныхъ государствъ.
Исторія Ассиріи и исторія Израиля даютъ много примѣ-
ровъ такихъ договоровъ. Наряду, однако, съ политически-
ми обязательствами международные договоры содержатъ
и рядъ другихъ условій, представляющихъ совершенно ис-
ключительный интересъ. Договоръ дложенъ установить
миръ: "Смотри, и тутъ Хиттасиръ, великій царь Хетты, въ
договорѣ съ Рамзесомъ, великимъ царемъ Египта, начиная
съ этихъ дней, чтобы положить начало доброму миру и
доброму братству на вѣчныя времена.

"Онъ будетъ мнѣ братомъ.

"Онъ заключитъ миръ со мной.

"Я буду его братомъ.

"Я заключу съ нимъ миръ на вѣки".

Въ этомъ соглашеніи устанавливается запрещеніе
вторженія въ страны другъ друга и заключается оборо-
нительный и наступательный союзъ противъ внѣшнихъ
враговъ съ обязательствомъ какъ для Хетты, такъ и для
Египта стравить войска для поддержки другой догово-
ривающейся стороны или съ самимъ царемъ во главѣ, или
съ его полководцемъ. Другимъ пунктомъ является согла-
сованность дѣйствій Хетты и Египта при попыткахъ воз-
станія и отдѣленія областей, находившихся въ районѣ
Сиріи и Палестины и входившихъ въ сферу вліянія од-
ной изъ двухъ великихъ державъ. Точно также признает-
ся недопустимымъ присоединеніе этихъ областей къ од-
ной или другой изъ договаривающихся сторонъ. Наряду
съ этимъ представляется чрезвычайно интереснымъ пер-
вая попытка формулировать въ договорѣ идею о сохра-
неннн національнаго подданства за тѣми лицами, которыя
по торговымъ дѣламъ отправляются изъ Египта въ Хетту,
или наоборотъ. Несмотря на пребываніе въ чужой странѣ,
ихъ подданическія связи не прерываются и они не имѣ-

ють права самостійно вибрати нове подданство. Имъ не разрѣшается слишкомъ долго оставаться въ чужихъ странахъ и они должны, по окончаніи своихъ дѣлъ, вернуться на свою родину. Эта любопытная статья (7) такимъ образомъ наряду съ признаніемъ принципа открытія доступа въ страну для подданныхъ дружественныхъ державъ впервые ясно и отчетливо формулируетъ принципъ личной зависимости подданныхъ отъ государства. Оставленіе своей территоріи не влечетъ такимъ образомъ потери подданства. Другими нормами, имѣющими большое правовое и историческое значеніе, являются нормы, опредѣляющія порядокъ выдачи эмигрантовъ, покинувшихъ предѣлы Египта или Хетты съ тѣмъ, чтобы больше туда не вернуться. Въ данномъ случаѣ принципъ государственнаго интереса тоже идетъ впереди начала свободы личности. Эмигранты подлежатъ репатріаціи, какъ изъ Египта, такъ изъ Хетты, но репатріація происходитъ на своеобразныхъ условіяхъ на признаніи неприкосновенности личности и имущества эмигрантовъ. Надо при этомъ не упускать изъ виду, что договоръ предусматриваетъ какъ политическихъ, такъ и уголовныхъ преступниковъ. "Если убѣгутъ одинъ человекъ изъ страны египтянъ, или два, или три, чтобы идти къ царю Хеттовъ, то великій царь Хеттовъ задержитъ ихъ и выдастъ обратно... великому царю Египта, но человекъ, который будетъ выданъ, не будетъ преслѣдуемъ за свои преступленія, да не погубятъ его домъ, его жену, его дѣтей, да не казнятъ его, да не повредятъ ему его глаза, уши, рта и ногъ. Противъ него не будетъ возбуждено судебного преслѣдованія". Такое же постановленіе имѣется и по отношенію къ эмигрантамъ изъ Хетты, бѣжавшимъ въ Египетъ.

Имѣются и другіе договоры, изъ которыхъ нѣкотораго вниманія заслуживаетъ своеобразное соглашеніе, заключенное между однимъ царемъ Хетты и царемъ Митани, въ силу котораго послѣдній женится на дочери великаго царя подъ условіемъ, однако, что эта дочь будетъ

всегда первой женой царя Митани и что потомство только этой жены можетъ притязать на царскую корону. Такимъ образомъ порядокъ престолонаслѣдія устанавливается международнымъ актомъ и царю Хетты предоставляется возможность на законномъ основаніи вмѣшиваться во внутренній дѣла Митани.

Наряду съ договорами имѣютъ правовую силу и нѣкоторые прецеденты. Именно прецедентнымъ путемъ создается теорія международной ответственности государства и находитъ очень рѣзкую формулировку принципъ ответственности государства, какъ за дѣйствія своихъ подданныхъ, такъ и своихъ органовъ. Вавилонскій царь въ рѣшительной формѣ требуетъ удовлетворенія отъ фараона Аменофиса IV за убійство въ Ханзаѣ вавилонскихъ купцовъ. Послѣ вступленія и описанія убійства, въ письмѣ говорится: "Я послалъ къ тебѣ, спроси посла: онъ расскажетъ тебѣ. Ханзаанъ - твоя страна; ея цари - твои слуги. Я оскорбленъ въ твоей странѣ. Накажи ихъ, возврати деньги, которыя они похитили; казни людей, убившихъ моихъ слугъ, отомсти за кровь ихъ. Если ты не казнишь этихъ людей, они еще разъ переубьютъ мои караваны, а то и твоихъ пословъ, и между нами будетъ отрѣзано сообщеніе, а твои люди отъ тебя отпадутъ".

Царямъ Египта тоже приходилось требовать удовлетворенія за нападенія на египетскихъ купцовъ. До насъ дошло оцѣненное письмо царя Кипра (Алаши), подданные котораго весьма вѣроятно промышляли морскими разбоями. Въ этомъ оцѣнѣ фараонъ царь Кипра говоритъ о плохой совѣдомленности великаго царя. "Я не сдѣлалъ ничего подобнаго. Что касается меня, то если люди страны Луки (Линія) совершатъ каждый годъ разбой въ моей странѣ, то я въ этомъ неповиненъ".

"Взять мой, ты говоришь мнѣ: люди твоей страны дѣйствуютъ за одно съ нами. Неужели я могъ бы не знать, что они злобно съ нами... А что касается тебя, ты незнакомъ съ обстоятельствами дѣла. Люди моей страны не совершили ничего подобнаго. Если бы они поступили

такимъ образомъ, я былъ бы обязанъ сдѣлать то, что тебѣ угодно". Признание принципа правовой ответственности выдвигаетъ новую проблему о способахъ разрѣшенія спора и въ этомъ отношеніи нѣкоторый свѣтъ проливаетъ одно изъ писемъ царя Хетты Каташмабуриашу царю вавилонскому. Царь Хетты, получивъ жалобу изъ Вавилона на притѣсненіе пограничныхъ жителей со стороны вассальнаго Хеттѣ царя племени Амурру, потребовалъ отъ послѣдняго объясненій. Царь Амурру отвѣтилъ, что у него было требованіе въ 30 талантовъ серебра противъ жителей Акхада. Поэтому царь Хетты предлагаетъ вавилонскому царю подать формальную жалобу на царя Амурру. И послѣдній въ присутствіи вавилонскаго посла передъ лицомъ боговъ долженъ дать отвѣтъ. „И если самъ, братъ мой, не хочетъ вести процесса, пусть придутъ его слуги... и пусть они ведутъ процессъ. И тогда я привлеку къ отвѣтственности Амурри. Вѣдь онъ — мой вассаль. Если онъ оскорбляетъ брата моего, не оскорбляетъ ли онъ и меня самого? Если же внутри-государственный судъ въ свою очередь не давалъ гарантій, послѣдней инстанціей могъ быть только международный третейскій судъ, но упоминаніи о немъ, если не считать рѣшенія спора двухъ древнихъ городовъ Сенаара царемъ Киша, почти не встрѣчаются.

Война у народовъ Древняго Востока имѣла религиозное освященіе и сопровождалась жестокими избиеніями или уродованіемъ плѣнныхъ, причемъ и то и другое очевидно имѣло сакральный характеръ и напоминаетъ тѣ человѣческія жертвоприношенія плѣнныхъ, которыя имѣли мѣсто въ Мексикѣ и другихъ древне-американскихъ государствахъ. Покоренная страна со своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ переходитъ подъ власть побѣдителя. Города сжигаются и мѣста ихъ нахождения сравниваются съ землей. Если побѣдитель не даетъ пощадъ, мужчины и дѣти избиваются, женщины насиловуются и продаются въ рабство. Иногда плѣнныхъ и жителей сжигаютъ, иногда съ живыхъ сдираютъ кожу, иногда

сажать на колъ, иногда отрѣзываютъ носы, руки, ноги или выкалываютъ глаза, и въ XIII вѣкѣ до Р.Хр. Салманасаръ I, царь ассирійскій, въ своихъ надписяхъ торжественно сообщаетъ, что онъ ослѣпилъ 14.000 человѣкъ. Иногда даруется жизнь и покоренные обращаются въ рабство и переселяются въ другія земли. На барельефахъ и въ надписяхъ, правда, можно встрѣтить и другіе мотивы. Добровольно покорившіеся и припадающіе къ ногамъ царя, иногда могутъ рассчитывать на милость. Жизнь даруется при условіи принесенія присяги, берутся лишь отдѣльные заложники и покоренныя земли продолжаютъ сохранять своихъ царей и пользоваться внутренней автономіей.

Но, если въ мирныхъ сношеніяхъ стороны ссылаются на право и на различныя его формы, указывая то на обычай, то на прецедентъ въ видѣ старыхъ договоровъ, и требуютъ соблюденія нормъ во имя высшаго священнаго закона, на стражѣ котораго стоятъ не отдѣльные національные боги, но Пантеонъ, или международное общеніе боговъ, то во время открытаго насилія, при войнѣ остаются лицомъ къ лицу лишь враждебныя національныя божества, дающіе заповѣдь огня и убійства. Въ этомъ съ точки зрѣнія правовой лежитъ глубокое различіе между правомъ, имѣющимъ силу только во время мира, съ позднѣйшей формой права, имѣющаго силу и во время кровопролитныхъ столкновеній.

Однако именно здѣсь на Востокѣ въ болѣе позднюю эпоху создается ученіе о правѣ вѣчномъ и универсальномъ, никогда не умирающимъ и сохраняющимъ силу не только въ мирѣ, но и въ борьбѣ. И это ученіе, являющееся рецепціей болѣе первоначальныхъ предсталеній примитивныхъ народовъ о войнѣ, какъ формѣ процесса, отчетливо провозглашается въ исторіи Израиля.

Глава IV.

§17. Международное положение Палестины. §18. Древнейшая междуплеменная сношения Израиля. §19. Мирные сношения и договоры Израиля с другими народами. §20. Право войны Израиля. §21. Идея мирового назначения Израиля и идея всеобщаго мира. (53) :

Въ международной жизни Древняго Востока Палестина была осуждена на чисто пассивную роль, но то религиозное стѣя, которое было застѣно на этой незначительной въ политическомъ отношеніи территоріи оказалось пустышнимъ могучіе ростки въ цѣломъ рядѣ странъ Стараго Свѣта.

Если Палестина и занимаетъ благодаря своему духовно-религиозному значенію совершенно исключительное мѣсто въ жизни народовъ, это въ большей мѣрѣ объясняется ея международнымъ положеніемъ.

Палестина лежала восточнѣе финикійскаго побережья, между Мессопотаміей и Египтомъ, двумя исключительными по своему плодородію оазисами, гдѣ сложились древнѣйшія восточныя государственныя образованія. И именно черезъ Палестину проходили пути, соединявшіе два эти очага старинной культуры, эти два исходныхъ пункта древне-восточной международной жизни.

Государство, сложившееся въ районѣ двурѣчья, не имѣя естественныхъ границъ, угрожаемое съ сѣвера и

53) Соловейчикъ. Очерки по еврейской исторіи и культуры, т. I. 1912. Giesbrecht. Die Grundzüge der israelitischen Religionsgeschichte. 1908. Lehmann-Haupt. Israel, seine Entwicklung in Rahmen der Weltgeschichte. 1911. Renan. Histoire du peuple d'Israël, volumes I-V. 1890. Wellhausen Israelitische und Judische Geschichte. 6 aufl. 1907. Winckler. Geschichte Israels in Einzeldarstellungen. 1900. Cp. Schwally. Semitische Kriegsaltertümer. 1901.

востока и стремящееся упрочить свое положеніе, пыгалось расширить свои предѣлы на западъ, какъ въ сторону Аравіи, такъ и въ сторону Сиріи, добиваясь выхода къ западному Средиземному морю для установленія постоянныхъ сношеній со странами, расположенными въ Южной Европѣ и въ Сѣверной Африкѣ. Только обладаніе Палестиной могло обезпечить государству, господствующему въ Мессопотаміи, прочное владѣніе финикійскимъ побережьемъ и только тогда крайнія западныя владѣнія передне-азиатской державы оказались бы крѣпко связанными съ ея центромъ.

Въ такомъ же положеніи находилась и великая египетская держава, которая, господствуя въ Африкѣ по нижнему теченію Нила и располагая узкимъ выходомъ къ Средиземному морю, всегда стремилась расширить свои береговныя владѣнія въ восточномъ направленіи и распространить сферу своего политическаго вліянія отъ устьевъ Нила до азиатскаго сирійскаго побережья, гдѣ имѣется большее количество удобныхъ гаганей, чѣмъ въ районѣ дельты Нила. Такимъ образомъ Финикія и Палестина стали мѣстомъ сближенія и столкновения государствъ Африки и Азіи и нигдѣ, быть можетъ, не проявилось болѣе ярко значеніе международныхъ сношеній, какъ самостоятельнаго фактора въ развитіи мировой культурной жизни. Сношенія народовъ проходили и подъ знакомъ мира и подъ знакомъ борьбы. Черезъ Сирію и Палестину проходили караванныя пути, которые были артеріями и торговаго обмѣна и стратегическими дорогами, по которымъ двигались вооруженныя массы народовъ. Сухопутныя пути въ Древнемъ Востокѣ играли большую торговую роль, чѣмъ пути морскіе и отсюда особое значеніе дорогъ, проходившихъ черезъ Палестину и Сирію и связывавшихъ область двурѣчья съ райономъ Нила. Пока поддерживался миръ между великими державами Африки и Азіи, въ Палестинѣ не могли сложиться самостоятельныя политическія образованія и только въ періодъ борьбы и ослабленія могущества могущественныхъ соперниковъ Пале-

стина могла получать тѣмъ кратковременной и эфемерной независимости. Въ итогѣ борьбы болѣе сильныхъ соедей Палестина должна была приспособляться къ жизни Египта и Вавилона, и Палестина получила культурное крещеніе и отъ тысячелѣтней вавилонской культуры и отъ многовѣковой египетской цивилизации. Реакціей этому непрерывному влиянію чужеземныхъ народовъ и иностранныхъ религій былъ сильнѣйшій ростъ національнаго самосознанія и національной вѣры, но этотъ процессъ въ своемъ конечномъ итогѣ не заглушилъ идей религіознаго универсализма, обнимающаго въ своемъ высшемъ духовномъ синтезѣ всѣхъ людей и всѣ народы. Начало религіознаго единства человечества и признаніе принципа равенства людей и народовъ передъ лицомъ Высшаго Божественнаго Существа, правящаго всѣмъ міромъ во имя закона справедливости, связывающей всѣхъ безъ границъ въ пространствѣ, и было принципомъ, пустившимъ не только глубокіе корни въ жизни народовъ, но и явившагося въ свою очередь рѣшающимъ факторомъ въ развитіи междунациональнаго права.

Международное право Израиля развивается въ двухъ формахъ: общаго права и договорнаго и обѣ формы имѣютъ глубокіе историческіе корни. Примитивная эпоха жизни Израиля была эпохой существованія разрозненныхъ незначительныхъ племенъ, жившихъ кочевыми группами въ 400-500 душъ. Эти образования были не областного, но чисто персональнаго родового характера и наряду съ экзогаміей этимъ племенамъ была извѣстна и эндогамія, и вожди этихъ мелкихъ племенъ иногда посылали искать своихъ женъ въ тѣ отдаленныя страны, гдѣ по преданіямъ жили ихъ предки въ древнія времена. Несмотря на изолированность своей жизни, эти племенные образования считали, что кромѣ духовъ покровителей отдельныхъ племенъ существуетъ и высшее объединяющее начало въ видѣ Эль, силы, владычествующей надъ всеми болѣе мелкими духами. И если внутри племенъ поддерживался, какъ и у современныхъ бедуиновъ, довольно устойчивый

правпорядокъ и, благодаря обычаю кровавой мести, убійство было явленіемъ совершенно рѣдкимъ и почти исключительнымъ, точно также и въ междуплеменныхъ отношеніяхъ миръ стоялъ выше войны. Общихъ соглашеній между племенами не было, но этническая, религіозная и культурная близость объединяла различныя кочевыя племена въ одно духовное цѣлое. У древнихъ евреевъ было чрезвычайно сильно развито гостепримство и чужеземецъ, находившійся подъ покровительствомъ хозяина, пріютившаго его, былъ неприкосновеннымъ. Исполненіемъ религіознаго долга была защита своего гостя и въ Библии часто повторяется рассказъ о защитѣ хозяиномъ своихъ гостей. Такъ Лотъ защищаетъ невѣдомыхъ странниковъ, пришедшихъ въ Содомъ, выдачу которыхъ требуетъ толпа мѣстныхъ жителей, потому что они пришли подъ кровъ дома его и онъ готовъ выдать толпу своихъ дочерей, чтобы только избавить странниковъ отъ насилія (19, 1, 2 и д., I къ Моис.). Гостепримство иногда переходитъ къ цѣлымъ семьямъ и сохраняется въ потомствѣ, и этотъ пережитокъ глубокой старины извѣстенъ и болѣе поздней эпохѣ. Давидъ былъ, напримѣръ, гостемъ у Моавитянъ (I, Сам., 22, 3), Авессаломъ у царя Гессурскаго (2, Сам., 13, 37).

Къ древнѣйшимъ обычаямъ междуплеменныхъ сношеній относится и экзогамія и отгослови этого древняго обычая извѣстны и древней исторіи Израиля. Авраамъ въ своихъ кочевыхъ передвиженіяхъ часто выдаетъ свою жену Сарру за свою сестру, что иногда приноситъ ему и крупныя матеріальныя выгоды, какъ это было въ Египтѣ, но въ концѣ концовъ вызываетъ внимательство Ягве. Точно также поступаетъ и Исаакъ, выдавая Ревекку за свою сестру изъ страха, чтобы его не убили и силой не отняли у него его красивой жены.

Эти междуплеменные отношенія характеризуются частыми столкновеніями изъ за пастбищъ, скота и колодецевъ. Иногда приходится заключать съ другими племенами, какъ это дѣлаетъ Авраамъ, особое соглашеніе для по-

купки участка земли, как это было при погребении Сарры, когда Авраамъ заключилъ соглашение съ хеттитами (I, Моис., 23).

Столкновения эти часто находили свое мирное разрешение. И если Авраамъ спорилъ съ другимъ вождемъ Авимелехомъ изъ за колодца воды, вырытого рабами Авраама, то въ концѣ концовъ споръ разрѣшается заключеніемъ союза, причѣмъ Авраамъ назначаетъ семь жертвенныхъ ягнятъ и обѣ стороны клятвами скрѣпляютъ свое соглашение. И мѣсто, гдѣ было заключено соглашение, называется мѣстомъ клятвы и реальнымъ символомъ примиренія сторонъ было священное дерево тамарискъ, посаженное Авраамомъ на мѣстѣ клятвы (I, Моисей, 22). Другими памятниками могли быть въ эту эпоху, кромѣ священныхъ деревьевъ, для племенъ, не знавшихъ письменности, камни, сложенные въ кругъ, или кучи камней, называвшіяся иногда „холмами свидѣтельства“, согласно обычаю, который удержался на Востоку до нашихъ дней. Точно также повѣствуетъ преданіе и о спорахъ изъ за колодца при Исаакѣ, когда послѣ ряда столкновений съ Авимелехомъ кочевныя племена заканчиваютъ свои споры примиреніемъ. Стороны даютъ обязательство: „чтобы ты не дѣлалъ намъ зла, какъ и мы не коснулись до тебя, а дѣлали тебѣ одно доброе и спустили тебя съ миромъ“. Въ знакъ примиренія устраивается пиршество и горсть, всыпанная на этомъ мѣстѣ, получаетъ названіе мѣста клятвы (Вирсавіи).

Въ позднѣйшее время наблюдается своеобразный переломъ въ религиозныхъ представленіяхъ и въ политическомъ строе. Племенной богъ становится богомъ национальнымъ, осуществляющимъ собраніе Израиля въ одно политическое цѣлое на опредѣленномъ пространствѣ территоріи. Национальной задачей становится обезпеченіе земли черезъ завоеваніе и Ягве, богъ Израиля, является силой грозной и воинствующей. Но даже въ этомъ обликѣ Ягве не остается богомъ единственнымъ и исключительнымъ и древніе евреи готовы признать, что наряду съ Ягве су-

ществуютъ вполне законно и другіе национальные боже-ства, съ которыми Ягве вынужденъ вступать въ сношенія на основахъ равноправія. Грозный Ягве, богъ пустыни, грозы и молніи, близкій къ природѣ и говорящій языкомъ природы, является лишь богомъ своимъ и мѣстнымъ. И если нѣтъ у Израиля политеизма, то допускается система междубожественнаго сожительства и междубожественнаго общенія. Хамощъ былъ богомъ моабитянъ; Мильномъ — богъ аммонитянъ; Астарта — богиня сидонянъ. Власть этихъ боже-ствъ локализируется въ известномъ пространствѣ. Переходъ отъ бродячей кочевой жизни къ жизни осѣдло-государственной уже осуществился, и новыя условія существованія наряду съ готовностію съ срубіемъ въ рукахъ охранять свои предѣлы выдвигаютъ требованіе и установить нѣкоторый мирный порядокъ международнаго сожительства. Достигнуть это возможно только при нали-чии общаго согласія цѣлой совокупности государствъ признавать владѣльческія права на территорію. Конечно, въ эту эпоху еще не выработались вполне опредѣленные юридическія понятія о характерѣ территоріальнаго господства, но нѣкоторыя понятія уже являются достаточно ясными. Въ этомъ отношеніи типичны въ эпоху судей переговоры Іефая съ царемъ аммонитскимъ. Іефай спрашиваетъ царя, зачѣмъ онъ начинаетъ враждебныя дѣйствія: „Что тебѣ до меня, что ты пришелъ ко мнѣ воевать на моей землѣ?“ Царь отвѣчаетъ, что цѣль его — вернуть землѣ, захваченныхъ Израилемъ при вторженіи его въ Палестину. Теперь царь хочетъ добиться возвращенія захваченной у аммонитянъ территоріи и, въ случаѣ добровольной уступки спорной земли, соглашается отступить съ миромъ. Іефай однако не считаетъ возможнымъ уступить территорію, перешедшую къ Израилю по праву завоеванія. Мало того, само завоеваніе вполне законно, потому что тогдашній царь аммонитскій не пожелалъ допустить безвреднаго прохода еврейскихъ войскъ черезъ свои земли. И это завоеваніе кромѣ того освящено Ягве, при помощи и съ благословенія котораго оно

осуществилось. Ягве изгнал аммонитян и дал их территорию в наследие Израилю. Теперь же аммонитяне хотят отобрать у Израиля его законное наследие. "Не владышь ли ты, что дал тебе Хамощ, бог твой? И мы владышемъ всѣмъ тѣмъ, что далъ намъ въ наследіе Господь Богъ нош!" (Суд., 11, 23-24). Мало того, помимо этихъ доводовъ выдвигается и другой чисто юридическій аргументъ, понятие давности. "Израилю уже живетъ триста лѣтъ въ Есевони и зависящихъ отъ него городахъ, въ Аропрѣ и зависящихъ отъ него городахъ и во всѣхъ городахъ близъ Арнона, для чего вы въ то время не снизили ихъ?" (26, 11). Этотъ споръ передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій является чрезвычайно типичнымъ, потому что онъ бросаетъ яркій свѣтъ на новый порядокъ отношений и на признаніе принципа территориальной неприкосновенности, находящей свое оправданіе въ собственномъ могуществѣ національнаго бога и его иностранственнымъ властвованіи. Владѣнія однако далеко не всегда были сплошными и иногда израильскія колонны основывались въ обласнѣхъ, гдѣ большинство оставалось туземнымъ. Типичнымъ въ этомъ смыслѣ было положеніе въ Сажемѣ (Суд., 9, Емт., 54). Въ результатѣ такого мирнаго сожителства были брачныя связи съ туземцами и потомъ слияніе съ послѣдними. Отсюда рѣзкое порицаніе въ Ветхомъ Заветѣ подобнаго сближенія, влекущаго за собой потерю и этнической и религіозной самобытности. Особенно широкое развитіе система такихъ вклиненій получила у сѣверныхъ колѣнъ. Въ итогѣ стали развиваться и оживляться торговыя сношенія и мирное сожителство съ сосѣдями - финиціанами.

И если въ царствованіе Соломона въ Иерусалимѣ сооружается пантеонъ боговъ всѣхъ сосѣднихъ дружественныхъ странъ, то это объясняется не столько присутствіемъ въ числѣ жень Соломона многочисленныхъ жень-чужеземокъ, сколько тѣмъ реальнымъ значеніемъ, которое имѣли для этой эпохи международныя связи съ другими государствами. И, если Библия передаетъ о да-

рахъ, которыми обмѣнивался Соломонъ съ сосѣдними правителями, то это является какъ бы лишь эпизодомъ той своеобразной мѣны драгоценными металлами и необходимыми предметами, которая традиционно осуществлялась великими державами Востока. Сближеніе съ чужими народами повлекло и гуманное отношеніе къ иностранцамъ, которое получаетъ свое законодательное освѣщеніе. "Богъ великій ... даетъ судъ сиротѣ и вдовѣ и любитъ пришельца... Любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами въ землѣ Египетской" (Второзакон., 10, 18-19). Чужеземцевъ надо судить праведно, чужеземцамъ остается часть сбора въ полѣ и виноградникахъ. Наряду съ этимъ предусматривается и натурализація, которая осуществляется только въ потомствѣ и въ различномъ колѣнѣ въ зависимости отъ различнаго происхожденія чужеземцевъ. Послѣдніе однако повидимому не могли совершенно нести государственныя и священническія обязанности и специально оговаривается, что царь не можетъ избираться изъ среды чужеземцевъ (Второзак., 17, 15).

Мирныя сношенія съ другими народами вызываютъ необходимость международнаго представительства и на страницахъ Библии часто встрѣчаются указанія на посольства, отправляемыя и принимаемыя Израилемъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ случай объ отправкѣ посольства Давидомъ съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу смерти царя Аммонитскаго, но послы были оскорблены и въ отвѣтъ на это правонарушеніе Давидъ объявляетъ войну. Известно, что Давидъ принималъ посольва отъ царя Тира, Гиснія изъ Вавилона, Луда отправлялъ царю Ассирійскому и т. д. По дошедшимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ трудно возстановить то правовое значеніе, которое въ эту эпоху придавалось институту посольства. Можно годяко отмѣтить принципиальное признаніе начала иммунитета.

Израилю часто вступать въ договорныя отношенія съ другими народами, причемъ національная религія не

была препятствием для заключения соглашения. Разъ последнее заключено, действует принцип: *facta sunt verba* и даже тогда, когда договор был заключен путем введения одной стороны в обман. В этом отношении типичным было соглашение Иисуса Навина с гибеонитами, отправившими послов с предложением союза и дружбы, причем Иисус был введен в заблуждение, считая, что народ этот живет в отдаленных странах. Однако обе стороны обменялись клятвами, союз вступил в силу и когда выяснился обман, гибеонитам была всетаки сохранена жизнь, хотя они были обречены в рабство. В период судей встречаются указания на отдельные политические соглашения, которые однако становятся более частыми в эпоху царей. Соломон заключил союз с Хирамом и, если последний снабжал Израиля кедрами и кипарисами, евреи в свою очередь отправляли ежегодно сидонскому царю большое количество пшеницы. Позднейшая история Израиля сохранила упоминание о ряде случаев, когда цари Иудеи и Израиля заключали союзы с соседями, так с Бенхадомъ царем Дамаска заключали договоры и царь Израиля Езеа и царь Иудеи Аза, кроме того дошли известия о договорных отношениях Иудеи с владыкою Израиля Ахавомъ, с царемъ Ассирии Тиглатъ Пилезаромъ и фараономъ Сенехомъ. Последнее соглашение было направлено против Ассирии (54).

Право войны Израиля было суровымъ. Но Израиль впервые формулируетъ учение о войнѣ справедливой. И война, вѣдомая Израилемъ чрезвычайно своеобразна. Война есть дѣло нечистое, какъ коллективное убійство, какъ оскверненіе себя пролитой кровью, но вмѣстѣ съ тѣмъ война священна и божественна въ томъ смыслѣ, что она можетъ осуществляться лишь съ благословенія и непосредственнаго участія Ягве. Израиль, ведя войны, осуще-

54) Renan. Histoire du peuple l'Israel, t. II, p. 245, 249, 511, 520.

ствяляет свое право, исполняетъ заветъ, данный ему, и творитъ судъ и расправу надъ другими народами, встрѣчающимися ему на пути и мѣшающему претворить въ жизнь заповѣдь своего бога Израиля. Это болѣе не случайная столкновѣнія номадовъ изъ за пастбищъ, колодцевъ и женщинъ, но война — это часть плана и задачъ, опредѣляемыхъ наличностью завета народа съ національнымъ божествомъ.

Было бы исторически неправильнымъ считать, что только въ средніе вѣка зарождается пониманіе войны, какъ самопомощи, какъ своеобразнаго суррогата процесса, исходъ котораго опредѣляется наличностью Высшей Силы, дѣлающей изъ войны, какъ поединка народовъ, въ конечномъ итогѣ испытаніе кровью и Божіей Судь. Подобное пониманіе войны не было чуждо и Израилю. Исходъ борьбы съ чужими народами опредѣлялся волею Ягве и такое пониманіе войны находить свое воплощеніе въ словѣ, побѣда" и "побѣждать". Это слово, согласно нѣмецкому ученому Швалли является синонимомъ "помощи" въ томъ смыслѣ, что Ягве можетъ оказать свою помощь и даровать побѣду, или же лишить свой избранный народъ поддержки и осудить на пореженіе. Встрѣчаются и другія выраженія, смыслъ которыхъ сводится къ тому, что побѣдить, это значитъ быть чистымъ и невиннымъ, а потерпѣть пореженіе, значитъ быть виновнымъ и нечистымъ. Война дѣлается испытаніемъ для народовъ и испытаніемъ и поисками справедливаго рѣшенія, исходящаго отъ Ягве, бога національнаго, уже очень рано принимающаго отпечатокъ универсальности.

Поэтому Израиль не могъ начинать войны безъ рѣшенія и санкціи Ягве. Показателемъ его воли особенно въ древнѣйшее время были его "слова" и "приказанія", непосредственно получаемыя Моисеемъ и Иисусомъ Навиномъ. Но воля Ягве могла проявляться и въ грозныхъ физическихъ явленіяхъ или въ рѣчахъ прорицателей и прорицательницъ. И только при наличности благоприятныхъ указаній можно было приступить къ военнымъ дѣ-

ствіямъ. Но передъ сраженіемъ снова надо было привлечь вниманіе Ягве и для этого помимо криковъ священниковъ и воиновъ еще и громогласные трубные звуки, безъ нихъ битва не могла закончиться побѣдой для сыновъ Израиля. Еще большее значеніе имѣлъ ковчегъ, на которомъ невидимо, какъ на трѣпѣ, возсѣдалъ самъ Ягве. Отсюда понятны тѣ призывныя восклицанія и восторженныя клики, которыми сопровождалось появленіе на полѣ битвы святыни Израиля. Ягва присутствовалъ не только духовно, но и самымъ реальнымъ образомъ. Онъ ввергаетъ колесницу фараона и войска его въ пучину морскую, онъ обрасываетъ камни съ небесъ на аморреевъ, онъ открываетъ небо и грозой и бурей свидѣтельствуеетъ свое участіе въ кровавомъ бою. Стрѣлы свои онъ грозитъ упоить кровью враговъ и мечъ свой насытитъ плотью убитыхъ и плѣнныхъ и головами начальниковъ врага. Отсюда и жестокой характеръ войнъ Израиля, особенно, когда на все "дышущее" налагается заклятіе или табу и ничего не остается добычей для людей, а все приносится въ жертву божеству. Убийство тогда происходило не только на полѣ сраженія, но и послѣ, когда всѣ плѣнные, въ томъ числѣ женщины и дѣти мужского пола, какъ это было при Моисеѣ съ мадианитянами, предавались закланію. Но наряду съ жестокой расправой съ врагами имѣются и нѣкоторыя другія начала, которыя ограничиваютъ безпредѣльное насилие и жестокой произволъ воюющихъ. Нормально допускается погребеніе мертвыхъ, затѣмъ, кромѣ случаевъ "заклятія", сохраняется жизнь дѣтей и женщинъ и къ плѣнницамъ отношеніе довольно гуманное, запрещается ихъ обращеніе въ рабство, хотя и разрешается ихъ обращеніе въ наложницъ. Особо упоминается запрещеніе рубить и уничтожать плодовые деревья и, наконецъ, самими Израилемъ односторонне осуществляется своеобразная нейтрализація во времени, сводящаяся къ тому, что въ тѣ дни, когда 3 риза въ годъ сыны Израиля являются предъ лицомъ Всевышняго, не можетъ имѣть мѣсто пролитіе крови и Ягве даетъ своему народу обѣщаніе, что ни-

кто не умыслить злого въ тѣ дни, когда евреи совершаютъ свое традиціонное паломничество. И въ день субботній сыны Израиля не только должны воздерживаться отъ работы, но и не могутъ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. И, если вѣрить Иосифу Флавію, этимъ пользовались враги Израиля. Птоломей взялъ Иерусалимъ въ день субботній, когда евреи были на молитвѣ; тоже было и при возстаніи Маккавеевъ и позднѣе при взятіи Иерусалима солдатами Помпея.

Израиль создаетъ своеобразную теорію нейтралитета во время войны, допускающаго проходъ войскъ воюющей стороны подъ условіемъ, что войска не пойдутъ, по полямъ и виноградникамъ и не будутъ пить воды изъ колодцевъ, но пойдутъ дорогой царской и не своротятъ ни направо, ни налево..." (55). И уваженіе къ отдѣльнымъ нейтральнымъ государствамъ требуетъ самими Ягве, который ясно указываетъ, съ какими народами дозволено воевать и съ какими слѣдуетъ обходиться дружественно, уважая ихъ верховныя права и не опустошая территории: "пищу у нихъ покупайте за серебро и ѣште и воду покупайте у нихъ за серебро и пейте..." (56). Отсюда и создавалась извѣстная теорія о *transitus innocuus*, о правѣ воюющихъ на простой проходъ черезъ нейтральную территорію, теорія, которая удерживалась въ доктринахъ международнаго права чрезвычайно упорно и сохранилась до половины XIX вѣка.

Политическая исторія Іудеи и Израиля кончается сравнительно скоро и какъ разъ въ то время, когда окончательно торжествуетъ идея Ягве, какъ бога національнаго и исключительнаго, приближаются послѣдніе дни самостоятельнаго существованія еврейскихъ государствъ (половина VII вѣка). И идея національнаго божества формируется подъ внѣшнимъ вліяніемъ, какъ протестъ противъ вліянія финикійской культуры и финикійской

55) Числа, 20, 14, 15-21.

56) Второзак., 2, 5-6.

цивилизации. Затѣмъ въ дни тяжелаго политическаго кризиса наступаетъ просвѣтленіе въ идеѣ божества, которое становится орудіемъ всечеловѣческой и всенародной морали. Ягве выдвигается изъ сонма другихъ боговъ, онъ очищаетъ небо отъ соперниковъ и соединяетъ всю вселенную въ высшемъ духовномъ единствѣ. Этотъ историческій моментъ былъ одной изъ величайшихъ эпохъ въ исторіи духовныхъ цѣнностей человѣчества. Израиль, униженный и оскорбленный, поверженный въ прахъ своими могущественными врагами, не потерялъ вѣры въ своего Бога, но послѣдній въ эту эпоху не могъ уже быть только богомъ національнымъ и еврейскимъ. Въ этомъ хаосѣ мелкихъ и слабыхъ государствъ такихъ, какъ Филистия, Моавъ, Эдомъ, Тиръ, Израиль и Иуда съ непрерывными войнами между ними и съ грозною опасностью со стороны могущественной Ассиріи, не было никакихъ устойчивыхъ объединяющихъ началъ, но было лишь взаимное недоверіе и озлобленіе. И въ этотъ моментъ при чрезвычайно интенсивномъ международномъ обихѣ національная религія какъ будто осуждена на вырожденіе. Несмотря, однако, на потрясенія и разочарованія, у еврейскихъ пророковъ создается ученіе о томъ, что грядетъ нравственное возрожденіе не только для одного избраннаго народа, для котораго всѣ другіе должны служить лишь простымъ орудіемъ, но и для всего міра и Израиль спасается не одинъ, но спасаетъ и всю вселенную. Израиль будетъ примѣромъ и образцомъ для всѣхъ народовъ, и послѣдніе склонятся передъ нимъ. Правда, нельзя, основываясь на отдѣльныхъ фразахъ пророка Исаи, считать, что пророкамъ рисовалась картина всеобщаго мира и братства. Наоборотъ, почти во всѣхъ пророчествахъ повторяется мотивъ подчиненія грядущему царству Израиля другихъ государствъ. Однако, въ той или другой формѣ провозглашается новая система международныхъ отношеній, когда главенствующая роль должна принадлежать одной избранной націи. Рѣчь, однако, идетъ не только объ оправданіи простаго насильственнаго расширенія, но еще

и о новомъ нравственномъ порядкѣ, который долженъ царить среди народовъ. И это новое начало находится свое воплощеніе въ сказаніи о пророкѣ Іонѣ, который посылается въ Ниневію, чтобы проповѣдать слово Господне и предсказать гибель этому городу, погоящему въ развратѣ, если жители его не покаются. И въ отвѣтъ на вопль Іоны, не желающаго спасенія языческой Ниневіи, Ягве отвѣчаетъ, что "Мнѣ ли не пожалѣть Ниневіи, города великаго, гдѣ болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ..." Въ этихъ словахъ, какъ и въ пророчествахъ Амоса и Гошеи, окончательно находятъ свое воплощеніе метафоры Ягве — бога національнаго въ Бога всемірнаго и сверхнациональнаго. Монотеизмъ переросъ территориальныя границы и претворяется въ систему духовнаго всечеловѣческаго и всенароднаго единства. Идеальный строй, провозглашаемый пророками, не является свободнымъ союзомъ разныхъ племенъ и народовъ, но союзомъ, принудительно создаваемымъ и охраняемымъ всемогуществомъ Ягве. Такое начало принудительнаго универсализма не умерло вмѣстѣ съ окончательною гибелью еврейскаго народа и разсѣяніемъ его по всему свѣту, но оно сохранилось преемственно черезъ религіозное сознаніе и у другихъ государствъ и сыграло рѣшающую роль въ жизни европейскихъ христіанскихъ государствъ, отразившихъ въ строѣ своихъ первоначальныхъ международныхъ отношеній принципы, воспринятыя религіозно отъ Древняго Востока и политически отъ Рима.

Г л а в а V.

§22. Международное право Древней Эллады. §23. Героическая эпоха Эллады. §24. Органи международных сношений в позднейшую эпоху. §25. Международные договоры Эллады. §26. Значение третейского суда в международной жизни Эллады. §27. Законы войны в Эллад. (57).

В героическую эпоху Эллады формируется международный обычай на религиозной почве. Санкцией является гнѣвъ боговъ и государства уже чувствуют себя связанными и принужденными поступать определенным образом даже по отношенію къ тѣмъ, кого они называют своими врагами, и иностранецъ уже не безправенъ, но пользуется известной правовой защитой и гостеприимствомъ. Безродный нищій, бродяга и чужеземецъ стоятъ подъ покровительствомъ Зевеса Ксении и всякій, кто поднималъ на

57) Andinet. Les traces du droit international dans l'Illiade et l'Odyssee. Revue gen. de droit international public. 1914.
Bender. Antikes Völkerrecht vornehmlich im Zeitalter des Polybios. 1901.
Bérard. De arbitrio inter liberae Graecorum civitates. 1894. Heuse. De legationibus atticis. 1882.
Hitzig. Altgriechische Staatsverträge über Rechtshilfe. 1907. C. Phillipson. The international law and custom of ancient Greece and Rome. 1911. Raeder. L'arbitrage international chez les Hellènes. 1912.
v. Scala. Die Studien des Polybios. Anlage VI. Das Völkerrecht bei Polybios. 1890. v. Scala. Die Staatsverträge des Altertums. 1898. v. Stein. Einige Bemerkungen über antikes Völkerrecht Schmollers Jahrbuch. 6 1892. bd. II. 10. Swododa. Die griechischen Bünde und der moderne Bundesstaat. 1915. Tod. International Arbitration amongst the Graeks. 1813.

нихъ руку, былъ виновенъ въ тяжеломъ преступленіи (58). Тѣ же, кто были иностранными купцами, путешествовавшими по чужимъ землямъ съ какою нибудь цѣлью, принимались радушно еще и по тому, что, оказывая имъ гостеприимство, хозяинъ дома всегда могъ разсчитывать на отвѣтнй гостеприимный приемъ. Мало того, оказаніе гостеприимства переходило по наслѣдству, представляя потомкамъ право разсчитывать на обходное доброжелательное отношеніе (59).

Если же чужеземецъ не имѣлъ ни личныхъ друзей, ни друзей предковъ, то онъ могъ обратиться къ царю (60).

Имѣются и указанія на святость договоровъ, святость, которая обусловилилась главнымъ образомъ подкрѣпленіемъ соглашеній клятвой и совершеніемъ обрядовъ, имѣвшихъ религиозный характеръ (61).

Самое объявленіе войны не всегда имѣетъ характеръ не мотивированнаго нападенія, но ему предшествуютъ переговоры и предложены покончить дѣло миромъ (62).

Существуютъ зародыши ius legationum: Геркулесъ сдѣлалъ попытку дѣйствовать насиліемъ противъ пословъ враждебнаго ему царя, но поступокъ его вызвалъ осужденіе со стороны народа (63).

Если клятва разсматривалась, какъ необходимое дополненіе къ заключенію договора, то нарушеніе клятвы даже со стороны боговъ влекло для нихъ возмездіе и наказаніе (64).

58) Бузольтъ. Очеркъ госуд. и правовыхъ греческ. древностей. 1890, стр. 65.
59) Ср. бар. Таубе, Истор. зар. совр. межд. прав. I т. 9-11.
60) Илиада. VI. 119-236.
61) Илиада. I 334; I 4 192; VI 266; VII 274.
62) Илиада. III. 205.
63) Paus. IX, 25. 4; Appolod II 4, 11 (Laurent. Etudes sur l'hist. d. l'humanité II p. 41).
64) Hesiod. Theogon. (Laurent II, 41). Одиссея XVII 430-440.

Наконец, можно указать еще на одну любопытную черту. Во время Троянской войны боги тоже принимают участие в борьбе людей; Эллины и троянцы одинаково считают, что реальным дополнением к их материальным силам служат божества. Но наряду с этим Зевес как бы стоит выше борьбы обитателей земли и небожителей; он является воплощением нового начала, источником справедливости и умиротворяющей силой (65).

В позднейшей истории для развития международного права из обычного, дѣлающегося договорным, имѣютъ большое хотя и специальное значеніе амфиктионіи, и Олимпійскія игры. Они и косвенно и непосредственно обуславливаютъ поддержаніе и развитіе правовых отношеній между государствами, сознающими свое национальное родство (66).

Вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ политическія и торговыя сношенія, государства заключаютъ договоры, несмотря на отдѣльныя крутыя мѣры, принятія Ликургомъ въ Спартѣ, и на первоначальное тяжелое положеніе мтековъ въ Афинахъ и чрезвычайныя затрудненія въ натурализации, положеніе иностранцевъ всетаки улучшается.

Не говоря о домашнемъ частномъ гостепримствѣ, стоящемъ довольно высоко, начинаетъ развиваться своеобразная система общественного призрѣнія иностранцевъ.

65) Laurent t. II, p. 44.

66) Олимпійскія игры создаютъ оригинальное *постоянно нейтральное государство* — Элиду. Эта небольшая страна никогда не могла служить театромъ военныхъ дѣйствій; эллины, вступая на территорию Элиды, переставали быть врагами, воины слагали свое оружіе; сами жители Элиды вели спокойную сельскую жизнь. Однако все это имѣло мѣсто лишь въ отдаленную эпоху, въ послѣдствіи Элида теряетъ гарантированную нейтрализацію, теряетъ и свою независимость и дѣлается театромъ военныхъ дѣйствій. Ср. Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité. II. 97-98.

Даже въ Критѣ, раздѣляемомъ междоусобными войнами, и отличавшимся нелюдимымъ и жестокимъ характеромъ жителей, на общественныхъ обѣдахъ были спеціальныя столы для иностранцевъ и блюда имъ подавались раньше, чѣмъ старѣйшинамъ (67).

И въ другихъ эллинскихъ государствахъ за нѣкоторыми исключениями наблюдается очень терпимое отношеніе къ иностранцамъ. Единственнымъ серьезнымъ ограниченіемъ правъ чужеземцевъ было запрещеніе приобретать недвижимость. Аналогичныя нормы знакомы и дѣйствующимъ системамъ права. Но надо отмѣтить, что причины подобнаго запрещенія въ античномъ мѣрѣ были гораздо болѣе серьезнаго характера, чѣмъ въ наши дни. Греческія государства были чрезвычайно невелики и завладѣніе территоріей на правахъ частной собственности иностранцами могло бы имѣть роковыя послѣдствія для политическаго существованія греческихъ государствъ-городовъ. Фостель де Куланжъ настаиваетъ еще и на религіозномъ моментѣ, не допускавшемъ перехода отечественной земли въ руки чужеземцевъ. Но изъ такой общей нормы часто договорнымъ путемъ дѣлались широкія исключенія и право приобретенія недвижимости предоставлялось гражданамъ договаривающихся державъ по ихъ соглашенію. (Цари Ессфора предоставили это право всѣмъ афинянамъ). Когда же право приобретенія недвижимости разрѣшалось въ индивидуальномъ порядкѣ, тогда нормально оно имѣло очень ограниченныя черты. Запрещеніе приобретать недвижимость и невозможность чужеземцами осуществлять политическія права и были двумя моментами, создававшими глубокое различіе между полноправными гражданами и иностранцами. Надо однако отмѣтить, что Элладѣ было незнакомо право государственной власти, сформировавшееся въ средніе вѣка, захватывать наследственную массу послѣ смерти иностран-

67) Laurent t. II. III Saint - Croix «Legislation de la Crete» p. 396-398.

ца, лишая его наследниковъ правъ на имущество наследодателя. Это *ius ablinagii* было невѣдомо греческой практикѣ.

Изъ частнаго и общественнаго гостепримства формируется „проксенія“, институтъ, имѣющій уже не случайный, а постоянный характеръ.

Совершенно нельзя согласиться съ Laurent, что это учрежденіе не имѣло публичнаго характера (68).

Правда, личность проксена не всегда являлась неприкосновенной, но что онъ былъ защитникомъ не только интересовъ отдѣльныхъ индивидовъ передъ иноземнымъ государствомъ, то въ этомъ дошедшія до насъ надписи не оставляютъ никакихъ сомнѣній; одна изъ нихъ совершенно опредѣленно указываетъ, что лакедемонянинъ Коройбосъ является проксеномъ и благодѣтелемъ всего Афинскаго народа, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Государство обыкновенно избирало въ проксены гражданина другого государства, который раньше оказывалъ услуги или гостепримство его подданнымъ и въслѣдствіе такого избранія въ проксены долженъ былъ и впредь оказывать имъ юридическую помощь и материальную поддержку; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ у себя пословъ, прибывавшихъ отъ того государства, проксеномъ котораго онъ былъ; онъ могъ даже выступать посредникомъ между послами и своимъ правительствомъ (69). Онъ настолько долженъ былъ интересоваться судьбами государства, избравшаго его въ проксены, что оно какъ бы становилось его вторымъ отечествомъ (69).

Но такъ какъ проксенъ былъ и оставался подданнымъ своего государства, то съ наступленіемъ войны онъ

68) Бузольтъ 65 прим. 2; тамъ же указываетъ, что проксенія и декреты *euergerisi* сопоставлены у Hartl.: „Stud. über alt. Staatsrecht und Urkundwesen“. Wien, 1878, S. 110-114.

69) Xenoph. Hellen. IV 5, 6 Plat. Nom. I, 642. Xen. VI, 1, 4.

слагалъ съ себя полномочія (70);

Помимо обязанностей, государствами признавались и особые права за проксенами.

„Вмѣстѣ съ проксеніей, говоритъ Бузольтъ, часто давались почетный титулъ «благодѣтеля»; или различнаго рода привилегіи, особенно доступъ въ совѣтъ и народное собраніе; право приобретенія домовъ и земельныхъ участковъ, обезпеченіе отъ ареста личности и своего имущества. Также и различнымъ вѣдомствамъ вмѣнялось въ обязанность помогать проксену, если онъ въ чемъ нибудь нуждался (71).

Послѣднія права, по всей вѣроятности, имѣли исключительный характеръ, но разъ въ той или другой формѣ признается постоянное представительство за чужеземнымъ государствомъ, то нельзя отрицать международно-правового характера за проксеніей.

Кромѣ проксеновъ Элладѣ были знакомы и другіе органы представительства. Въ источникахъ встрѣчаются указанія на пословъ и герольдовъ. Однако, проблема имунитета пословъ является очень спорной, потому что въ источникахъ, если не считать разсказа Геродота объ искупительномъ посольствѣ спартацевъ (7, 136) персидскому царю Ксерксу, почти нигдѣ не встрѣчается опредѣленной формулировки начала неприкосновенности пословъ. Точно также слишкомъ часто смѣшиваются слово посолъ со словомъ герольдъ. Функции и права послѣдняго гораздо болѣе ясны. Герольдъ имѣлъ жезлъ и былъ подъ охраной боговъ, но его обязанности имѣли очень ограниченный и специальный характеръ. Онъ могъ только передавать сообщенія неприятельской сторонѣ во время открытаго вооруженнаго столкновения. Черезъ герольда происходило объявленіе войны, черезъ него передавалась просьба о перемиріи, о предоставленіи неприкосновенности посламъ для окончательнаго заключенія ми-

70) Thuc. V. 43; VI, 89.

71) Бузольтъ, стр. 66.

ра, и т.д. И появление послов в сопровождении герольда гарантировало им неприкосновенность (72).

Наряду с обычной и прецедентной формой международного права Эллады была знакома и форма договорная. И надо отметить, что некоторые соглашения не были простыми сделками, но имели нормативный характер, определяли юридические правила, которые обе стороны должны были соблюдать. Такой характер имело соглашение, лежавшее в основе Амфиктионий, устанавливавшее для участников союза обязанность соблюдать ряд норм во время мира и во время войны. Такой же нормативный характер имели и соглашения, определявшие порядок функционирования постоянных третейских судов (см. ниже §29).

Что касается классификации договоров-сделок по их содержанию, то можно различать а) симмахии, или договоры политического союза, б) договоры торговые, в) договоры, обеспечивающие чужеземцам правовую защиту, г) договоры, создававшие союзы меркантильцев и монетных дел.

1) Симмахии заключались или на определенный промежуток времени (100 или 50 лет) или на вечные времена (73). Симмахии носили наступательный характер по отношению к третьим государствам. В этом их

72) Ср. Subichowski. Antikes Völkerrrecht, 67-70. Poland. Le legationibus Graecorum publicis. 1886, стр. 2 и д.

73) Интересным и одним из древнейших памятников является союзное соглашение двух маленьких пелопоннесских государств: Элеи и Герки. Subichowski приводит (S. 40) цитируя этот договор (в латинском переводе): „Factum Eleis et Naerensibus Societas sit centum annos. Nam autem incipiat hic ipse. Si quid vero opus sit vel dicto, vel facto conjuncti sint talentum argenti pendant Jobi Olympio violato donandum. At si quis litteras haec laedat sive civis socialis, sive magistratus, sive pagus est multa sacra tenetor hic scripta“.

отличие от (2) Эпимахий, которые были оборонительными союзами. Союзы этого рода предполагали лишь общий отпор дружественных государств при нападении на одно из них; если же один из союзников сам затевал войну, то он должен был вести ее за свой страх.

Тогда государства, входящая в эпимахию, лишь сохраняли свой дружественный нейтралитет (74).

Хотя эти политические договоры и имели большое значение для международной жизни Эллады, но очень часто они вырождались в соглашение, имевшее определенную цель: провозгласить гегемонию одного из государств, заключившего договорное соглашение.

Другим видом договоров были соглашения торговли. Об этих договорах говорить Аристотель в Риторике, когда подчеркивает, что при заключении их необходимо основательное знакомство с производством отечества и других соседних государств и количеством экспорта и импорта (Rhetor., p. 1359). Иногда они имели более общий характер, а случалось, что они регулировали строго-определенные отношения. К последним относятся соглашения Афин с кеосскими городами, где Афины обеспечили исключительно для себя вывоз из этих городов красильного вещества (75). В другом соглашении Левкон, владетель Боспора, дает особые льготы афинским купцам (76).

Наряду с этими договорами следует отметить наличие в Элладе общего признания принципа свободы торговли и поэтому попытка Афин закрыть для Мегарян рынок и гавани аттического государства считалась

(A. Boeck. Corpus inscr. Graec. I, 11; там же изображение надписи). Такой же характер имеет договор между Спартой и Афинами в 421 г.

74) Бузольд 67.

75) Demosth. Ad. Lec. 31; Xenoph. II, 11.

76) Demosth. XXXV, 26

противорѣчающимъ и „дѣйствующему праву и общепринятымъ обычаямъ всѣхъ Эллинавъ" (Plut. Pericl., 29).

Третьимъ видомъ договоровъ являются договоры, имѣющія цѣлью какъ нибудь урегулировать примѣненіе правовыхъ нормъ по отношенію къ чужимъ подданнымъ у себя, и къ своимъ подданнымъ на чужой землѣ. Для этого заключаются соглашенія, исключающія возможность насильственного захвата личности или имущества должника кредиторомъ (77).

Процессы, возникавшіе на основаніи договоровъ, разрѣшались обыкновенно въ городѣ отвѣтника (78). Договоры носили названіе: „symbolai" и „symbola".

Четвертымъ видомъ договоровъ были специальные соглашенія о монетахъ: такой договоръ объ установленіи общей монеты заключили въ IV вѣкѣ Митилена и Фокея (79); даже существовали одинаковые монеты, мѣры и вѣсы въ ахейскомъ союзѣ (80).

Результатомъ сближенія на почвѣ общности религіи и связанности экономическихъ интересовъ является расширеніе частичныхъ преимуществъ до предоставленія гражданамъ различныхъ государствъ одинаковыхъ правъ со своими собственными подданными.

На договорной основѣ сложились и амфикціонныя, сыгравшія столь крупную роль въ жизни Эллады. Согласно одной рѣчи Эсхила главная задача Амфикціонной была охрана святыницъ и гарантія соблюденія начала о недопустимости отвода проточной воды, какъ во время войны, такъ и во время мира. Но постепенно выдвигаются и другія задачи для этого своеобразнаго религіознаго союза государствъ, именно задачи культурнаго характера. Нормально число членовъ амфикціонной не должно бы-

77) Thuc. I, 77. Aristot. Politica III, 1.

78) Polyb. II, 57.

79) Ср. Cybichowski. Antikes Völkerrecht, 62. текстъ у Caner Delectus Inscript. Graec. 1883. N 27.

80) Бузольт, 69.

ло превышать 12, которые отправляли на общее засѣданіе, происходившее ежегодно. Свообразіе амфикціонной состояло въ томъ, что онѣ вступали въ нѣкоторыя слу- чаяхъ въ непосредственныя отношенія съ гражданами, на- казывая ихъ, или наоборотъ надѣляя ихъ правами, причемъ въ такомъ случаѣ жаловался жезель съ печатью амфикціо- нной. Такія права на полную физическую и имуществен- ную неприкосновенность получали поэты и артисты, по отношенію къ которымъ запрещалось примѣнять насиліе какъ во время войны, такъ и во время мира. Такимъ ли- цамъ сообщался священный иммунитетъ и ни государства, ни частныя лица не могли его нарушать. Иммунитетъ скла- дывался изъ ателли — освобожденія отъ податей и на- туральныхъ повинностей въ томъ числѣ и отъ военной службы и изъ азиліи, или афалии, гарантіи для лич- ности и имущества отъ попытокъ наложенія руки для осуществленія самопомощи (81).

Субъектами международныхъ правоотношеній (дого- воровъ) были государства, и такъ какъ народъ былъ но- сителемъ верховной власти, то народнымъ собраніямъ, а въ Спартѣ и Герузіи изъ 2 царей и 28 старцевъ вмѣстѣ съ собраніемъ гражданъ, принадлежало право заключать международныя соглашенія; слово принадлежало въ Аеи- нахъ всѣмъ гражданамъ, но въ Спартѣ лишь лицамъ, вхо- дившимъ въ герузію. Клятвы и жертвы были необходимыми элементомъ заключенія соглашеній. Договоры слѣдовало соблюдать: „справедливо, честно и безхитростно".

Дельфійская Пиеія такъ опредѣляла силу договор- наго соглашенія: „Изъ договора родится сынъ безъ имени, безъ рукъ и ногъ; однако, быстро летая, несетъ онъ къ тому, кто нарушилъ клятву, губить его, его домъ и его народъ, а благоденствуетъ лишь потомство того, кто свято блюдетъ договоры" (82).

Условія соглашеній вырѣзывались на каменныхъ ко-

81) Ср. Cybichowski. Antikes Völkerrecht, стр. 33 и д.

82) Thucid. V, 23 и Harod. VI, 86 (цит. по Laurent II: 139).

лоннахъ, или бронзовыхъ доскахъ (83), послѣдніе сохранились въ храмахъ, и особенно въ храмахъ въ Дельфахъ, Олимпии и на Исемѣ.

Мирнымъ способомъ улаженія конфликтовъ между государствами является посредничество и третейскій судъ. Случаи его примѣненія были довольно часты въ Элладѣ. Третейскимъ судьей является или государство или отдѣльныя выдающіяся личности (84).

Въ древней Элладѣ существовало ино выраженное сознание, что споръ между государствами можно разрѣшить или черезъ примиреніе черезъ добрыя услуги третьей державы, или путемъ примѣненія нормы права, черезъ третейскій судъ. И въ этомъ смыслѣ у грековъ выработалась точная юридическая терминологія, употребляющаяся въ смыслѣ судить слово *krinein, diakrinein*, въ смыслѣ же примиренія черезъ посредничество - *diallein, sullleien* (85). Смыслъ этихъ выраженій глубоко различенъ, но надо отмѣтить, что очень часто въ функции третейскихъ судей входитъ прежде всего попытка примиренія сторонъ, а затѣмъ уже въ случаѣ неудачи попытки при-

83) Интересно сравнить съ этими реальными знаками соглашения, деревянный столбъ, какъ воспоминаніе объ одержанной побѣдѣ.

84) Пентархъ, побѣдитель на Олимпійскихъ играхъ, былъ третейскимъ судьей между Эоліей и Ахайей; предварительнымъ условіемъ соглашения былъ отпускъ плѣнныхъ на свободу. (Pausan. VI, 15, 2). Питалъ тоже побѣдитель на Олимпійскихъ играхъ былъ арбитромъ между Архадіей и Эоліей (Pausan. VI, 16, 8). Періандръ въ VI вѣкѣ рѣшилъ споръ между Аеинами и Митиленой за Сигей (Herod. V, 95). Фемистокль рѣшилъ споръ между Коринѣомъ и Корцирой за Левкаду (Plut. Themist. 24). Симонидъ возстановилъ миръ между Сиракузами и Агригентомъ (Laurent II, 131).

85) Raeder. L'arbitrage international chez les Hellènes, 1912, стр. 276.

мѣненія нормы права. Такъ, Магнезія во II вѣкѣ должна была рѣшить споръ между двумя городами на островѣ Критѣ: Гіеранитной и Ипакой. Народное собраніе Магнезіи избрало 17 гражданъ, въ качествѣ третейскихъ судей, которые прежде всего предложили спорящимъ сторонамъ свое посредничество, и послѣ отклоненія этого предложенія было приступлено къ процессу въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Тоже противопоставленіе встрѣчается и въ договорѣ-компромиссѣ между Митиленой и Питаной и между четырьмя лесбосскими городами: Митиленой, Метиленой, Антиссой и четвертымъ неизвѣстнымъ и во II вѣкѣ въ компромиссѣ между Самосомъ и Приеной (86).

Наконецъ, Элладѣ было знакомо и различіе между изолированнымъ третейскимъ судомъ, устанавливаемымъ для разбора одного конкретнаго спора, и между третейскимъ судомъ постояннымъ, устанавливаемымъ договорнымъ путемъ для разбора цѣлага ряда дѣлъ или вообще всѣхъ споровъ, могущихъ возникнуть между договаривающимися государствами.

Въ этомъ отношеніи правовое развитіе международныхъ отношеній достигло въ Элладѣ такого расцвѣта, каковой для европейскихъ государствъ стала извѣстна только въ концѣ XIX и въ началѣ XX вѣка.

Особенно въ мирныхъ договорахъ часто встрѣчается компромиссное условіе, что несогласія, возникающія за время, въ теченіи котораго дѣйствительно соглашеніе, должны разрѣшаться правовымъ путемъ, именно обращеніемъ къ третейскому суду (87).

86) Raeder. Op. cit., 121, 277, 88, 211, 72, у Плутарха однако этой дифференціаціи незамѣтно (Solon, 10).

87) Можно привести слѣдующее постановленіе мирнаго договора между Спартой и Аргосомъ въ V вѣкѣ: „Если у одного изъ союзныхъ государствъ возникнетъ съ другими недоразумѣніе или ссора, то оба государства должны обратиться къ другому, третьему то-

Споры между греческими государствами очень часто были территориального характера и третейский судъ въ этихъ спорахъ игралъ крупную роль. Въ VII вѣкѣ между Афинами и Митиленой возникъ споръ изъ за владѣнія городомъ Сигейономъ на Гелеспонтѣ и, согласно рѣшенію коринскаго тирана Перандра, Сигейонъ остался за Афинами. Очень серьезный характеръ имѣло и столкновение изъ за острова Салагина между Афинами и Мегарой и споръ между ними былъ разрѣшенъ въ пользу Афинъ Спартой (въ первой половинѣ VI вѣка). Чрезвычайно интереснымъ является полный текстъ приговора третейскаго суда, дошедшій до насъ цѣликомъ, въ спорѣ въ III вѣкѣ Самоса съ Пріеной, причемъ судьи были назначены Родосомъ. Въ приговорѣ особенно тщательно разработаны мотивы, на основаніи которыхъ спорная территория въ виду незапамятной давности владѣнія Пріеной и въ виду того, что это владѣніе ни разу не было оспорено Самосомъ, признается за Пріеной. Подробный и тщательный анализъ фактической и нормативной стороны спора выгодно отличаетъ этотъ древне-греческій приговоръ отъ очень многихъ современныхъ третейскихъ рѣшеній (88).

Бывали случаи, когда государство даже вносило нѣкоторую сумму денегъ въ качествѣ гарантіи исполненія приговора и эту сумму теряло то государство, которое не желало перелать спора на рѣшеніе третейскаго суда, или же не подчинялось уже состоявшемуся постановленію суда (89). Всего насчитывается въ настоящее вре-

мя, которое оба государства найдутъ подходящимъ". (Thucid. 4, 118. Цитир. по Subichowski S. 57). Вообще же у Фукидида встрѣчаются указанія на подобные пункты соглашенія очень часто: См. Thucid: I, 78, 143; V, 79; VII, 18.

88) E. L. Hicks. The Collection of ancient greek inscriptions in the Brit. Museum. 1886, I, стр. 1 и д.

89) Saepher D. Inscrip. Graec. N 58, 120.

мя въ эллинской международной практикѣ до 80 третейскихъ записей и до 60 третейскихъ приговоровъ.

Последнимъ средствомъ къ которому прибѣгали греческія государства для разрѣшенія своихъ споровъ была война, но даже война не стирала совершенно сознанія необходимости подчиняться праву. Согласно древнимъ нормамъ, зафиксированнымъ въ соглашеніи, лежащемъ въ основѣ учрежденія Амфикіоніи, эллинскія государства и во время мира и во время войны не могли отводить проточной воды и такимъ образомъ брать противника изморомъ. Точно также запрещалось разрушать святилища боговъ и нарушеніе этой нормы могло вызвать экзекуюцію другихъ членовъ лиги. Именно во время войны вступало въ силу правило о неприкосновенности герольдовъ. Нормально при взятіи городовъ дается пощада женщинамъ и дѣтямъ и делаются первая попытка запретить продажу плѣнныхъ въ рабство. Эти нормы формируются обычнымъ путемъ и называются неписанными законами войны. Они образуютъ священное достояніе эллинскихъ народовъ и ихъ нарушеніе иногда вызываетъ вмѣшательство государствъ, оставшихся до того времени нейтральными.

Нельзя, конечно, переоцѣнивать значенія этихъ нормъ, потому что слишкомъ часто война ожесточала противниковъ до такой степени, что стирала всѣ правовыя ограниченія и тогда осуществлялось лишь одно глосе и безмѣрное насилие и по отношенію къ вооруженнымъ и даже по отношенію къ богамъ, святилищамъ которыхъ освернялись и уничтожались (90).

Но все-таки у эллиновъ было сознаніе международнаго права и совершенно объективно можно говорить объ отношеніяхъ государствъ, какъ о правосознаніяхъ. Но, конечно, должны были пройти столѣтія, чтобы создалось то право, которое близко и понятно намъ.

90) Plutarch. Timol. 37; Plutarch. Lis. 7; Grote "History of Greece" т. VIII p. 219. См. Laurent. II, 121.

Совершенно правильно говорит Бузольть, что "руководством для взаимных отношений эллинских государств, во время войны и мира служили известные международные постановления, которые не будучи изложены письменно "ποσεί αγραφοί" в качестве всеобщих обычаев, освященных обыкновением и стариной, постепенно достигали всеобщего признания".

Однако, несмотря на отчетливо выраженный правовой характер сношений эллинских государств большинство писателей по международному праву оно все же отрицается, и отсутствие при этом исторической перспективы чувствуется даже у такого в общем объективного исследователя, как Laurent, который иногда возмущается тем, что является лишь историческим фактом, но ни явлением правовым, ни явлением моральным. Гнев историка обрушивается главным образом на Фокицев и Самоцев, промышлявших морскими разбоем. Но если Цицерон и считал морских пиратов преступниками, то Эллы, воспитанные на других понятиях, по всей вероятности иначе квалифицировали поведение предприимчивых обитателей островов Архипелага, поскольку они не затрагивали их интересы, а следовательно и нельзя с исторической точки зрения рассматривать их действия, как преступные и безразличные деяния.

Другие указывают на узкое ограниченное применение права, которое, собственно говоря, обыкновенно не выходило из пределов античной Греции.

Но тут мы встречаемся с непониманием права, как такового, нежеланием установить, что эволюция международного права менее всего зависит от границ его применения (это вопрос развития культуры всего человечества), а более всего определяется наличием сознания органами государственной власти своей подчиненности, своей связанности велением права, находящее свое выражение в открытом признании государством своих обязанностей и своих прав по отноше-

нию к другому независимому государству. Ставить непременным условием сосуществование многих государств, да и притом непременно одинаковой культуры, мало помогает решению вопроса, так как всегда при желании можно признать, что в Элладе имелося достаточное количество самостоятельных государств, но можно, хотя и с меньшим успехом, утверждать и обратное (91).

Но, если принять упрек в том, что нельзя слишком расширять историю международного права, разма-

91) Трудно только возражать пр. Мартенсу: "Если отношение греческих государств к законным и разумным стремлениям своих народов было фактическое, определяющееся не убийством в их правотности и государственной пользе, но непреложной силой данных обстоятельств, то будет совершенно понятно растоящее значение тех соглашений, которые иногда заключались между отдельными греческими республиками по предмету взаимных их сношений" (т. I, стр. 47) или дальше. "Без всякого сомнения все эти международные обязательства не имели в виду удовлетворить общественные интересы, потребности в сношениях частных лиц, принадлежащих к различным государствам, но являлись последствиями только нужды, с которой не в силах была бороться государственная власть, а не сознания необходимости вообще международного порядка и права" (48). Можно только заметить, что современные международные договоры по всей вероятности тоже не имеют в виду удовлетворить «общественные интересы» и «потребности в сношениях частных лиц», а являются последствиями «только нужды, с которой не в силах бороться государственная власть». Странно только, что подобные доводы могут казаться убедительными!

тривая інститути окремих держав, як установи, які мають світове значення, то по тій же основній думці можна укоротити історію права, як Нус і бар. Таубе, які шукають зародження міжнародного права в середні віки в тісному відношенні до замкнутого кола західно-європейських католицьких держав. Мало того, ці упреки йдуть ще далі, і необхідно приводити до руйнування теорію міжнародного права, як права тільки християнських народів (v. Kaltenborn), або права європейських цивілізованих народів.

Елліністичні держави на самому початку в своїх відносинах визнавали міжнародне право і суворо дотримувалися умов договорів. Але якщо грецьким народам були знайомі і тяжкі правопорушення, то в цьому сенсі вони мало чим відрізняються від сучасних держав, торжественно провозглашаючих норми права і потім занадто часто їх же порушуючих.

Глава VI

§28. *Міжнародне право Риму. Положення іноземців і патронат.*
§29. *Право посольств.* §30. *Учення про міжнародні договори та їх види.* §31. *Jus fetiale та право війни (92).*

Риму, як і древній Греції, не була знайома система сучасного міжнародного права. Але це не означає, що в античну епоху не існувало міжнародного права. Ізвістні норми, що регулюють відносини між державами, приймалися цими останніми як обов'язкові. Коли Рим отправляв посольства, закривав договори, вело війни, то носителями державної влади розуміли необхідність застосування норм, подчас дуже невідповідних з точки зору сучасної міжнародної практики. В особливості була довгою процедура оголошення наступальної війни. Відносно нею Цицерон говорить: "as belle quidem aequitas sanctissima fetiale populi ro-

92) Baviera. Il diritto internazionale dei Romani. Archivio Giuridico. I-II. 1898. Chauveau. Le droit des gens dans les rapports de Rome avec les peuples de l'antiquité. Nouvelle revue historique de droit français et étranger. 1891. Feltin. Du droit des gens a Rome. 1893. Fusinato. Le droit international de la République Romaine. Revue de droit international, XVII, 1885. Mommsen. Römisches Staatsrecht. 1887-1889. Revon. De l'existence du droit international sous la République Romaine. Revue générale du droit, de la législation, de la jurisprudence. XV. 1891. Weiss. Le droit fetial et les fetiaux. France judiciaire. 1882. Ср. особливо Coleman Phillipson. The international law and custom of ancient Greece and Rome. vol. II. 1911.

manī jure praescripta est" (93).

Два фактора или условия были моментами, сыгравшими особую роль; они являются в данную эпоху главными источниками международного права: это, во-первых — религия, а, во-вторых — личность некоторого общего правосознания, явившегося в своею очередь продуктом развития права внутри государства. Фигурально оно определяется как „fides publica", верность праву народа, но нельзя смешивать его с общественной или международной нравственностью, потому что эта верность является выражением обязанности соблюдать право как таковое.

Главным образом, благодаря этим двум элементам международная жизнь Рима проникается правовым характером.

В виду того, что моей задачей не является дать общей очерк международной жизни Рима, но лишь набросать ее характерные черты, я лишь кратко коснусь положения иностранцев и патроната (94).

Положение иностранцев в Риме нормально определяется международными договорами, которые устанавливают, по крайней мере на словах, дружбу на вечные времена с другими государствами и которые провозглашают принцип публичного гостеприимства — „hospitium publicum". И нормально peregrinus — подданный иностранного государства, с которым Рим находится в договорных отношениях. Но надо отметить, что позднейшие соглашения очень часто уже считают имущественный статус начала и о личной неприкосновенности и об охране имущества иностранца, подобный порядок считается нормальным и естественным и поэтому часто об общих принципах доступа иностранцев в Рим нет никаких упоминаний ни в мирных трактатах, ни в торговых

93) Александренко. Международное право в Риме К. М. Н. П. 1895 г. №2.

94) Laurent III p. 74-75. Livius V. 27. Diod. XIV 93.

соглашениях. Моммсен признает, что это уже есть Wesen des Friedensstandes и что поэтому проблема эта и не затрагивается в соответствующих актах. Но во всяком случае только в силу договора иностранцы получают право выступать в суд и только договорным путем обеспечиваются торговые сношения римских граждан с иностранцами. Надо только отметить, что в древнейших договорах Рима с Карфагеном наблюдается тенденция разрешить торговые сношения лишь под контролем государственных органов, тенденция, которая возрождается в попытках принцепата поставить все торговые сношения римлян с иностранцами в зависимости от выдачи для этого специальных разрешений. Но Риму в эпоху до принцепата было известно и применение начала свободы торговли (95). Усиление сношений с иностранцами привело к необходимости создания постоянных органов международного представительства. И такие функции покровительства иностранцам и защиты их интересов исполнял патронат.

Римский патронат соответствует греческой проксении и позднейшему установлению в Европе так называемых consules electi, не являющихся необходимо подданными государства, ими представляемого.

Часто при заключении мирных договоров предусматривалось назначение римским сенатом особого лица в качестве патрона союзного народа. Специальная должность, уполномочивающая патрона, называлась tessera hospitalis. Патрон становился почетным гостем страны, интересы которой он защищал; наиболее знатные патриции считали исполнение подобной должности большой честью. Цицерон, Метелл и Марселл были патронами Сицилии, Катон — острова Кипра и Капподокии, Фабий — Аллэброговь, Плиний Младший — Испания.

95) Mommsen. Römisches Staatsrecht. bd. III. abt. I, 1887, стр. 597 и дал.

Что касается соглашений, заключенных Римом, то они носят различные названия: „indutiae“ - не договоры международного характера, но соглашения стнссительно перемирия, заключаемого военачальниками: „bellum manet, pugna cessat“; точно также и „sponsiones“, которые сами по себе не имели международно-правового характера, так как нуждались еще в ратификации и освящении их религиозными церемониями; кроме того капитуляции и конвенции с окончательно победженными народами, терявшими свою независимость, тоже сюда не относятся; лишь, - „foedera“ - действительно были международными договорами (96).

По внешнему виду (по своей форме) „foedera“ бывают двух родов: 1) „foedera aequa“; и 2) „foedera iniqua“. По внутреннему содержанию: 1) „foedera socialia“; и 2) „foedera super navigatione et mercatura“ (97).

96) Subichowski полагает, что название „foedera“ происходит от формальностей религиозного характера и что подобное название присваивалось некоторым актам публичного характера и что „foedera“ иногда имели значение норм государственного права. Однако, никаких доказательств для обоснования своего взгляда он не приводит. „Das antike Völkerrecht“ S. 77.

97) Иначе классификация договоров у Ливия: „Esse autem tria genera foederum, quibus inter se paciscerentur amicitias civitates regesque. Unum, quom bello victis dicerentur leges; ubi enim omnia ei, qui armis plus posset dediti essent, quae ex iis habere victos quibus mletari eos velit ipsius jus ac arbitrum esse. Alterum, quom pares bello aequo foedere in pacem atque amicitiam venirent, tunc enim repeti reddique per conventionem res et si quarum turbata bello possessio sit, eat ex formula juris antiqui aut ex partis utriusque commodo componi. Tertium esse genus quom qui hostes

Примерами политических (socialia) foedera aequa могут служить договоры Рима с Лациумом в 493 г. до Р.Хр., договор Рима с Марселию (?) в VI в. Такой же характер имеют договоры Рима с Картагеном против Пирра царя Эпира в 281 г. до Р.Хр. (98). Примерами „foedera aqua super navigatione et mercatura“ могут служить трактаты о разграничении рынков для сбыта товаров, заключенные Римом с Картагеном в 509 г. до Р.Хр., в 348 г., 305 г., 281 г. (99). И даже значительно позднее, когда уже Рим становился мировой державой, он всетаки заключал международные договоры на основе равноправия. До нас дошел текст договора, заключенного в 108 году между Римом и маленьким островным малоазиатским государством Астинеией. „Между римским народом, гласит договор, и народом астинаейским должны царить мир, дружба и союзное соглашение на суше и на море на вечные времена. И войны быть не должно“. И затем далее обе стороны обязуются соблюдать дружественный нейтралитет и не допускать прохода через свою территорию сил, враждебных другой стороне.

Риму были знакомы и другие правоотношения с государствами, терявшими свою независимость и являвши-

nunquam fuerint ad amicitiam sociali foedera inter se jugendum coeant; eos neque dicere, neque accipere leges: idem victoris et victi esse“. Livius. XXXIV, 57.

98) Laurent III, p. 110.

Laurent III, p. 112.

Laurent III, p. 110-111.

99) Subichowski, ссылаясь на Моммсена, утверждает, что первый договор Картагена с Римом был заключен в 348 году, а не 509 году. „Das antike Völkerrecht“. S. 75. На значение этих договоров указывает и пр. Модестовъ Ж. И. Н. П. №5. 1896 г., стр. 20.

мися ничѣмъ инымъ, какъ формой международнаго преемства. При полной потерѣ самостоятельности побѣжденнымъ народомъ, послѣдній отдавалъ себя подъ власть римскаго народа, всецѣло довѣряясь ему — "se uaque omnia fidei populi romani permittere". Подобное преемство называлось *deditio* и у Ливія имѣется указаніе на ту древнѣйшую форму, въ которой осуществлялось это *deditio*. "Дѣйствительно ли вы являетесь уполномоченными, какъ и ораторы, посланные народомъ коллатинскимъ, чтобы вамъ и народу коллатинскому отдаться подъ мою власть? — Да. — Воленъ ли народъ коллатинскій распоряжаться своей судьбой? — Да. — Вы отдаете себя мнѣ (римскому сенату) и римскому народу, вы, народъ коллатинскій, сродъ поля, воды, границы, храмы, движимую собственность, всѣ вещи божественнаго и человѣческаго характера? — Да. — Я принимаю" (Liv., I, 38). Это преемство какъ будто является перенесеніемъ частно-правовыхъ понятій въ международныя отношенія, но на самомъ дѣлѣ оно является своеобразнымъ по своимъ публично-правовымъ послѣдствіямъ, поскольку официально фиксируетъ моментъ прекращенія существованія самостоятельнаго государства и переходъ всего комплекса его правъ Риму. *Deditio* не было договорнымъ состояніемъ, не переходомъ осуществленія правъ верховной власти отъ умершаго государства его правопреемнику Риму и отъ послѣдняго зависило подтвердить права частныхъ лицъ на недвижимость или наоборотъ ее конфисковать и отъ Рима зависило дать большую или меньшую автономію покореннымъ народамъ.

Субъектами правоотношенія признаются государства; а отъ имени сувереннаго народа, какъ носителя верховной власти, выступаютъ консулы, сенаторы, иногда и жрецы-фециалы, но окончательное рѣшеніе всегда принадлежитъ народу, который и осуществляетъ непосредственно свое право въ комиціяхъ.

Уже въ эпоху децемвировъ "*comitia tributa*" стали расширять свои полномочія и даже въ ущербъ сена-

ту, которому раньше принадлежало право гестивъ дипломатическія сношенія и принимать самостоятельныя рѣшенія. На основаніи анализа процедуры заключенія мирнаго договора 201 г. Рима съ Картагеномъ, пр. Александренко приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Въ заключеніи договоровъ участвуютъ римскій народъ и сенатъ. 2) Инициатива заключенія исходитъ съ отдѣльныхъ лицъ и учреждений, но по праву принадлежала народу. 3) Въ случаѣ возникающихъ по этому поводу пререканій можно было апеллировать къ народу и въ концѣ концовъ римскому народу принадлежало право сказать послѣднее слово. 4) Народъ римскій ратифицировалъ заключеніе договоровъ. 5) Онъ же рѣшалъ вопросы о принятіи разныхъ мѣръ, касавшихся исполненія договоровъ (100).

Особенное значеніе имѣетъ установленіе ратификаціи соглашеній, имѣвшихъ характеръ *sponsiones*. Оно совершалось согласно постановленію сената при непосредственномъ участіи фециаловъ; оттуда и названіе: *deditio per patrem patriam*".

Подобнымъ способомъ было признано ничтожнымъ соглашеніе, заключенное съ самнитами послѣ пораженія при Кавдинскомъ ущельи (321 г. до Р.Хр.). Консулъ Постумій былъ выданъ побѣдителямъ и *sponsio* оказалось такимъ образомъ недействительнымъ.

Но помимо ратификаціи безусловно должны были быть соблюдены всѣ религиозныя формальности и клятвы, торжественно произносимыя *pater patriam* съ упоминаніемъ боговъ, какъ свидѣтелей. Только послѣ совершенія всѣхъ необходимыхъ обрядностей, Римъ считалъ себя связаннымъ по отношенію къ другимъ народамъ.

Такое международныхъ договоровъ вырѣзывался на мѣдныхъ доскахъ, которыя потомъ хранились въ особомъ храмѣ Квирилія, который носилъ громкое названіе, "*aedes fidei populi Romani*" (101).

100) Др. Александренко. 306-307.

101) Ср. Laurent III p. 38-39-40.

Если сравнивать международныя сношения Рима и Эллады, то въ сношеніяхъ перваго народа съ другими замѣчается нѣкоторый шагъ впередъ въ развитіи права посольства.

Вопросъ объ общемъ признаніи неприкосновенности пословъ въ древнее время является еще невыясненнымъ: даже въ Римѣ повидимому первоначально признавалась лишь неприкосновенность герольдовъ (102). Хотя надо отмѣтить, что традиція и источники придаютъ иммунитету пословъ очень древній характеръ. Уже Ромулъ относится съ уваженіемъ къ посламъ и, если позднѣе послы Тарквинія оказались виновными въ покушеніи противъ новаго государственнаго строя, всетаки международное право взяло верхъ и послы были отпущены „ius gentium valuit“ (Liv. II, 4). Точно также поступилъ и диктаторъ Постумій съ послами вольсковъ, обвиненныхъ въ шпионажѣ (Dionis. Halik., VI, 16).

Если же послы Рима оказывались виновными передъ иностраннымъ государствомъ, они подлежали выдачѣ (Liv. V, 36, VI, 1). Оскорбленіе посла было законнымъ поводомъ къ войнѣ. Консулы Постумій, заключившій съ самнитами позорную для римлянъ капитуляцію въ Кавдинскомъ ущельѣ, выдается торжественно римскими послами-феціалами самнитянамъ, какъ превысившій свои права и въ виду неутвержденія этой капитуляціи римскимъ народомъ. Постумій, будучи выданъ самнитянамъ и заявивъ, что онъ уже самнитянинъ, наноситъ ударъ выдавшему его феціалу, чтобы дать Риму законный поводъ къ новой войнѣ. Вокъ самнитяны на это отвѣчаютъ: „У васъ римлянъ, кажется, всегда хватить предлоговъ, чтобы не исполнять

102) Отлосокъ этого наход. въ Дигестахъ: Marc 8, I: „Sanctum autem dictum est a sagminibus: sunt autem sagmina quaedam herbae. (символическій обрядъ), quas legati populi romani ferre solent, ne qui eos violaret, sicut legati Graecorum ferunt ea, quae vocantur cerycia“.

своихъ обшаний, когда вы побѣждены. Начинайте войну, потому что Постумій ударилъ феціала, вашего посла. И боги повѣрятъ, что Постумій дѣйствительно самнитскій гражданинъ, а не римлянинъ, и что самнитянинъ нанесъ оскорбленіе послу Рима и что поэтому вы на законномъ основаніи будете вести войну. И не стыдно такъ издѣваться надъ религіей!“ (Liv. IX, 11). Во всякомъ случаѣ, традиція относитъ признаніе принципа неприкосновенности пословъ къ древнѣйшимъ эпохамъ и отсюда освященіе этого начала для болѣе молодыхъ поколѣній авторитетомъ прошлаго.

Для писателей, историковъ, философовъ I вѣка до Р. Хр. и эпохи принципата и имперіи неприкосновенность пословъ — безусловное, почти никѣмъ не оспариваемое положеніе. Въ этомъ сходятся и Цезарь (103) и Непотъ, Тацитъ, Титъ Ливій, Цицеронъ, Сенека и Помпоній (103).

Последній говоритъ слѣдующее: „Если бы кто либо оскорбилъ дѣйствіемъ посла, то такое дѣяніе признается нарушеніемъ международнаго права („contra ius gentium id commissum esse existimatur“), ибо послы считаются неприкосновенными („quia sancti habentur legati“). Поэтому то, если бы у насъ находились послы отъ какого либо народа, которому объявлена война, и было бы рѣшено, чтобы они оставались свободными, ибо это согласно съ международнымъ правомъ („idem iuri gentium conveniens esse“) и тотъ, кто оскорбилъ бы посла, долженъ быть выданъ неприятелю, отъ котораго

103) Caesar Bell. Gall. III, 9. „Legatos, quod nomen ad omnes nationes sanctum, inviolatumque semper fuisset“.

Cicero, De Har. resp. Cap. XVI, 34.

Nepos, Pelop. 5.

Livius IV, 17. V, 4, 14.

Seneca Ira III, 2.

Tacitus Hist. III, 80.

Pomp. (fr. 18, Dig. 50, 7).

досель быть присланъ. Такой отвѣтъ давалъ нѣсколько разъ Кв. Муцій (104).

Правовая традиція и въ республиканскомъ и въ императорскомъ Римѣ признавала за послами дружественныхъ государствъ совершенно своеобразное юридическое положеніе. Посламъ отводились особые дома для размѣщенія съ соответствующей обстановкой, имъ выплачивались особые кормовыя деньги, согласно ихъ рангу, имъ предоставлялось почетное мѣсто на публичныхъ празднествахъ, обыкновенно непосредственно за сенаторами, они допускались къ совершенію жертвоприношеній въ Капитоліи, въ случаѣ заболѣванія имъ обезпечивался специальный уходъ и, наконецъ, въ случаѣ смерти ихъ погребеніе производилось на публичный счетъ (105).

Совершенно своеобразнымъ институтомъ въ древнемъ Римѣ была коллегія феціаловъ. Однако, имѣются указанія, что феціалы существовали и у другихъ народовъ Аппенинскаго полуострова, именна у ардеевъ, самнитовъ и т. д. Но только у римлянъ опредѣленно вырисовывается ихъ большое значеніе въ области международныхъ правоотношеній.

По своей организаціи феціалы принадлежали къ коллегіи изъ 20 человекъ. Только патриціи могли быть феціалами. Во главѣ ихъ стоялъ „magister feclialium“; главой же миссіи феціаловъ, отправлявшихся за границу, былъ „pater patratus“. Плутархъ его называлъ „главой феціаловъ“. Въ своихъ отношеніяхъ къ народу онъ былъ какъ бы „pater familias“, и подобно тому, какъ отецъ могъ отказаться отъ сына, совершившаго преступленіе и выдать его потерпѣвшей сторонѣ (deditio), такъ pater patratus выдавалъ римскаго гражданина, совершившаго преступленіе, тому государству, которому принадлежалъ обиженный или потерпѣвшій. Феціалы были

104) Ср. Александренко. 311-312.

105) Mommsen. Römische Staatsrecht, bd. III, abteil. I, стр. 597.

прежде всего жрецами; они совершали религиозныя церемоніи при объявленіи войны, при заключеніи мира и призывали благословеніе боговъ на римское оружіе. При заключеніи договоровъ ими произносилась слѣдующая формула: „Audi Jupiter; audi pater patratus populi Albanii (миръ заключается съ Албаніей) ut illa palam prima postrema ex illis tabulis serave, recitatae sunt sine dolo malo, utique ea hic hodie rectissime intellecta sunt, illis legibus populus Romanus prior non deficiet. Si prior defexit publico consilio, dolo malo, tu illo die Jupiter populum Romanum sic ferito, ut ego hunc porcum hodie feriam: tantoque magis ferito, quanto magis potes, pollesque“ (106).

При этомъ происходило вполне реальное жертвоприношеніе, и „pater patratus“ священнымъ камнемъ убивалъ поросенка; отсюда и выраженіе заключить договоръ: „foedus ferire“.

Наряду съ консулами и сенаторами феціалы могли быть послами, и заключали по уполномочію народа соглашения, нуждавшіяся всетаки въ утвержденіи comitia tributa. Феціалы выступали и судьями, когда къ нимъ обращались съ тяжбами какъ римляне, такъ и иностранцы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ иногда они требовали выдачи отъ иностраннаго государства римлянина, совершившаго преступленіе, и рѣшали вопросъ о томъ, какъ поступать съ перебраннымъ, совершившимъ преступленіе на римской территоріи. Но главная роль принадлежала феціаламъ при объявленіи Римомъ войны. Послѣдняя считалась какъ бы составительнымъ процессомъ и сообразно съ этимъ при веденіи войны должны были соблюдаться очень строгія формальности. Прежде всего посылались 3 или 4 феціала въ страну, отъ которой Римъ желалъ получить удовлетвореніе. Это въ первый моментъ называлось „clarigatio“ или „r-rum repetitio“. Миссія феціаловъ во главѣ съ „pater patratus“ прибывала къ границѣ, и при первой

106) Livius I, 24.

встрѣчѣ съ мѣстными жителями, или у воротъ ближайшаго города, или же, наконецъ, въ форумѣ передъ собравшимся, народомъ, глава миссiи произносилъ слѣдующую формулу: "Услышь меня, Юпитеръ; услышите меня боги границъ (*"au-dite fines"*). Я посланникъ римскаго народа и прибылъ сюда въ интересахъ права и справедливости. Да будетъ дана вѣра словамъ моимъ". Затѣмъ излагались требованiя Рима и обращенiе заканчивалось клятвой: "*Si ego injuste impieque illos homines illasque res dediem mihi (nuntio populi Romani) exproco, tum patriae sospitem me nunquam sinas esse (107)*". Выслушавъ требованiя феціаловъ, противникъ могъ или сейчасъ же дать отвѣтъ, или же по истеченiи опредѣленнаго срока, но феціалы во всякомъ случаѣ возвращались домой.

Римъ ждалъ отвѣта 33 дни и, когда истекалъ срокъ этотъ, то феціалы снова отправлялись къ границѣ и "*patet patratu*" произносилъ слѣдующую формулу:

"Услышь меня, Юпитеръ, и ты, Юнона; услышь, Квирины; услышите и вы, боги неба, земли и преисподней, призываетъ васъ въ свидѣтели того, что этотъ народъ (*quisquisque est nominat*) отвѣчаетъ отказомъ на наши справедливыя требованiя. Объ этихъ дѣлахъ мы посоветуемся въ нашей странѣ и рѣшимъ, какимъ путемъ получить намъ удовлетворенiе".

Послѣ этого феціалы вторично возвращались въ Римъ и докладывали Сенату, что всѣ формальности были соблюдены и что, если римскiй народъ пожелаетъ, то можно объявить войну, и она будетъ вполне правомѣрна.

Сенатъ обсуждалъ этотъ вопросъ, и предсѣдательствующiй поименно обращался къ сенаторамъ и спрашивалъ ихъ мнѣнiе.

Но кромѣ того, нужно было согласiе комиции. На вопросъ: "*vultis iubetis Quirites*", народъ отвѣчалъ или положительно (*uti rogas*), или отрицательно (*antiquo*). Рѣшенiе народа имѣло обязательную силу. Послѣ того,

107) Александренко 318.

какъ *comitia tributa* утверждали рѣшенiе сената объявить войну, снова совершались жертвоприношенiя, чтобы умилостивить боговъ. Наконецъ, феціалы въ третiй и послѣднiй разъ направлялись къ границѣ. *Pater patratu* говорилъ: "*Quod populus Romanus Quiritium bellum iussit esse senatusque populi Romani Quiritium censuit, consensit, conscivit, ut bellum cum... fieret; ob eam rem ego populusque Romanus bellum indico, facisque*". Съ послѣднимъ словомъ феціаль бросалъ въ неприятельскую землю окровавленное копье (108).

Война, вѣдомая Римомъ, однако имѣеть характеръ, несхожiй съ современнымъ представленiемъ о ней, какъ о вооруженной борьбѣ государствъ. Война ведется не только противъ государства, какъ субъекта права, но и противъ всего его народа въ его множествахъ и въ лицѣ его отдѣльныхъ представителей, противъ боговъ, противъ подвижности и недвижности, противъ солдатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ женщинъ и дѣтей. Вызовъ, брошенный феціаломъ, относится ко всему одушевленному и неодушевленному въ предѣлахъ врага. Мечъ побѣдителя не останавливается передъ массовымъ убiйствомъ беззащитныхъ и огонь разрушаетъ то, что не было поражено оружиемъ. Но уже возникаютъ представленiя о человѣчнмъ обращенiи съ побѣжденными. Дается иногда пощада женщинамъ, дѣтямъ и раненымъ противникамъ, и Ливiй констатируетъ глубокое различiе между обращенiемъ съ городомъ, взятымъ штурмомъ, гдѣ нѣтъ границъ насилiю побѣдителя, и городомъ, сдавшимся на извѣстныхъ условiяхъ. Во время войны часто происходятъ соглашенiя между воюющими по поводу перемирiя, или обмѣна плѣнными, а иногда для обезпеченiя соглашенiй стороны обмѣниваются заложни-

108) Александренко - 320.

Время и различныя обстоятельства (оборонительная война) ограничивали и видоизмѣняли примѣненiе этихъ правилъ; но нельзя отрицать правового характера, имъ присущаго.

ками. Таким образом даже во время войны римлянам и их противникам приходится соблюдать ими заключенные соглашения. Наряду с этим Рим как будто не признает неограниченного права в выборе средств нанесения вреда своему противнику. Римляне считают недопустимым прибегать к яду против противника, они отвергают возможность для воюющих отравлять воду и источники и не допускают права подсылать убийц против вождей враждебного народа (109). Из этих отдельных правил Ваттель в XVIII вѣкѣ дѣлал слишком поспѣшные выводы, что римляне вообще отвергали всякія военныя хитрости и поступали болѣе благородно, чѣмъ благоразумно (110).

Фиксація момента начала войны имѣла большое правовое значеніе. Съ этого мгновенія теряютъ силы договоры дружбы, заключенные съ противникомъ. Иностранный подданный разсматривается, какъ законный противникъ, какъ *hostis* и, наконецъ, для римлянъ съ этого момента можетъ примѣняться принципъ возстановленія права при возвращеніи изъ подъ власти врага (*postliminium*). Въ эпоху республиканскаго Рима, особенно въ IV, III и даже II вѣкахъ, эти нормы феціальнаго права нормально соблюдались. Извѣстно, что легатъ Клиней былъ выданъ лигурійцамъ за нападеніе на нихъ безъ формальнаго объявленія войны (236 г.) (111); точно также консулъ Манлий былъ преданъ суду за начало войны безъ формальностей въ Азіи (189 г.) (112); такая же участь грозила консулу Кассію въ 171 г и консулу Лепиду въ 137 г. (113).

Римъ впервые вырабатываетъ и юридическое понятіе нейтралитета, причѣмъ, это понятіе устанавливается

109) Vattel III, 8.

110) Valer. Maxim. VI, 5. Flor. II, 20. Liv. II, 12 и т. д.

111) Dion. Cass. fragm. 45.

112) Liv. XXXVIII, 45.

113) Liv. XLIII, V.

не прецедентнымъ, а договорнымъ путемъ, подобно тому, какъ вырабатывались понятія военной контрсаиды, блокады и право нейтральныхъ на исходѣ средневѣковья въ началѣ новой исторіи европейскихъ народовъ. Нормально соотвѣтственныя права и обязанности фиксируются въ договорахъ мира (рах). Особенно типичнымъ въ этомъ отношеніи былъ договоръ съ Астиналаей (108), о которомъ уже было упомянуто выше и гдѣ наряду съ запрещеніемъ прохода враждебныхъ войскъ, запрещеніемъ снабжать противника оружіемъ, кораблями и деньгами, утверждается принципъ, знакомый и современному праву, что для плѣнныхъ, попадающихъ на нейтральную территорию, состояніе плѣна тѣмъ самымъ прекращается. Аналогичный характеръ имѣлъ и указанный у Полибія договоръ Рима съ Антиохомъ (21, 45) и болѣе древніе договоры Рима съ латинскими племенами (Dionys., 6, 95).

Нормы, торжественно признававшіяся Римомъ въ сношеніяхъ съ другими государствами, были международнымъ правомъ и, если позднѣе имперія складывается путемъ включенія въ одно цѣлое прежде независимыхъ государствъ, такой процессъ поглощенія и интерграціи не можетъ лишиться правового характера акты, въ основѣ которыхъ лежали признанія равенства контрагентовъ и координаціи ихъ дѣйствій. И даже позднѣе, уже будучи мировой державой, Римъ вынужденъ былъ въ сношеніяхъ съ другими отъ него независимыми народами воздерживаться отъ стремленія односторонне своей волей обязывать другіе народы, а вынужденъ былъ признавать свою подчиненность общимъ принципамъ права (114).

114) Lesson совершенно правильно утверждаетъ, что то, что называется международнымъ правомъ, совсѣмъ не является продуктомъ эпохи новой исторіи европейскихъ народовъ. Наоборотъ, разъ имѣются государства и внѣшнія сношенія между ними, то дается толчокъ къ развитію тѣхъ учреждений, назначеніе которыхъ регулировать мирное сожительство наро-

Глава VII.

§32. Теория рах гошапа, ея международно-правовое значение. §33. Влияние традицій Рима на дальнѣйшее развитие международных отношений вадно-европейскихъ государствъ.

Современные римскіе историки оправдываютъ мировое распространение Рима и превращение его въ римскую вселенную, въ orbis romanus. Римъ сталъ приближеннымъ для всѣхъ народовъ и государствъ и римляне, какъ утверждаетъ Ливій, со смертными больше бороться не должны, но задачей Рима должна стать защита всего рода человеческого и выполнение завѣта боговъ объ успокоеніи вселенной. Роль римскаго сената осуществлять высшее управление не для одного римскаго народа, но и для другихъ народовъ и царей.

И вдохновенный поэтъ Овидій восклицаетъ: "былъ основанъ городъ, и грядетъ день, когда онъ будетъ повелителемъ всего свѣта. О, Римъ, владычествуй надъ вселенной! Господствуй съ поднятой главой надъ всіми народами и пусть ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ возвышаться до плечъ твоихъ" (Fast. IV, 857 и дал.). Черезъ господство Рима какъ будто осуществляется цѣль права: насилие преодолевается установлениемъ высшаго правопорядка, ликвидируется рѣшеніе споровъ народовъ вооруженнымъ столкновениемъ, и на значительномъ территориальномъ пространствѣ въ бассейнѣ Средиземнаго моря между разнсплеменными и разноязычными народами тво-

довъ. Совершенно произвольно утверждение тѣхъ писателей, которые заявляютъ, что христіанскіе народы Европы создали нѣчто новое, невѣдомое древнему міру; на самомъ дѣлѣ, это было лишь дальнѣйшимъ развитиемъ нѣкоторыхъ старинныхъ обычаевъ, известныхъ древности. Lassen, „Princip und Zukunft des Völkerrechts" S. 39-40.

рится рах гошапа и строится Вавилонская башня, для которой въ Апокалипсисѣ предсказывается трагическая судьба. Объединеніе этихъ племенъ и народовъ произошло черезъ завоеваніе и насилие, но это завоеваніе и насилие имѣетъ матеріальнаго и формальнаго оправданія и не только римляне, но и позднѣйшіе историки утверждаютъ, что войны, ведомыя Римомъ, были всегда справедливы. Римъ провозглашаетъ, что онъ борется за свободу мелкихъ и слабыхъ народовъ. И слияніе Эллады съ Римомъ происходитъ при бурномъ ликованіи эллиновъ, празднующихъ свое освобожденіе отъ македонскаго ига. Какъ говорилось въ официальномъ сообщении: "Римскій сенатъ и полководецъ Т. Квинтіи возвращаютъ эллинамъ право пользоваться свободой, привилегіями и своими законами". Римъ въ этомъ смыслѣ боролся за преодоленіе мелкаго насилия, чтобы установить въ болѣе широкомъ масштабѣ свой imperium, провозглашая права народовъ на свободу и самоопредѣленіе.

Римское расширение не было простымъ захватнымъ распространениемъ, но было для другихъ народовъ приобщеніемъ къ одному праву, одному языку, единой культурѣ и единому управленію. Въ мировой исторіи рах гошапа является исключительной, почти единственной въ своемъ родѣ попыткой преодоленія мелкихъ международныхъ раздоровъ черезъ построение высшаго правопорядка на силѣ закона. И еще въ современной жизни народовъ происходятъ непрерывныя колебанія между свободной и единовластной организаціей человечества. Маятникъ мировой исторіи склоняется то въ ту, то въ другую сторону и, если будущее и рѣшить споръ въ пользу свободнаго конфедерализма, то формально-теоретически международная анархія можетъ быть преодоленна, какъ на основѣ свободной координации усилий народовъ, такъ и на основѣ народождения могучаго imperium'a.

Международное развитие древняго міра заканчивается своеобразнымъ катаклизмомъ, преодоленіемъ разоб-щенности государствъ черезъ уничтоженіе ихъ полити-

ческой самостоятельности и, если и достигается высшая цель - преодоление войны и установление мира, то не через органическое выросшее равноправное объединение, но через принесение в жертву национальной свободы идей единого гражданского порядка и единой жезлэнэй власти.

В известном смысле тут замыкается процесс длительного многовѣкового развития и собираніе народов проводится съ такою послѣдовательностью, каковую позднѣйшія эпохи болѣе не дадут. Восходящее направление правового развития достигает здѣсь наивысшей точки, чтобы затѣм стремительно упасть внизъ. Но если великій народъ и провозглашаетъ себя господиномъ и хозяиномъ міра, онъ сознаетъ, что для консолидаціи внутреннего правопорядка нуженъ внѣшній миръ. И двѣ силы въ немъ ведутъ борьбу: начало консолидаціи и потребность дальнѣйшаго безграничнаго роста. Въ головѣ императора Проба бродятъ эти мысли и онъ неосторожно обмолвился, что можетъ прийти время, когда легіоны не будутъ болѣе нужны. Закрѣпить власть черезъ установление общаго мира и черезъ разоруженіе и затѣмъ черезъ моральное господство надъ областями, лежащими внѣ рах гошапа наковы, казалось, были идеи императора Проба. "Тогда не будутъ воздѣлывать оружія, быки будутъ спокойно пахать, конями будутъ невѣдомы бои, не будетъ вовсе войны, не будетъ и плѣнныхъ. И это будетъ вселенскимъ господствомъ міра, римскаго закона и римскихъ магистратовъ". И дальше историкъ прибавляетъ: "Если завѣты императора осуществились бы... всины спокойно обрабатывали бы землю, другіе люди посвятили бы себя наукѣ, искусству, мореплаванію и не погибали бы въ бою... Жители стали бы свободны отъ реквизицій и поборовъ, а казна отъ военного бремени и это было бы золотымъ вѣкомъ" (Vorles. Prob. 21, 21, 23). Этотъ проектъ всеобщаго мира стоилъ императору Пробу жизни, но онъ былъ какъ бы послѣдней идеальной цѣлью мирового расширения римской державы.

Въ правовомъ смыслѣ значеніе рах гошапа далеко не исчерпывается тѣмъ теоретическимъ значеніемъ, какое имѣлъ процессъ собиранія народовъ Европы, Азии и Африки въ одно политическое цѣло. Гораздо значительнѣе были послѣдствія тѣхъ историческихъ событій, въ силу которыхъ создалось культурное единство цѣлаго міра народовъ, получившихъ одну духовную печать и сохранившихъ известныя связи между собой даже тогда, когда они стали лишь осколками одного цѣлаго. Въ известномъ смыслѣ Римъ былъ безсмертенъ и весь дальнѣйшій процессъ жизни народовъ въ эпоху средневѣковья опредѣляется сознаніемъ принадлежности къ общенію не столько христіанскому, сколько римско - католическому. И если позднѣе будетъ складываться новая имперія, она будетъ называться Священной Римской Имперіей. И не только въ смыслѣ традицій политическихъ, но и въ смыслѣ рещціи права и его научной обработки средневѣковая юридическая мысль тѣсно связана съ Римомъ. Эмансипація науки международнаго права происходитъ подъ влияніемъ идей римскаго универсализма у католическихъ схоластиковъ и подъ влияніемъ римской теоріи ius naturalе у представителей школы естественнаго права. Черезъ Римъ древній міръ кровью и плотью связанъ съ средневѣковымъ и невозможно изучать послѣдующія эпохи международнаго права, игнорируя право античныхъ народовъ.

Сѣверные народы положили конецъ политическому могуществу Рима, они уничтожили идеи рах гошапа и стерли съ лица земли границы, проведенныя отъ Тигра и Ефрата до Дуная и Гибралтара и разбили на части одинъ великій организмъ. Началась эпоха, которая стала въ известномъ смыслѣ воспроизведеніемъ тѣхъ междуплеменныхъ и международныхъ отношеній, которыя были знакомы и Древнему Востоку, и Элладѣ, и Риму. Несмотря на кажущуюся новизну событій, они были лишь возвращеніемъ къ тому историческому пути, который раньше пережила другіе народы. Но господство Рима не могло

пройти безслѣдно, и его тѣнь легла на всю исторію отношеній молодыхъ народовъ, какъ будто свободныхъ отъ правовыхъ традицій, но на самомъ дѣлѣ невидимо ими связанныхъ съ первыхъ же дней своего молодого политическаго существованія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОИ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.
(Отдѣль II).

Стр.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
115	5 сн.	не можетъ опредѣлять	очень рѣдко можетъ опредѣлять
118	15 св.	въ правахъ	въ_нрвахъ
119	13 сн.	de pauffrage	de paufgrage
128	16 св.	Бувана	Бувина
143	6 св.	принца-паланинга	принца-палангина
157	7 св.	цвѣтную часть	цвѣтущую_часть
160	7 св.	Во Франци	Во Флоренци

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ОТДѢЛЪ II .

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Глава VIII .

§34. Общій характеръ международно-правовыхъ отноше-
ній въ средніе вѣка. §35. Роль Церкви въ развитіи ме-
ждународнаго права. Отношеніе къ чужеземцамъ. Дого-
ворное право. Право войны. Третейскій судъ. §36. Зна-
ченіе Имперіи въ развитіи международнаго права и ме-
ждународныхъ отношеній.

Глава IX .

§37. Положеніе иностранцевъ. §38. Роль договорнаго
права въ средніе вѣка. §39. Органы международнаго пред-
ставительства и ихъ положеніе: неприкосновенность мо-
нарховъ и наржденіе постоянного дипломатическаго
представительства. §40. Развитіе консульскаго права
въ средніе вѣка.

Глава X .

§41. Посредничество и третейскій судъ. §42. Законы и
общая война на сушѣ. §43. Право войны на морѣ и уче-
ніе о нейтралитетѣ на сушѣ и на морѣ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ:

- Каченовский. Курсъ международного права. Выпускъ 2. 1863.
- Стояновъ. Очерки исторiи и догматики международного права. 1875.
- Б.Таубе. Исторiя зарожденiя международного права, т. I-II. 1894-1899.
- R.W.и A.J.Carlyle. A History of Mediaeval theory in the west. 1903.
- Corbin. Histoire de la politique exterieure de la France. Tome I. 1912.
- v.Eickem.Geschichte und System der mittelalferischer Weltanschauung. 4 aufl. 1923.
- De Flassan. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie francaise depuis la fondation de la monarchie jusqu'a le fin du règne de Louis XVI. 1811.
- De Garieu. Histoire générale des traités de paix. 1848-1849.
- Hill.A history of diplomacy in the international development of Europe. 1911.
- Hosack.On the rise and growth of the law of nations. 1882.
- Laurent.Etudes sur l'histoire de l'humanité.vol.IV-X. 1860.
- Lavisse et Ramband.Histoire générale du IV-me siècle a nos jours.vol.I-V.1895 и д.
- Losert. Geschichte des Mittel alters.
- Nys. Les theories politiques et le droit international en France. 1891.
- Nys. Origines du droit international. 1894.
- Nys. Notes pour a l'histoire littérrair et dogmatique du droit international en Angleterre.1888.
- Prutz. Abendland im Mittel alter.
- Walker. A History of the law of Nations. 1899.

- R.P.Ward. A enquiry into the foundation and history of the law of nations in Europe from the time of the Greeks and Romans to the age of Grotius. vol.I-II. 1795.
- Источники собраны у:
- Dumont.Corps universel diplomatique du droit des gens. I-VI съ 1723 по 1726 г.г.
- Rymer. Foedera,conventiones. litterae et cuiuscunqve generis acta publica inter Reges Angliae et alios Imperatores, Reges, Pontifices...ab ingressu Gulielmi I in Angliam A.D.1066 ad nostra usque tempora. 1739.

Г л а в а VIII .

§34. Общій характеръ международно-правовыхъ отношеній въ среднѣмъ вѣкѣ.
§35. Роль Церкви въ развитіи международнаго права. Отношеніе къ чужеземцамъ. Договорное право. Право войны. Третейскій судъ. §36. Значеніе Имперіи въ развитіи международнаго права и международныхъ отношеній.

Исторія среднихъ вѣковъ традиціонно связывается съ появленіемъ новой силы въ жизни европейскихъ народовъ, именно германской расы, будто бы наложившей совершенно своеобразный и исключительный отпечатокъ на все дальнѣйшее правовое развитіе народовъ, какъ внутри-государственное, такъ и между-государственное. Но такая теорія, вновь возрождаемая въ новѣйшее время Вольцендорфомъ (1) и Редслобомъ (2), покисится на нѣкоторыхъ предпосылкахъ, нуждающихся въ критической повѣркѣ.

Въ международной жизни Европы и всего Стараго Свѣта германскіе народы въ эпоху отъ V до конца XV вѣка далеко не играли исключительной роли. Если на западѣ и была разрушена Римская держава, то на востокѣ еще держалась Византійская имперія, ведшая не только упорную борьбу съ восточно-европейскими славянскими племенами, но въ этой борьбѣ бывшей и ихъ воспримницей и творческой силой, пробудившей въ своихъ славянскихъ врагахъ впервые сознаніе національнаго единства. И чрезвычайно яркимъ симптомомъ является то, что гибель Византіи относится къ исходу средневѣковья, къ тому моменту, когда приближается и кризисъ для Священной Римской Имперіи германской націи.

Другимъ элементомъ средневѣковой жизни были

- 1) Woltzendorff. Staatsrecht und Naturrecht. 1916.
2) Redslob. Histoire des grands principes du droit des gens. 1923, стр. 117 и д.

арабскія и монгольскія державы, изъ которыхъ первыя оказали большое культурное вліяніе на европейскіе народы, а вторые по своимъ военнымъ успѣхамъ были силой, потрясшей до основанія все шаткое зданіе Respublica Christiana — общенія христіанскихъ или вѣрнѣ католическихъ народовъ.

Наконецъ, въ самой Европѣ въ средніе вѣка или эфемерно, или болѣе длительно складывались и могущественныя славянскія державы, какъ Польша Болеслава Храбраго, Великая Сербія Душана, Великая Чехія Отокара II Пшемисла и затѣмъ далѣе на востоцѣ Киевская Русь. Только на исходѣ средневѣковья можно говорить о пораженіи славянскаго элемента, сжатаго въ стальныхъ тискахъ между монгольскимъ нашествіемъ и германской колонизаціей кровью и желѣзомъ. Чешская національная революція въ эпоху гусситскихъ войнъ была лишь единичной попыткой установить право на національную государственность для славянскаго народа и эта попытка получаетъ свое трагическое завершеніе въ 1526 году добровольнымъ призваніемъ на чешскій престолъ австрійской династіи Габсбурговъ.

Въ смыслѣ международно-европейскомъ не подѣ знакомъ единства германскаго проходить развитие средневѣковья, но наоборотъ наличность арабскаго калифата, греческой имперіи и сильныхъ славянскихъ державъ придаютъ именно этой эпохѣ большую пестроту и разнообразіе красокъ. О торжествѣ романско-германскихъ началъ можно говорить лишь развѣ только съ начала XVII вѣка, когда завершается процессъ народженія въ Европѣ болѣе или менѣе однотипныхъ национальныхъ государствъ.

Еще болѣе возраженій можетъ возбудить теорія о нѣкоторыхъ особыхъ началахъ, лежащихъ въ основѣ государственнаго строя германскихъ народовъ. И Тацитъ и Сальвианъ, писавшіи значительно позднѣе, сознательно идеализировали отношенія и характеръ общественнаго устройства германцевъ, противопоставляя ихъ римлянамъ. Такая же идеализація имѣла мѣсто и по отношенію къ

екиемамъ, которымъ ставилось въ особенную заслугу тѣ же качества, что и германцамъ: гостеприимство и вѣрность слову. Современные изслѣдователи однако на этомъ не останавливаются. Они утверждаютъ, что характерной чертой германскаго правопорядка является его демократическая, товарищеская основа, затѣмъ принципъ индивидуальной свободы и, наконецъ, удивительный дуализмъ въ организаціи власти, дуализмъ, ставшій гарантіей свободы. Наряду съ принципомъ народовластія было установлено и начало первичности и непроизводности королевской власти и черезъ равновѣсіе этихъ двухъ элементовъ удалось обезпечить индивидуальную свободу (3).

На самомъ дѣлѣ тотъ процессъ, который считается типичнымъ для германскихъ народовъ, гораздо ярче проявлялся въ жизни славянскихъ народовъ и нигдѣ, быть можетъ, принципиальное начало индивидуальной свободы не нашло своего отчетливаго выраженія, чѣмъ въ конституціи польской Рѣчи Посполитой. Въ дѣйствительности надо освѣтить проблему глубже и тогда придется установить тотъ фактъ, что для примитивныхъ образованій вообще характерны принципъ народовластія и равноправія, причѣмъ это начало имѣетъ силу не только для общенія между-индивидуальнаго, но и для общенія съ духами. Принципъ іерархіи внутри развивается нормально съ ростомъ религіознаго сознанія и вѣры въ высшую сверхъ-естественную мочь божества. Анализъ политическихъ отношеній германскихъ племенъ даетъ лишь картину переходной эпохи, знакомой и другимъ народамъ и не дающій ничего новаго въ развитіи человечества.

На самомъ дѣлѣ проблема внутри-государственнаго строительства не можетъ опредѣлять развитие международнаго права, но наоборотъ послѣднее можетъ вліять на государственныя формы и поэтому всѣ попытки указать на значеніе для международнаго права тѣхъ или иныхъ внутри-государственныхъ условий были совершен-

но бесплодны. И если влияние Церкви на развитие международного права было вполне осязательно и имелося целая система канонических международных норм, то влияние древне-германского или древне-славянского народоправства на развитие международного права остается совершенно неуловимым и висящим в воздухе. Только в одном отношении можно говорить о международной германской теории — это понимание войны, как процесса, как посягательства на право. Но именно это понимание характерно и для примитивных народов и для такого народа Древнего Востока, как Израиль.

Для средних веков была типична идея примата права и принцип договорной основы политических отношений. Это было результатом столкновения двух сил: римской традиции и исконных начал народоправства, типичных для всех первичных властных объединений. Военная организация, необходимая для власти, еще не укрупнившейся и не пустившей глубоких корней в народное сознание могла быть создана только на двусторонней основе: *seignior* (присяга сюзерена) и *homage* (присяга вассала). Реальным субстратом соглашения было право на землю, но вассал всегда мог освободиться от обязательств, отказавшись от земли. Договорные отношения основываются на равноправии и поэтому сеignior не мог наказывать, лишьать свободы своего вассала, или казнить его. Для этого нужен суд равных, т. е. других вассалов. Наконец, когда совершается правонарушение и нет, по мнению заинтересованных сторон компетентного суда, остается одно последнее средство: поединок или война.

Если первоначально военная организация имела характер подвижной дружины, то новые задачи управления и отсутствие подготовленных классов для несения государственных функций привели к тому, что задачи управления на местах осуществлялись вассалами — органами оседлыми, территориальными, и земля в виде *beneficium* (Италия, Германия), в виде *li feuch* или *Гое-*

dim (Франция) была оплатой вассалу за его службу, выразившуюся в *auxilium* и *consilium*.

Договор лежит в основе феодализма и самопомощь в виде войны является *ultima ratio* в отношениях феодала и вассала и таким образом вместо единства античной римской власти создается система расщепления суверенитета и каждый вассал в сущности становится сувереном в своей баронии. В итоге международное безначалие и безвластие воспринимается во внутри-государственной организации и отрицается принцип верховенства политического господства над правом, но наоборот вся структура государства дѣлается лишь прозрачной и свободной системой правоотношений, паутиной, порвать которую может не только сильный, но и слабый.

Гизо утверждал, что для феодализма типично смещение понятия суверенитета и собственности, на самом деле для средневековья типично отрицание субстанциональности власти и построение политических отношений на едином принципе координации, на каком-то покое и система частных-правовых и международных отношений.

В итоге создается вполне замкнутая и логически последовательная система свободных правоотношений, причем принципиально устанавливается начало мира через компромисс, но высшим освящением необходимости соблюдать заключаемые договоры является их религиозное оправдание. Соблюдение договора это — служение Богу, а нарушение его — результат действия нечистой силы. И не только у романо-германских, но и у других народов этот мотив повторяется чрезвычайно часто. Цель соглашения Руси с Византией в X веке: "...незавидного добро враждолюбца дьявола разорити" (4). Мир и поддержание правопорядка есть наоборот дело спасительное и богоугодное. „Бога ради всхотете мира.

4) Лонгинов. Договоры русских с греками. 1904, стр. 3-4.

смиритесь Бога ради". И летописцы, и монахи, и князья русские такие, как Владимиръ Мономахъ, приписывали правонарушѣнія и войны уловкамъ и сѣтямъ дьявола, который „не хочетъ добра роду человѣческому, «сваживаетъ ны»" (5).

Въ основѣ этого единого правопорядка, получающаго религиозное освященіе лежитъ не принципъ единого свѣтскаго господства, но начало свободнаго сожительства равноправныхъ государствъ на лонѣ Единой Церкви. И это не результатъ договорнаго дуализма, лежащаго въ основѣ феодализма, но это принципы, знакомые персональной христіанской общинѣ, принципы, съ чрезвычайной силой провозглашаемые Блаженнымъ Августиномъ. Единая вѣра и единство божественнаго права не должны и не могутъ покушаться на различія народовъ въ правахъ, языкахъ и внутреннихъ установленіяхъ. Небесное государство зоветъ на свое лоно всѣ народы и всѣ племена, не заботясь о глубокихъ различіяхъ въ ихъ стрѣяхъ. И это разнообразіе въ жизни отдѣльныхъ народовъ (*diversum in diversis nationibus*) не должно служить препятствіемъ къ ихъ духовному объединенію и къ установленію для нихъ земнаго мира — *pacem terrarum*, какъ общей цѣли, предугазанной Самимъ Божествомъ.

Церковь стремится установить единство права, обязательнаго въ своихъ основнхъ началахъ для всѣхъ народовъ. Законъ Евангельскій провозглашаетъ, какъ утверждаетъ декретъ Грациана, право, основанное на природѣ человѣка и оно должно быть всюду одинаковымъ. Въ дѣйствительности право чрезвычайно разнообразно отъ феодала къ феодалу, отъ селенія къ селенію. Но по времени и пространству дѣйствія первое мѣсто принадлежитъ божественному естественному праву и Господу не говорить: Я — обычай. Онъ говоритъ: Я — правда и жизнь.

Единству высшаго права соответствуетъ и единство рода человѣческаго. Одна Сила сотворила всю вселенную

5) Жениновъ. Op. cit., стр. 3-4.

и для всѣхъ племенъ и народовъ былъ лишь одинъ прародитель, и такимъ образомъ предъ лицомъ Господа равны всѣ люди, нѣтъ разницы между соотечественникомъ и чужеземцемъ, между одними и другими народами.

Въ XIII вѣкѣ папа Климентъ IV писалъ королю Венгрии: „... всѣ люди одного происхожденія, всѣ люди живутъ подъ однимъ небомъ и дышутъ однимъ воздухомъ и всѣ изъ лона матери выходятъ нагими. Безграничное различіе между Творцомъ и человѣкомъ стираетъ мало различіе между царемъ и рабомъ. Предъ лицомъ Бога нѣтъ ни людей благородныхъ, ни людей простыхъ”.

И эти принципы, провозглашаемые Церковью, находятъ свое практическое осуществленіе. Григорій Великій считаетъ недопустимымъ обращеніе въ рабство людей, бывшихъ ранѣ свободными, и другіе священнослужители защищаютъ ту же точку зрѣнія и вынуждаютъ рядъ законоположеній объ охранѣ иностранцевъ. Сама Церковь, располагая большимъ количествомъ монастырей, открываетъ при нихъ гостиницы, или бесплатныя странно-примыныя дома-ксендохіи, гдѣ находятъ пристанище паломники, купцы и вообще всѣ путешественники. Здѣсь же иногда открываются и школы и находятъ приютъ сироты и дѣти, покинутые своими родителями.

Въ каноническомъ правѣ находятяся и нормы, гарантирующія иностраннымъ купцамъ право убѣжища, а въ буллахъ Григорія VII осуждается *droit de pauffrage*, право прибрежнаго владѣльца на судно, потерпѣвшее крушеніе у его береговъ.

Но исключительное вліяніе имѣетъ Церковь въ лицѣ папы при гарантіи международныхъ договоровъ. Французскій король Людовикъ XI говорилъ: „Можно гарантировать соглашенія передачей крѣпостей, но папа остается является наилучшимъ гарантомъ...”

И одинъ изъ историковъ международнаго права называетъ папу верховнымъ хранителемъ договоровъ и высшимъ блюстителемъ права въ международной жизни (*de Maulde la Clavière*). Дѣйствительно договоры скрѣпля-

ются клятвой, имѣющей священный характеръ и по клятвеннымъ преступленіямъ судьей можетъ быть только папа.

Договоры, заключаемые монархами, регистрируются специальными представителями папы при дворахъ: *apostolica auctoritate notarii*, но высшимъ нотариусомъ какъ бы является самъ папа.

Во многихъ договорахъ, какъ, напримеръ, въ Аррасскомъ 1435 году король Францискъ сознательно готовъ подчиниться при неисполненіи обязательствъ всѣмъ тѣмъ мѣрамъ принужденія, которыя признаетъ нужнымъ принять папа.

Церковь, кромѣ того, собираетъ часто не только представителей духовенства, но и представителей свѣтской власти и церковные соборы, гдѣ рѣшаются вопросы и международнаго характера, и гдѣ голосованіе происходитъ по національнымъ куріямъ, являясь какъ бы пробразомъ грядущихъ международныхъ конгрессовъ. Интересно отмѣтить, что въ проектѣ союза европейскихъ государствъ Георгія Подѣбрада (1462 г.) въ сильной мѣрѣ отражаются принципы, лежащіе въ основѣ организаціи соборовъ. Наконецъ, Церковь впервые дѣлаетъ попытку установленія постоянныхъ дипломатическихъ органовъ въ лицѣ легатовъ, имѣющихъ полный иммунитетъ *exco-communicatus*, въ своемъ лицѣ отражавшихъ болѣе общія права всякаго международнаго представительства. Роль легатовъ во внутренней жизни народовъ была велика, но особое значеніе они имѣли, когда Церковь пыталась поднять всѣ христіанскіе европейскіе народы для общихъ крестовыхъ походовъ противъ невѣрныхъ.

Еще болѣе замѣчательны рядъ нормъ, выработанныхъ на соборахъ въ X, XI и XII вѣкахъ и дѣлающихъ последовательную попытку ограничить примѣненіе насилія во время войны и поставить самое право прибѣгать къ войнѣ въ болѣе тѣсныя рамки.

Церковь желаетъ, чтобъ война не только начиналась съ предварительнаго объявленія, но чтобы за 40 дней до ея объявленія сторона, желающая рѣшить конфликтъ

черезъ примѣненіе силы, обратилась бы къ добрымъ услугамъ или посредничеству церковнаго суда (*quarantaine de l'Eglise*).

Наряду съ этимъ Церковь на соборахъ устанавливаетъ ограниченную нейтрализацію во времени, причѣмъ дни и сроки измѣнялись, но нормально это были дни отъ субботы до понедѣльника въ недѣлю, предшествующую Крещенію, со включеніемъ 8 дней послѣ праздника и затѣмъ дни въ промежутокъ времени отъ великаго поста до Троицы и, наконецъ, во всѣ крупныя праздники. Эти дни назывались *Treuga Dei*. Санкціей перемирія была присяга вассаловъ и вассаловъ (*juger la paix*) подъ угрозой въ случаѣ нарушенія отлученія отъ Церкви.

Кромѣ того, въ моментъ тяжелыхъ бѣдствій, голода и эпидемій, постигшихъ Европу въ первой половинѣ XI вѣка, служители Церкви становятся во главѣ движенія, требующаго установленія *общаго мира*. Это движеніе начинается во Франціи и тамъ, протягивая руки къ небу, епископы восклицаютъ „рах, рах!“; за ними эти слова повторяются вѣрующими и на мѣстныхъ соборахъ принимается рѣшеніе объ установленіи общаго мира на пять лѣтъ, причѣмъ нарушители мира лишаются причастія и погребенія (1083 г.). Это движеніе затѣмъ черезъ Львѣжъ и Кельнъ переходитъ въ Германію. Позднѣе на знаменитомъ Клермонскомъ соборѣ, когда поставленъ вопросъ о первомъ крестовомъ походѣ, проблема европейскаго общаго замиренія ставится снова на очередь и получаетъ санкцію папы Урбана II (1095 г.).

Каноническому праву, кодифицированному частично на разныхъ соборахъ (1051, 1095, 1096 и д.), известна и нейтрализація лицъ, которыя во время вооруженныхъ столкновеній подлежатъ неприкосновенности: это крестьяне, торговцы, женщины и монахи. Церковному праву известна и пространственная нейтрализація храмовъ и кладбищъ. Кромѣ того, запрещается уничтоженіе и поврежденіе земледѣльческихъ орудій, скота, плодовыхъ деревьевъ, особенно оливковыхъ на югѣ, и зерна. Наконецъ, Церковь дѣ-

даёт робкую попытку признать некоторые средства и способы борьбы запрещёнными. Она в буллетах Иннокентия III признаёт недопустимым метание камней и стрельба машинами в осаждённые города и прокликает отравленные стрелы, бывшая в то время в большом ходу.

Вместе с тем уже, в VI веке (собор в Агдэ) Церковь заботится о выкупе плённых и для этого отменяются правила, запрещающие отчуждение церковного имущества, и епископы, чтобы собрать деньги на выкуп плённых, продают церковные драгоценности, утварь, облачения и даже чаши. Для тех же целей создаются в различных христианских странах «благотворительные братства» и «общества милосердия», члены которых дают обет стремиться всеми силами к освобождению плённых.

Глава Церкви является и высшим международным судьёй. Он в лице папы считает себя единственно призванным судить монархов за их личные преступления, как убийства и прелюбодеяния, или выступать судьёй в споры между сюзереном и вассалами, или между королями и народом и иногда и освобождать своего подданных от присяги.

Но наряду с этим он судит и монархов в их спорах между собой и целый ряд пап таких, как Александр III, Гонорий III, Иоанн XXII, Григорий XI, Александр VI, Климент VIII, Григорий XV и Климент XI, выступал в качестве третейских судей.

Иногда эти притязания папы вызвали конфликты и, когда Бонифаций VIII в 1296 году пытался авторитарно решить спор между королём английским и королём французским, стороны согласились передать свой спор папе только, как *privata persona Benedictus Gaetanus*, но приговор в сестеки последовал в присутствии консистории и в форме папской буллы.

Папа считает себя в праве создавать новые государства, как это было с Португалией, которая должна

была платить папе ежегодно дань в размере четырёх унций золота, и подтверждать раздѣль вселенной в части, еще не завоеванной европейцами, между двумя католическими государствами (Испанией и Португалией в 1506 г.).

Но глава Церкви является не только гарантом, хранителем и блюстителем права в международных отношениях, он заботится и об упрочении своего политического господства и, располагая сильным средством принуждения в виде отлучения, он ведёт открытую борьбу с представителем свѣтской универсальной власти.

Апологеты власти папы оправдывают это безпределное расширение авторитета главы Церкви. Папа в Риме — епископ вселенной. Власть его от Бога и правила, им провозглашаемая, — правила мирового значения. Сам папа не связан ничѣм. Он может судить всех, не будучи судим никѣм. Власть его без числа, безъ вѣса и безъ мѣры.

Вместо духовного общения разноплеменных и разноязычных народностей утверждается принцип единовластия и традиция языческого Рима возрождается с удивительной силой в эпоху Григория VII и Иннокентия II. Единству права и единству языка должно соответствовать единство господства. Свѣтская власть лишь отражение власти духовной и высшее руководство свѣтским управлением должно принадлежать Намѣстнику Петра в Риме.

Не было сомнѣній, что именно Церкви принадлежало консолидировать общение христианских народов — *respublica christiana*, но только одинъ вопросъ какъ будто оставался нерѣшеннымъ. Создадутся ли национальные церковные автономные организации и будетъ ли рѣшающая роль принадлежать церковнымъ соборамъ или же возметъ верхъ стремление папы къ единоличному господству.

Еще в XV веке соборы утверждали, что власть соборовъ отъ Иисуса Христа, что папа, какъ и всѣ священ-

носслужители и вѣрующіе, должны подчиняться соборамъ, что, если папѣ и принадлежитъ первенство, то это первенство не равносильно суверенитету. Наоборотъ, папы утверждали, что соборы имѣютъ авторитетъ только благодаря священію ихъ дѣятельности со стороны главы Церкви и что рѣшенія собора могутъ быть обжалованы въ Римѣ. Борьба съ императорской властью, борьба съ национальными вновь возникшими государствами, желаніе играть роль въ политической жизни народовъ и, наконецъ, внутренній конфликтъ на лояль самой Церкви ослабили ея положеніе и, наконецъ, глубокая потребность оздоровленія всей церковной организаціи, вылившаяся въ попытки ея реформировать и проявившаяся прежде всего въ Англии, затѣмъ въ Чехіи и значительно позднее въ Германіи привели къ тому, что были безповоротно ликвидированы притязанія католическаго Рима стать наслѣдникомъ античнаго императорскаго Рима.

Наряду съ духовною универсальною властью главы Церкви въ средніе вѣка формируются и свѣтская власть, претендующая на мировое господство.

Для теоретиковъ свѣтскаго императорскаго владычества въ обществѣ христіанскихъ народовъ можетъ быть только одно господство и оно принадлежитъ императору, главѣ Священной Римской Имперіи, народившейся въ Рождественскую ночь 800 года, когда состоялась въ Римѣ рождественная коронація Карла Великаго.

Императоръ можетъ быть только одинъ въ мирѣ и онъ одинъ выше всѣхъ другихъ царей. Глосса утверждаетъ: Imperator est superior, est dominus omnium nationum, Imperator coronabit omnes reges.

Въ мирѣ должна быть одна политическая власть, утверждаетъ великій итальянскій поэтъ Данте. Только всемірный монархъ можетъ быть выше страстей и злоупотребленій и только онъ можетъ положить конецъ кровавымъ столкновеніямъ народовъ и установить миръ черезъ прочный правопорядокъ. Въ природѣ лежитъ начало единства и, если вселенная правится волей Всевышняго,

народы должны признать начало единого личнаго господства.

Глава Священной Римской имперіи, по мнѣнію глоссаторовъ, — единственный законный преемникъ римскихъ цезарей и онъ тѣмъ самымъ унаслѣдовалъ и власть надъ всѣми народами, признававшими господство Рима. Онъ владычествуетъ, какъ ставленникъ Божій, и владычество того, что только онъ — носитель высшей власти, его господство стоитъ выше *ius publicum* и *ius privatum* всѣхъ другихъ народовъ.

Императоръ — владыка міра, *dominus mundi*, Запаदा и Востока и поэтому онъ одинъ является источникомъ *ius gentium*. Право это лишь одно изъ двухъ орудій и средствъ императорской власти. Другое орудіе это военная мощь и военное принужденіе. Baldus рѣзко нападаетъ на французскихъ теологовъ и юристовъ, пытающихся обосновать самостоятельность французской королевской власти. На самомъ дѣлѣ суверенитетъ лишь свойство императорскаго господства. Одинъ императоръ есть судья и посредникъ въ спорѣ между народами, только онъ можетъ наказывать народы, нарушающіе договоръ или не выполняющіе условія міра, и народы вообще не располагаютъ свободой вести войну, или прибѣгать къ силѣ для защиты своихъ правъ (6). Такимъ образомъ отрицается внѣшній суверенитетъ государствъ и высшимъ судьей въ спорахъ народовъ дѣлается глава имперіи. Международное право нуждается въ санкціи и принужденіи. И то и другое дается императоромъ, являющимся живымъ закономъ, олицетвореніемъ справедливости и ослотомъ общаго міра. Не можетъ быть никакого другого права для странъ, прямо или косвенно подвластныхъ преемникамъ цезарей, кромѣ права, опредѣляемаго императорскою волей.

Отсюда дѣлаются и соответственные выводы и Балдоусъ и Азономъ. Только войны, ведомыя императоромъ, или

6) Baldus in D. XLIX, 15, 1.

съ его разрѣшенія, являются справедливыми и враги пользуются правами воюющей стороны (*hostes*), остальные войны — простое насилие, и народы, прибѣгающіе къ такому насилию, заслуживаютъ лишь ими *praedones vel latrones*.

Такова была формальная теорія, на самомъ дѣлѣ никогда не соответствовавшая реальнымъ отношеніямъ средневѣковыхъ народовъ.

Цѣлый рядъ государствъ открыто и настойчиво утверждалъ свою самостоятельность и полную независимость отъ императорской власти. И болѣе добросовѣстные глоссаторы вынуждены были признать, что въ имперіи имѣются государства, фактически не признающія надъ собой высшей власти. Бальдъ говоритъ такъ лишь объ одной Франціи (*regnum superiorem non recognoscens habet in se imperium*), но дальнѣйшее историческое развитие ставитъ аналогичный вопросъ и относительно Венеціи и Испаніи и цѣлаго ряда другихъ державъ.

Для Венеціи глоссаторы ищутъ специальное оправданіе. Если одни говорятъ объ особыхъ привилегіяхъ Венеціи, то другіе объясняютъ ея свободу естественными условіями, ея господствомъ на морѣ, возможностью для нея закрыть свой портъ и лишить этимъ Италію подвоза необходимыхъ продуктовъ.

Ликвидация феодализма и формировація крѣпкихъ національныхъ государствъ, дорожащихъ своимъ правомъ быть никому не подчиненными, привели къ ослабленію авторитета имперіи. Франція въ эпоху Филиппа Красиваго въ XIV вѣкѣ, Англія въ XIII вѣкѣ уже являются замкнутымъ политическимъ цѣлымъ, не желающими считаться съ притязаніями апологетовъ Священной Римской Имперіи, и французскіе юристы настойчиво утверждаютъ, что французскій король *in regno suo est imperator regni sui*.

Борьба съ Церковью и борьба съ новыми національными государствами ослабили имперію и привели къ ея существованію лишь, какъ фантома, какъ тѣни прежняго господства и величія.

Имперія, конечно, сыграла крупную роль въ поддержаніи европейскаго мира и въ сближеніи народовъ на всемъ грандіозномъ пространствѣ отъ Нѣмецкаго до Средиземнаго моря. Но было бы ошибочно утверждать, что господство имперіи было только мирнымъ, что слабости дѣлала имперію неопасной для противниковъ и что на основѣ имперіи сложилось въ Европѣ своеобразное равновѣсіе отчасти и потому, что самое могущественное образованіе было вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ слабымъ.

Имперія культурно и экономически дала очень много германскому народу, но она была элементомъ не только мирнаго расширенія, но и грандіозной крѣпостью, откуда германскій народъ успѣшно дѣлалъ набѣги и завоеванія и откуда германская колонизація на востокъ покорила земли восточнаго Одера и Лабы (Эльбы). Здѣсь были уничтожены славянскія племена и отсюда нѣмецкіе меченосцы глубоко проникли въ земли, гдѣ мѣстное населеніе было финскаго и литовскаго происхожденія. Имперія была оплотомъ для колонизаціи не только въ восточномъ, но и въ южномъ направленіи и понадобились героическія усилія со стороны небольшого западнаго славянскаго (чешскаго) народа, чтобы избѣжать участи славянъ въ Мизіи (Саксоніи) и Поморьѣ (Помераніи). Имперіи однако удалось остановить продвигеніе турокъ и въ непрерывной охранѣ юго-восточной границы Европы было одно изъ оправданій ея существованія.

Название имперіи пережило эпоху ея расцвѣта и упадка, но ослабленіе ея политическаго значенія окончательно фиксируется къ половинѣ XVII вѣка (Вестфальскій миръ, ср. Отдѣлъ III).

Ученіе о единствѣ рода человѣческаго, о всемирной Церкви — *ecclesia universalis*, о единомъ законѣ — *lex una* и о единомъ владѣнн — *unicus principatus* было только идеологической основой и выстѣпъ стѣпнѣ

правовой и политической целью для оправдания притязаний духовного и светского господства.

В области реальных отношений и действующего права наряду с феодализмом и иерархическим владением Церкви складывались другие условия жизни народов, которые таили в себе развитие новых отношений не на основѣ универсализма, но на основѣ раздробленія единой системы на отношения единиц, другъ другу неподчиненных, свободныхъ и считающихъ, что по праву надъ ними нѣтъ и не можетъ быть высшей власти.

Прежде всего это идея национальных государствъ, уже какъ будто находящихъ свои первыя пока неопредѣленные историческія границы послѣ распадѣнія державы Карла Великаго и послѣ Верденскаго договора (843 г.). Обликъ Франціи и Германіи уже начинаетъ обрисовываться и, особенно послѣ Буванъ, надо говорить о нихъ какъ о национально замыкающихся образованияхъ.

Наряду съ этимъ въ предѣлахъ имперіи и другихъ государствъ складываются городскія республики, являющіяся, особенно въ Италіи, не только торговыми центрами, но и политически самостоятельными образованиями, въ культурномъ отношеніи играющими совершенно исключительную роль.

Наконецъ, на периферіи Священной Римской Имперіи имѣются на сѣверѣ германскія, на востокѣ славянскія, на югѣ мусульманскія державы, являющіяся безспорно самостоятельными.

И если теоретически должно быть проведено *ordipatio ad unum*, то живая реальность даетъ комплексъ свободныхъ, неподчиненныхъ другъ другу образований и подъ общимъ идеологическимъ покровомъ единства явственно видна черта международнаго безвластия и наличность общей координационной системы права, не находящей точки опоры въ идеѣ единой *civitas maxima* на свѣтской или духовной основѣ.

На элементахъ этого координаціоннаго права необходимо остановиться подробнѣе, потому что, хотя оно

и не является откровеніемъ въ жизни народовъ, но изъ этой системы непосредственно и непрерывно выросли многіе институты действующаго права.

§37. Положение иностранцев. §38. Роль договорного права в средние века. §39. Органы международного представительства и их положение: неприкосновенность монархов и рождение постоянного дипломатического представительства. §40. Развитие консульского права в средние века.

Положение иностранцев у германских и славянских племен определялось тем, что принципиально они были вне племенного правопорядка и потому не пользовались охраной мира. В действительности однако иностранец не был безправен, он только нуждался в покровительстве частных лиц или короля, но повидимому даже в этом случае при убийстве чужеземца родственники последнего не имели права на денежное удовлетворение.

Особый институт получает почти общее распространение — это Wildfangrecht, превращение иностранца после пребывания в чужой территории в продолжение одного года и одного дня в несвободного. Показателем новых отношений однако являются фламандские coutumes (особенно в Waes), где утверждается другой принцип: иностранцы (aubains), которые вступают в страну Waes, остаются свободными, если они были свободными; если они были духовного звания, они тоже таковыми остаются и не могут быть обращены в рабство; если же они были рабами, они рабами и остаются⁷⁾. Для обеспечения существования иностранцев и особенно иностранных купцов создается внутренним законом особый норм. Законодательство Карла Великого запрещает отказывать иностранцам в пристанище, воде и огне, а другая система варварских прав (особенно Визиготское) представляют иностранцам и

7) Redtslob. L'Histoire des principes du droit des gens. 1923, стр. 129.

ряде других привилегий: право пастбища, право срывать фрукты и овощи, право ловить рыбу, получать дерево на починку своих перевозочных средств и т.д. Другой мотив характерен для примитивных племенных образований. Они ведут борьбу не для массовых человеческих жертвоприношений и не для обращения покоренных в невольников. Победители на первоначальных ступенях развития общественной жизни почти также безпомощны, как и побежденные, и они в конце концов предоставляют побежденным жить, как им заблагорассудится. В итоге славянских и германских племенам нормально известно ни полное уничтожение врага, ни массовое обращение его в рабство. Победенному противнику сохраняется и его земля, и его внутренняя система управления и более всего его обычаи и права. В конце концов создается система персональности статута, когда при сближении и перемешивании племен, каждый представитель племени сохраняет право жить по своему племенному праву. В результате в V веке складывается очень своеобразная система сожителства разных правовых племенных обычаев, где каждое лицо живет secundum legem ipsius partiae. Принадлежность к племенному или римскому праву выясняется не в форме общей регуляции личного статута, но конкретно при каждом правовом споре, когда судьей ставится вопрос: Quo iure vivis? (8).

Но если разрешается в пределах правового объединения разных племен (границы которого в сущности совпадали с пределами французской державы) жить каждому по своему праву, но это не значило, что иноплеменник имел все те права, которые ему обеспечивались его национальным статутом.

Салический закон запрещает иностранцам приобретать недвижимость. За тем целый ряд других за-

8) Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte. 1887, стр. 254 и далее.

коновъ и обычаевъ ограничиваетъ права иностранцевъ на наследованіе. Иностранецъ живетъ по милости королевской власти и послѣдняя вознаграждаетъ себя за покровительство захватомъ части или всего имущества умершаго иностранца (jus albinagii, droit de l'aubaine). Если въ германской державѣ императоръ Фридрихъ II въ началѣ XIII вѣка (1220 г.) разрѣшаетъ иностранцамъ наследовать по завѣщанію и по своему национальному закону, то во Франціи средневѣковая система сохраняется очень долго и только Великая Революція 1789 года кладетъ конецъ подобной практикѣ, которая на самомъ дѣлѣ существовала къ концу стараго режима лишь теоретически, такъ какъ около 66 международныхъ договоровъ, заключенныхъ съ другими государствами, обязывали французскихъ королей отказаться отъ этихъ старыхъ прерогативъ.

Такая практика была извѣстна и другимъ народамъ, причемъ на русскомъ языкѣ jus albinagii переводился словомъ «зауморшина». Въ концѣ XV вѣка, когда изъ Москвы снаряжается посольство въ Константинополь, послу Плещееву ставится въ обязанность протестовать противъ тѣхъ злоупотребленій, которыя допускались турецкими властями при осуществленіи этого права. Въ этомъ дипломатическомъ документѣ дается слѣдующая картина турецкой практики: "...Если гость (русскій купецъ) умираетъ, то зауморщики берутъ его товаръ. А человекъ пять или шесть на одномъ котлѣ и одинъ изъ нихъ заболѣетъ какою болѣзью, да еще живъ, то зауморщики всѣхъ его товарищей отсылаютъ и у всѣхъ тѣхъ товарищей товаръ запечатываютъ; и какъ только больной умретъ, они всѣхъ ихъ товаръ забираютъ, называя товаромъ покойника; если же больной не умретъ, то половину товара отдадутъ, а другой половины не отдадутъ. А, если больной захочетъ товаръ отдать брату своему, или племяннику, или пошлетъ съ товарищемъ своимъ къ женѣ, дѣтямъ или родственникамъ, то зауморщики еще у живого отнимаютъ товаръ, а товарищей къ нему не пускаютъ". Въ отвѣтъ своему Ве-

дикому Князю турецкое правительство увѣряло, что цѣликомъ имущество покойнаго никогда не захватывается, а берется только пошлина въ размѣрѣ половины наследственной массы (9). Одно безспорно, что jus albinagii порождалъ безконечныя злоупотребленія и мѣшалъ развитію торговыхъ сношеній. Поэтому французскіе короли специальными ордоннансами освобождали иностранныхъ купцовъ и отъ особаго налога на иностранцевъ (droit de chevage) и отъ опасности потерять въ случаѣ смерти всѣ свои товары. Такого рода привилегіи давались участникамъ большихъ ярмарокъ въ Лионѣ или Шампани.

Постепенно исчезаетъ жестокое право по отношенію къ жертвамъ кораблекрушеній, имущество которыхъ первоначально подлежало захвату со стороны прибрежнаго правителя (droit d'épave, droit de bris, ou de naufrage). Церковь первая протестуетъ противъ этого жестокаго пережитка старины, затѣмъ дошедшій до насъ сборникъ морского права Roles d'Oléron устанавливаетъ суровую казнь за осуществленіе подобнаго права. Однако возможно, что эта статья не относится къ 1100 году, но является позднѣйшей прибавкой. Въ ней наряду съ упоминаніемъ казни устанавливается долгъ для территоріальнаго властителя подобрать остатки корабля и выброшенные моремъ товары съ судна, чтобы вернуть собственнику. И въ Иерусалимскихъ ассизахъ (памятникъ XIII вѣка) говорится, что прибрежному государю принадлежитъ право только на одну мачту и руль, а все остальное принадлежитъ возврату собственникамъ. Императоръ Фридрихъ II въ рядѣ договоровъ съ саррацинами опредѣленно аннулируетъ это право и такого же рода постановленія содержится въ договорахъ Триполи съ Генуей и съ Венеціей (1236 г. и 1356 г.).

Другимъ факторомъ, создававшимъ затрудненія въ торговыхъ сношеніяхъ былъ принципъ круговой поруки,

9) Неклюдовъ. Начало сношеній Россіи съ Турціей. 1883, стр. 46-47.

который состоял в том, что иностранные купцы иногда теряли свое имущество, которое шло на уплату долгов их соотечественников. Поэтому итальянских морских республик Венеция и Генуя добиваются со стороны Египта, Туниса и Триполи определенных обязательств, что генуэзцам и венецианцам гарантируется личная и имущественная неприкосновенность, причем они не могут нести материальной ответственности за действия своих соплеменников (договоры 1236 г., 1238 г. и 1356 г.). Наиболее ясно и отчетливо гарантируется начало открытй доступа в страну Англией в Magna Charta Libertatum (1215 г.) (10) дгь открытй провозглашается право свободного въезда и выезда в пределы и изъ предельов Англии для иностранных купцов, подлежащих охраной со стороны государственной власти не только во время мира, но и во время войны, хотя обговоркой, что в последнем случае будет примениться начало взаимности. Черезвычайное покровительство со стороны королей иностранным купцам, в особенности немецким, вызывает в английском народѣ сильнѣйшую реакцию и отдѣльные города Англии самовольно устанавливают рядъ ограничений для иностранных торговцев. Это не мѣшает однако Генриху III дать на вѣчныя времена право свободной торговли городамъ Фландрии и Эно и позднее установить, в случае открытй военныхъ дѣйствій, срокъ для выезда изъ предельов Англии подданнымъ противной стороны в 40 дней. Многочисленные торговые договоры Генуи и Венеции съ Византией, Тунисомъ, Египтомъ, Ганзой съ цѣлымъ рядомъ городовъ въ Сѣверной и Восточной Европѣ устанавливають

10) Ст. 41 Magna Charta гласитъ: „Omnes mercatores habeant saluum et securum exire ab Anglia et venire in Anglia, morari et ire per Angliam tam per terram quam per aquam ad emendum et vendendum sine omnibus malis tollis per antiquas et rectas consuetudines“.

принципъ полного или частичнаго открытй доступа въ соотвѣтственнаго государства, причемъ почти всюду организуется и специальная юрисдикція для иностранныхъ торговыхъ колоній, которыя живутъ въ чужихъ земляхъ по собственному праву и являются государствомъ въ государствѣ.

Въ средневѣковой жизни большую роль играютъ частныя репрессалли. Отдѣльный гражданинъ, имѣя свои интересы, нарушенные чужеземцемъ, часто прибѣгаетъ къ насилию надъ соотечественникомъ послѣдняго, взыскивая съ него причитающіяся ему деньги или товары.

Подобное право признается еще въ англо-французскомъ договорѣ 1235 г., но затѣмъ устанавливаются другіе прецеденты. Необходимо, чтобы постановленіе об исполненіи такого притязанія исходило отъ органа представительственной власти, которая сначала требуетъ добровольнаго выполнения обязательствъ со стороны отвѣтника. Такова была практика итальянскихъ торговыхъ республикъ и постепенно она получаетъ санкцію международныхъ договоровъ сначала главнымъ образомъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря, чтобы затѣмъ позднее въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ получить примѣненіе и между Англией и Франціей.

Торговыми сношеніями народовъ въ средніе вѣка въ большемъ масштабѣ еще незнакома система конкуренціи, соперничества и попытокъ монополіи морскихъ сношеній. Господствующей точкой зрѣнія является, несмотря на притязанія итальянскихъ республикъ, Англии, Дании и Норвегіи, еще примитивное христіанское воззрѣніе, что люди должны находиться въ мирномъ постоянномъ обменіи другъ съ другомъ, что море не объектъ господства, но «добрая стихія», не являющаяся вообще по самой природѣ своей собственностью какого-либо одного государства (11). Национальныя государства, только

11) Папа Александръ III протестуетъ противъ попытокъ Генуи создать затрудненія для мореплаванія въ

начинавшая складываться, относились терпимо и без вражды къ тому своеобразному явленію, что главными посредниками въ морской торговлѣ на югѣ былъ нѣсколько богатыхъ итальянскихъ республикъ, а на сѣверѣ на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ цвѣтущая Ганза.

Другой типичной чертой было сравнительно слабое развитіе территоріальной власти, извѣстная индифферентность къ тому, какъ живутъ въ предѣлахъ государства иностранцы, по собственному ли національному закону, или по мѣстному. Чужеземцы не были *subditi temporarii*, наоборотъ они считали себя вполне свободными жить по своему праву и слѣдствіемъ этого было нѣрѣдко созданіе ими своей администраціи и всего суда.

Въ этомъ смыслѣ въ средніе вѣка, несмотря на пережитки старыхъ варварскихъ законовъ, положеніе иностранцевъ было проще и принципиально гораздо менѣе связано велѣніями мѣстной власти, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху, когда новая политическая власть принимаетъ рѣзко ограниченный территоріальный характеръ, сознаетъ тѣсную связь торговли съ подъемомъ благосостоянія страны и поэтому старается въ связи съ новыми государственными задачами лишить иностранцевъ возможности извлекать лишь выгоды изъ пребыванія въ странѣ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно свободными отъ тяжелыхъ подданныхскихъ обязанностей.

Порядокъ отношеній между народами въ средніе вѣка нормально регулировался договорами, причемъ однако предпосылками договорнаго права являлся обычай, опредѣляющіе порядокъ заключенія договоровъ, и затѣмъ религиозная санкція: сознание, что нарушеніе договора есть преступленіе предъ лицомъ Господа. Конечно, и ры-

Средиземномъ морѣ: „non decet vos huius modi proprietates in mari requirere quas paganos etiam non legimus requisisse". Valéry. Le pape Alexandre III et la liberté des mers. Revue générale de droit international public. 1907, стр. 240 и д.

царское понятіе чести требовало соблюденія разѣ даннаго слова, но такое же понятіе существовало и у мусульманъ и у тѣхъ европейскихъ народовъ, которымъ былъ незнакомъ институтъ рыцарства. И мотивъ этотъ извѣстенъ и по исторіи древней Руси. Въ любопытномъ обращеніи императора Цимисхія къ Святославу имѣются одновременно указаніе на оба момента, скрѣпляющіе соглашенія: „Уповаю на Провидѣніе, управляющее вселенной, и повинуюсь божественнымъ законамъ, мы не должны произвольно разрывать мира нашего, непоколебимо до насъ дошедшаго отъ предковъ нашихъ, между которыми самъ Всевышній былъ посредникомъ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ средніе вѣка искали выхода изъ положенія, когда по тѣмъ или другимъ политическимъ соображеніямъ желательно было освободиться отъ договорныхъ обязательствъ. Въ этомъ отношеніи частно-правовыя аналогіи давали чрезвычайно богатый матеріалъ, потому что, если договоръ есть соглашеніе воль стороны, то стороны должны быть свободны и, при наличности обмана, насилія, или лаезю епогшѣ, стороны тѣмъ самымъ освобождались отъ принятыхъ обязательствъ. Кресты, воспитанные на традиціяхъ римскаго гражданскаго права, слишкомъ часто злоупотребили аналогіями и поэтому во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній иногда стороны въ самомъ текстѣ договора специально оговаривались, что они не будутъ прибѣгать къ такому рода толкованіямъ соглашенія. Такого рода оговорка содержится въ договорѣ Филиппа Валуа съ Иоанномъ королемъ чешскимъ въ 1344 г. и Венеціи съ Триполи въ 1356 г., гдѣ отвергается всякаго рода искусственныя толкованія: „remotis exsertionibus, cavillationibus et opposotionibus quibuscumque, et omnibus aliis inventionibus, coloribus et cavillis... (12).

Общихъ нормъ для формы заключенія договоровъ не было въ средніе вѣка, какъ ихъ нѣтъ и въ настоящее

12) Strupp, Urkunden des Völkerrechts, дополнит. томъ 1912, стр. 42.

время. Но все-таки в XIII и XIV вѣкахъ гораздо чаще, чѣмъ позднѣе договоры принимали аутентичную форму, они регистрировались и записывались специальными органами, выполнявшими функции международных или государственных нотариусовъ. Самая запись происходитъ въ присутствіи свидѣтелей. Функции нотариусовъ выполняютъ или доверенныя лица папы или свѣтскія лица, специально для этого находившіяся при монархахъ (13).

Къ XV вѣку устанавливается двоякая форма соглашеній: обмѣнъ односторонними актами или же скрѣпленіе общаго одного акта. Первая форма была по всей вѣроятности болѣе распространенная, чѣмъ вторая. Очень часто посланникъ не имѣлъ права подписывать текстъ договора, но снѣ только представлялъ проектъ своего государя, или получалъ проектъ чужого. Вслѣдствіи тотъ или другой проектъ могъ получить одобреніе другой стороны, но иногда никакихъ формальныхъ слѣдствъ отъ подобнаго соглашенія не оставалось.

Скрѣпленіе общаго акта могло принимать характеръ не подписанія договора, но выработанныхъ сообще стаетей, получавшихъ сначала подпись одной стороны, потомъ другой. Наконецъ, нѣкоторыя грамоты, составленныя сообща, разрѣзывались пополамъ и каждая изъ сторонъ получала половину грамоты. Большое распространеніе имѣла и вербальная форма соглашеній, когда князья или короли на личномъ свиданіи сговаривались объ условіяхъ и затѣмъ скрѣпляли ихъ рукопожатіемъ, обмѣномъ или поцѣлуемъ.

По разсказу нашего лѣтописца, когда Свигославу былъ предложенъ греками миръ, князь, послѣ принятія подарковъ, „нача хвалити и любити и целовати царя“. „Osculum quod pacis vocant“ былъ символическимъ знакомъ мирнаго соглашенія сторонъ, прекращавшихъ этимъ самымъ кровавую свою борьбу. Въ 1070 году Болеславъ польскій далъ поцѣлуй мира русскому князю Изяславу

„pacis osculum satis pretiosum“, взявъ его за бороду.

Условія мира между княземъ польскимъ Болеславомъ III Кривоустымъ и княземъ Вратиславомъ поморскимъ скрѣплены были въ присутствіи вождей и сановниковъ «поцѣлуемъ любви».

Въ удѣльной Руси тоже существовалъ этотъ обычай и въ 1111 году Владиміръ въ знакъ примиренія съ Святполкомъ съ нимъ «цѣловастяся» (Лонгиновъ. Договоры русскихъ съ греками. 1904, стр. 94-95).

Если договоръ заключается самими государями, онъ можетъ немедленно вступить въ силу, но если для его заключенія отправлены лишь уполномоченные, договоръ признается вступившимъ въ силу по одобренію его главою соответственнаго государства. Въ монархическихкихъ странахъ такое одобреніе или ратификація исходитъ отъ государя, которые однако дѣйствуютъ не самостоятельно, но часто выслушиваютъ мнѣніе или рѣшеніе сословій, а въ республикахъ аналогичныя функции выполняютъ сенатъ или народное собраніе.

Только къ XV вѣку вырабатываются опредѣленные прецеденты о необходимости ратификаціи, при этомъ очень часто указывается, что ратификація должна послѣдовать со стороны государей и трехъ сословій. При заключеніи договора въ Этаплѣ въ 1492 году Генрихъ VII англійскій и Карлъ VIII французскій должны были подтвердить заключенное соглашеніе особыми указами съ личными подписями, подкрѣпленными клятвой. Въ теченіи одного года три сословія каждаго королевства должны были одобрить, подтвердить и скрѣпить присягой условія договора. Англійскій парламентъ выполнялъ эти обязательства, хотя только въ 1495 году, но во Франціи король удовлетворился спросомъ мнѣнія провинціальныхъ сословныхъ собраній и городовъ. Затѣмъ оба государя обмѣнялись торжественными актами о ратификаціи.

Одной изъ своеобразныхъ чертъ средневѣковаго международнаго права была тщательная разработка гарантій.

Конечно, еще Балдь учил, что отъ государей требуется самая исключительная вѣрность слову и въ русскихъ древнихъ международныхъ договорахъ встрѣчается формула, что они имѣютъ силу «дожде солнце съядетъ и весь миръ стоитъ» (договоръ 945 г. съ Византiей), но наряду съ этимъ наблюдается стремленiе усилить правовую силу привнесениемъ религознаго момента. И это достигалось клятвой и совершениемъ другихъ обрядовъ. Въ соглашенияхъ упоминается имя Господа и въ древней Руси происходило цѣлованiе креста, а въ Западной Европѣ клянутся на Евангелии, на мощахъ святыхъ или на священныхъ реликвияхъ, какъ это было съ Людовикомъ XI французскимъ и Карломъ Смѣлымъ бургундскимъ, которые обмѣнялись клятвой на Древо Господнемъ. И еще раньше Филиппъ бургундскiй и Карлъ VII французскiй клялись въ присутствii кардиналовъ и делегатовъ отъ Базельскаго собора, причемъ заранее условились, что нарушение клятвы повлечетъ за собой отлученiе отъ Церкви.

Казалось, что это самая вѣрная санкцiя, но волѣдствие злоупотребленiй со стороны папской власти, иногда освобождавшей одну или другую сторону отъ обязательствъ по договору, на исходѣ средневѣковья государи специально упоминаютъ, что не будутъ обращаться къ папѣ съ просьбами объ освобожденiи отъ клятвы или отъ тѣхъ или иныхъ условий договора: «somme si cette abolition ou annulation ne fut oncque faite et donnee» (въ договорѣ 1391 г. королей Шотландii и Францiи).

Помимо клятвы, другой гарантiей договоровъ было поручительство. Въ этомъ отношенiи феодалная система устанавливала своеобразные прецеденты. Договоры скрѣплялись подтвержденiемъ со стороны вассаловъ, которые этимъ самымъ присоединяли къ отвѣтственности создателя еще и свою. Они дѣлались близкителами договора «conservatores pacis». Они прикладываютъ къ акту свои печати и торжественно утверждаютъ, что они откажутъ въ повиновенii и не дадутъ военной помощи создателю, если послѣднiй не сдержитъ своего слова, потому что и

отношенiя вассаловъ къ создателю опредѣляются соглашенiемъ и создателю, совершающiй правонарушенiя не можетъ требовать выполненiя обязательствъ отъ своихъ вассаловъ (14).

Такого рода поручительства встрѣчаются очень часто и сохраняются въ измѣненномъ видѣ въ XV и XVI вѣкахъ, когда въ 1493 году французскiе города рвутся за выполненiе условий договора Карломъ VIII, а города Нидерландовъ императоромъ Максимилианомъ и его сыномъ Филиппомъ. Въ договорѣ императора Максимилиана съ Людовикомъ XII французскимъ утверждается, что государи Германии и всей Священной Римской имперii будутъ считаться хранителями заключенныхъ условий договора въ томъ смыслѣ что они имѣютъ право и обязаны защищать того, кто соблюдаетъ договоръ, прогнать того, кто ихъ нарушаетъ (15). Иногда необходимо принятiе и другихъ гарантiй, когда дѣло идетъ о выполненii материальныхъ условий соглашения. Въ такомъ случаѣ происходитъ закладъ частой территорii или отдѣльныхъ городовъ. Венецiя очень часто давала въ заемъ крупныя суммы германскимъ императорамъ: Карлу IV, Фридриху III, Максимилиану и Карлу V и за это получала гипотеку на Тревизу, Фриуль и части Краацци. По договору въ Олинѣ въ 1462 году Людовикъ XI въ обезпеченiе займа въ триста тысячъ экю получаетъ города Русильонъ и Сердань. Въ XIV вѣкѣ императоры германскiе закладываютъ королямъ чешскимъ территорiю Эгера, которая съ этого времени остается навсегда соединенной съ чешской короной.

Императоръ Лодовикъ Базарскiй дошелъ до того, что закладываетъ въ обезпеченiе займовъ всю германскую имперiю.

Наконецъ, въ средние вѣка очень распространенной формой обезпеченiя договоровъ является обмѣнъ залож-

14) Redslob. L'Histoire des grands principes du droit des gens, 1923, стр. 123 и д.

15) Redslob. Op. cit. стр. 124.

никами, причем заложники должны быть или принцами королевской крови, или знатными и влиятельными лицами. Эта практика удерживается до XVI века, когда в 1526 году для обеспечения Мадридского договора король Франциск I выдает императору Карлу V двух своих сыновей, которые возвращаются во Францию после уплаты причитавшихся от французского короля денежных сумм в 1529 году.

В середине века еще не находят своего признания начало, что монарх является лишь представителем своего государства, но не прорывает своей личностью все государство. Несмотря на подчиненную роль главы государства в народоправстве, несмотря на очень рано осознавшуюся необходимость ратификации договоров условиями, в средние века сохранила свое значение восточная традиция о том, что международные акты являются правоотношениями монархов, причем они имеют силу лишь в течении жизни государей, как субъектов соглашения. Такой характер имели различные договоры христиан с саррацинами. Такой же персональный характер имела и Лига в Камбре, сохранявшая силу в течении жизни германского императора и французского короля и затем, после их смерти, еще один год (1508 г.). Точно также и первая капитуляция, заключенная Францией с Турцией, имели силу только при жизни Франциска I и Салимана II.

Если государь или монарх персонализирует свой народ, личность его является, хотя принципиально и неприкосновенной, но вместе с тем в некоторых случаях она становится очень ценным залогом. Но вместе с тем простой факт появления чужеземного государя на иностранной территории уже является угрозой для той державы, где он появился. Отсюда путем прецедентов вырабатывается своеобразная норма, что без специального разрешения государь не может появиться на чужой земле, тем более, что, желая охранить свою безопасность, государя путешествовали не только

в сопровождении многочисленной свиты, но и с сильной военной охраной. В результате даже в XVII веке лорд Кук утверждал, что иностранный государь не может вступить в пределы Англии без специального королевского пропуска, а Ришелье арестовал германского принца-паланинга Карла-Людвика, желавшего incognito проехать через Францию, ссылаясь, что без королевского паспорта никто не имеет права пересечь через французскую границу.

Отсюда выработалась система встреч государей у границы, или даже на каком-либо пограничном пункте. Встречи французских королей и германских императоров поэтому чаще всего происходят на пограничной реке Маас, или реки Шьер (931 г.), или на Рейне (921 г.), и такая же практика известна и другим странам.

Несмотря на принципиальное признание неприкосновенности иностранных государей, при вступлении их на чужую землю положение их было далеко не безопасным, даже в среде христианских монархов были часты случаи, когда их захватывали, лишали свободы и освобождали только за выкуп. Такова была история с английским королем Ричардом Львиное Сердце (в XIII в.), захваченным при возвращении с Крестового похода эрцгерцогом австрийским Леопольдом. Два других государя - Филипп Август французский и Иоанн Безземельный английский - предлагали эрцгерцогу за выдachu или за сохранение Ричарда крупную сумму, и только после уплаты выкупа британским парламентом Ричард был отпущен на свободу.

Папа и сам Ричард решительно протестовали против захвата, но в этих заявлениях и той и другой стороны почти нет юридической мотивировки. В средние века и империя и Церковь претендуют на право быть судьями народов и их монархов и оба эти власти считают, что только они в праве произносить приговор над христианскими государями. Это не отрицание прав неприкосновенности, но установление высшей

инстанцій, компетенція которой опредѣляется или ленными отношеніями или принадлежностью къ католической Церкви. Несмотря на совершенно особый характеръ такого рода судебныхъ разбирательствъ позднѣе въ XVI вѣкѣ эти рѣдкіе случаи будутъ служить прецедентами для оправданія казни Маріи Стюартъ, бывшей королевы шотландской въ Лондонѣ въ царствованіе Елизаветы.

Прежде всего это казнь Конрадина Гогенштауфена, бывшаго претендентомъ на императорскій престолъ, попавшаго въ плѣнъ и казненнаго за оскорбленіе императора и какъ врага Церкви и общественной спокойствія (1268 г.). Но это — эпизодъ внутренней борьбы въ предѣлахъ Священной Римской Имперіи. Сюда же относится и второй часто цитируемый случай: заочная казнь по приговору императорскаго суда короля Роберта Неаполитанскаго (1313 г.), поднявшаго въ Италиіи вмѣстѣ съ другими итальянскими государями и городами возстаніе противъ императора Генриха VII. Черезъ годъ папа Климентъ V объявилъ этотъ приговоръ ничтожнымъ, но не потому, что въ судебномъ рѣшеніи отвергается начало неприкосновенности монарха, а по несоблюденію ряда формальностей: невызова въ судъ обвиняемаго и т. д.

Если императоры считали себя въ правѣ судить государей, признававшихъ свою ленную зависимость отъ имперіи, то и папы очень часто прибѣгали къ своему праву суда и иногда, какъ это было съ императоромъ Генрихомъ IV или Иоанномъ Безземельнымъ, отлучали ихъ отъ Церкви и освобождали ихъ подданныхъ отъ присяги, а иногда, какъ это было въ XIV вѣкѣ съ Иоанной Неаполитанской, обвиненной въ соучастіи при убійствѣ ея мужа Андрея венгерскаго, торжественно провозглашали невинность обвиняемыхъ.

При наличности имперіи и католической Церкви и при общей небезопасности покидать предѣлы своей территоріи, главы государствъ могли установить свои притязанія на полный иммунитетъ лишь съ большимъ трудомъ и только въ концѣ XVI вѣка въ связи съ казнью Маріи

Стюартъ опредѣленно начинаетъ устанавливаться въ практикѣ и теоріи начало личной неприкосновенности монарховъ.

Гораздо опредѣленнѣе и яснѣе провозглашается въ средніе вѣка принципъ дипломатическихъ привилегій.

Для исторіи посольскаго права характерны двѣ эпохи: 1) когда существуетъ лишь временное дипломатическое представительство и 2) когда создается постоянное дипломатическое представительство, зарожденіе котораго относится традиціонно къ XV вѣку.

Сознаніе необходимости обезпечить усиленную защиту и охрану личной неприкосновенности представителямъ чужого государства хорошо была извѣстна не только эллинамъ и римлянамъ, но и варварскимъ народамъ. Аттила въ этомъ отношеніи могъ давать уроки вѣроломной и коварной византийской дипломатіи. Это начало находить свое формальное воплощеніе въ различныхъ системахъ варварскаго права, требующихъ усиленнаго денежнаго возмѣщенія при убійствѣ пословъ. Такого рода нормы содержатся и въ Салическомъ, и въ Аламанскомъ, и въ Саксонскомъ, и въ Ломбардскомъ оборникахъ законовъ. Цари остроговъ въ отношеніи защиты правъ пословъ тоже стоятъ на римской точкѣ зрѣніи.

Кромѣ этихъ основныхъ корней посольскаго института два живыхъ примѣра сыграли большую роль въ развитіи дипломатическаго представительства. Это примѣры Византии и Римской Церкви.

Въ Византии существовала сложная организація иностранныхъ сношеній, причемъ у императоровъ имѣлась въ распоряженіи цѣлая категория лицъ, владѣвшихъ чужеземными языками, имѣвшихъ большой служебный опытъ и обладавшихъ большою ловкостью въ веденіи переговоровъ. Надъ народами, пограничными съ греческой имперіей, устанавливался черезъ агентовъ своеобразный контроль и наблюденіе. Но, несмотря на постоянную внутреннюю организацію, внѣшнія сношенія всетаки имѣли болѣе или менѣе временный и случайный характеръ. По-

сламы давались при отправлении очень детальные инструкции и они обязаны были при возвращении представлять подробные отчеты. Въ сношеніяхъ не только съ христіанскими народами, но и съ Персіей подтверждался принципъ неприкосновенности пословъ не только во время мира, но и при наступлении войны. Точно также самымъ подробнымъ образомъ регламентируется и порядокъ приема пословъ. Правда, нормы, провозглашавшіяся Византіей, далеко не всегда послѣдовательно ею примѣнялись, и бывали случаи, какъ, напримеръ, съ посланцами Фридриха Барбаруссы, когда ихъ задерживали и сажали въ тюрьму (1187 г.), но нормально это были лишь исключениями и въ общемъ своимъ примѣромъ Византія оказала большое влияние на развитие права посольства особенно въ итальянскихъ республикахъ и Венеціи.

Другой примѣръ средневѣковыми народами давала Римская Церковь установленіемъ сначала института легатовъ и потомъ нунціевъ.

Уже въ первые вѣка послѣ Рождества Христова римскіе епископы имѣли своихъ болѣе или менѣе постоянныхъ представителей внѣ Италіи. Это были прежде всего «апоркизаріи», которые пребывали въ Константинополѣ и были живою связью западной церковной организации съ имперіей и выраженіемъ преданности и послушанія со стороны римскаго епископа. Съ другой стороны делегатами изъ Рима были и примасы — *primas a sede apostolica delegatus* — бывшіе представителями Церкви въ крупныхъ центрахъ Западной Европы.

Затѣмъ позднѣе вырабатывается болѣе сложная организация легатовъ, распадавшихся по своимъ представительнымъ функциямъ на два класса: *legati a latere* и *legati missi*.

Особенно были широки функции *legati a latere*. Согласно словамъ Григорія VII, онѣ были и представителями и заместителями папы. Онѣ исправляли то, что слѣдовало исправить, онѣ рѣшали, когда нужно было принимать рѣшенія. Онѣ имѣли права епископовъ и архіепископовъ, онѣ только не имѣли прерогативы непосредственно принадлежавшихъ папѣ, какъ главѣ Церкви. Но эти права *legatus a latere* осуществлялъ внѣ Рима, когда онъ выполнялъ свои представительныя функции. Какъ только онъ вступалъ въ стѣны Рима, онъ, подобно послу, отправляемому государемъ, терялъ свои права, становясь лицомъ, подчиненнымъ своему главѣ — папѣ.

Менѣ широкія по объему права имѣли *legati missi*.

Наличность этихъ представителей папской власти въ католическихъ государствахъ была не только живымъ выраженіемъ тѣсныхъ связей этихъ государствъ съ Римомъ, но она была напоминаніемъ о значеніи органовъ международнаго представительства въ жизни разныхъ странъ.

Однако, если принципиально, согласно римскимъ традиціямъ и обычаямъ Византіи и по примѣру Церкви, признается личная неприкосновенность пословъ, то въ средние вѣка еще далеко не дифференцируются особая привилегія дипломатическихъ представителей въ видѣ исключенія ихъ изъ гражданской и уголовной подсудности территориальной власти. Христина Пизанская въ своей любопытной книгѣ XV вѣка говоритъ о томъ, что посламъ должна быть обеспечена свобода передвиженія и возможность безпрепятственнаго выполнения ихъ миссіи, но детальной разработки права пословъ въ литературѣ нельзя найти. Наоборотъ, практика даетъ возможность подѣлать предлогомъ обвиненія въ уголовныхъ преступленіяхъ не только задерживать, но и казнить представителей иностранныхъ государствъ. Въ 1327 году графъ Фландрскій приказываетъ утопить посланнаго ему клерка, подозревая его въ шпионажѣ. Тотъ же мотивами въ XVI вѣкѣ патается оправдать убійство французскихъ пословъ императоръ Карлъ V. Иногда представителей епископовъ заключаютъ въ тюрьму за простое ношеніе оружия.

Нормально, однако, на Западѣ воздерживаясь отъ насилія надъ дипломатическими представителями ихъ при

началъ войны дасть имъ возможность безпрепятственно вернуться на родину. Въ этомъ отношеніи западная практика рѣко расходится съ турецкой, гдѣ послы при началѣ войны задерживаются въ качествѣ заложниковъ.

Если въ настоящее время иммунитетъ посла имѣетъ силу только въ томъ государствѣ, при правительствѣ котораго онъ аккредитованъ, то въ средніе вѣка путешествія пословъ къ мѣсту назначенія были далеко небезопасны. Въ это время даже ссылки на *comitas gentium* повидимому еще не имѣли мѣста и, такъ какъ одни государства всегда относились подозрительно къ сближеніямъ другихъ, путешествующіе послы часто становились жертвами нападеній. Короли Ломбардіи задерживаютъ папскихъ пословъ, направляющихся во франкскую державу, и захватываютъ у нихъ все документы. Генрихъ VI, захватываетъ греческаго посла и приказываетъ ему выколотъ глаза. Городской совѣтъ Франкфурта предупреждаетъ своего посла во второй половинѣ XV вѣка, чтобы онъ не возвращался черезъ Баварію, гдѣ его собираются захватить. И даже въ XVI вѣкѣ турецкій посолъ, ѣдущій во Францію отъ султана Селима II, задерживается въ Венеціи.

Однако, несмотря на весьма неустойчивый характеръ дипломатическихъ привилегій въ эту эпоху, институтъ пословъ дѣлается *постояннымъ*.

Сначала въ Италіи въ половинѣ XV вѣка въ сношеніяхъ между Флоренціей и герцогомъ Сфорца устанавливается постоянное посольство, затѣмъ этотъ прецедентъ находитъ свое широкое примѣненіе въ международныхъ отношеніяхъ Венеціи и очень быстро распространяется по всей Западной Европѣ, гдѣ во Франціи король Людовикъ XI устанавливаетъ первыя постоянныя французскія посольства въ Бургундіи и Англіи и почти одновременно та же практика воспринимается Испаніей и Англіей; наконецъ, императоръ Карлъ V учреждаетъ первыя постоянныя посольства въ Константинополь.

Большая тѣсная политическая связь, развитіе морскихъ и торговыхъ сношеній и, наконецъ, внутренняя кон-

солидація нарождающихся национальных державъ требуютъ болѣе интенсивнаго международнаго оборота и, поэтому прежде временныя представители дѣлаются постоянными. Турція, однако, еще долго не признаетъ обязанности принимать иностранныхъ постоянныхъ пословъ, не считаятъ это лишь осуществленіемъ своего сувереннаго права. Отсюда и специальное условіе въ договорахъ, заключаемыхъ отдѣльными государствами съ Ближательной Цертой о допущеніи въ Константинополь постоянного представительства.

Въ связи съ постоянствомъ посольствъ рядъ проблемъ, связанныхъ съ иммунитетомъ дипломатическихъ представителей, выдвигается въ гораздо болѣе острой формѣ и постепенно прецедентнымъ путемъ объемъ этихъ привилегій точно фиксируется. Но это относится уже къ болѣе поздней эпохѣ, именно къ XVII и даже XVIII вѣку.

Гораздо большее значеніе въ средневѣковой жизни принадлежало специальному виду международнаго представительства, консульскому или торговому, функции котораго однако первоначально были нешироко, чѣмъ въ наше время и напоминаютъ дѣятельность, которая до послѣднихъ дней осуществлялась консулами въ странахъ Ближняго и Дальняго Востока.

Преобразованіе новыхъ органовъ международнаго представительства была греческая проконсія и римскій патронатъ, но въ послѣднихъ типичнымъ была защита интересовъ иностранныхъ подданныхъ со стороны мѣстныхъ вліятельныхъ лицъ, тогда какъ для вновь складывающагося учрежденія характерно представительство интересовъ иностранцевъ, ихъ же соотечественниковъ. Другое глубокое различіе состоитъ въ принципиальномъ широкомъ признаніи правовой автономіи за колоніями иностранцевъ, автономіи, неизвѣстной Элладѣ и Риму, хотя и знакомой Древнему Востоку въ частности Египту въ VII вѣкѣ до Р. Хр., когда греческія факторіи (въ свободномъ портѣ Наукратисъ) имѣли широкое право самоуправленія

и право выборов простатов, наблюдавших за торговыми сношениями.

В средние века два принципа оказали большое влияние на развитие консульского института. Принципы коллективного самоуправления лиц, объединенных по своему происхождению или по своей профессии, и зачатки начала персональности статута, начало, что иностранец и на чужой земле живет по своему национальному закону и, следовательно, и судится своими национальными судьями; оба эти начала одинаково отразились на народжении нового учреждения. В результате, как говорит de Maulde la Clavière, иностранцы одной национальности в средние века всегда старались слиться в одну организацию, иметь своих собственных выборных лиц, заведующих управлением и осуществляющих судебные функции, и вместе с тем задаются целью, чтобы эта их внутренняя организация получила бы признание со стороны местного правительства путем дарования определенных привилегий. И для того, чтобы закрепить свое объединение, иностранцы одной национальности стараются жить на одной улице или в одном квартале и образуют отдельный город в городе (16).

Если эти органы являются выборными и не назначены своим национальным правительством, то все-таки в юридической основе их деятельности и их привилегий лежит не факт избрания и не факт допущения их к выполнению их функций со стороны местной власти, не наличие международных договоров, определяющих через соглашение двух государств характер и степень полномочий этих выборных органов, носивших самые различные названия: на юге консула, или бальи, на севере или северо-востоке - альдермана и господина.

Главной функцией этих консулов, альдерманов,

16) de Maulde la Clavière. La diplomatie du temps de Machiavel, vol. III, 1890, стр. 294.

бальи и т.д. является кроме управления функция судебная. Корни подобной привилегии уходят очень глубоко. Уже lex antiqua визиготов, относящаяся повидимому к концу VI века, гласит: "Когда заморские торговые люди будут вести между собой процесс, пусть их собственные судьи будут разбирать дело согласно законам их страны без того, чтобы нашим судьям было бы дозволено вмешиваться в эти дела" (17).

Но развитие нового института определяется очень часто политическими соображениями и влиянием отдельных государств друг на друга. И, если в 991 году Венеция должна согласиться на то, чтобы правовые споры венецианцев были подсудны императорскому логотету, то в XII веке Византия вынуждена допустить, чтобы венецианскими консулами рѣшались не только споры между венецианцами, но и между венецианцами и греками (Золотая булла императора Алексея III в 1199 году).

В договорах Руси с Византией в X веке императоры греческие вынуждены признать ряд определенных прав за русскими факториями. Здесь предоставляется русским купцам для пользования часть морских берегов, оговаривается частичная свобода торговых сношений и, наконец, специально упоминается о праве самоуправления. Конечно, это не мешает установлению цблага ряда фискальных мѣр, но в принципе признается начало автономной организации фактории.

Таким образом нельзя связывать народжение консульства ни с развитием сношений торговых итальянских республик в бассейне Средиземного моря, ни с крестовыми походами. Тут имеется налицо явление гораздо более общего характера и общего значения. Развитие коммерческих связей на юге и севере Европы в XIII и XIV веках было явлением толчком к дальнейшему росту и преобразованиям уже существующего института.

17) Nys. Le droit International, vol. II, 1912, 453.

Къ этой эпохѣ относится и извѣстный дифференціация внутри консульскаго учрежденія. Наряду съ принципомъ выборности устанавливается и начало государственнаго назначенія консуловъ и, напримѣръ, въ Марсели старѣшина города уже въ половинѣ XIII вѣка назначается для каждаго судна, направляющагося въ Африку, отдѣльнаго консула, выполняющаго свои функціи во время плаванія и во время пребыванія въ Африкѣ. Однако, практика въ этомъ отношеніи остается колеблющейся и только къ XVI вѣку беретъ верхъ начало officialнаго назначенія консуловъ ихъ государственною властью.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ указывается на то, что организація консульствъ будетъ *постоянной*. Такой характеръ имѣютъ рядъ соглашеній, заключенныхъ съ 1270 года королями Сициліи, графами Прованса и султанами Туниса, Триполи и другихъ сѣверо-африканскихъ государствъ.

Цѣлый рядъ городовъ не только Италіи, но и Франціи (Марсель, Норбонна, Монпелье) имѣютъ своихъ консуловъ и свои факторіи и представительства нѣкоторыхъ странъ (Каталоніи) дѣлаются очень многочисленнымъ (до 55 каталонскихъ консуловъ въ XV вѣкѣ въ разныхъ странахъ и городахъ Средиземнаго моря).

Представительство итальянскихъ городовъ иногда получаетъ совершенно исключительныя привилегіи, и въ 1204 году Генуя добивается отъ Византіи предоставленія ей въ исключительное управленіе значительной части греческой столицы (Галаты), гдѣ возводятся укрѣпленія, строятся башни, и гдѣ вмѣстѣ съ гражданской властью находятъ постоянное мѣстопребываніе военный генуэзскій гарнизонъ.

Наряду съ этииъ своеобразнымъ консульскимъ режимомъ въ христіанскихъ странахъ, особое значеніе получаетъ консульскій институтъ въ мусульманскихъ государствахъ, принципиально игнорирующихъ христіанъ и рассматривающихъ ихъ какъ элементъ изъ враждебнаго стана, какъ элементъ, могущій разсчитывать на безопас-

ность лишь въ силу особаго договорнаго замиренія (аманъ). Наряду съ этимъ мусульмане отноудь не ждали совершенно запрещать торговыхъ сношеній съ невѣрными, дававшихъ возможность получать имъ рядъ готовыхъ товаровъ. Въ результатъ сложилась система *капитуляцій* въ рядѣ договоровъ Амальфи, Венеціи, Генуи, Лизы, Барселоны и затѣмъ и королей Франціи съ султанами Египта и другихъ варварійскихъ странъ. Въ этихъ капитуляціяхъ нормально признается право на свободныя торговныя сношенія, на заключеніе сделокъ въ предѣлахъ мусульманской территоріи и право разбирать юридическіе споры собственнымъ консульскимъ судомъ, компетенція котораго распространяется на гражданскія, уголовныя и административныя дѣла. Консулъ является и начальникомъ полицейской службы въ своемъ кварталѣ. Онъ — покровитель и защитникъ интересовъ своихъ соотечественниковъ предъ лицомъ мѣстной власти.

Въ странахъ Востока режимъ консульской юрисдикціи удерживается съ нѣкоторыми колебаніями до нашихъ дней, но въ европейскихъ государствахъ подъ влияніемъ усиленія королевской власти и централизаціи суда и управленія дѣлаются энергичныя попытки, начиная съ XV вѣка сзуть компетенцію иностранныхъ консульствъ. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ державахъ однако своеобразный средневѣковный режимъ удерживается еще очень долго и, напримѣръ, въ Португаліи почти до половины XIX вѣка подданные Англии и Франціи имѣли право на свободный выборъ мѣстной или своей юрисдикціи, причѣмъ послѣдній выборъ мѣстной или своей юрисдикціи, причѣмъ послѣдній осуществлялась судьей-хранителемъ правъ британской націи или же судьей-хранителемъ правъ французской націи.

Глава X.

§41. Посредничество и третейский суд. §42. Законы и обычаи войны на суше. §43. Право войны на море и учение о нейтралитете на суше и на море.

Средневековыми отношения народов характеризуются приматом права, господством договорного начала и постоянным влиянием римских юридических традиций. Споры и столкновения государств имеют нормально правовой характер, и, следовательно, должны разрешаться на основе права. В основе такого разрешения лежит компромисс или свободное договорное соглашение сторон в конфликте о передаче их спора ими же выбираемому судье. В 1381 году Англия и Шотландия объясняют в одной третейской записи (компромиссе) необходимость именно такого способа решения споров: „Reges Angliae et Scotiae non habent... ipsas superiores, qui possit questionem huiusmodi terminare; iustum est et aequum quod in alium compromittant“ (18).

Правда, наряду с учреждением вновь складывавшихся государств, что, над ними быть высшей власти, глава римской Церкви папа и затем император считали себя судьями ex officio. В спорах христианских народов и очень часто, особенно папы выступают в роли примирителей, спорящих сторон по собственной инициативе, но почти никогда, папам не удается осуществить судебных функций своему праву, а всегда в силу компромисса заинтересованных государств. Еще реже бывали случаи, когда третейским судьей выступал император.

Нормально провозглашалось начало *judicium pacum*: государи выбирали папу или государей, города - другие

18) Novacovitsch. Les compromis et les arbitrages internationaux du XII a XV siècle. 1906.

города, но иногда третейскими судьями были и известные кресты, как, например, Alciatus, или целые юридические факультеты (особенно Болоньи, Падуи, Перуджи).

При спорах торговых городских республик город-истец выбирал из нотаблей города-ответчика одно лицо (*impro, surarbiter, «gemeunen mann»*), которому еще придавались по два члена городских советов спорящих сторон.

В компромиссе Ливонского Ордена с архиепископом Рижским в 1405 году устанавливается другой порядок, знакомый в наше время Гаагским конвенциям: каждая сторона выбирает четырех членом, которые наметают двух лиц, избирающих в свою очередь председателя суда (*Overmann*).

По характеру объекта спора третейские решения иногда имеют совершенно исключительное значение в жизни христианских народов. Так, в 1182 году, чтобы положить конец схизме, французский король Людовик VII и император Фридрих Барбарусса договаривались о встрече в *Saint Jean de Losne*, куда каждый должен явиться в сопровождении своего папы с тем, чтобы вопрос о том, какой папа является законным, был бы решен третейским судом, поровну составленным из членом немецких и французских.

Особое значение имеют третейский суд в жизни швейцарских кантонов, потому что не только внутри их созв. споры решаются третейским путем, но и для внешних сношений кантоны стараются обезопасить мирное разрешение своих конфликтов, обращаясь к третейскому суду Франции в спорах с Австрией и Цюрихом (в 1444 г.) или устанавливая пососанный третейский суд с городами Северной Италии.

Договоры о постоянном третейском судье известны не только одним швейцарским кантонам, но, например, и Франции, король которой в соглашении с графом Эно в 1304 г. определял, что во всех спорах территориального характера из за земель, находящихся

въ зависимости отъ имперіи, рѣшеніе будетъ принадлежать третейскому суду въ составѣ четырехъ членовъ.

Третейскій судъ практически остается тѣсно связаннымъ съ посредничествомъ и часто въ компромиссѣ специально упоминается о томъ, что сначала должна быть сдѣлана попытка примиренія сторонъ, и затѣмъ уже споръ можетъ быть рѣшенъ на основѣ права. Такъ, въ договорѣ Вуртемберга и Страсбурга въ 1405 г. говорится о предварительномъ полюбовномъ рѣшеніи спора. Тоже въ компромиссѣ Милана и швейцарскихъ кантоновъ въ 1467 году, когда сначала предлагается судьямъ попытаться склонить стороны на *compositio amicabilem* и, только послѣ неудачи подобной попытки судьи, должны говорить право (*"dicant de iure, Deum semper pro oculis habendo"*).

Однако, посредничество имѣетъ и самостоятельное значеніе. Король Франціи Филиппъ Августъ при столкновении съ Ричардомъ Львиное Сердце обращается къ посредничеству папы, въ 1435 г. Карль VII французскій во время переговоровъ въ Аррасѣ добивается посредничества папы Евгенія IV и, наконецъ, особенно часто и успѣшно выступаетъ посредникомъ и примирителемъ Людовикъ IX Святой французскій. Онъ способствуетъ улаженію конфликта изъ за наслѣдства королевства Наваррскаго, онъ прекращаетъ споръ между графомъ Шалонскимъ и Бургундскимъ, графомъ Баръ и герцогами Люксембургскимъ, и Лотарингскимъ къ нему обращается византійскій императоръ Михаилъ Палеологъ съ просьбой возстановить миръ между королемъ Сициліи и папой и къ нему же обращается императоръ Фридрихъ II, когда папа Иннокентій IV объявляетъ этого императора лишеннымъ короны и отлученнымъ отъ Церкви.

Въ итогъ въ среднѣ вѣка мирные способы разрѣшенія международныхъ конфликтовъ являются однимъ изъ необходимыхъ элементовъ дѣйствующей системы права и однимъ изъ яркихъ показателей сознанія народами своей правовой связанности.

Наряду съ мирными способами рѣшенія споровъ гораздо чаще средневѣковые народы прибѣгали къ насилию, какъ къ послѣдней возможности, выяснить черезъ примѣненіе оружія и черезъ пролитіе крови, кто правъ и кто виноватъ въ конфликтѣ. Пробы германскихъ племенъ въ этомъ отношеніи были достаточно жестоки.

Если вандалы обратили цѣлѣнную часть сѣверной Африки въ пустыню, то лангобарды были известны своею жадностью къ стяжанію и кровопролитію, а тюринги, потерпѣвъ неудачу подъ Шалонемъ, избili всѣхъ плѣнныхъ и заложниковъ и растерзали казнью Брунегильды 200 дѣвущекъ. Чувство чести и вѣрности слову какъ будто исчезло въ традиціи германскихъ племенъ въ тотъ моментъ, когда они стали могущественнымъ политическимъ факторомъ въ жизни Европы. Для сѣверныхъ германскихъ племенъ всегда существовала культъ войны съ религиозной точки зрѣнія и съ этими языческими традиціями Церковь борется совершенно безрезультатно. Норманы при покореніи Англии отличались чрезвычайной суровостью для нихъ не только все живое подлежало закланію и уничтоженію, но даже и жатва, и дома, и имущество. И эти норманскія традиціи сохранились и позднѣе, и Ричардъ Львиное Сердце тоже руководился инстинктомъ разрушенія, ставя во главѣ своихъ войскъ поджигателей — *bruleurs* и совершенно спокойно производя массовыя избиенія плѣнныхъ саррациновъ при неполученіи выкупа отъ Саладина. Также поступали и другіе короли и особенно Генрихъ II англійскій во Франціи, который „содрогался отъ радости при видѣ страны (Франціи) ограбленной, уничтоженной и покрытой дымомъ“. Императоръ Фридрихъ Барбарусса, король Филиппъ Августъ Красивый французскій, Карль Смѣлый бургундскій вели войны такими же способомъ, не щади мирнаго населенія и сжигая не только крѣпости и города, но и виноградники, и фруктовыя деревья, и даже жагу на поляхъ. Еще хуже было, когда они участвовали въ крестовыхъ походахъ: стали призываться не только рыцари, кресты-

не и ремесленники, но и всё, совершившие преступление и получавшие возможность искупить свою вину участием в освобождении от невёрных Святой Земли. При взятии Иерусалима происходили невёроятны кровавыя оргии. И, хотя жертвами избитой крестоносцев при взятии ими Византии в 1204 году были схизматики, папы вынуждены были в своих буллах поставить в вину крестоносцам насилия над монахинями, убийства невинных людей и осквернение церквей.

Еще болѣе трагическія послѣдствія для мирнаго населенія имѣли формированія на исходѣ средневѣковья специальныхъ профессиональныхъ наемныхъ военныхъ отрядовъ, для которыхъ война была исключительной возможностью совершать разбои и убийства. Эти отряды получили типичное названіе *routiers* и *écourcheurs* и съ ними в эпоху столѣтней войны знаменитому французскому полководцу Вертрану Догерлену пришлось вести жестокую борьбу.

Въ эту эпоху какъ будто нѣтъ различія между военными и не-воющими. Когда изъ осажденныхъ городовъ гарнизоны выгоняли женщинъ, стариковъ и дѣтей, какъ лишніе рта, осаждающіе иногда вѣшали изгнанниковъ изъ города, иногда ставили желѣзные клеймо на лицахъ женщинъ или же срывали имъ платье и огрѣзывали носы.

Какъ будто неизвѣстенъ и принципъ почтади для раненыхъ и безоружныхъ и у рыцарей имѣется специальное оружіе, чтобы прикончить выбывшаго изъ строя врага, оружіе, которое носило особое названіе *miséricorde*.

Правда, за плѣнныхъ можно было получить выкупъ, поэтому иногда оставляли ихъ въ живыхъ, но обращались съ ними сурово, подвергали ихъ пыткамъ, а иногда сажали ихъ въ кѣдку.

Даже къ трудамъ не относились съ уваженіемъ и известны случаи надругательства надъ павшими, какъ это было въ Шотландіи въ 1408 г. при пораженіи Мортимера.

Война давала возможность не только вести борьбу вооруженными силами народовъ, но и давала право за-

хватывать и на сушѣ и на морѣ частную неправомерную собственность. Поэтому очень важной проблемой былъ вопросъ о добычѣ и Иерусалимскіе Ассизы (въ XIII в.) даютъ подробную регламентацію дѣлажа добычи между сюзереномъ и вассалами.

При безграничномъ насилии, применяемомъ на войнѣ, она какъ будто дѣлается совершенно чуждой праву, становится явленіемъ мега-юридическимъ, не могущимъ быть оценываемымъ правовымъ масштабомъ. Но даже такое осуществленіе вооруженнаго насилия не стираетъ желанія и материально и формально оправдать войну. Последняя можетъ быть справедливой, если она является реакціей противъ правонарушеній, и затѣмъ примѣненію насилія ставятся нѣкоторые, правда, весьма неясные и противорѣчивые предѣлы. Объ этихъ предѣлахъ говоритъ Церковь (см. выше Гл. VIII), но, кромѣ религиознаго запрета, постепенно складываются и другія нормы, которыя не входятъ еще своей общей кодификаціи, но всетаки уже являются зафиксированными во внутри-государственныхъ законодательныхъ актахъ, могущихъ служить вспомогательнымъ средствомъ для установленія правовыхъ предѣловъ въ войнѣ на сушѣ.

Большою частью средневѣковья войны связываются съ системой феодализма и особенно яркимъ примѣромъ было столкновеніе Филиппа Августа французскаго съ императоромъ Оттономъ, закончившееся сраженіемъ при Бувинѣ, или споръ французскихъ, королей съ англійскими, возникшій изъ наличности ленныхъ отношеній между ними въ связи съ переходомъ нѣкоторыхъ французскихъ земель въ руки британской правящей династіи. Въ такихъ спорахъ обѣ стороны признавали другъ друга субъектомъ права и теоретически предметъ спора какъ будто является рѣзко ограниченнымъ. Видѣтъ съ тѣмъ къ побѣжденному отношеніе опредѣляется не произволомъ воюющаго, но требованіями справедливости. Наконецъ, дѣйствуетъ и известное начало равноправія сторонъ въ такомъ своеобразномъ суррогатѣ процесса и въ такихъ поискахъ

права. В итоге создается атмосфера, исключающая полное насилие. Тогда делается необходимым соблюдение ряда формальностей и прежде всего требуется *объявление войны*.

Необходимость объявления войны является как будто общепризнанной. Во Франции особый колокол на башне, называемой Мартинелла, звонит день и ночь в течении месяца перед началом военных действий, чтобы заранее предупредить врага. Другие итальянские города посылают в знак вызова на бой окровавленную перчатку - "il guanto sanguinoso della bataglia". И монархические государства тоже подчиняются этому правилу. Карль Толстый предупреждает короля Англии, когда он вторгнется в пределы последнего и когда он будет готов дать бой британским войскам. В начале столетней войны в 1339 году король английский Эдуард III отправляет герольдов во Францию, чтобы торжественно сообщить французскому королю о начале военных действий.

Такая практика находит свое освящение и во внутри-законодательных памятниках, особенно в Испании (ср. кастильский статут Руго 1160 и декрет Якова I, короля Арагонского в 1247 году). Об этой необходимости для средневековых государств говорить в своих Coutumes de Beauvoisis и Бомануарь (в конце XIII века).

Нарушение правила квалифицируется, как измена и предательство. Иногда вместе с объявлением войны, или независимо от него, одна из сторон в конфликте предлагает окончательно решить спор поединком, причем Эдуард III английский приглашал Филиппа Залуа французского назначить сто рыцарей, которые должны были вступить в единоборство со ста рыцарями английскими.

При начале войны в некоторых государствах устанавливается (особенно в Англии) льготный сорокодневный срок, в течении которого торговые люди про-

тивной стороны могут беспрепятственно выехать из страны и ликвидировать свои имущественные операции. Однако эта норма имеет характер одностороннего обещания и получает силу лишь при условии взаимности. Особенно энергично заботится об охране своих купцов Ганза, выговаривая право за собой сохранение торговых сношений даже во время всего продолжения войны с подданными противной стороны, или лишь в течении одного года после начала военных действий (согласно договору с французским королем Людовиком XI).

Что касается норм, регулирующих осуществление военного насилия, то следует признать, что наиболее гуманные нормы были выработаны прежде всего мусульманскими государствами. Первый калиф после Магомета Абу-Бекр дает своим войскам инструкции, проникнутые чрезвычайно гуманным духом и дающая приметы небольшой системы законов войны на суше, еще неизвестной в такой форме христианским европейским народам. Здесь очень отчетливо провозглашается иммунитет мирного населения во время борьбы. Запрещается причинять насилие женщинам, детям и старикам, запрещается рубить фруктовые деревья, уничтожать посевы на полях, сжигать жилища и дома и брать в виде реквизиций у мирного населения больше, чем это нужно для содержания воинов (19).

Такие же нормы снова подтверждаются в X веке Абдерамом III Кордовским. Наконец, еще более детально нормы войны на суше разработаны в специальном памятнике, называемом *Vikayah* и относящемся к XIII веку во время расцвета арабского владычества в Испании (20).

19) Nys. Le droit des gens dans les rapports des Arabes et Byzantins Revue de droit intern. Tome XXVI, 1894, стр. 461 и д.

20) Walker. A History of the law of Nations. 1899, стр. 17 и д., стр. 126 и д.

Гораздо более робко идут по стопам мусульманских народов государства христианские. Иногда они в особых международных соглашениях устанавливают некоторые специальные нормы. Так, во время франко-испанской войны в 1552 г. маршал Бриссак, ссылаясь на фантастические примеры древней истории, добился от испанцев признания того принципа, что для обеспечения земледельческого труда война не будет вестись против крестьян кроме случая, когда крестьяне подвозят продовольствие в осажденные крепости, и что солдаты должны довольствоваться той пищей, которую они находят у крестьян, и не могут заставлять их искать или доставлять себе продовольствие из других мест. Вряд ли это соглашение является единственным, но известия о других аналогичных памятниках до нас не дошли.

К более ранней эпохе, именно ко времени столетней войны, относятся другие национальные акты, ограничивающие насилие в войнах. В указе английского короля Ричарда II запрещаются убийства, изнасилования и призыв к грабежу мирного населения. Санкцией является смертная казнь. В другом регламенте короля Генриха V создается специальная охрана личной и имущественной неприкосновенности для женщин во время родов (1415). Во Франции Генеральные Штаты в свою очередь издали в 1439 году закон, по которому признается недопустимым грабеж и воровство среди мирного населения, взятие заложников и наложение денежных контрибуций на крестьян (но не на города), похищение скота, уничтожение деревьев и виноградников и поджоги.

Некоторые из монархов, как Людовик IX во Франции, император Генрих VIII в Германии, стараются вести войну частным образом, уважая врага и охраняя от насилий мирное население, но гораздо чаще слабый еще неувердившийся прецедентный норма права войны нарушались и борьба государств принимала злобный

характер безмерного и безграничного насилия. Морская война представляла вожущим широкую возможность вести борьбу не только с военными силами, но и с торговыми судами врага и надо отметить, что в виду отсутствия технического различия в постройке торговых и военных судов и при наличии вооружения, как и у тех, так и других фактически провести границу между одними и другими судами было почти невозможно. Средневековая война велась не только организованными силами, но и частными выступлениями, причем последние, как на море, так и на суше не подвергались детальной регламентации и только позднее, когда выяснились чрезвычайные злоупотребления со стороны частных лиц, для которых война на море становилась предлогом для настоящего разбоя, направленного не только против врага, но и против нейтральных и даже против своих соотечественников, делаются попытки детально выносить порядок деятельности этих каперов, или корсаров, которым дается каждый раз правительственными органами полномочия и которые в свою очередь обязуются соблюдать ряд формальностей. Рядом с военными силами создаются таким образом вспомогательные, которые играют в морской войне очень крупную роль и которые окончательно ликвидируются в правовом смысле лишь в половине XIX века, после принятия рядом государств норм Парижской Декларации 1856 года (см. ниже Отдел IV). Первоначальное право и даже обязанность подданных, и особенно имевших суда, при начале войны *contra sus et l'ennemi* постепенно организуется внутренним законодательством. Законы Пизы (1298 г.), Генуи (1313 и 1316 г.г.) и целый ряд актов Ганзы (1362, 1363 и 1364 г.г.) требуют от корсаров или каперов не только получения официального полномочия, но еще и представления *валло*, который должен обеспечивать интересы как национальных купцов, так и нейтральной торговли. И в виду того, что это является

гарантией не только в смысле внутреннего правопорядка, но гораздо больше и речательством за уважение к правам и иностранных торговых интересов, подобная норма выдвигается и в качестве условий международных договоров (особенно отчетливо выражение находить признание этого начала в соглашениях Генриха VII, короля английского с Бургундией в 1495 г., и того же английского короля с Францией в 1497 году).

Вместе с тем выдвигается и другое начало, чрезвычайно чреватое по своим последствиям и имеющее исключительное значение в развитии морского международного права. Оно, повидимому, впервые провозглашается в Англии, где, согласно парламентскому акту 1414 года, право собственности на захваченный призь переходит к захватчику не в момент овладения призом, но лишь после соответственного заявления, сделанного захватчиком пред лицом судей — conservatores pacis. Эта декларация о призах была исходной точкой для последнего развития призового судопроизводства и была первой попыткой создать для собственников судов и товаров некоторую судебную гарантию.

В морской войне в средние века, как и в настоящее время, неприятельская собственность подлежала захвату. Это было настолько общеизвестно, что один из древнейших памятников морского права Consolato del mare (XIII или XIV века) говорит, что, если военное судно или каперь встречает в море неприятельское судно с неприятельским грузом, то подробно об этом рассуждать незначительно и даже правила давать не нужно, потому что каждый и без того знает, что в таком случае нужно делать.

Однако, в эпоху начала столетней войны с английской стороны была сделана любопытная попытка отказать от этой традиционной практики, сохранившейся без крупных изменений до наших дней. 4 августа 1324 года король Эдуард II запретил своим подданным захватывать французские суда, воздерживающиеся

от совершения враждебных актов (21). Но в виду того, что французский король не пошел навстречу англичанам, вопреки в конце концов отказались от идеи иммунитета торговых судов, а в дальнейшем развитии военных действий капера проявили такую энергичную деятельность и совершили столько злоупотреблений, что в 1375 году во Франции была учреждена специальная должность адмирала, на обязанности которого лежала выдача каперских свидетельств и проверка правильности захватов призов. Средневековая морская война выдвигает и другую проблему, имевшую большое значение для нейтральных государств, и особенно для торговых итальянских республик. Если неприятельские товары и суда и подлежат захвату, то каково будет положение нейтральных грузов на неприятельских судах и неприятельских на нейтральных кораблях? В этом отношении средние века дают ответы в известных статьях Consolato del mare, которые, хотя и являются повидимому частным сборником, имевшим силу лишь в Барселоне или Каталонии, но все же отражающим практику государств бассейна Средиземного моря. Consolato устанавливает принцип захвата неприятельской собственности и уважения к нейтральной собственности. Поэтому нейтральный груз на неприятельском судне не может быть конфискован и собственник такого груза может за разумную цену выкупить все судно. Если же собственник груза не может договориться с захватчиком, призь может быть отведен в любой порт, где производится выгрузка товаров, причем собственник груза обязан в таком случае платить фрахт за провоз его товаров, но ничего больше (ст. 231). Наоборот, когда на нейтральном судне захвачены неприятельские товары, последние раз-

21) Dumas Etude sur le jugement des prises maritimes en France jusqu'a la suppression de l'office d'amiral. 1908, стр. 9 и д.

гружаются в места, указываемом захватчиком, причем последний возвращает судно нейтральному собственнику и выплачивает причитающийся ему фрахт.

Возможно, что эти нормы создались в особой обстановке торгового соперничества морских республик, пытавшихся во время войн обезопасить свои коммерческие сношения, прибегая к защите нейтрального флага, но во всяком случае таким образом сложилась система, оказавшая значительное влияние на дальнейшее развитие права морской войны и воспринятая позднее как Англией, так и Соединенными Штатами Америки.

В средние века система *consolato* была знакома ряду международных договоров. Достаточно указать на соглашения Пизы и Арлы в 1221 г., Англии и бискайских городов в 1351 г., Англии с Португалией в 1353 г., Англии с Бургундией в 1406 г., 1417 г., 1426 г., 1478 г., 1496 г., Англии с Генуей в 1462 г., Англии и герцогом австрийским в 1495 году (22). Несмотря на эти договоры, трудно однако признать нормы *consolato* за общий международный обычай и их можно считать лишь партикулярным международным правом, имевшим силу, по видимому, в отношениях итальянских республик между собой и Англии к Португалии, Генуи, Бургундии и Австрии.

Однако нейтральная торговля находить уже в средние века двойное ограничение: в военной контрабанде, т.е. в запрещении поставки одной из воюющих сторон оружия и предметов военного снаряжения, и в блокаде, т.е. запрещении вообще поддерживать морские сношения или с определенным пунктом, или с целой страной.

Понятие военной контрабанды формируется сначала путем запрещений со стороны пап торговать оружием и военными припасами с неверными. Такого рода запре-

22) Fauchille. *Traité de droit international public*. 1921, стр. 802-803.

ты иногда становятся всеобщими по своему характеру и предусматривают недопустимость вообще для христиан поддерживать торговые сношения с саррацинами. На Дартанских соборах 1179 г. и 1215 г. принимаются именно такого рода постановления. В такой форме контрабанда (*contra bandum*) имеет однако другой смысл и только в договорах XV века, особенно Англии с Бургундией, контрабанда получает значение ограничения нейтральной торговли.

Что касается блокады, то чаще всего в эту эпоху она осуществляется не как локальное закрытие доступа в тот или другой порт под угрозой конфискации судов, нарушающих подобное запрещение, но как полное закрытие для нейтральной торговли той страны, с которой ведется война. В конце XIII века Эдуард I английский запрещает фламандцам вести торговлю с Шотландией и затем провозглашает то же закрытие и для Франции. Такую же практику осуществляют в морских войнах северо-германские государства и особенно Швеция по отношению к Московской Руси (в 1560 г.).

В эпоху средних веков начинает складываться более отчетливо теория нейтралитета. В этом отношении как будто примечательным может быть соглашение Филиппа Красивого французского с Эдуардом I английским в 1303 г. Обе стороны обязуются, при войнах той или другой стороны с третьими государствами не поддерживать врагов каким бы то ни было образом, но издать указы, запрещающие их подданным оказывать подобную помощь. Нельзя преувеличивать однако значения этого акта, потому что он имеет серьезный характер и оставляет нерешенной проблему взаимоотношений самих союзников между собой в то время как для нейтралитета типично одинакое отношение как к одному, так и к другому воюющему.

Нейтралитет в это время существует лишь в виде примитивной нормы о правах каждого государства не участвовать в столкновениях других народов, об-

обязанности этих народов воздерживаться от насилий против неучаствующего в войне государства и в обязанности последнего не помогать той или другой стороне в конфликте. Но последнее правило находить крупная ограничения в двух отношениях.

Во первых, очень упорно держится теория *transitus innocuus*, учение о праве воюющих на безвредный проход своими войсками через нейтральную территорию, и Honoré Bonet в конце XIV века подтверждает существование этого правила: „Tous passages sans combatre mal sont octroyez de droit et de amour naturelle“.

Кроме того, является вполне допустимым вербовка войск или наем целых всенских стряпов в нейтральном государстве и, если конвенции подобного рода предоставляли возможность разным странам поподнять свои всенные силы из швейцарских кантонов, то практика эта отнюдь не ограничивалась одними швейцарцами, и в столетней войне Франции и Англии принимали участие как с той, так и с другой стороны и итальянцы, и испанцы, и немцы, и даже венгры и чехи.

Нейтралитет, как логически цельная и замкнутая система, не мог сложиться при наличии феодальных отношений, и при теоретическом господстве единой Церкви и единой свѣтской империи. Предварительно должны были народиться новая однородная и однотипная политическая организация, в основу своего существования ставящая идею суверенитета, и тогда из системы юридической координации выросло и окрепло правовое справедливое как защита индивидуальных и эгоистических интересов государств, так и теория, что кровопролитная схватка соѣдненных народов для остальных государств есть постороннее дѣло.

ОТДѢЛЪ ТРЕТИИ .

ЗАМЬЧЕННЯ ОПЕЧАТКИ.
(Отдѣлъ III).

Стр.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
181	10 стр.	Фенелько	Фанелонъ
183	16 стр.	жестокую	жесткую
189	14 стр.	призналъ	признавъ
193	7 стр.	личность, и	личность, но и
196	2 стр.	находились: Данія	находились: монархи Даніи
198	8 стр.	Gewäfte	Gewälte
200	7 стр.	возбуждаетъ	возбуждает
204	10 стр.	nasuturus	nasciturus
205	13 стр.	потому что, что они	потому что они
210	12 стр.	Паоло Саони	Паоло Саопи
210	15 стр.	Ф. Дюэга	Ф. Дюэка
220	5 стр.	Кокпей	Кокпей
226	21 стр.	чтобы послѣ не только	чтобы послѣ не
238	1 стр.	противъ имперскихъ	имперскихъ войскъ
251	1 стр.	до XX вѣка и начала мировой	до XX вѣка (если не считать несатифико- ванную Лондонскую Декларацию 1909 г.) и начала мировой

О Т Д Ъ Л Ъ III.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
ВЪ XVII И XVIII ВѢКАХЪ.

Г л а в а XI.

§42. Общій характеръ эпохи и формированіе національныхъ суверенныхъ государствъ. Расширеніе европейскихъ народовъ въ Америкѣ и Азій. §43. Вестфальскій миръ и его правовыя и политическія условія. Значеніе Вестфальскаго мира въ развитіи международнаго права.

Г л а в а XII.

§44. Государства, какі субъекты международнаго права. Иерархія государствъ. §45. Ученіе о вѣшателствѣ и признаніе новыхъ государствъ.

Г л а в а XIII.

§46. Международные договоры и ихъ гарантіи. §47. Свобода моря. Режимъ проливовъ, соединяющихъ открытыя моря. Бельты и Зунды. Босфоръ и Дарданеллы.

Г л а в а XIV.

§48. Органы международнаго представительства. Главы государствъ. Дипломатическое представительство и его иммунитетъ.

Г л а в а XV.

§49. Мирные способы улаженія конфликтовъ. Посредничество и добрыя услуги. §50. Право войны на сушѣ. Право войны на морѣ и нейтралитетъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ:

- Н.Н.Бантыш-Каменский. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1897 г.
- Мартенсъ. Современное международное право. Томъ I. 1898.
- Стояновъ. Очерки по исторіи и догматикѣ международнаго права. 1874.
- de Barral. Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe de 1848 à 1791, vol I. 1880.
- Bourgeois. Manuel historique de politique étrangère. vol. I, 2 edit. 1897.
- de Flissan. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. 1811.
- Garden. Histoire générale des traités de paix. 1848-1859.
- Koch et Schoell. Histoire abrégé des traités de paix entre les Puissances de l'Europe depuis le Paix de Westphalie. 1837.
- Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité. vol. XI-XVII. 1860-1869.
- Lavisse et Rambaud. Histoire Générale. vol. VI-VIII. 1895-1896.
- G. de Martens. Causes célèbres du droit des gens. 1858.
- G. v. Martens. Grundriss einer diplomatischen Geschichte der europäischen Staatshändel und Friedensschlüsse seit dem Ende des XV Jahrhunderts bis zum Frieden von Amiens. 1807.
- Redslob. Histoire des grands principes du droit des gens. 1623.
- Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens en Europe et Amérique depuis la paix de Westphalie jusqu'à nos jours. vol. I-II. 1865.

Источники, кроме Dumont и Rymer (см. Отдѣлъ II):

- G. de Martens. Recueil des traités (с 1761 г.), volumes I-XXV.

- Ф. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Тома I-XV. 1874-1909) особенно томъ I историческое введение о сношеніяхъ Россіи съ Австріей, т. V - съ Пруссіей, т. X - съ Англіей, т. XIII - съ Франціей).
- Rousset. Recueil historique d'actes, négociations, mémoires et traités depuis la paix d'Utrecht jusqu'à présent. 1740.
- Strupp. Urkunden zur Geschichte des Völkerrechts. 1911-1912.
- Vest. Les grands traités du règne de Louis XIV. 1893.

Г л а в а X I .

§42. Общій характеръ эпохи и формирование национальныхъ суверенныхъ государствъ. Расширение европейскихъ народовъ въ Америкѣ и Азіи. §43. Вестфальскій миръ и его правовыя и политическія условія. Значеніе Вестфальскаго мира въ развитіи международнаго права.

Въ XV и XVI вѣкахъ Европа переживаетъ глубокія потрясенія, приводящія къ окончательному разложенію феодальной системы, къ ликвидаціи началъ универсализма въ международныхъ отношеніяхъ и къ упроченію новыхъ государственныхъ образований.

Притязанія папъ вызвали реакцію, принимающую форму религіознаго національнаго движенія, а стремленія императоровъ къ единовластію заставили отдѣльныя окрѣпшія государства провозгласить свои суверенныя права. Въ эту эпоху сбылись пророческія слова Св. Бернарда, писавшаго еще въ XII вѣкѣ папѣ: "...нѣтъ такого меча, нѣтъ такого яда, который былъ бы для тебя, папа, болѣе опасенъ, чѣмъ твоя страсть владычествовать надъ миромъ. Ты долженъ стремиться къ чему-нибудь одному: или быть намѣстникомъ Христа, служителемъ Его Церкви, или же властелиномъ міра; отъ чего-нибудь тебѣ надо отказаться, иначе ты можешь потерять и то и другое" (1). И почти одновременно въ разныхъ концахъ Европы, съ различной силой, но почти съ одинаковой энергіей начинается упорная борьба за свободу религіозныхъ убѣжденій и за свободное строительство національной Церкви. Общество вѣрущихъ и можетъ и даже должно составлятьса самостоятельно въ зависимости и санкціи римскаго первосвященника. Движеніе это демократично, потому что оно провозглашаетъ не только освобожденіе

1) Ср. Laurent. *Essai sur l'histoire de l'humanité*, vol. V-VI, и посл. стр. 64-77. Смотри также *Очерки по исторіи и догматикѣ межд. права*, стр. 88-89.

отъ церковнаго авторитета и отъ злоупотребленій римской курии, но въ конечномъ итогѣ утверждаетъ, что въ основѣ организаціи вѣрующихъ лежитъ идея ихъ договорнаго и равноправнаго соглашенія.

Движеніе, порожденное потребностью реформировать Церковь и вызванное Виклефомъ въ Англии, Гусомъ въ Чехіи, Цвингли въ Швейцаріи, Лутеромъ и другими проповѣдниками новаго ученія въ Германіи, имѣетъ рѣзко выраженный характеръ національной программы, требующей церковной автономіи для людей, объединенныхъ культурно, исторически и болѣе всего въ силу общаго для нихъ языка.

Параллельно съ этимъ идетъ борьба и въ другомъ направленіи. Неизвѣстный авторъ "Songe de verger" еще въ XIV вѣкѣ отвергалъ съ большою силой идею всемірной монархіи. Она есть дѣло несправедливости и насилія, противорѣчащее велѣніямъ Бога. Наоборотъ, сами націи идутъ отъ Бога и поэтому нельзя посягать на ихъ независимость.

Особенный успѣхъ имѣетъ эта книга значительно позднѣе, когда въ XVI вѣкѣ она выпускается новымъ изданіемъ, согласно постановленію парижскаго парламента и переводится на англійскій и латинскій языки (2).

И, если отголоски національнаго сознанія можно прослѣдить въ исторіи европейскихъ народовъ до очень отдаленной эпохи, то всетаки къ XIV и XV вѣкамъ въ связи съ внутренними потрясеніями и жестокой борьбой за самостоятельное существованіе складывается прочное представленіе о единомъ національномъ отечествѣ, границы котораго могутъ не совпадать съ политическими предѣлами. Во Франціи послѣ заключенія мира въ Бретини (XIV в.) Ланседокъ, Перигоръ и рядъ другихъ городовъ отрицаютъ право за государственною властью расчленять территорію. Поэты и писатели этого времени

2) Стояновъ. *Op. cit.*, стр. 88.

обращаются съ горячимъ призывомъ ко всемъ французамъ пробудиться и встать на защиту родины. И въ уста Иоанна д'Арка повидимому впервые вкладывается, какъ синонимъ своей земли и своего народа, слово «отечество» — «*patrie*» (3). Изъ идеи національнаго единства познѣе дѣлаются и соответственные выводы. Если французскій контроль занимаетъ Туль, Мецъ и Верденъ, то для нѣмецкихъ обшударей, соглашающихся на уступку этихъ трехъ имперскихъ городовъ однимъ изъ мотивовъ является то, что эти города не «германскаго языка» (1551 г.) (4). И черезъ пол-вѣка Генрихъ IV, принимая брессанскихъ делегатовъ, заявилъ: «пусть испанскій языкъ принадлежитъ испанцу, германскій — нѣмцу, но всѣ области французскаго языка должны принадлежать мнѣ одному» (1601 г.) (5).

Мотивъ этотъ — сознаніе національной индивидуальности знакомъ не только Франціи, но и Англии, гдѣ въ эпоху династіи Тюдоровъ, послѣ кровавой междоусобицы, складывается крѣпкая представительная монархія, и Московской Руси, гдѣ великіе князья въ XV вѣкѣ считаютъ Западную Русь своей вотчиной, основывая претензіи на вѣрѣ и языкѣ, знакомо и Чехіи XV вѣка, гдѣ Гусъ считаетъ обязанностью для чеховъ добиться въ своемъ національномъ государствѣ такого же положенія, какое имѣютъ французы во Франціи, англичане въ Англии и нѣмцы въ Германіи. Последняя, правда, уже съ X вѣка (962 г.) существуетъ, какъ Священная Римская Имперія *германской націи*, но только въ XVI вѣкѣ въ трудахъ гуманистовъ, особенно Ульриха фонъ Гуттена, чувствуется новое теченіе, требующее признанія культурныхъ правъ германской національности и пражде всего преимуществу нѣмецкаго языка. Въ Италіи Маккиавелли въ свою очередь стремится развити ученіе о приматѣ государства и его инте-

3) Johannet. *Le principe des nationalités*. 1918, стр. 34-35.

4) Johannet. *Op. cit.*, стр. 36.

5) Johannet. *Op. cit.*, стр. 79.

ресовъ, причемъ основой новаго порядка отношеній должны быть «національныя силы». Эти силы необходимо пробудить и онѣ будутъ самой твердой, самой вѣрной и самой лучшей опорой власти.

Однако, идея «національнаго государства» типична для новой эпохи лишь до извѣстной степени. Италия и Германия всетаки остались только географическимъ понятіемъ, а монархи австрійскихъ и испанскихъ Габсбурговъ были фантастическимъ смѣшеніемъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ образованій. Но именно эти монархи, народности которыхъ оказались случайно собранными въ силу династическихъ интересовъ, становятся причиной длительныхъ и тяжелыхъ столкновеній европейскихъ государствъ.

Другой характерной чертой новаго государства является его суверенитетъ, — внутренняя самостоятельность и высшая независимость. У Бодена, который съ большей опредѣленностью формулируетъ учение о суверенномъ характерѣ государственной власти, она наряду съ господствомъ надъ подданными — *in civis ac subditos* является и высшею нѣмъ не связанной. Суверанная власть называется у Бодена *majestas* и эта власть выше себя признаетъ только Безсмертнаго Бога. Носителемъ власти является монархъ, который воплощаетъ въ своемъ лицѣ свойство государственной власти быть никому неподчиненной. Другою третьею властью государство не можетъ быть ограничено, но оно можетъ связывать само себя лишь въ силу договора, но въ такомъ случаѣ ограниченія связываютъ лишь соотвѣтственнаго монарха, но не его преемниковъ.

Еще дальше идетъ Гоббесъ, утверждающій, что государство есть смертный Богъ и что государственная власть, какъ *imperium absolutum* есть господство, выше котораго въ правовомъ смыслѣ ничего не можетъ быть создано, больше котораго никто изъ смертныхъ ничего не можетъ имѣть и которое всѣмъ распоряжается по своему усмотрѣнію.

Дополнительнымъ матеріальнымъ обоснованіемъ *theory* суверенитета является начало, выдвинутое Маккиавелли, сыгравшее большую роль въ развитіи международнаго права. Это учение о *ragione di stato*, которое въ видѣ государственной необходимости можетъ оправдать всякое правонарушеніе и границы котораго опредѣляются естественнымъ правомъ, совпадающимъ съ естественною возможностью. Новое оправданіе сувереннаго господства ведетъ къ тому, что право отвергается, какъ высшій регуляторъ внутри-государственныхъ отношеній. Обычай, старинныя грамоты и привилегіи, имѣвшія характеръ двухстороннихъ соглашеній, растаптываются королевскою властью, какъ будто во имя національныхъ, но часто и во имя династическихъ интересовъ. Отверженіе примата права внутри государства вызываетъ и желаніе поставить государственную власть выше права и въ международныхъ отношеніяхъ.

При такомъ состоянці, когда у каждаго государства есть какъ будто естественное право на все, когда оно выше, согласно теории Гоббеса, божественнаго закона и можетъ свободно осуществлять свое инстинктивное стремленіе причинять вредъ другимъ — *voluntas laedendi*, необходимо имѣть и матеріальную возможность вести въ любой моментъ борьбу, потому что при такой системѣ нормальное состояніе — война, и миръ — лишь исключеніе. Имѣется ли у новыхъ абсолютныхъ монархій средства для такой борьбы?

Прежде чѣмъ отвѣтить на поставленный вопросъ, нужно указать, что испанскіе учителя международнаго права въ XVI и началѣ XVII вѣка настойчиво выдвигали новый критерій для того, чтобы различить войны справедливыя отъ войнъ несправедливыхъ. Этимъ критеріемъ является санкція войны со стороны народа или обособія. Только при наличности такой санкціи можно признать войны справедливыми (7). И этотъ критерій имѣть

7) Suarez. De triplice virtute theolog. ; De charitate.

свой глубокий смысл.

Как совершенно правильно отмѣчалъ одинъ русскій изслѣдователь, средневѣковое феодальное государство было построено на договорномъ отношеніи, на расшлѣннн іmperіum'a среди многочисленной категоріи вассаловъ (8): Въ результатѣ сюзеренъ былъ связанъ, какъ слабыми финансовыми ресурсами, такъ и необходимою просить, каждый разъ при наличности военной угрозы, кромѣ выполненія условій объ auxilium, еще и предоставленія чрезвычайныхъ средствъ, которыя представлялись вассалами путемъ новаго добровольнаго соглашенія. Матеріально самъ по себѣ сюзеренъ совершенно не располагалъ ни крупными вооруженными силами, ни свободными денежными средствами. Если центральная государственная власть и требовала новыхъ жертвъ людьми и деньгами, она добивалась этого путемъ переговоровъ, а не путемъ приказаній. Господство права во внутригосударственныхъ отношеніяхъ влекло за собой матеріальную связанность власти.

Новыя государственныя образования устанавливають централизованное монархическое господство, которое дѣлается свободнымъ въ своей внѣшней дѣятельности. Создается новая податная система, въ центрѣ скопляются денежные запасы и наряду съ этимъ организуется постоянная армія, имѣющая профессиональный характеръ. Монархія чувствуетъ значеніе вооруженныхъ силъ во внѣшнихъ отношеніяхъ и стремится имѣть въ своемъ распоряженіи, какъ прусскіе короли: „eine formidable Armee“. Ту же цѣль укрѣпленія военной мощи, хотя бы черезъ пересоромненіе налогами населенія, преслѣдуютъ Бурбоны во Франціи, Габсбурги въ Австріи и русскіе правители со времени Петра Великаго.

Новая власть стремится установить однообразіе въ

dist. XIII, IV, 3.

8) Котляревскій. Правосое государство и внѣшняя политика. 1909, стр. 237 и д.

управленіи, смѣнить принципъ персональнаго господства территоріальнымъ. Вся люди въ предѣлахъ государства подчиняются его власти, но власть эта только теоретически едина и на самомъ дѣлѣ унитарное простое государство въ XVII и XVIII вѣкахъ остается правовымъ идеаломъ, а въ дѣйствительности, не говоря объ Англии, Германіи, Голландіи, Швейцаріи или Испаніи, даже Франція является еще, какъ указалъ Оларъ, до 1789 г. своеобразной реальной уніей цѣлаго комплекса образований, именуемыхъ себя со-Etats.

Всетаки по сравненію съ прошлымъ въ Европѣ къ XVII вѣку складывается система самостоятельныхъ крѣпкихъ государственныхъ образований, ведущихъ между собою непрерывную борьбу за расширеніе. Людовикъ XIV, Екатерина II, Іосифъ II, Фридрихъ II согласны въ томъ, что „расширеніе предѣловъ есть самое пріятное и достойное занятіе для сувереновъ“. Защищая свои индивидуальныя интересы, расцѣпывая право съ точки зрѣнія государственной необходимости, новыя суверенныя монархіи создаютъ анархическое состояніе непрерывныхъ столкновеній, гдѣ сами средства борьбы, какъ постоянныя арміи, дѣлаются факторомъ почти непрерывныхъ войнъ, имѣющихъ часть національный, а частью и чисто династическій характеръ.

Единственнымъ ограничителемъ моментомъ въ хаосѣ этихъ запутанныхъ политическихъ отношеній и частыхъ насилій является утвержденіе, что въ основѣ европейской системы лежитъ начало равновѣсія и Фенелько во Франціи пытается придать этому механическому началу значеніе правового принципа. Онѣ ссылается на Филиппа II испанскаго, желавшаго объединить Испанію, Италію, Фландрію, Новый Свѣтъ и Англійу, и говорить, что также соединеніе разныхъ земель, хотя бы имѣло мѣсто согласно внутри государственному праву, было бы все-таки *visum injuria*, потому что это „было бы противно естественному закону о безопасности всехъ другихъ народовъ. Все, что разрушаетъ равновѣсіе, что открываетъ

возможность утвердиться всемирной монархии, не может быть никогда справедливым. Законы одного народа не могут иметь силы большей, чем естественный закон общей свободы и общей безопасности. Когда одна держава усиливается до такой степени, что все другие союда государства не могут больше ей оказывать сопротивления, тогда все остальные могут объединиться, чтобы положить конец дальнейшему увеличению ее мощи. Но эти соединения государств должны иметь чисто оборонительный характер, и они не должны переступать известных границ, чтобы под предлогом борьбы с могучим соперником, не уничтожать его окончательно. И позднее, Фридрих II утверждал, что спокойствие Европы покоится на поддержании равновесия, с помощью которого преобладающая сила одной монархии уравновешивается соединенными силами других суверенов.

Такая теория находилась как будто в соответствии с той борьбой, которую вели европейские коалиции против Габсбургов, против Испании Филиппа II и Франции Людовика XIV, но она лишь оправдывает непрерывную борьбу на континенте и оставляет в стороне политический рост британской державы со времени ее морских побед над Испанией, Голландией и Францией. Порядок европейского равновесия был порядком политического ослабления Европы и был лишь симптомом международной анархии. Как отрицательное начало, учение о равновесии не могло быть основой правопорядка и было только показателем чисто-координационного характера отношений народов в Европе. Период рождения абсолютных монархий был темной полосой в развитии международного права, потерпевшего ту точку опоры, которую давал ему церковный средневековый универсализм. Центр тяжести международного права лежит в процессе, в правовых способах разрешения споров народов. В эту эпоху третейский суд вымирает, и, наряду с дипломатическим средством решения споров — посредничеством — нормальным способом раз-

ляется последнее крайнее средство — война.

Однако, вопреки Декарту, Гоббесу и Спинозе, доктрина всетаки продолжает утверждать существование естественного права, как системы объективных норм, связывающих всякую власть и всякое государство. Испанские схоластики, затем Г. Гроций и столетием позднее Вольф делают попытку глубокого теоретического оправдания и систематической конструкции международного права.

Наряду с доктриной, несмотря на рост абсолютизма, Швейцарские кантоны и Голландские Штаты во время борьбы за независимость провозглашают во имя естественного закона свои субъективные неотчуждаемые права и тоже будут утверждать незадолго до Великой Французской Революции Союзенные Штаты Америки. Несмотря на жестокую и неподвижную систему абсолютных монархий, новые силы расчищают себе выход и намечают путь, по которому пойдут в своем дальнейшем развитии непрерывно изменяющиеся учреждения международного права.

Однако, в XVI и XVII вѣках европейскія державы выступают не только как суверенныя національныя образования, живущія между собой в анархическом состоянии координаціи, но онѣ выступают и как державы міровыя, распространяя свое влияние и свои владѣнія за океанъ, включая в сферу своего политическаго господства земли Нового и Старога Свѣта. Если и раньше дѣлались попытки со стороны русскаго народа въ лицѣ Великаго Новгородскаго колонизовать земли Западной Сибири, то съ 1465 г. впервые расширяется территориальное господство Великихъ Московскихъ Князей за Уралѣ, а въ 1499 году къ Москвѣ стѣкаютъ области по нижнему течению р. Оби и т. д. Съ второй половины XVI вѣка начинается періодъ систематическаго завоеванія Сибири.

В свою очередь западно - европейския держави ищут морского пути въ Индію и во время этих поисковъ Колумбъ въ 1492 году открываетъ Новый Свѣтъ и испанская монархія дѣлается съ этого времени могущественной колониальной имперіей. Черезъ нѣсколько лѣтъ португальскимъ мореплавателямъ удалось, обогнувъ Африку, достигнуть Индіи (1497 г.) и монополію этихъ новыхъ морскихъ сообщений пытается удержать въ своихъ рукахъ Португалія. Къ 1505 году Португалія уже имѣла въ Индіи столько факторій, что туда были посланы первый вице-король и губернаторъ. Въ эту эпоху, послѣ захвата Цейлона и овладѣнія укрѣпленными пунктами у Бомбея, Португалія устанавливаетъ свое исключительное господство на Индійскомъ Океанѣ отъ Ассисини до Китая. Однако, послѣ соединенія Португаліи съ Испаніей при Филиппѣ II гибель Великой Армады въ 1588 году является первымъ ударомъ торговой монополіи двухъ родственныхъ державъ Пиринейскаго полуострова.

Нидерланды, Франція и Англія выступаютъ въ качествѣ соперниковъ Испаніи и Португаліи, и въ 1600 г. основана Британская Ост-Индская Компания, въ 1604 г. Французская и въ 1610 Нидерландская. Изъ двухсотлѣтней колониальной борьбы въ конечномъ итогѣ побѣдительницей выходитъ Англія, которая расширяетъ свои предѣлы въ XVIII вѣкѣ въ Индіи и Новомъ Свѣтѣ. Но колониальная владѣнія были въ эту эпоху лишь объектомъ споровъ и войны, они должны были обслуживать интересы метрополии и такая тенденція вызвала къ концу XVIII вѣка отпаденіе американскихъ колоній отъ Англіи и затѣмъ и въ началѣ XIX вѣка отъ Испаніи.

Английскій философъ Бентамъ, учитывая значеніе колониальнаго расширенія, какъ фактора жестокихъ и длительныхъ войнъ, настаивалъ во второй половинѣ XVIII вѣка на необходимости эмансипаціи колоній. Наряду съ уничтоженіемъ военной организаціи абсолютныхъ монархій въ видѣ постоянныхъ арміи, освобожденіе колоній должно было привести Европу къ состоянію мира и го-

сподства права (9). И въ известномъ смыслѣ английскій философъ былъ правъ, вѣрно учитывая значеніе тахъ новыхъ условий жизни народовъ, которые были владѣльцы роста и укрѣпленія основнаго начала международнаго права.

9) *Вестфальскій миръ*. Религиозныя потрясенія въ Германіи привели къ тридцатилѣтней войнѣ, закончившейся Вестфальскимъ миромъ (10). Въ этой борьбѣ на одной сторонѣ были императоръ и глава католической Церкви, папа, на другой - протестантскія государства Германіи въ союзѣ съ Швеціей и Франціей. Оба послѣднія государства, вышиваясь въ войнѣ, преслѣдовали одни и тѣ же цѣли: ослабленіе державы Габсбурговъ и оставленіе въ центрѣ Европы имперіи, единой только по имени, въ которой на самомъ дѣлѣ центроблажными силами давалась

9) Works of Jeremy Bentham, Part. VIII, 1839, стр. 537-554.

10) Barral. Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe, t. I, 1880, стр. 1 и д. Bougeant. Guerres et négociations qui précèdent le traité de Westphalie. 1727. Bougeant. Histoire du traité de Westphalie. 1745. de Flassan. Histoire de la diplomatie française. 1811, t. III, стр. 220 и д. Garden. Histoire générale des traités. t. I, стр. 134 и д. Klüber. Gültigkeit des Westphälischen Friedens. 1841. Philipp. Der Westphälische Friede. 1898. J. St. Pütter. Geist des Westphälischen Friedens. 1795.

Источники у J. G. v. Meiern. Acta pacis Westphalicae oder Westphälische Friedenshandlungen und Geschichte; bd. I-VI. Hannover. 1734-1736; и Acta pacis executionis publicae, oder Nürenbergische Friedenshandlungen und Geschichte. Hannover-Göttingen. 1736-1737. J. J. Moser. Erläuterungen des Westphälischen Friedens aus reichshofrätlichen Handlungen; bd. I-II, 1775.

бы, полная возможность разрушать еще оставшиеся имперские учреждения. Вестфальский мир служил политическим целям, он отвергал начало равноправия держав, устанавливая право контроля над выполнением договоров за Швецией и Францией, он признавал права национальной Церкви в Германии, но отрицал их в коронных землях Габсбургов, в одних случаях он обеспечивал религиозную свободу, в других он ее отвергал, но, несмотря на это, в развитии международного права Вестфальский мир имеет особое значение, потому что он делает первую попытку, после средневековых церковных соборов, урегулировать ряд проблем внутри- и между-государственных на общих конференциях, имеющих совершенно светский характер и подчиняющих политическим соображениям религиозные интересы. Новая монархия сдвигает себя в правле распоряжаться вопросами веры и свободы граждан и делать это совершенно открыто, считая, что впереди задачи Церкви идет ragione di stato. И, если мирные конгрессы в Вестфалии в Мюнстерь и Оснабрюкь собираются сначала по инициативе папы Урбана VI и сами заседания открываются при самом энергичном участии папского нунция, то затем становится ясным, что результаты конгрессов вредны, опасны и непримлемы для католической Церкви. Поэтому уже 24 октября 1648 г. папский нунций Чичи протестовал против условий договоров, а папа Иннокентий в том же году через одного миссия объявил договоры недействительными. Протест папы не обратил на себя никакого внимания, и это было показателем новых отношений к прежде всемогущей Церкви.

Переговоры о заключении мира между воюющими тянулись чрезвычайно долго и, хотя уже в 1636 году были сделаны со стороны папы первые шаги к примирению, настолько через пять лет, благодаря посредничеству датского короля в 1641 г., представители империи, Франции и Швеции обменялись охранительными гра-

мотами и письменными предложениями о мирных переговорах. Чрезвычайная затрудненность создавала принцип неравноправия государств, который выражался в том, что должна была соблюдаться точная иерархия между всеми державами, представленными на мирном конгрессе, причем первое место все-таки оставалось за империей, второе за королевствами и, наконец, третье за республиками и несуверенными государствами. Ввиду наличия двух победительниц Швеции и Франции и ввиду невозможности общей работы для делегатов папы и Швеции конгресс разделился на два собрания: в Мюнстерь, где председательствовала французская делегация, и в Оснабрюкь, где председательствовала шведская.

Только в июне 1645 года были сделаны конкретные мирные предложения со стороны Франции и Швеции. Обе державы были согласны на том, чтобы всеми отделимыми немецкими государствами были представлены, *droits de souveraineté* (как говорилось во французском проекте), но кроме того в Германии следовало восстановить порядок религиозных отношений до 1618 года, и Швеции и Франции должны быть уступлены значительные немецкие территории. Если Франция главное внимание обращала на Эльзас, то Швеция хотела захватить всю Померанию, ряд портов на Балтийском и Немецком морях и даже Силезию. Переговоры затянулись и только после взаимных уступок в 1648 году император решил наконец 26 октября подписать мирные договоры. Однако, большая затрудненность встретила реализация отдельных пунктов соглашения, и только в 1650 году в Ниренберге был подписан последний акт о выполнении мирных договоров: *Friedensexecutions-Hauptabschied (II)*.

II) Советник велья согласился с Redslöbчуггером, заявляющим, что Вестфальский договор должен дать «синоптическую картину четырех аксиом международного права: Первая аксиома отрицательная»

1) *Правовая и религиозная условия Вестфальского мира.* В основе реформации в Германии отнюдь не лежали принци-

зательности договоров проявляется в наличии гарантий, включенных в самый текст соглашений. Как будто раньше не было гарантий для договоров и более действительных, особенно со стороны вассалов или сословий за короля, причем сословия и вассалы располагали вполне реальными принудительными средствами против короля-правонарушителя.

Что касается второй аксиомы - признания свободы и суверенитета государств, то, узаконяя вмешательство Швеции и Франции в германские дела, Вестфальский договор отрицает, а не утверждает эту «аксиому».

Вмешательство отрицает и третья «аксиома» - равенство государств, потому что, если Франция и Швеция могли вмешиваться в германские дела, то, конечно, ни Швеция, ни империя, ни отдельные немецкие государства не имели права вмешиваться в религиозную борьбу, которая с большей жесткостью и упорством велась в то время внутри Франции. Сь большим сомнением можно говорить и о четвертой «аксиоме» - солидарности, потому что границы европейской солидарности совпадали с границами политических интересов Франции и Швеции.

В конечном итоге по своим результатам и последствиям Вестфальские договоры были для германской империи до некоторой степени благотворны, потому что они обезпечили немцам то, что было недоступно подданным Габсбургов и французских Бурбонов - религиозный мир. В последнем и заключается главное значение договоров 1648 года. Ср. Redslob. Histoire des grands principes de droit des gens. 1923, стр. 213-217.

Преувеличивая значение Вестфальского мира и воп-

лн терпимости и всеобщей религиозной свободы. Лютер, как и другие проповедники, считали свое учение исключительно правильным и стремились к тому, чтобы установить в Германии господство единой немецкой национальной Церкви. Религиозная свобода и терпимость явились лишь следствием компромисса, результатом создания протестантами необходимости пойти на уступки, чтобы сохранить хоть часть завоеванных позиций. Мирные договоры отнюдь не дают открытой санкции принципам религиозной свободы, но зато в порядке международно-правовом ограничивают суверенитет немецких государств, не имеющих возможности сполна у себя осуществлять начало: *cujus regio ejus religio*. Наоборот, 1624 годь призналь договорами нормальным годом не только по отношению к тем немецким княжествам, герцогствам, королевствам и городам, которые были в эту эпоху протестантскими, и таковыми впредь и остаются, но и по отношению к отдельным лицам, исповедывавшим к этому времени ту или другую религию и получавшим право вернуться к этой вере. Таким образом в одном и том же государстве создавалась попытка сожительства людей различных вероисповеданий и эти новые нормы защиты прав религиозных меньшинств ставились под международную гарантию.

Швеция пыталась распространить амнистию и право о нормальном годе и на другие земли, в частности на владения Габсбургов, но это встретило самую решительную оппозицию со стороны представителя императора графа Траутмансдорфа и в результате шведы вынуждены были отказаться от этих пунктов (12). В

... fils-Fouchille: «Le traité de Westphalie a été le véritable point de départ du droit des gens moderne et la base des relations internationales jusqu'en 1789» Manuel de droit international, 1913, стр. 39.

12) Взятом отношении направи проф. Мартинет, утве...

Германиі такимъ образомъ установился, порядокъ болѣе терпимый, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ, и этимъ подготавлилась почва для болѣе широкаго осуществленія вѣротерпимости, получившей свое теоретическое оправданіе значительно позднѣе, въ XVIII вѣкѣ главнымъ образомъ въ трудахъ Лессинга.

Наряду съ религіозными условиями мирные договоры въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ устанавливали новый порядокъ отношеній нѣмецкихъ государствъ, торжественно получившихъ признаніе своей независимости въ числѣ 355 образованій съ однимъ только ограниченіемъ не заключать союзовъ, направленныхъ противъ имперіи. Въ сущности этотъ вопросъ былъ предрѣшенъ допущеніемъ нѣмецкихъ государствъ на конференцію съ правомъ рѣшающаго голоса.

Имперія перестала существовать, какъ федерація, и превратилась въ слабый союзъ государствъ, гдѣ главой былъ не національный монархъ, но чужеземецъ, гораздо болѣе ревниво относившійся къ своимъ непосредственнымъ короннымъ владѣніямъ, чѣмъ къ фактивному господству въ предѣлахъ Священной Имперіи. Къ тому же династія Габсбурговъ, въ качествѣ единственной компенсаціи за потерю своего вліянія въ Германіи, полу-

ждая, что была безусловно восстановлена дискреціонная власть государей устанавливать одну религію въ предѣлахъ своего государства. Таковъ былъ общій принципъ, но ограниченіемъ было признаніе религіозной свободы и за отдѣльными лицами. Для Австріи, однако, послѣднее начало было отвергнуто и поэтому послѣдовало выселеніе протестантовъ изъ Тироля, особенно изъ долины Зельца, съ 1681 г. по 1731 г. въ Голландію, Сѣверную Германію и даже Америку. Мартенст. Современ. ое. международное право, т. I, 1898, стр. 92. И наоборотъ, совершенно правильно изложено содержаніе договоровъ у Стяньсва. Очерки по исторіи и догматикѣ межд. права, стр. 126-127.

чила признаніе на безконтрольное владѣтельство въ Чехіи и Венгріи и такимъ образомъ былъ очищенъ путь для народненія новой австрійской державы, окончательно зафиксировавшей свое существованіе после смерти Священной Римской Имперіи германской націи въ 1806 году.

2) *Территориальныя и политическія условія Вестфальскаго мира.* Главной побѣдительницей имперіи была Швеція и территориально она захватила наиболѣе значительныя области, присоединивъ къ себѣ Верхнюю Померанію съ Рюгеномъ, Штетиномъ и устьемъ рѣки Одеръ, города Висмаръ, Ростокъ, архіепископство бременское и епископство верденское. Благодаря этимъ владѣніямъ Швеція получила право голоса въ германскомъ рейхстагѣ и могла оказать значительное вліяніе на судьбы Германіи. Но она угрожала какъ Бранденбургу, вновь окрѣпшему протестантскому государству, такъ Польшѣ и Россіи. И уже черезъ полъ-вѣка шведы теряютъ свои владѣнія въ континентальной центральной Европѣ и русскія войска принимаютъ участіе въ этой борьбѣ, отнимая у шведовъ для Пруссіи Штетинъ и Штральзундъ.

Второй побѣдительницей была Франція, стремившаяся продвинуть свои восточныя границы до Рейна. По Вестфальскому миру она приобрѣтала Зундгау, Верхній и Нижній Эльзасъ, десять имперскихъ городовъ, причѣмъ, однако, имперскіе князья въ Эльзасѣ сохраняли свои ленныя отношенія къ императору, но эта зависимость ни въ чемъ не должна была умалять суверенныхъ правъ французской короны. Въ результатъ получалось запуганное положеніе, закончившееся полнымъ и безспорнымъ установленіемъ французскихъ верховныхъ правъ лишь въ эпоху Великой Революціи.

Кромѣ того, договоръ даетъ санкцію на владѣніе Франціей тремя епископскими городами: Тулемъ, Верденомъ и Мецомъ, занятыми французами еще въ 1552 году.

Позднѣе, Франція стремилась продолжать расширеніе своихъ владѣній на Рейнѣ и добилась на Ризвикскомъ мирномъ конгрессѣ въ 1697 году уступки со сто-

роны империи Страсбурга.

На границах империи получили международное признание два новых республики, ранее бывшие в зависимости от императора. Швейцарские кантоны вели многолетнюю и упорную борьбу за свою независимость и уже в 1499 году, после поражения имперской эскадронной армии, добились в силу Базельского договора признания свободы от имперской юрисдикции и налогов. Но только в 1648 году в Мюнстере, благодаря поддержке Франции и Швеции, независимость Швейцарии получила международную санкцию.

Второй республикой были Нидерланды, объединившие ряд голландских провинций согласно Утрехтской унии 1579 года и объявившие о своей полной самостоятельности в Гаагском манифесте 1581 года. После 80-ти летней войны мир с Испанией был подписан в Мюнстере в 1648 году и здесь была провозглашена независимость Нидерландских Штатов.

Глава XII

§44. Государства, как субъекты международного права. Иерархия государств.

§45. Учение о влиятельности и признании новых государств.

Если в настоящее время субъектами международного права признаются государства, то в XVII и XVIII вѣках считалось, что монархи в такой степени персонафицируют свои державы, что не только соглашения заключались от их имени, война велась ими, ответственность за международные правонарушения падала на них, послы представляли их личность, и международные соглашения иногда определенно связывались во времени с жизнью монархов, от имени которых оно и было заключено и поэтому со смертью монархов должны были терять свою силу.

Однако, наряду с этим, получают силу принципы, выдвинутые Гроцием, что государство постоянно и бессмертно и что оно переживает монархов. В итоге уже в эпоху Английской Республики правительство Кромвеля признавалось британским со стороны Франции в лице Мазарини, считавшим необходимым соблюдать договоры, подписанные еще Карлом I Стюартом. Нериль, французский посол в Англии, публично предъ лицом британского парламента оправдывал применение новых начал. «Связь, которая должна иметь место между соседними государствами, не определяется их формой правления. Поэтому, если Богу было угодно изменить государственный строй британской державы, то всетаки остается в силѣ потребность торговых отношений и сближения между Францией и Англией. Государство британское могло преобразиться и изъ монархии стать республикой, но оно всетаки осталось на том же мѣстѣ. Народы остаются соседями и одинаково заинтересованными в торговых сношениях. Вследствие этих соображений исключительной важности и для блага обоих могуще-

дѣлахъ имперіи, въ ленной зависимости отъ императора еще во второй половинѣ XVIII вѣка находились: Данія, Великобританія, Венгрія, Сардинія, Пруссія, Швеція и Россія (съ 1763г. по 1773г.). Наконецъ, помимо сложныхъ династическихъ и ленныхъ отношеній, порядокъ, установленный Вестфальскимъ миромъ, относительно гарантій принципамъ религиозной свободы въ имперіи со стороны Швеціи и Франціи, былъ не единичнымъ. Въ такомъ же положеніи находилась Польша, сосѣди которой считали себя въ правѣ покровительствовать религиознымъ меньшинствамъ въ предѣлахъ Речи Посполитой и постоянно вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла.

Въ результатѣ получалась тѣсная взаимная зависимость европейскихъ державъ по ряду проблемъ политическаго характера, и въ виду большого количества слабыхъ нѣмецкихъ государствъ въ центрѣ Европы и значительнаго числа мелкихъ образований въ Италіи, дѣлаются непрерывныя попытки со стороны болѣе могучихъ Державъ рассматривать, какъ нѣмецкія территоріи, такъ и итальянскія, какъ простые объекты мѣны, захватовъ и компенсаций.

Въ принципѣ еще Боденъ установилъ юридическое равенство всѣхъ суверенныхъ образований. Но это было лишь доктринальнымъ утвержденіемъ, которому не соответствовала практика эпохи, установившая строгую іерархію государствъ и допускавшая лишь съ большимъ трудомъ перемѣщенія въ порядкѣ того положенія, которое занимали европейскія государства по отношенію другъ къ другу. Первое мѣсто въ XVI и XVII вѣкахъ безспорно занимала Священная Римская имперія. Второе мѣсто принадлежало Османской державѣ и, наконецъ, за третьимъ мѣстомъ спорили Испанія и Франція. Четвертое въ XVIII вѣкѣ отводило мѣстѣ Россійской Имперіи и за пятымъ или шестымъ королевства: Великобританія, Швеція, Данія и т. д., за ними, наконецъ, республики: Венеція, Нидерланды, Швейцарія, Генуя и т. д.

Эта иерархія приводила иногда къ

столкновеніямъ, сопровождавшимся насиліями и пролитіемъ крови. Особенно упорно ссорились между собой Франція и Испанія, послы которыхъ претендовали на второе мѣсто послѣ представителя имперіи. Въ 1661 году въ Лондонѣ между свитами послы двухъ королевствъ произошелъ настоящій бой и въ концѣ концовъ испанскій король въ торжественной деклараціи въ томъ же году призналъ за дипломатическимъ представительствомъ Людовика XIV второе мѣсто послѣ имперскаго. Однако, столкновенья еще не закончились и продолжались еще весь XVIII вѣкъ. Республики въ этомъ отношеніи не отставали отъ монархій и въ Константинополѣ въ 1700 г. произошло столкновенье между дипломатами Нидерландовъ и Венеціи.

Въ царствованіе Екатерины II Россія упорно добивается второго мѣста и въ деклараціи отъ 1769 года сообщаетъ иностраннымъ дворамъ, что послы русской императрицы могутъ уступать мѣсто только представителямъ императора.

Начало іерархіи выразилось не только въ мѣстахъ и положеніи дипломатическихъ представителей, но и въ томъ порядкѣ, который занимали названія государствъ въ заключаемыхъ ими соглашенияхъ. Поэтому въ текстѣ Губертсбургскаго мира 1763 года, закончившаго семилѣтнюю войну, какъ и въ другихъ договорахъ имя императрицы шло впереди имени короля Пруссіи.

Изъ независимости государствъ вытекаютъ ихъ право на полную свободу внутренняго устройства и право самостоятельнаго управленія международными отношеніями. Въ осуществленіи этихъ правъ государства тѣсно связаны другъ съ другомъ, потому что, требуя отъ другихъ признанія своей независимости, каждое государство вмѣстѣ съ тѣмъ обязано относиться съ уваженіемъ къ чужой независимости.

Такая принципиальная точка зрѣнія была знакома международному праву XVII и XVIII вѣковъ (14), но она

14) Мозер приводитъ слѣдующій текстъ императорскихъ

постоянно колебалась соображениями династического характера, национальной враждой и системой политического равновесия и в конечном итоге войны, ведомая в эту эпоху в Европу, были чаще вызваны попытками одних держав навязать другим определенный порядок престолонаследия, соответствующий не интересам государства, бывшего жертвой такого вмешательства, но интересам государств вмешивающихся.

Только в немногих договорах, как это было например в Ништадском в 1721 году между Россией и Швецией определенно оговаривается, что русский император никогда не будет вмешаться «в домашние дела Королевства Свейского...якоже форму правительства и образ наследства». Мало того, в этом же договоре устанавливается обязанность для русской державы не допускать никакого другого постороннего вмешательства и таким образом Россия становится на стражу шведской независимости (15).

Несмотря, однако, на подобную ясную формулировку принципа невмешательства, вся история XVII и XVIII вв. кова полна столкновениями, вызванными авторитарными попытками вторжения одних государств в область внутреннего суверенитета других.

В 1648 году представители Франции, Нидерландов и Англии подписывают договор о расчленении испан-

капитуляции (ст. 28, §1): „Wir sollen und wollen, (zu Verhütung allerhand Simultäten, und daraus entstehender gefährlicher Weiterung) nicht gestatten, dass die auswärtige Gewälte, oder deren Gesandte, sich heim oder öffentlich in die Reichs-sachen einmischen“. J. J. Moser. Versuch des neuesten Europäischen Völkerrechts in Friedens und Kriegs-Zeiten. VI, 1778, стр. 318.

15) А. А. Тазухин. Сборник грамот и договоров о приращении царств и областей к Государству Российскому. 1922, стр. 367-368.

ской державы в связи с предполагаемой смертью Карла V. причем в договор определялось, что наследником испанской короны должен быть курфюрст Баварский. Правительство Испании, возмущенное этим договором, протестовало, ссылаясь на необходимость для других народов относиться с уважением к началу независимости Испании и к ее основным законам. Французский министр Людовика XIV де-Торси отбился, что дело идет о секретном договоре и только о предположениях, но что европейское публичное право не отвергает прав заинтересованных государств принимать меры, чтобы не возродилась слишком могущественная держава Карла V, бывшая угрозой независимости и безопасности других государств.

Как известно, этот договор впоследствии был нарушен Людовиком XIV, согласившимся на то, чтобы его внук вступил на испанский престол. В результате война за испанское наследство закончилась поражением Франции и Испании и привела к заключению Утрехтского мира в 1713 году, провозгласившего недопустимость соединения в одном лице испанской и французской короны и таким образом поставившего порядок престолонаследия в Испании и Франции под своеобразный международный контроль.

Еще более энергично осуществлялось вмешательство России, Австрии и Пруссии в дела Польши. Если еще по договору в Оливье в 1680 году Польша приняла на себя обязательство обезопасить для своих подданных религиозную свободу, то в 1767 году это было вторично и в более решительной форме подтверждено специальным договором Польши с ее соседями. Эти соглашения оправдывали в некоторой степени выступления России и других государств, но в 1772 году была сделана не только попытка расчленив Польшу, но и вместе с тем был осуществлен опыт заставить ее установить и сохранить тот порядок управления, который был выгоден соседям. В договорах России с Австрией и

Пруссией вмешательство и присоединение польских владений оправдывалось следующими образом: «Духи партий, смуты и междоусобий, которыми уже в течении многих летъ волнуется Королевство Польское, и анархія, приобретающая тамъ съ каждымъ днемъ новыя силы, такъ что подрываетъ, наконецъ, всю власть законнаго правительства, возбуждаетъ справедливыя опасения къ тому, что можетъ наступить совершенное распаденіе государства; что интересы сосѣдей Польши будутъ нарушены, что нарушено будетъ доброе согласіе, установившееся между ними и возбуждена будетъ общая война...» (16).

На такого рода мотивы польское правительство съ большимъ чувствомъ собственного достоинства отвѣтило 19 февраля 1773 года. Въ польской нотѣ указывается на недопустимо-рѣзкій тонъ обращенія сосѣднихъ державъ и затѣмъ говорится, что только, принимая во вниманіе серьезность положенія и неизбежность грозящей Польшѣ опасности, польскій король согласился на то, чтобы вопросъ о расчлененіи и вопросъ объ измѣненіяхъ конституціи былъ бы переданъ на разсмотрѣніе сейму, но что для свободы дѣятельности сейма необходимо, чтобы войска сосѣднихъ государствъ удалились изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой (17).

Послѣднее требованіе не было исполнено и въ договорѣ между Польшею и Россіей 18 сентября 1773 года о восстановленіи мира и присоединеніи къ Россіи нѣкоторыхъ польскихъ областей опредѣленно утверждается начало контроля Россіи надъ польскимъ государственнымъ строемъ: «Ея Императорское Величество, объявляя, что имѣрена Она добрыми стараніями своими способствовать восстановленію тишины и добраго порядка въ Польшѣ на твердомъ и прочномъ основаніи ручаетъ всѣмъ конституціи, кои на собранномъ нынѣ въ Варшавѣ, подъ

16) Пазухинъ. Собраніе грамотъ и договоровъ, стр. 353-354.

17) Moser. Versuch, VI, 350-351.

званіемъ конфедераціи, сеймъ, съ совершеннаго согласія министровъ трехъ соговаривающихся дворовъ узаконены будутъ, какъ о формѣ волеяго республиканскаго независимаго правленія, такъ и о примиреніи и состояннн подданныхъ Греческой Восточной не униатской вѣры и диссидентовъ обоего евангелическаго исповѣданія; ради чего сочинены были имѣеть о псмнанныхъ конституціяхъ за подписаніемъ взаимныхъ министровъ и комиссаровъ особый актъ, составляющій часть сего трактата...» (ст. 7) (18).

И затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Польша сдѣлала предпоследнюю попытку спасти свое государственное существованіе, установивши въ своей конституціи 3 мая 1791 года новыя принципы управленія, въ защиту стараго анархическаго строя снова выступаютъ три сосѣднія державы и спятъ подъ предлогомъ своей безопасности расчленяютъ Польшу и, послѣ неудачнаго возстанія Костюшки, въ третій разъ осуществляютъ полный раздѣлъ Польши (1785 г.), дѣлавъ возможность Пруссіи создать все великодержавное положеніе и, придеи нувши границы къ Россіи, изъ ея союзника стать ея врагомъ.

Теорія вмешательства по отношенію къ Польшѣ была лишь своеобразной попыткой оправдать насилие, произведенное тремя государствами надъ своимъ болѣе слабымъ сосѣдомъ.

Но въ эту эпоху были и другія попытки вмешательства, имѣвшія иной характеръ и приведши къ инымъ результатамъ. Уже въ эту эпоху имѣются примѣры выступленій во имя интересовъ человечности. Въ 1745 году императрица Марія-Тереза рѣшила выселить всѣхъ евреевъ изъ Праги. Въ виду послѣдовавшаго протеста представителей Великобританіи и Нидерландовъ при императорскомъ дворѣ, сначала выполненіе этой мѣры было отложено на одинъ мѣсяцъ, а затѣмъ, послѣ настойчивыхъ требованій британскаго правительства, мѣра эта была со-

18) Пазухинъ, 382.

всѣмъ отиѣнена и въ 1749 году были подтверждены права еврейскаго населенія въ королевствѣ чешскомъ (19).

Особое значеніе получаетъ вмѣшательство при внутренней междоусобной борьбѣ, когда черезъ преждевременное признаніе вновь-возникшаго политическаго образования одна держава односторонне превосхищаетъ исходъ борьбы и становится на сторону возставшихъ.

Въ 1778 году возставшія Сѣверо-Американскія колоніи провозгласили свою независимость и въ то время, какъ однѣ европейскія державы, вродѣ монархіи Габсбурговъ рѣшили соблюдать самый строгій нейтралитетъ, другія, какъ Нидерланды и особенно Франція, косвенно поддерживали возставшихъ, допуская съ ними не только мирную торговлю, но и регулярно поставку предметовъ военной контрабанды. При нормальныхъ условіяхъ такая поставка со стороны частныхъ лицъ не является нарушеніемъ нейтралитета, но британское правительство въ рядѣ нотъ протестовало противъ подобной французской и голландской практики.

Однако, правительство Людовика XVI пошло еще дальше, и въ 1778 году признало Сѣверо-Американскія Колоніи за государство, заключивъ съ ними два договора: одинъ торговый и другой политическій союзаго характера.

Британское правительство сочло подобныя дѣйствія недопустимымъ вмѣшательствомъ во внутреннія англій-

19) Статсъ-секретарь Гаррингтонъ писалъ британскому послу въ Вѣнѣ 5 марта 1748 г.: „Въ виду того, что ваши представленія въ пользу евоевей въ Королевствѣ Богемскомъ и въ наслѣдственныхъ землѣхъ Ея Величества пока повидимому не произвели никакого впечатлѣнія, настоящимъ письмомъ, по приказу короля, я предлагаю вамъ настаивать самымъ рѣшительнымъ образомъ на отиѣнѣ этого указа, опубликованнаго Вѣнскимъ Дворомъ и направленнаго противъ столькихъ тысячъ невинныхъ семей". Moser. Versuch, VI, 97, 1778.

скіе дѣла. Франція обязана считать возставшія колоніи нераздѣльной частью англійскаго королевства и она не можетъ вступать съ колоніями въ договорныя отношенія. Однако, французское правительство позволило себѣ не только вступать въ регулярныя дипломатическія сношенія съ возставшими, но еще непрерывно оказывало имъ поддержку въ ихъ борьбѣ. Французскіе порты стали базами для американскихъ военныхъ судовъ и ихъ призывъ, французскіе подданные снаряжали американскіе суда, производившія захваты британскихъ торговыхъ судовъ. Подъ видомъ частной торговли производились поставки оружія, давались денежные субсидіи и вообще оказывалась американцамъ самая широкая помощь.

Въ своихъ возраженіяхъ французское правительство очень основательно ссылалось на одинъ международный прецедентъ изъ англійской практики. Королева Елизавета признала независимость Нидерландовъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше, чѣмъ они были признаны Испаніей. И англійская королева, кромѣ того, заключила и союзный договоръ съ возставшими Штатами.

Наряду съ этимъ прецедентомъ Франція указывала, что къ 1778 году, когда Американскіе Штаты были признаны, они фактически располагали на извѣстной территоріи полною независимостью, причѣмъ съ успѣхомъ отразили всѣ попытки англичанъ возстановить свое господство. Съ этого момента Франція имѣла право разсматривать Американскій Союзъ, какъ суверенное государство и какъ новаго члена международного общенія.

И это положеніе было признано, какъ говорится во французской нотѣ, не только правительствомъ Людовика XVI, но и британскимъ королевскимъ правительствомъ, для котораго американцы не только измѣнники и возставшіе граждане, но и противники, признанные воюющей стороной, съ которой ведется настоящая регулярная война съ соблюденіемъ военныхъ законовъ и обычаевъ, съ заключеніемъ капитуляцій, объёмомъ плѣнныхъ и т. д. Мало того, Англія еще и делегировала уполномоченныхъ лицъ

для мирных переговоров с новой Республикой. Этими действиями Англия в такой же степени признало новое государство, как и Франция.

Франция совершенно основательно указывала на то, что признание со стороны метрополии не может быть конститутивным моментом в рождении государства, которое всегда создается спонтанно, по собственной воле и признание которого является своеобразною обязанностью для других государств-членов общения.

Однако, очень трудно, почти невозможно, установить тот исторический момент, когда в смысле прочности всех своих элементов государство переходит из стадии nasciturus в состояние полной дееспособности. Наиболее правильным было бы установление этого момента высшей беспристрастной международной инстанцией, но при отсутствии ее судьями остаются разрозненные отдельные государства, выступления которых оправдываются лишь позднейшим развитием событий. И в этом отношении в споры из-за признания независимости Северо-Американского Союза прав оказалась не Англия, а Франция.

Глава XIII

§46. Международные договоры и их гарантии. §47. Свобода моря. Ре-
-жим проливов, соединяющих открытые моря. Бельты и Зундъ. Бос-
-форъ и Дарданелы.

При наличии системы простой координации, когда государства признают выше себя право, но отвергают господство властного правопорядка, договоры в между-народной жизни имеют исключительное значение. Один из исследователей международного права XVIII века Мозер говорит, что в отношениях между частными лицами есть судъ, который может привлечь их къ ответственности за правонарушения: между независимыми государствами нѣтъ судьи и поэтому они сами добровольно должны соблюдать заключаемые ими договоры, „иначе будетъ плохо для всей Европы" — „so siehet es schlimm um die Ruhe in Europa aus" (20).

И этот же ученый приводит слова императрицы Марии-Терезии о королѣ прусскомъ (Фридрихъ II): „Разъ онъ (король Пруссии) утверждаетъ, что договоры, заключенные съ его предками и его собственными отцемъ, не являются обязательными, потому что, что они будто не имѣли права заключать такихъ соглашений, то какъ можно вѣрить и договорамъ, заключеннымъ съ нимъ самимъ?" И въ другой нотѣ въ 1741 году та же императрица писала Нидерландскимъ Штатамъ: „Человѣческое общество не можетъ существовать, если будутъ порваны священные узы договоровъ, связывавшихъ въ той же мѣрѣ сувереновъ, какъ и частныхъ лицъ (21).

Въ эту эпоху уже явственно различается необходимость ряда условий какъ субъективного, такъ и объективного характера для обязательной силы международ-

20) Moser. Versuch, VIII, 356.

21) Moser. Op. cit., VIII, 356-357.

ных договоров.

Къ первому роду условий, кроме общей необходимости международной правоспособности для двухъ сторонъ, относится и наличие соответственных полномочий для лицъ, заключающихъ соглашение. Въ абсолютныхъ монархияхъ государи имѣютъ неограниченное право обязывать свою державу соглашениями и въ XVII и XVIII вѣкахъ имѣются случаи, когда государи непосредственно уславливаются о соглашении. Въ виду того, что въ такихъ случаяхъ достаточно проявленія воли одного физическаго лица, соглашения сразу вступаютъ въ силу.

Примѣромъ можетъ быть заключеніе союза между Россіей и Пруссіей въ 1697 году. Петръ Великій и курфюрстъ Бранденбургскій при личномъ свиданіи въ Пилау дали торжественное обѣщаніе, „чтобъ въ удобной и потребной случай, другъ другу противъ всѣхъ непріятелей, а особливо противъ Швела, вспомогать всѣми своими силами". Затѣмъ, подавъ другъ другу руки государи обмѣнялись поцѣлуями и скрѣпили свой договоръ клятвой (22).

Въ аналогичной формѣ черезъ простой обмѣнъ письмами заключили между собой очень важный оборонительный и наступательный союзъ Екатерина II и Іосифъ II въ 1781 году (23).

Нормально, однако, уполномоченными были особые лица, причемъ договоры въ такихъ случаяхъ получали силу лишь послѣ ратификаціи со стороны монарховъ или со стороны сословій, какъ это было въ Германіи, Швеціи и Польшѣ. Если въ принципѣ отказъ въ ратификаціи является и въ настоящее время испустимымъ, то изъ практики XVII и XVIII вѣковъ извѣстенъ рядъ случаевъ отказа въ ратификаціи. Проф. Мартенсъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ русской истории, особенно изъ времени Великой Сѣверной Войны, когда Пруссія желала съ одной стороны полностью использовать плоды русскихъ побѣдъ

22) Мартенсъ. Соврем. межд. право, I, стр. 416.

23) Мартенсъ. Op. cit., 402.

противъ шведовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желала открыто выступить противъ Швеціи въ союзъ съ Россіей. Поэтому Фридрихъ I отказался ратифицировать какъ договоръ 1711 года, такъ и 1712 года. Та же участь въслѣдствіе государственнаго переворота въ Россіи постигла и союзный договоръ Петра III съ Фридрихомъ II въ 1762 году (24).

Если международные договоры могутъ быть результатомъ гонимаго насилія и принужденія и если въ этомъ лежитъ ихъ глубокое отличие отъ чисто-правовыхъ сделокъ, то все же нормально не допускается примѣненія силы по отношению къ уполномоченнымъ правительствамъ или тѣмъ государственнымъ органамъ, которые должны осуществитъ ратификацію. Въ отношеніи къ Польшѣ въ 1773 году и затѣмъ позднѣе при послѣующихъ разделахъ было допущено физическое насиліе и угрозы кровавой расправы со стороны представителей австрійскаго, прусскаго и русскаго дворовъ, причемъ и самыя подписи подъ договорами и самыя акты ратификаціи были вызваны грубымъ и жестокимъ нарушеніемъ правъ польскаго королевства и права польскаго государства.

Невозможность примѣненія средствъ принужденія породила необходимость находить какіе либо конкретные способы обезпеченія заключенныхъ трактатовъ.

Присяга въ эту эпоху повсѣмному исчезаетъ изъ международной практики и извѣстенъ одинъ изъ послѣднихъ случаевъ въ 1777 году, когда при возобновленіи союза между Франціей и Швейцарскими кантонами въ кафедральномъ соборѣ въ Золотурнѣ представитель французскаго короля де-Вержени и депутаты Союза обмѣнялись торжественной присягой (25).

Обмѣнъ заложниками тоже практикуется очень рѣдко и извѣстенъ тоже лишь одинъ случай изъ практики

24) Мартенсъ. Op. cit., стр. 405-406 и Собраніе трактатовъ его же, т. V, стр. 88-90 и 379 и 386.

25) Moser, Versuch, VIII, стр. 288-289.

XVIII вѣка, когда для гарантіи исполненія Ахенскаго договора въ 1748 году въ Парижъ изъ Лондона въ качествѣ заложниковъ были отправлены два англійскихъ пэра (26).

Наконецъ, болѣе распространеннымъ является закладъ или залогъ территории или отдѣльныхъ городовъ, или занятія на извѣстныхъ условіяхъ части иностранной территории. Въ этомъ отношеніи были типичны такъ называемые барьерные трактаты, впервые заключенные между Англійей и Нидерландскими Штатами въ 1709 году и получившіе международную санкцію послѣ Утрехтскаго мира въ 1713 году. По цѣлосу ряду соглашеній Нидерланды получали право для обезпеченія выполненія условій Утрехтскаго мира занимать пограничные съ Франціей города Бельгіи, причѣмъ этимъ отнюдь не подрывались суверенныя права Габсбурговъ. Фактическое осуществленіе этихъ барьерныхъ трактатовъ встрѣчало безконечныя затрудненія и тренія между Австріей и Нидерландами и при ослабѣвшемъ военномъ могуществѣ Голландскихъ Штатовъ, къ концу XVIII вѣка потеряло всякое фактическое значеніе (27).

Очень распространеннымъ обезпеченіемъ договоровъ и, повидимому, наиболее отвѣчающимъ своимъ цѣлямъ является поручительство третьихъ державъ. Сюда совершенно не относятся обезпеченія со стороны договаривающихся державъ внутренняго строя того или иного государства, какъ напримѣръ, обезпеченіе внутри-государственныхъ нормъ Священной Римской Имперіи по договорамъ 1648 года между Франціей и Швеціей, или конституціи Польши по соглашенію между собой Австріи, Пруссіи и Россіи. Сюда могутъ относиться только поручительства за выполненіе условій *международнаго договора* (28). И такія поручительства могутъ быть простыми, когда ка-

26) Мартенсъ. Op. cit., стр. 422.

27) Moser. Versuch, V, 362-379.

28) Иначе Мартенсъ. Op. cit., 424-425.

кое-либо одно третье государство ручается за выполненіе договорнаго обязательства, и сложными, когда рядъ государствъ или взаимно ручается за выполненіе условій договора, заключеннаго съ третьимъ государствомъ, или же даетъ коллективную гарантію въ охраненіи извѣстнаго порядка, или правъ и неприкосновенности владѣній какого-либо одного государства.

Примѣромъ перваго можетъ быть ручательство Маріи Терезіи за выполненіе договора, заключеннаго въ 1758 году между Франціей и Даніей (29). Второй случай представляютъ договоры, заключенные между Австріей, Россіей и Пруссіей, гарантирующіе тотъ порядокъ отношеній къ Польшѣ, который былъ установленъ въ сепаратныхъ соглашеніяхъ съ Рѣчью Посполитою трехъ союзныхъ дворовъ (1773 г.). Наконецъ, европейской практикѣ были извѣстны и случаи коллективныхъ гарантій, къ которымъ относилось ручательство ряда государствъ за порядокъ, установленный по отношенію къ Польшѣ международными договорами въ Силіи и Валаху. Основывался на этомъ коллективномъ ручательствѣ, польскій сенатъ и король обратились къ Швеціи, Англии и другимъ державамъ съ просьбой о посредничествѣ передъ Австріей, Пруссіей и Россіей при первомъ раздѣлѣ въ 1773 году. Эта попытка осталась безрезультатной и король въ тронной рѣчи могъ указать лишь на упорное молчаніе иностранныхъ правительствъ, оставившихъ просьбы Польши безъ всякаго отвѣта (30).

Если въ настоящее время начало свободы моря является принципиально общепризнаннымъ, то въ XVII и XVIII вѣкахъ эта проблема вызвала безконечныя споры среди ученыхъ различнаго національности и часто приводила къ кровопролитнымъ столкновеніямъ между наро-

29) Мартенсъ. Op. cit., стр. 425.

30) Moser. Versuch, VIII, 345.

дами, желавшими захватить въ свое исключительное владѣніе широкое и свободное водное пространство. Борьба шла между двумя направленіями. Если Гроція еще въ 1609 году выступилъ открыто за принципъ свободы морей, то несмотря на то, что онъ опирался на авторитетъ римскаго права, онъ вызвалъ противъ себя цѣлый рядъ нападокъ со стороны англійскихъ и португальскихъ публицистовъ. Принципы Гроція находились въ рѣзкомъ противорѣчій съ притязаніями самыхъ различныхъ морскихъ государствъ. Венеція нашла еще значительно раньше поборника своего исключительнаго господства въ Адриатическомъ морѣ въ лицѣ Паоло Сарни, Генуя и Пиза притязали на власть въ предѣлахъ Лигурійскаго моря, Португалія на Индійскій океанъ и португальскій публицистъ Фрейташъ написалъ противъ Гроція въ 1625 году книгу: *De iusto imperio Lusitanorum asiatico*, въ которой оправдывались притязанія его отечества, въ Англии Джентили (въ 1613 году) и Селденъ (1635 г.) наиболее тщательно конструировали свою юридическую аргументацію для оправданія владѣнія отстоятымъ моремъ. Но если Карлъ I Стюартъ требовалъ отъ Нидерландскихъ Штатовъ наказанія Гроція за его книгу, то нѣсколькими десятилѣтіями раньше королева Елизавета въ одной изъ Испаніи по поводу экспедиціи Ф. Дрѣга въ моряхъ Нового Свѣта настаивала на томъ, что пользование моремъ, какъ и воздухомъ, является общимъ для всѣхъ и что поэтому ни о инъ народѣ и ни одно частное лицо не могутъ имѣть права надъ океаномъ, не могутъ по природѣ и народному обычаю подлежать завладѣнію (31). Въ свою очередь Нидерландскіе Штаты, обосновавшіе на мысѣ Доброй Надежды въ Африкѣ, пытались запретить пользование этимъ морскимъ путемъ для всѣхъ другихъ народовъ.

Такимъ образомъ, въ этой борьбѣ за новые принципы имѣтъ еще стороны, принципиально враждебныхъ другъ

31) В. de Lis-Fauchille. *Manuel de droit international*. 1912, стр. 378-379.

Другу, но онъ сталкивается лишь въ силу политической конъюнктуры и временной выгоды.

Но въ эту эпоху постепенно намѣчаются тѣ основныя положенія свободы моря, которыя въ наши дни уже имѣютъ вполне общепризнанный характеръ. Это во-первыхъ, отрицательное значеніе принципа въ смыслѣ исключенія господства надъ открытымъ воднымъ пространствомъ какой либо державы и затѣм, во-вторыхъ, признаніе воднаго пространства *res communis omnium* въ смыслѣ свободы мирнаго и военнаго судоходства и въ смыслѣ свободнаго извлеченія естественныхъ богатствъ изъ моря.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ особенно упорно держится идея господства надъ моремъ въ Англійи и, если послѣдняя постепенно и сдаетъ свои позиціи, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пользуется морской слабостью своихъ соперниковъ, она старается удержать хотя бы чисто формально по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ идею своего примата въ водахъ, омывающихъ Соединенное Королевство, далеко за предѣлами берегового или терригоріальнаго господства.

Британское правительство, настаивая на своемъ господствѣ надъ ближними морями, считало, что оно можетъ совершенно запретить рыболовство въ этихъ моряхъ и что оно можетъ требовать отъ иностранныхъ судовъ sailing въ тѣхъ же предѣлахъ. Нидерланды въ концѣ концовъ въ рядѣ соглашеній признали права Англійи въ смыслѣ рыболовства и согласились уплачивать ежегодно денежныя взносы за разрѣшенія британскому правительству ловить рыбу въ открытомъ водномъ пространствѣ вокругъ англійскаго материка. Что же касается судога англійскаго флага, то это было одной изъ причинъ войны между Англійей и Франціей, не желавшей признавать подобнаго британскаго права. Въ своемъ манифестѣ 1699 года Вильгельмъ III говорилъ: «право британскаго флага было оспорено его (Людвика XIV) указомъ, что является нарушеніемъ нашего суверенитета на морѣ, всегда поддер-

живаемого нашими предшественниками, и сейчас мы тоже рѣшили поддерживать его для охраненія чести нашей короны и англійскаго народа" (32).

Для британскаго судьи Адмиралтейства Дженкинса вся проблема сводится уже не къ осуществленію Англіею суверенитета въ четырехъ моряхъ, но лишь къ притязанію на почетныя права для британскаго флага и нѣсколькими столѣтіями поздне Бинкерсгукъ въ 1703 году въ замѣчательной книгѣ «De dominio maris» проводитъ рѣзкое различіе между береговыми водами — *mare terrae* грюхшш, закрытыми морями, всѣ берега которыхъ принадлежатъ одному государству, примѣромъ чего въ его эпоху было Черное море и, наконецъ, свободнымъ моремъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть одного господства. И Бинкерсгукъ настойчиво утверждаетъ, что изъ признанія за британскимъ флагомъ почетныхъ правъ въ нѣкоторыхъ моряхъ отнюдь не вытекаетъ фактъ господства надъ ними одной Англіи (33).

Наконецъ, еще поздне въ 1747 году при спорѣ Фридриха II съ Англіею изъ за захваченныхъ прусскихъ судовъ и товаровъ, Англія уже не оспариваетъ принципа свободы моря, но дѣлаетъ изъ него выводъ о допустимости военныхъ операций въ открытомъ водномъ пространствѣ. Въ итогѣ къ концу разсматриваемой нами эпохи споры о господствѣ надъ морями отходятъ въ область прошлаго и начинаетъ укрѣпляться начало, съ особенной силой проявившейся въ XIX вѣкѣ, о равномъ правѣ для всѣхъ народовъ пользоваться путями сообщенія по океану.

Изъ принципа свободы моря вытекаеть и начало свободнаго судоходства черезъ проливы, соединяющіе открытыя моря.

Признаніе этого начала трудно найти въ доктринахъ и практикѣ XVII и XVIII вѣковъ. Ученныи изслѣдователь

32) Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens. I v., 200-201 и д.

33) Bynkershoek. De dominio maris. 1703 cap.V.

въ эту эпоху (Moser) пишетъ по поводу проливовъ, что только одинъ изъ нихъ является безспорно свободнымъ. Это — Гибралтаръ, отдѣляющій Африку отъ Европы и соединяющій Атлантическій океанъ съ Средиземнымъ моремъ. Что же касается Босфора и Дарданелъ, Бельтовъ и Зунда, то они являются закрытыми проливами и проходятъ черезъ нихъ можетъ быть допущенъ лишь съ особаго разрѣшенія прибрежнаго государства. Однако, въ такой характеристической формѣ утвержденія нѣмецкаго ученаго были неправильны, потому что за свободу плаванія черезъ Босфоръ и Дарданелы борьба начинается уже съ первыхъ лѣтъ XVIII вѣка и та же борьба значительно раньше ведется и за полное открытіе Бельтовъ и Зунда, надъ которыми пыталось установить свое исключительное господство Датское королевство.

Несмотря на то, что Бельты и Зундъ соединяють два открытыхъ моря: Балтійское и Нѣмецкое, Данія считала себя въ правѣ разсматривать проливы, какъ часть своихъ береговыхъ водъ и односторонними распоряженіями устанавливагъ сборъ специальныхъ пошлинъ со всѣхъ иностранныхъ судовъ, проходящихъ черезъ эти проливы.

Формальнымъ основаніемъ для подобной практики были ссылки на старыи обычай и на многочисленные догосовки, подтверждавшіе подобное право Даніи. Наряду съ этимъ выдвигалось и матеріальное оправданіе: датчане обезпечивають въ проливахъ безопасность торговаго плаванія, охраняя иностранныя суда, какъ отъ пиратовъ, такъ и обезпечивая ихъ отъ морскихъ опасностей благодаря постройкѣ маяковъ и сигнальныхъ знаковъ.

Прямо Даніи контролировать торговое мореплаваніе черезъ проливы встрѣтило однако уже въ средніе вѣка рѣшительную оппозицію могущественной Гензы, имѣвшей богатныя факторіи въ Балтійскомъ морѣ и не желавшей подчиняться контролю датскихъ королей. Однако несмотря на добрыя Гензы и на отдѣльныя привилегіи, которыхъ добились различныя торговныя города Германіи,

Данія встаети сохранила свое право сбора пошлин, и единственное исключение в течение 75 лет было сделано для Швеции, согласно договорам в Бремсборде Рескильдъ (1645 г. и 1658 г.), но затѣм, послѣ пораженія Карла XII въ 1720 году, Швеція вынуждена была снова, несмотря на то, что ей принадлежало северное побережье Зунда, согласиться на уплату торговых пошлин. Точно также и попытка Нидерландовъ въ 1849 году выкупить пошлину оказалась неудачной и фактически эта система примѣнялась лишь три года.

Въ итогѣ до конца XVIII вѣка и всю первую половину XIX вѣка до 1857 года Данія еще сохраняла свое право сбора пошлины въ проливахъ, причѣмъ этотъ сборъ былъ не только вознагражденіемъ за содержаніе фарватера, марковъ и сигнальных знаковъ, но и отраженіемъ старой теории объ исключительномъ господствѣ въ проливахъ одной датской власти.

Что касается Босфора и Дарданеллъ, то они соединяли открытое (Средиземное) море съ закрытымъ (Чернымъ), всѣ берега котораго принадлежали оттоманской власти. Поэтому турецкій министръ Маврокордато во время переговоровъ съ русскими послѣмъ Украинцевымъ, отправленнымъ въ Константинополь Петромъ Великимъ въ 1699-1700 г. г., слѣдующимъ образомъ обосновывалъ закрытіе проливовъ для плаванія иностраннымъ судамъ: "...тѣмъ Чернымъ моремъ и кругомъ его всеми берегами владѣть одинъ салтанъ, а иного государя къ тому морю никакого владѣнія не мѣста нигдѣ не бывало, и нынѣ нѣту, и того ради и нынѣ и никогда плаванія по Черному морю московскимъ кораблямъ и никакимъ судамъ для торговли оттоманскаго государства поволѣно не будетъ, понеже отъ вѣковъ никто изъ иныхъ народовъ при владѣннн Туркомъ не имѣлъ на томъ морѣ плаванія" (34).

Дѣйствительно, въ эту эпоху даже голландцы и ан-

4) Уляницкій. Дарданеллѣ, Босфорѣ и Черномъ морѣ въ XVIII в., 1883, стр. 26-27.

гличане, добившіеся особыхъ привилегій отъ Турціи еще въ 1612 и 1606 году, не имѣли права свободного судоходства черезъ проливы, но лишь право торговли подъ собственнымъ флагомъ до Константинополя и далѣе на турецкихъ судахъ. Задача русскаго посла - добиться для Россіи права имѣть торговый флотъ въ Черномъ морѣ - осложнялась упорнымъ сопротивленіемъ Англии и Нидерландовъ. Украинцевъ писалъ тогда Петру Великому: "голландскій и англійскій посланники...негодуютъ, что ты строишь суда въ Ассѣ, думая, что ты этимъ причиняешь ущербъ ихъ морской торговлѣ".

Въ результатъ ни при Петрѣ Великомъ, ни по Балградскому миру въ 1739 году Россія, несмотря на то, что приобрѣла часть черноморскаго побережья, не получила права имѣть торговня и военныя суда въ Черномъ морѣ.

Только послѣ блестящихъ побѣдъ Румянцова, въ царствованіе Екатерины II, по Кучукъ-Кайнарджійскому договору 1774 года, Россія получаетъ первая изъ европейскихъ государствъ право на торговое мореплаваніе въ ставшемъ открытымъ Черномъ морѣ и въ проливахъ, соединяющихъ его съ Средиземнымъ бассейномъ. Въ этомъ замѣчательномъ международномъ актѣ впервые пробивается брешь въ старой теоріи исключительнаго и безусловнаго владычества турокъ надъ проливами. Ст. 11 договора гласитъ:

"Для выгодностей и пользы обихъ Имперій, имѣть быть вольное и безпрятственное плаваніе купеческимъ кораблямъ, принадлежащимъ двумъ контрактующимъ державамъ, во всѣхъ моряхъ, ихъ земли омывающихъ; и Блистательнан Порты позволяеть таковымъ точно купеческимъ Россійскимъ кораблямъ каковы другія государства въ торгахъ въ ея гаваняхъ и вездѣ употребляютъ, свободный проходъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое (Средиземное), а изъ Бѣлаго въ Черное; такъ какъ и приставать ко всѣмъ гаванямъ и пристаямъ на берегахъ морей и въ проѣздахъ или каналахъ, оныя моря соединяющихъ, находящимся..." (35).

35) Пазухинъ. Договоры и грамоты..., стр. 392-393.

Плодами русских побед, однако, пользуется не одна Россия, но и Австрия, которая добивается в 1784 году тоже свободы мореплавания в проливах, но под условием, чтобы тоннаж австрийских судов не был больше русских.

Однако, Кучук-Кайнарджийский договор, несмотря на свое практическое и принципиальное значение, не разрешал вполне тех задач, которые выдвигались ростом русского политического влияния на Ближнем Востоке. Проблемы прохода военных судов под русским флагом и вопрос о режиме проливов во время войны, в которой принимает участие Турция, остались нерешенными и привели в позднейшую эпоху к борьбе, продолжавшейся с небольшими колебаниями еще более столетия.

Глава XIV.

§43. Органы международного представительства. Глава государства. Дипломатическое представительство и его иммунитет.

Носителем верховной власти и главой государства является монарх и нормально ему же принадлежит и высшее представительство в международных сношениях. Но представительство может принадлежать монарху только при наличии правовых предпосылок, при реальном осуществлении им прав, вытекающих из внутри-государственного порядка. Если монарх лишен престола, как это было со Стюартами в эпоху Английской Республики, и если он больше не осуществляет своих суверенных прав, он не может больше претендовать на особые привилегии, связанные с международным положением царствующего государя. Такой монарх уже не будет представителем своей державы и его обязательства не будут обязательствами его государства.

В этом смысле английское конституционное право уже в конце XV века (1494 г.) в акте короля Генриха VII выработало норму, что английским королем может быть только *действительный* король, независимо от того, каким способом был занят престол по наследованию или согласно избранию народа. Такая норма внутри-государственного права разрешает и вопреку с международной точки зрения, потому что в конечном итоге проблема о представительстве регулируется внутренним правом самого заинтересованного государства, а не извне желанием и решением других государств (36).

36) Поэтому Людовик XIV, конечно, не мог вступать в договорные отношения с Яковом II, после свержения его с престола и вступления на английский

Однако международная практика требует официальной нотификации о смирѣ лицъ, которымъ принадлежит осуществленіе верховной власти внутри государства и высшее представительство извнѣ. Въ Европѣ XVII вѣка такая нотификація является общеобязательной и въ Россіи съ 1613 года со времени вступленія на престолъ Михаила Феодоровича устанавливается порядокъ сповѣщанія иностранныхъ дворовъ о всцареніи новыхъ государей и государынь (37).

На основаніи ряда прецедентовъ и главнымъ образомъ благодаря ученію публицистовъ въ XVII и особенно XVIII вѣкѣ вполне отчетливо признаются за главами государствъ во время ихъ пребыванія на иностранной территории не только нѣкоторыя почетныя права и привилегіи, но и иммунитетъ, находящій свое выраженіе въ усиленной охранѣ личной неприкосновенности и въ уголовной и гражданской неподсудности территориальной власти. Конечно, для этого нужны нѣкоторыя условія въ видѣ признанія территориальной властью путешествующаго монарха государемъ, въ видѣ отсутствія запрещенія для него вступать на иностранную территорию и лишь при наличности желанія монарха пользоваться этимъ правомъ: онъ всегда свободенъ и отказаться отъ своихъ правъ и можетъ путешествовать въ качествѣ частнаго лица, какъ это было съ Петромъ Великимъ, путешествовавшимъ по Европѣ подъ именемъ дворянина Петра Михайлова.

По вопросу объ уголовной неподсудности международной практика и публицисты какъ будто опредѣленно и единодушно высказываются въ смыслѣ ея безусловнаго признанія. Бинкерсгукъ даже идетъ дальше, когда утверждаетъ, что монархъ не только неподсуденъ мѣстному суду, но самъ имѣетъ право уголовной юрисдикціи

гронъ Вильгельма Оранскаго. Мартенсъ. Совр. межд. право, т. I, стр. 320.

37) Мартенсъ. Op. cit., 319.

надъ своими подданными, причемъ ссылается на случай, когда Христина Шведская во Франціи приказала казнить своего камергера Мональдеки. Но если самъ монархъ на иностранной территории совершаетъ преступленіе? Бинкерсгукъ пробуетъ отвѣтить, основывая свое утвержденіе на разумѣ и обычаяхъ. И въ первомъ и во второмъ случаѣ возникаетъ затрудненіе. Однако, если посольство освобождается отъ уголовной ответственности передъ территориальной властью, почему не считать свободнымъ отъ ответственности и монарха, котораго посольство представляетъ? Что касается обычая, то трудно его выиснить въ данномъ случаѣ, потому что монархи вообще предпочитаютъ воздерживаться отъ путешествій по чужимъ странамъ, и, если и путешествуютъ, то обыкновенно не крадутъ и не убиваютъ. Если даже и сослаться на нѣкоторые историческіе прецеденты, именно на случаи съ Робертъмъ, королемъ Неаполитанскимъ, Конрадиномъ Гогенштауфенъмъ и другими (см. выше: Отдѣлъ II, глава IX), то эти примѣры или не имѣютъ отношенія къ международному праву, или вообще являются исключеніями изъ общаго правила. Но если общая норма утверждаетъ уголовную неподсудность, то всетаки она не имѣетъ абсолютнаго характера: Если государь ведетъ себя, какъ разбойникъ, не уважая ни жизни, ни имущества, ни чести другихъ людей... если онъ повсюду возбуждаетъ ужасъ и негодованіе... можно безусловно наложить на него руки и, быть можетъ, его казнить" (38).

Въ этомъ отношеніи публицисты XVIII вѣка не дошли еще до такого пониманія иммунитета, который выработался въ наукѣ XIX вѣка, и которое утверждаетъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть оправдано насиліе и казнь главы чужого государства и что единственно допустимымъ является лишь принятіе мѣръ предосторожности и въ послѣднемъ итогѣ высылка изъ

38) Bynkershoek, Traité du Juge compétent des ambassadeurs, trad. par Barbeyrac, 1723, chap. XVIII.

предлово того государства, где иностранный монарх совершил преступление.

Точно также далеко недостаточно ясно развиваются в эту эпоху учение о гражданской неподсудности. Бинкерсрук, как и Пуфендорф, ее признает, но Кокуей ее отвергает. Однако, Бинкерсрук тоже высказывается только против лишения личной свободы по гражданским делам, но не отрицает принципа имущественной ответственности. Правда, вещи для личного пользования монарха не могут подлежать секвестру, но зато все другое имущество может быть обеспечением по обязательствам государя. Бинкерсрук приводит примѣры, какъ въ 1668 году испанскіе корабли были захвачены голландцами за долги короля Испани, причемъ если воеводствъ корабли и были освобождены отъ секвестра, то нѣ по правовымъ, а чисто политическимъ соображеніямъ.

Во всякомъ случаѣ вопросъ остается и въ настоящее время еще въ известной мѣрѣ спорнымъ и, если въ современной доктринѣ принципиально и признается начало гражданской неподсудности главы чужихъ государствъ, то изъ общаго начала допускается чрезвычайно много исключеній.

Европейскія государства въ это время вступаютъ между собой въ чрезвычайно интенсивныя отношенія и посольства становятся учрежденіемъ постояннымъ. Только нѣкоторыя государства продолжаютъ считать, что постоянство посольствъ является излишнимъ. Въ особенности Московскія Русь упорно сопротивляется попыткамъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ учредить въ Москвѣ постоянное представительство. Кюфюрстъ Бранденбургскій и въ царствование Алексѣя Михайловича и затѣмъ Феодора Алексѣевича пытался аккредитовать при царскомъ правительствѣ постоянного дипломатическаго агента, но ему было отвѣчено, что "теперь устроена почта для правильныхъ сношеній съ соседними государствами и курьерствъ не слѣдуетъ употребляться ею для ско-

рой переписки писемъ". Такой же отвѣтъ получая Курфюрстъ и на вторичныя свои настойчивыя просьбы (39).

Надо сказать, что таково было мнѣніе не только одного московскаго правительства, но и многихъ ученыхъ кристовъ XVI и XVII вѣковъ. Гроцій относился скептически къ постоянству посольствъ, потому что подобный принципъ былъ неизвѣстенъ народамъ древности. Джентили и Эйро утверждаютъ, что не доказана необходимость постоянныхъ посольствъ, а нѣмецкій юристъ Кирхнеръ заявляетъ, что постоянныя послы отправляются лишь въ цѣляхъ наблюденія за всѣмъ, что происходитъ въ чужихъ государствахъ, и что они въ сущности не послы, а шпионы, которыхъ государи держатъ другъ у друга иногда на положеніи заложниковъ, заключивъ для этого особый договоръ (40).

Однако, несмотря на недовѣрчивое отношеніе доктрины и правительства къ новому характеру посольствъ, всетаки постепенно съ большимъ отчетливостью формулируются три категоріи правъ дипломатическаго представительства: начало неприкосновенности, начало уголовной и начало гражданской неподсудности.

Эти привилегіи посольствъ оправдываются правовымъ обычаемъ и прецедентами и объясняются тѣмъ, что иначе не можетъ быть достигнута главная цѣль международныхъ сношеній - поддержаніе мира. Послы *par excellence* являются носителями идей мира и факторами сближенія народовъ. Джентили ихъ называетъ «*homines pacis*», а Отманъ въ началѣ XVII вѣка говоритъ: «если мы не будемъ уважать посольской неприкосновенности, мы упадемъ въ состояніе первичнаго хаоса и смѣненія всехъ вещей».

Изъ высokaго значенія института международнаго представительства выводится иммунитетъ посольствъ, при-
39) Мартенъ Соломъ, *Соломъ*, стр. 20; Мартенъ Соломъ, *Соломъ*, стр. 20; Мартенъ Соломъ, *Соломъ*, стр. 22.
40) Общинный вѣд. К ученію о посольской неприкосновенности. 1915. стр. 143-145 и 240.

чем теоретически проблема далеко не сразу представляется достаточно ясной во всех своих логических выводах. В доктринах идет длительная борьба двух точек зрения: одной, пытающейся возможно шире обезпечить права территориальной власти, и другой, утверждающей, что при какой бы то ни было зависимости от этой власти посоль не может выполнять своих функций и что поэтому он признается как бы вне территории того государства, при правительстве которого он аккредитован.

В XVII веке в первой половине господствует еще взгляд, что посоль защищен только от насилий и неправомерных действий, но, что, если он сам совершает правонарушения, то эти правонарушения не входят в круг его «мирных обязанностей», и что поэтому посоль в случае деликтов могут подлежать местной юрисдикции. Другая более умеренная точка зрения считала, что наказанию посоль могут подвергаться только по государственным преступлениям. Наконец, Отмань и Паскаль настаивали на том, что достаточно обратиться с жалобой к государю, приславшему преступного посла (41).

В результате ряда столкновений и благодаря авторитетному вмешательству и заключениям представителей науки международного права постепенно вырисовываются различные элементы посольского иммунитета и к концу XVIII века можно говорить уже о вполне вышедшей систем прав и преимуществ дипломатического представительства.

Что касается неприкосновенности (ср. особенно голландские законы 1644 г. и 1651 г. и португальский 1748 г.), то она защищает не только личность посла и его семью, но и персонал посольства и распространяется не только на здание посольства, но даже иногда и на целый квартал, что вызывает справедливые нарека-

41) Озчинниковъ. Op. cit., 134-139.

ния местной власти. Монтескье утверждает в своем Духе законов: «Послы — это живое слово государей, которых они представляют. Никакое преследование не может помешать их деятельности. Они могут иногда не нравиться, потому что они действуют как вполне независимые люди... Государи не могут говорить через посредство людей, которые всего боятся... Если же посоль злоупотребляют своим правом на представительство, их можно только отослать в их государство» (кн. 26, гл. 21). Неприкосновенность выражается в усиленной охране не только личности, но и чести посла и, когда в одной лондонской газете в 1781 году появилась статья, обвинявшая русского посла барона Симолана в шпионаже, британское правительство, предупредив жалобу посла, возбудило судебное преследование и против автора и против издателя, которые были приговорены к годичному и шестимесячному тюремному заключению, к позорному столбу и денежному штрафу (42).

В этом смысле иведение Петра Великого в 1718 году по отношению к голландскому резиденту Дебле было неправильным. Дебле был арестован и у него насильственно были вырваны признания о сношениях с русскими подданными. Даже при наличии вполне основательных подозрений было недопустимо производить насилие над представителем иностранного государства (43).

В эту эпоху провозглашаются признания на неприкосновенность цѣлаго квартала, гдѣ находится здание посольства. И хотя въ XVII вѣкѣ большинство государствъ уже отказывалось признавать эту franchise des quartiers, но въ некоторыхъ столицахъ, особенно въ Мадридѣ, Венеціи и Римѣ она довольно долго удерживается и вызываетъ иногда длительные конфликты. Папа Иннокентій ХІ объявилъ докончить святой привилегіей и поѣ

42) Мартеновъ, Овръ, жеждь, дѣл. II, 41
43) Карвентеръ, Овръ, жеждь, дѣл. II, 41

этому издал в 1677 году декрет, аннулировавший подобное право за вновь назначенными послами. Людовик XIV не захотел подчиниться декрету и отправил нового посла Лавардена со стражей в 800 солдат, которые должны были охранять квартал посольства. Папа отлучил от Церкви французского посла, а Людовик XIV занял Авиньон и задержал папского нунция. И только через два года, после смерти Иннокентия XI, конфликт был улажен.

Вопрос о личной неприкосновенности возбуждал в практик и доктрин гораздо меньше сомнений, чем проблема уголовной и гражданской неподсудности послов. Последнее вызвало особенно серьезные споры и именно в этой области в XVII и XVIII веках устанавливались международные прецеденты, охранявшие свое правовое значение и для нашего времени.

Сначала Г. Грций, потом Вингероук утверждали, что в вопросе об уголовной неподсудности послов сталкиваются два принципа, имеющие исключительное социальное значение: необходимость наказывать за преступления и необходимость уважать привилегии представителей иностранного государства, без чего не могут развиваться мирные сношения народов. Чтобы установить правильную точку зрения, надо обратиться к выявлению общей воли государств - voluntas gentium - проявляющейся в прецедентах и обычаях.

И такая практика вместе с доктриной склоняется к тому, что посол, не может быть судим за преступления государственной властью, при которой он аккредитован. Значит ли это, что преступление посла вообще остается без наказания и что он может безнаказанно совершать самые наглое и жестокие преступления? Доктрина XVII и XVIII веков утверждает, что надо игнорировать, указанному Грций, заявляющим, что преступный посол должен быть выслан из предель государства, где он находится, и что его собственное правительство обязано его судить,

или же выдать тому государству, где посол выполнял свои обязанности.

Вместе с тем намечается и дифференциация между обыкновенными и государственными преступлениями. По первым безусловно исключаются кримины и принудительные меры со стороны территориальной власти, по вторым, если и признается некомпетентным местный суд, то все же допускается принятие местным правительством некоторых предупредительных действий, направленных к ограничению свободы преступного посла.

Если случаи совершения общих уголовных преступлений послами были редки и известны лишь преступные деяния членов семьи посла или персонала посольства, как это было с братом португальского посла в Лондон доном Панталесом Са, казненным при Кромвеле в 1653 году за убийство, причем известный ученый Оксфордский профессор Зич дал заключение о подсудности дела британскому трибуналу, то зато чрезвычайно часты были случаи участия послов в разных заговорах с целью государственного переворота.

Достаточно указать на следующие примеры из международной практики, когда, хотя заинтересованными правительствами и были приняты предупредительные меры, но в конце концов вышло вверх уважение к международному праву и послам или членам посольства было предложено только покинуть пределы того государства, где они были аккредитованы.

В XVI веке в Англии в царствование Елизаветы посол Испании Мендоза, согласно заключению Джентили, за участие в заговоре был выслан из пределов британского королевства. Такая же участь постигла в Англии французского посла Лебье принявшего участие в подготовке к свержению Кромвеля в 1654 году. Во Франции король Генрих IV приказывает арестовать декретами испанского посла в попытке передать Марселя Испании и, посол испанского посла, выдает в распоряжение последнего. Он также, чтобы (с)

кретарь покинул навсегда французские пределы. В Англии шведский посоль Гилленбургъ въ 1716 году принимал участие въ заговорѣ съ цѣлью реставраціи Стюартовъ. Онъ былъ арестованъ, его бумаги были просмотрѣны и самъ онъ былъ высланъ изъ Лондона. Во Франціи испанскій полковникъ Челламаре былъ однимъ изъ инициаторовъ заговора противъ правительства регента герцога Орлеанскаго. Онъ былъ тоже задержанъ, бумаги его были конфискованы и самъ онъ подъ конвоемъ былъ доставленъ въ Испанію (44).

Въ 1744 году былъ высланъ изъ России французскій посоль де-Шетарди. Въ Москвѣ ему официально объявили, что императрица Елизавета больше не признаетъ его въ качествѣ посланника, такъ какъ онъ возбуждалъ духовенство и другихъ вѣрноподанныхъ императрицы къ бунту и что поэтому въ 24 часа онъ долженъ покинуть русскую столицу и выѣхать обратно подъ конвоемъ за границу. Однако, правительство императрицы хотѣло слишкомъ ограничивать свободу пословъ, требуя отъ нихъ въ дипломатической перепискѣ по поводу дѣла де-Шетарди, чтобы послѣ не только „не составляли политическихъ партій“, но чтобы „не посылали своему двору пасквильныхъ донесеній“ и не „насмѣхались надъ качествами государя, при которомъ аккредитованы“ (45).

Если въ эту эпоху признавалось начало уголовной неподсудности пословъ мѣстной власти, то еще въ большей степени должно было считаться недопустимымъ выдавать аккредитованныхъ при опредѣленномъ правительствѣ пословъ гостей державѣ, которая пожелала бы судить посла за какія либо прѣжде совершенныя преступленія.

Но именно въ этомъ вопросѣ практика была особен-

44) Ср. Bonfils-Fauchille. Manuel de droit intern., 1913, 457; Wheaton. Histoire des progrès de droit intern., I, 1865, 307-309.
45) Мартенотъ. Op. cit., II, 52.

но неустойчива и здѣсь известны случаи самого вопиющаго нарушенія международнаго права. Въ царствованіе Петра Великаго Паткуль, будучи уроженцемъ Лифляндіи, былъ приговоренъ шведскимъ судомъ къ отнятію праворуки и конфискаціи всего имущества. Онъ бѣжалъ въ Россію, гдѣ поступилъ на военную службу и впоследствии былъ назначенъ русскими посломъ при королѣ саксонскомъ Августѣ II. Въ 1707 году побѣжденный Августъ II заключилъ миръ съ королемъ шведскимъ Карломъ XII и, на основаніи мирнаго договора, выдалъ Паткуля шведамъ, которые сначала его пытали, затѣмъ колесовали и группъ четвертовали.

Точно также неправильно поступилъ и магистратъ Данцига, когда арестовалъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ прѣфекта де ла Саль въ 1748 году по требованію русскаго правительства, которое осмыслось на то, что де ла Саль былъ ранѣе на русской военной службѣ и затѣмъ дезертировалъ (46).

Проблема гражданской неподсудности пословъ тоже ставится въ совершенно опредѣленной формѣ и цѣлѣй рядъ внутреннихъ законодательныхъ актовъ особенно въ Нидерландахъ и Англии подтверждаетъ привилегіи пословъ въ смыслѣ освобожденія отъ юрисдикціи мѣстныхъ судовъ. Специальный указъ Генеральныхъ Штатовъ въ Голландіи отъ 9 Сентября 1879 года провозглашаетъ, что „ни лично послы, ни ихъ прислуга, ни веди пословъ или министровъ, резидентовъ, прѣзжающихъ въ страну, или прѣзжающихъ, или проѣзжающихъ не могутъ быть арестованы, задержаны или удержаны ни за какія долги или обязательства, гражданскими лицами или по іурѣ, такъ и во время ихъ прѣзженія, или по отъѣздѣ, и мѣстные жители не должны принимать участія въ расчѣтѣ, когда они вступаютъ въ сношенія съ властями или иными гражданами“. Къ этимъ же словамъ присоединяется, что они „не могутъ быть арестованы, задержаны или удержаны“ (47).
46) G. F. van der V. op. cit., II, 1868, 1000, 1001, 1 стр.
47) G. F. van der V. op. cit., II, 1868, 1000, 1001, 1 стр.

провозглашает нормы, не соответствующия позитивному праву, которое утверждает принцип гражданской неподсудности лишь для послов, аккредитованных при местном правительстве, но не для послов, аккредитованных при чужих правительствах и случайно находящихся на территории одного или другого государства (47).

Аналогичныя нормы известны были и другим государствам (ср. особенно датский закон 1708 года, английский 1709 года и имперский 1725 года), но это не мешало совершенно в ряд случаев международных правонарушений. Мартенсъ приводит два якиих случая из английской практики.

В начале XVIII века в 1708 году русский посол в Лондонъ Матвеевъ за долги разным лицам в суммѣ около 50 фунтовъ стерлинговъ былъ схваченъ полицией на улицѣ и затѣм, согласно судебному приговору, былъ посаженъ в тюрьму, откуда былъ выпущенъ на поруки. Уже послѣ совершившагося факта британская королева выразила Матвѣеву сожалѣнiе, а в Петербургъ было отправлено торжественное посольство для принеженiя Петру Великому извиненiя. Наконецъ, чтобы предотвратить подобныя случаи в будущемъ, британскiй парламентъ принялъ 25 апрѣля 1709 года билль о неподсудности посланниковъ в Англии местнымъ судебнымъ учрежденiямъ. Однако, этотъ билль не помѣшалъ тому, что в 1778 году венецианскiй посолъ в Лондонѣ Пиццони, задолжавшiй на 450 фунтовъ стерлинговъ, подвергся вторженiю в посольство полицейскихъ агентовъ, выломавшихъ двери и арестовавшихъ самаго посла. Пиццони, однако, почти немедленно былъ освобожденъ изъ подъ ареста благодаря вмѣшательству министерства иностранныхъ дѣлъ (48).

47) Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens. т. I, 1865, стр. 297.

48) Мартенсъ. Совр. межд. право, II, 54 55.

Однако, изъ общаго принципа гражданской неподсудности могутъ быть исключенiя. Если Виннефордъ считалъ, что посолъ, который является подданнымъ того государства, при которомъ онъ аккредитованъ, сохраняетъ полностью все свои привилегии, то наоборотъ Винкерсгукъ гораздо болѣе основательно настаивалъ, что в такомъ случаѣ посолъ теряетъ свое право на гражданскую и уголовную неподсудность (49). В XVII вѣкѣ бывали неоднократно случаи, когда послами отправлялись подданныя местного государства. Такъ, изъ русской исторiи известны факты, какъ Бестужевъ-Рюминъ, находившiйся на службѣ у Георга I, курфюрста Рюмина, находившагося на службѣ у Георга I, курфюрста Ганноверскаго и короля англiйскаго, былъ отправленъ послѣднимъ в качествѣ британскаго чрезвычайнаго посла в Петербургъ. В такомъ случаѣ, если и сохраняется сила принципа личной неприкосновенности, то теряетъ значенiе начало уголовной и гражданской неподсудности.

Другимъ случаемъ, когда посолъ не можетъ притязать на гражданскую неподсудность, будетъ совершенiе имъ торговыхъ операцiй на мѣстѣ своей службы. Винкерсгукъ останавливается при этомъ на процессѣ, который разбирался в Нидерландахъ нѣсколько лѣтъ (съ 1721 по 1724 г.г.) и гдѣ отвѣтчикомъ выступалъ министръ резидентъ герцога Гольштейнскаго в Гаагѣ. Послѣднiй занимался коммерческими оборотами и голландскiй судъ в первой инстанцiи призналъ принципъ имущественной отвѣтственности резидента при условiи неприкосновенности его дома, мебели и предметовъ домашняго обихода. Винкерсгукъ соглашается в принципѣ съ постановленiемъ суда, считая, что во всякомъ случаѣ товары посла-коммерсанта могутъ служить обезпеченiемъ долговъ. Точно также эти товары ни въ какомъ случаѣ не могутъ освободиться отъ податей, какъ это дѣлается со всеми предметами личнаго обихода посла или персонала посольства.

49) Wheaton. Op. cit., 299.

Въ итогѣ XVII и XVIII вѣка даютъ полную картину иммунитета международного представительства и современная доктрина ограничивается тѣмъ, что пересказываетъ своими словами глубокий анализъ института посольства, данный впервые съ исчерпывающей полнотой двумя великими голландскими юристами: Гроциемъ и Бинкерсгуксомъ.

Глава XV

§49 Мирные способы улаженія международныхъ конфликтовъ. Добрыя услуги и посредничество. §50 Право войны на сушѣ. Право войны на морѣ и нейтралитетъ.

Для права важно не только его провозглашеніе, но и его осуществленіе и послѣднее достигается только тогда, когда народы, какъ отдѣльные люди, ищутъ реализаціи своихъ правоприязаній не черезъ примѣненіе насилія и черезъ стремленіе сломить волю противной стороны и заставить ее подчиниться своему правотолкованію, но черезъ признаніе обязанности подчиниться рѣшенію высшей инстанціи «говорящей правс» и обосновывающей свое постановленіе на идеѣ справедливости и мира. Въ эпоху династическихъ войнъ и національныхъ суверенныхъ государствъ нѣтъ между ними высшаго судьи и начало международного правопорядка колеблется въ самыхъ своихъ основахъ, потому что господствуетъ сѣвка права лишь съ точки зрѣнія индивидуальныхъ и эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ державъ. Идея вселенской Церкви почти умерла, папа и императоръ не являются болѣе ех officio бластителями общаго мира и остается только одно самовольное и самсуправное осуществленіе своего права черезъ кровопролитіе и открытую борьбу.

Формальное международное право — наиболѣе чуткій показатель развитія юридическаго сознанія у народовъ — почти исчезаетъ, и напрасно изслѣдователи пыгались бы найти въ эту эпоху слѣды третейскаго суда, достигшаго такого блестящаго расцвѣта въ древней Элладѣ и въ средніе вѣка. Развитіе международного права переживаетъ стадію регрессивнаго состоянія, чтобы потомъ опять возродиться для новой жизни въ другой обстановкѣ послѣ потрясеній Французской и Американской Революцій. Значитъ ли это, что XVII и XVIII вѣкамъ нѣтъ

вообще мирные способы разрешения конфликтов даже при наличии желания самих заинтересованных сторон не прибегать к войне? - Конечно, нет! Остается в полной мере принцип, что по обоюдному согласию сторон могут быть найдены и мирные исходы при конфликтах, и выдвигается только один принцип: полной свободы и независимости государств хотя бы даже какими-бы то ни было формальными рамками. Спор может быть решен уступками, компромиссом по политическим мотивам или в силу материальных выгод, но только не на основе жестокой нормы права. Последнее отвергается, потому что оно противоречит атмосфере непрерывного соперничества, в котором живут суверенные державы, испытывающие по отношению друг к другу: *dominandi libido* и *suspicio alienae potentiae* (Moser). Доктрина и практика пробует установить различие между двумя институтами: добрыми услугами и посредничеством. В нотѣ, переданной русским правительством французскому послу в 1742 году, говорилось: "il y a bien de la différence entre les bons offices et une médiation".

Добрые услуги являются результатом инициативы третьей державы, которая на свой страх и риск обращается к сторонам в конфликт с предложением покончить спор мирным способом. Эти дружеские представления могут быть всегда отвергнуты и никакие приязни в таком случае третье государство иметь не должно.

Такое предложение добрых услуг или может иметь неопределенный характер, или же может содержать конкретное предложение со стороны третьего государства выступить самому в качестве посредника или же передать спор для улажения другой посторонней державе. Например, Нидерланды в 1741 году обращаются к правительству России и Швеции, ввиду того, что они страдают от войны, с предложением, чтобы русско-шведский конфликт был разрешен мирным способом.

На год раньше в 1740г. в связи с нападением Пруссии на Австрию, Россия со своей стороны предлагает добрые услуги для разрешения конфликта между Фридрихом II и Марией-Терезией.

В такой форме добрые услуги являются как бы предварительной стадией к окончательному улажению споров через посредничество. Последнее, согласно мнению публицистов XVIII века, характеризуется тем, что обе стороны в конфликте сами по своей инициативе начинают с обоюдного согласия посредника. Последний однако не обязан принимать возлагаемую на него обязанность, а наоборот всегда в праве от нее отказаться.

В истории европейских народов бывали часто случаи, что лишь одна из сторон в конфликте пыталась добиться посредничества и встречала оппозицию противника, который, будучи несогласен на предложение о посредничестве, тем самым аннулировал возможность для посредника приступить к примирительной работе. Так, в 1742 году, потеснившись поражением в войне с Россией, Швеция добивалась посредничества Франции, но безрезультатно и русское правительство заявило самым решительным образом, что оно не допустит участия в мирных переговорах французского посла де-Шетарди. В 1773 году Польша совершенно безрезультатно молила о посредничестве в спор против России, Австрии и Пруссии сначала державы, гарантировавшие договоры в Оливье и Велзу, а затем и вообще все христианские народы.

Посредничество иногда было суррогатом третьей державы решения и разрешало чисто юридические споры. Франция и Империя в 1742 году толкуют договоры Пруссии и Курь-Фальца по поводу наследования в Юлихском княжестве, а Валикбриганды истолковывают в 1743 году договор между Австрией и Сардинией.

Принципиально посредничество свободно принимается сторонами, но политическое могущество одной или

другой державы отражается и на ее роли в улажении международных конфликтов. Россия в эпоху императрицы Екатерины II играет исключительную роль во внутренних германских столкновениях. В 1778 году, когда война между Пруссией и Австрией казалась неизбежной, Екатерина II выступает посредницей и, по ее предложению, конгресс в Тешене в 1779 году определил порядки территориальных владений в империи и сделал Россию благодетельницей условий как Вестфальского мира, так и ряда позднейших договоров между Австрией и Пруссией.

Однако, мирные способы разрешения международных конфликтов были сравнительно редким исключением. Там, где вопрос шел о проблемах более важных для государств Европы, они считали себя в праве прибегать к применению силы.

Право войны на суше.

Современный немецкий юрист (Moser) подчеркивает, что в Европе есть всегда желание зажечь огонь, а если огонь горит, нетрудно найти и горючие вещества: солому и дерево, чтобы огонь превратился в пламя, охватывающее не одно, а целый ряд государств.

При этих столкновениях попытки формально оправдать войну постепенно исчезают. Теория войны справедливой остается чисто доктринальной и понятие войны, как процесса, замещается учением о войне, как фактическом насилии, в кriegsmanter вытесняется kriegsraison и последний впервые выступает, как начало, вполне оправдывающее правонарушение и старшееся сжать в размытом более тесной рамки поле применения правовых принципов. Создается система двух борющихся друг с другом элементов: права и понятия всеобщей необходимости, оправдывающей и поджог, и опустошение, и даже захват и истребление вражеского населения за

внятой области в неприятельскую армию (50).

Но это не обозначает, что понятие войны, как процесса, совершенно исчезло. Оно сохранилось в более неопределенной и неясной форме, в нестойких попытках каждого воюющего переложить вину за начало войны на своего противника. В длинных манифестах и иногда в целых фоллиантах, содержащих десятки и сотни документов, стороны стараются изобличить противника в правонарушении и представить себя жертвой ничтожного вызванного нападения. Проблема вины дебатировалась без конца и долга и находила свое отражение не только у писателей XVIII века, но и у историков XIX и XX веков, вынужденных постоянно возвращаться к одной и той же проблеме.

Но только Фридрих II, вторгаясь в Силезию и затем производя нападение на Саксонию, ставался представителем жертвой нападения, но и другим государствам и правительствам поступать совершенно таким же образом. В 1755 году начинается война Англии с Францией. Последний утверждает, что всей Европе известно, что английский король уже в 1754 году начал нападение на французские северо-американские владения и что

50) G. F. Martens говорит, что война дает воюющему безграничное право по отношению к противнику — "la guerre donne un droit infini sur l'ennemi" Precis du droit des gens moderne de l'Europe. 1789. I. стр. 339.

Однако, из стремления к человечности и состязания, что есть способы войны одинаково губительные для обеих сторон, державы признают согласно обычаям и договорам некоторые способы запрещенными.

Из этих правил возможны отступления:

- 1) иногда противники их нарушают.
- 2) в случае крайней необходимости.

G. F. Martens. Op. cit., 340.

британские суда первая открыли враждебные действия против французских.

В свою очередь Англия заявляет, что Франция на самом деле значительно раньше нарушила Утрехтский мир 1713 г., захватывая часть британской территории, строя форты на английской земле и стремясь вообще вытеснить англичан из Америки.

И в другом смысле понятие войны отличается от средневекового представления о ней. Мосер вынужден признать в одном из своих позднейших трудов, что раньше война считалась несправедливой, если она не объявлена предварительно врагу. И действительно, нормально в XVIII веке объявление войны еще имело место, но это правило уже считалось устаревшим (51). Вместо него начинает устанавливаться новая практика. Пруссия, Франция и Англия начинают военные операции без предупреждения. И, когда в 1756 году Франция до начала войны захватывает остров Минорку в ответ на английские протесты, она заявляет, что после того, как выяснилось, что англичане прибывают сами к насильству, Франции неэтично оправдывать свое поведение. И один анонимный французский автор пишет по этому поводу: „La Déclaration authentique que nous en ferions ne seroit qu'une formalité de plus qui n'ajouteroit rien à la réalité (52)“

51) J.J. Moser. Beiträge zu dem neuesten europäischen Völkerrecht in Kriegs-Zeiten. 1779. б. I, 369 и д.

52) Moser. Beiträge r. d. neuest. europ. Völkerrechts in Kriegs-Zeiten. I, 372

Такова точка зрения и G. Fr. Martens'a, утверждающего, что практика торжественного объявления войны стала выходить из обыкновения с конца XVII века. „Aujourd'hui on se contente de déclarer la guerre chez soi et d'en exposer les motifs aux yeux des Puissances de l'Europe dans des écrits... Quelques fois on se croit en droit de regarder

Последствия объявления войны, или начала войны путем простого открытия вооруженных действий были своеобразны в том отношении, что захваты и насилиям подвергались не только имущество и личность неприятельских подданных на неприятельской территории, но и на собственной территории воюющего, где тоже могли находиться и враждебные подданные и их имущество. Однако, международные прецеденты уже смягчили старую практику и установили в ряде случаев право для неприятельских подданных в течение определенного срока покинуть пределы той воюющей державы, где они находятся. Срок этот был определен в 6 месяцев в договорах Англии и Нидерландов в 1667, и в соглашении Франции и Соед. Штатов Америки; в 1 год по договорам Испании и Нидерландов в 1744 г., и России и Англии в 1763 г.; и, наконец, в 2 года в договорах Дании и Сицилии 1748 г., Дании и Генуи 1756 г., и Нидерландов и Сицилии в 1752 г.

При отсутствии договоров возможно, как арест иностранных подданных, так и конфискация их имущества. Обсуждая этот вопрос, G. Fr. Martens вынужден был признать в конце XVIII века, что практика не является устойчивой и что бывали случаи, когда неприятельские подданные могли спокойно оставаться во враждебном государстве. (53)

Территория войны нормально является территорией воюющих, но очень часто военные операции переносятся и на нейтральную территорию. Если в 1743 году французский посол маркиз Равау протестовал против попытки австрийцев проникнуть в нейтральную Швейцарию, то в 1744 году французский маршал Мэльбуа требовал от нейтрального Кельна пропуск французской

la guerre comme déclarée tacitement". G. Fr. Martens. Précis du droit des gens moderne de l'Europe. 1789. T. 333.

53) G. Fr. Martens. Op cit. 335-336.

армии, двигавшейся против имперскихъ.

Въ 1758 году русскія войска подъ начальствомъ графа Апраксина проходятъ черезъ польскую территорию и русское правительство оправдывается указаніемъ на то, какія правонарушенія совершилъ въ началѣ войны король прусскій, нападъ неожиданно на беззащитную Саксонию. Когда же въ польскіе предѣлы вторгается прусская армія, Фридрихъ II оправдывается тѣмъ, что русскіе первыя подали такой примѣръ: „wir vollkommen befugt setzen uns hierunter eben desselben Recht zu bedienen, welches die Russen gebraucht hatten um gegen uns feindlich zu agiren" (нота Фридриха II Рѣчи Посполитой 2 марта 1752 г.) (54).

Доктрина въ эту эпоху признаетъ transitus innocuus, но этотъ безвредный проходъ для войскъ одного вояскаго вызываетъ энергичные протесты другой и въ конечномъ итогѣ, какъ это было съ Польшей въ эпоху семилѣтней войны, нейтральная территория дѣлается театромъ военныхъ дѣйствій и нейтральное население обременяется поборами и реквизиціями.

Въ войнѣ принимаютъ участіе не всѣ люди безъ исключенія и терминъ французскихъ манифестовъ «ouverts sus à l'ennemi» не понимается болѣе буквально. Активное право войны принадлежитъ организованнымъ военнымъ силамъ, куда входятъ профессиональныя войска и тѣ подданные, которые имѣютъ специальное полномочіе отъ соответственныхъ военныхъ властей.

Но, кромѣ организованныхъ военныхъ силъ, можетъ ли народъ въ цѣломъ защищать свою территорию съ оружіемъ въ рукахъ? — Начало войнъ за австрійское наследство, послѣ вступленія на престолъ императрицы Маріи-Терезіи, поставило для цѣлаго ряда государствъ одну и ту же проблему. Въ Элизасѣ французское правительство призвало до 12.000 крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попадо,

54) Moser. Versuch d. neuest. europ. Völkerrechts, IX, 255-257.

которые должны были занять окрестности вдоль Рейна. Король Сардиніи для защиты Савойи отъ французскаго нашествія обартился съ призывомъ къ мѣстному населенію, приглашая подняться для отраженія врага всѣхъ лицъ мужского пола отъ 18 до 60 лѣтъ. Въ Неаполѣ и вдоль побережья Неаполитанскаго королевства призывается население для отраженія англійскаго десанта. Также самое по инициативѣ самихъ мѣстныхъ жителей происходить и въ Баваріи при вторженіи и затѣмъ отступленіи австрійскихъ войскъ. Крестьяне сами организовываются и оказываютъ вооруженное сопротивленіе австрійцамъ. При вторичномъ наступленіи австрійской арміи командующій войсками графъ Кевенгюллеръ грозитъ репрессаліями противъ ополченія и крестьянъ. Другой австрійскій генералъ Менцель предупреждаетъ баварцевъ „ни подъ какимъ видомъ не браться за оружіе и не прибѣгать къ сопротивленію". Австрійцы не будутъ призывать никакихъ ополченческихъ частей или крестьянскихъ отрядовъ, но будутъ разсматривать ихъ, какъ «Unruhgesinde» и «kriegerische Leute», по отношенію къ которымъ нельзя соблюдать законовъ войны и которые будутъ подлежать передачѣ гражданскимъ властямъ для смертной казни (1742 г.).

Въ томъ же году французская армія встрѣтила упорное сопротивленіе при своемъ наступленіи въ австрійскихъ владѣніяхъ въ районѣ Балатскаго озера и въ Чехіи (Богеміи).

Аналогичные факты имѣли мѣсто и позднѣе, когда въ 1756 году австрійское правительство пыталось организовать народный подъемъ въ Чехіи при вторженіи французскихъ войскъ или въ 1762 году въ Испаніи и Португаліи, когда при пограничныхъ столкновеніяхъ призвалось въ большемъ размѣрѣ мѣстное крестьянское население.

Съ точки зрѣнія военной необходимости такая практика признается не одобряемой и народный подъемъ вызываетъ жестокую репрессию со стороны непріятельскихъ

войскъ. Въ 1780 году французскій маршалъ de Broglie въ обращеніи къ жителямъ Гессенъ-Касселя утверждаетъ: "...Первымъ правиломъ обычая войны является установление обязанности для жителей тѣхъ странъ, гдѣ ведется война, воздерживаться прямо или косвенно отъ помощи той или другой воюющей сторонѣ" (55).

Иначе къ этому относится доктрина, которая различаетъ, организуется ли народный подъемъ при *вторженіи* противника, или при наличности длительной военной оккупации. Затѣмъ устанавливается необходимость имѣть полномочіе отъ своихъ властей и известную военную организацию. Только при наличности такихъ условий сплоченскіе и народные отряды могутъ притязать на то, чтобы къ нимъ тоже примѣнялся *Kriegsmannier*-законы и обычаи войны (56).

Война находитъ свое ограниченіе въ правовомъ смыслѣ и въ томъ отношеніи, что воюющіе не могутъ прибѣгать ко всемъ доступнымъ имъ средствамъ, но что есть средства, являющіяся запрещенными вследствие своего безчеловѣчнаго или предательскаго характера. Ученіе это постоянно замѣняется наличностью военной необходимости, требующей въ рядѣ случаевъ примѣненія и жестокости и предательства, могущихъ тоже быть *"necessaria ad finem belli"*. Однако, и писатели XVII вѣка (особенно Cocceius. *De armis illicitis*. 1698 г.) и XVIII в. сходятся на томъ, что есть асаки известный твердый списокъ запрещенныхъ средствъ борьбы. Прежде всего это запрещеніе прибѣгать къ яду и въ особенности отправлять проточную яду или водоню, или посылать въ мѣста расположенія неприятельскихъ частей большихъ чумой или проказой. Точно также недопустимо прибѣгать къ яду или подсылать убійцу противъ неприятельскаго вождя или же называть цѣну за его голову.

55) J. J. Moser. *Vorau in des neuesten europ. Völkerrichts* in *Denkmal aus der Kriegeszeit* n. IX, 268, 278.

56) J. J. Moser. *Vorau in des neuesten europ. Völkerrichts* in *Denkmal aus der Kriegeszeit* n. IX, 268, 278.

Если въ средніе вѣка одно время въ каноническихъ кругахъ дѣлали попытку запрещенія технически болѣе совершенныхъ средствъ борьбы, то въ новое время стараются признать недопустимымъ заряжать ружья двумя пулями, или пулями съ надрезами, или деформированными.

Военныя хитрости признаются допустимыми, но считается недозволеннымъ пользоваться чужой формой и австрійскія военныя власти во время семилѣтней войны энергично протестуютъ противъ поведенія прусскаго полковника ф. Клейста, переодѣвавшего своихъ кавалеристовъ въ форму австрійскихъ гусаръ. Мозер дѣлаетъ попытку оправдать эти правонарушенія ссылкой на суда, который только во время боя обязацы поднять свой национальный флагъ.

По отношенію къ плѣннымъ и раненымъ признается въ принципѣ гуманное отношеніе, и имъ сохраняется жизнь. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ доктрина допускаетъ исключенія. Иногда необходимо безпощадное истребленіе врага въ виду безопасности ведущихъ бой частей. Затѣмъ допускается истребленіе въ видѣ репрессалій или когда известно, что сдавшіеся сами совершили правонарушения. Наконецъ, очень часто при взятіи штурмомъ крепостей или укрѣпленныхъ городовъ не дается никому пощады и разыгрываются сцены массовыхъ убійствъ не только комбатантовъ, но и мирныхъ жителей.

Русскій главнокомандующій графъ Ферморъ жаловался послѣ сраженія при Цорндорфѣ въ 1758 году, что генераль-аншефъ Броунъ, улавъ съ раненой лошади и не будучи въ состояніи оказывать сопротивленія, былъ тяжело раненъ вмедками солдатъ. Архенгольцъ передаетъ, какъ при Росбахѣ въ 1757 году въ отвѣтъ на крики французскихъ плѣнныхъ и раненыхъ, молившихъ «*qu'ont-ils!*», прусскіе солдаты ихъ убивали. Во время американской войны за независимость въ 1776 году британскій полковникъ В. Эрскинъ приказалъ перекотить плѣнныхъ американцевъ при взятіи Джерсея. Такія правонарушенія вызывали энергичные протесты и въ послѣднемъ случаѣ

Вашингтонъ отправилъ своего адъютанта къ британско-му генералу Гоу съ требованіемъ выдать Зрскина аме-риканцамъ для суда надъ нимъ. Конечно, это требованіе не было англичанами исполнено.

Положеніе раненыхъ и больныхъ въ эту эпоху было исключительно тяжельмъ. Правда, имѣются очень много соглашеній, предусматривающихъ гуманное отношеніе къ раненымъ на полѣ сраженія, но эти нормы очень часто оставались мертвой буквой.

Moser приводитъ одинъ изъ многочисленныхъ слу-чаевъ, когда въ 1745 году, послѣ сраженія при Кессель-дорфѣ въ Саксоніи, поле битвы осталось покрытымъ ранеными и умирающими. Раненые въ отчаяніи ползкомъ до-бирались до Дрездена, гдѣ умирали отъ истощенія и по-тери крови. Затѣмъ мѣстные жители переносили ихъ въ казармы, гдѣ они умирали отъ голода и отсутствія ме-дицинской помощи. Черезъ три мѣсяца только помощь бы-ла дѣйствительно организована саксонской королевой, но было уже поздно и изъ 3000 раненыхъ, добравшихся до Дрездена, осталось въ живыхъ только 500.

Такая картина повторялась неоднократно и мало помогало раненымъ и больнымъ, что иногда воюющіе послѣ или до боя заключали соглашенія объ оказаніи помощи пострадавшимъ въ сраженіи и о погребеніи умершихъ. Такое соглашеніе было, напримѣръ, заключено послѣ сра-женія при Дегтингенѣ между французами и англичанами (1743 г.). Точно также, послѣ сраженія при Полтавѣ, Петръ Великій, а послѣ сраженія при Росбахѣ Фридрихъ II проявили чрезвычайно гуманное отношеніе къ раненымъ, плѣннымъ офицерамъ и генераламъ. Но, когда въ 1758 г. послѣ кровопролитнаго боя при Дорндорфѣ, тысячи ране-ныхъ русскихъ и пруссаковъ покрывали поле сраженія, русский главнокомандующій, графъ Фермошъ обратился съ предложеніемъ къ прусскому командующему, графу Дона-съ просъбой дать возможность похоронить павшихъ и пе-ревязать раненыхъ, прусскій генералъ отвѣтилъ отказомъ на русское предложеніе, сославшись на то, что пруссаки

были побѣдителями и поле сраженія осталось за ними. Въ результатѣ большая часть русскихъ раненыхъ погиб-ла, лишенная какой бы то ни было помощи.

Чувство человѣчности выдвигаетъ проблему объ им-мунитетѣ раненыхъ и больныхъ, но о международномъ обы-чаѣ въ этой области говорить еще трудно и такой уче-ный, какъ Martens (въ 1789 г.) обходитъ ее молчаніемъ.

Болѣе ясно положеніе военноплѣнныхъ и G. Fr. Mar- tens констатируетъ, что въ XVIII вѣкѣ общепринятымъ является дарованіе жизни плѣннымъ. Обращеніе плѣнныхъ въ рабство болѣе не практикуется и христіанскія го-сударства обращаются съ плѣнными соразмерно ихъ чину и званію и очень часто или обмѣниваются ими или беру-тъ за нихъ выкупъ. Выбѣтъ съ тѣмъ устанавливается и обыкновеніе освобождать плѣнныхъ. Подъ частное слово подѣ условіемъ, что больше въ войнѣ они не будутъ при-нимать участія. Если обращеніе съ офицерами и генера-лами нормально было довольно человѣчно, Фридрихъ II могъ даже въ официальныхъ заявленіяхъ указывать на свое рыцарское отношеніе къ неприятельскому команд-ному составу, то гораздо хуже относились къ плѣннымъ солдатамъ, которые часто умирали отъ болѣзней и голо-да (какъ это было въ 1759 году съ австрійскими плѣн-ными, находившимися въ Дрезденѣ въ рукахъ прусскихъ военныхъ властей).

При военной оккупаци въ принципѣ признаются без-граничныя права воюющаго побѣдителя. Населеніе можетъ быть обращено въ рабство или насильственно переселе-но въ другую мѣстность, но въ XVIII вѣкѣ уже устанавливаются другія преценденты: населеніе занятой обла-сти подчиняется власти и законамъ побѣдителя, который можетъ заставить ихъ прислужать новой власти, можетъ собирать налоги и рекрутовъ и можетъ ихъ наказывать за помощь врагу. Право надѣ частною собственностью дви-жимой и недвижимой имуществами оккупанту, но онъ въ порядкѣ милости ограничивается лишь налоговыми кон-трибуціей. Однако, такая практика, которая находитъ свое

выражение в рядъ указовъ, публикуемыхъ русскими правительствомъ при занятіи части Финляндіи въ 1742 г., или при занятіи Пруссіи и Померани въ эпоху семилѣтней войны, или въ актахъ австрійскихъ властей при занятіи Силезіи въ 1760 г. вызываетъ энергичные протесты со стороны противной стороны и въ концѣ концовъ приводитъ къ взглядамъ, находящимъ свое полное развитіе лишь въ XIX в. и утверждающимъ, что военная оккупация является до заключенія мирнаго договора лишь временнымъ состояніемъ замѣни законной власти одного воюющаго властью другого, могущаго ее осуществлять лишь при условіи уваженія къ существующему гражданскому порядку.

Право войны на морѣ и нейтралитетъ.

Театромъ войны на морѣ является открытое водное пространство и территориальныя воды воюющихъ, но въ XVII и XVIII вѣкахъ очень часто военныя операціи и захватъ призовъ производятся въ нейтральныхъ водахъ и, если Бинкерсгукъ учить, что въ пылу сраженія можно преслѣдовать противника и на нейтральной территоріи, то подобная поведеніе воюющихъ тѣмъ болѣе оправдывается въ морской войнѣ.

Однако, нейтральныя государства пытаются исключить изъ сферы морскихъ операцій часть водныхъ пространствъ, не являющихся территориальными водами. Въ 1759 году Швеція и Россія договориваются о томъ, что Балтійское море во время семилѣтней войны должно быть закрыто для морскихъ операцій воюющихъ. Въ 1780 году вторично Россія и Данія закрываютъ Балтійское море и одна изъ воюющихъ державъ Франція выражаетъ на это свое согласіе. То же самое начало подтверждается и въ договорѣ Пруссіи и Россіи 1781 года и въ рядѣ другихъ позднѣйшихъ соглашеній. Материально, какъ замѣчаетъ Фешья, подобная нейтрализация выполнима безъ затрудненій, но формально она допустима лишь при условіи

что среди прибрежныхъ государствъ нѣтъ ни одного принимающаго прямое участіе въ войнѣ (57).

Морская война въ отличіе отъ сухопутной преслѣдуется главнымъ образомъ задачу борьбы съ торговлей врага, стремится экономически ослабить противника и эту цѣль осуществлять путемъ захвата частной неприятельской собственности и торговыхъ неприятельскихъ судовъ.

Задача можетъ быть реализована лишь при самомъ полномъ напряженіи морскихъ военныхъ силъ и при мобилизаціи всѣхъ судовъ, могущихъ по французскому выраженію, *courir sus à l'ennemi*. Каперсы или корсары, хотя уже съ XIII и XIV вѣка и становятся подъ контролемъ государства, но въ сущности являются грандіозной организаціей морского разбоя, иногда действительно подрывающаго торговлю врага и осуществляющаго въ своеобразной формѣ дѣли, поставленныя воюющимъ. Длительная долгія десятилѣтняя война Нидерландскихъ Штатовъ за независимость противъ Испаніи привела къ необычайному росту каперства, особенно съ голландской стороны причинившаго значительный ущербъ испанской торговлѣ. Гизы - голландскіе мелкіе корсары нападали не только на испанскіе корабли, но и на нейтральныя и часто экипажъ голландскихъ корсаровъ, попадая въ руки испанцевъ, разсматривался ими, какъ морскіе пираты, и подвергался смертной казни черезъ повѣшаніе. Въ периодъ борьбы за морское господство Англій съ Испаніей, затѣмъ съ Франціей и Нидерландами англичане тоже прибѣгали къ каперамъ и ихъ примѣру слѣдовали ихъ противники. Войны Людовика XIV съ Англійей, закончившіяся миромъ въ Рисвикѣ (1697 г.) и Утрехтѣ (1713г.) привели къ чрезвычайному расширенію дѣятельности французскихъ каперовъ, захватившихъ въ первую войну около 4 200 британскихъ судовъ, стоимость которыхъ

57) Fauchille. Traité de droit international public. 1921. vol. II, стр. 349.

вместе с грузом достигла колоссальной для того времени суммы в 750 милл. французских ливров (58).

Целью ряда внутри-государственных законов во Франции, Голландии, Испании, Англии и Дании устанавливаются общие принципы организации каперства. Необходимо специальное полномочие от государства для капера: *lettre de marque*. Нужно предоставление довольно крупного залога, чтобы в случае неправильного задержания нейтральных судов возместить им ущерб. И, наконец, участь захваченного груза определяется окончательно специальным трибуналом - призовым судом. Таким образом развитие правовых гарантий дает известную защиту нейтральным, интересы которых жестоко страдают в морской войне.

Если *Consolato del mare* провозглашала принцип захвата неприятельского груза на нейтральном судне и свободу нейтрального груза под неприятельским флагом, то в позднейшую эпоху складывается гораздо более суровая для нейтральных система. Англия придерживается системы *Consolato* и в этом смысле заключает договоры со Швецией в 1661 г. и 1666 г. и с Данией в 1670 г. Но такая система кажется слишком терпимой для других держав. Открытие Нового Света и путей в Индию желанье установить за собой монополию сношений с колониями приводит к созданию и провозглашению новых правил, особенно со стороны Франции, которая в рядь ордонансов стремится совершенно лишить возможности посевника пользоваться нейтральным флагом для перевозки своих товаров. В XVI веке складывается новая система и в XVII веке в знаменитом *Ordonnance de la marine* 1681 г. она находит свое полное выражение. Тут устанавливается норма: всякий груз под неприятельским флагом, хотя бы и нейтральный, подлежит конфискации (*Unfrei Schiff, unfrei Gut - Navire ennemi confisqué robe*

58) Fauchille. Op. cit. 364.

d'amis) и всякое судно, хотя бы нейтральное, но с неприятельским и с нейтральным грузом, подлежит изъятию со всем грузом конфискации (*Unfrei Schiff - Robe d' ennemi confisqué la robe d'ami et le navire*). Эти чрезвычайно суровые правила, которые должны были облегчить борьбу с непопулярной торговлей, однако, находят ограничение в целом ряде специальных договоров, заключенных Францией и устанавливавшихся совершенно другой начатой: неприкосновенность неприятельского груза под нейтральным флагом, как это было в договоре с Турцией 1604 г., с Ганзой 1615 г., с Англией в 1655 г. и 1677 г., в очень важном Пиринейском договоре 1659 г. и всего в XVII и XVIII веках в 36 договорах, заключенных Францией с различными державами.

Наряду с французской системой складываются и другие: голландская и португальская, утверждающая, что под нейтральным флагом всякий груз свободен (*Frei Schiff, frei Gut*) и что под неприятельским флагом всякий груз подлежит конфискации (*Unfrei Schiff, unfrei Gut*). Эта система была выгодна Голландии и Португалии, потому что они установили монополию сношений с колониями для своих национальных судов и поэтому не нуждались в защите нейтрального флага.

Такая различная система ведет между собой непрерывную борьбу и порождает большие затруднения для нейтральных, суда которых подвергались со стороны воюющих насилиям и обыскам и грузы которых на неприятельских судах очень часто подвергались захвату.

В конце XVIII века, когда Англия вынуждена была начать войну с отделившимися от нее Северо-Американскими колониями, когда в союз с последними выступили Франция и Испания, случаи насилий над нейтральными участились и Россия обратилась ко дворам Лондона, Версаля и Мадрида с торжественной декларацией 28 января 1780 года. Эта декларация не была отправлена в Вашингтон, потому что русское правитель-

ство не признавало за американцами право всяющей стороны и считало их бунтовщиками.

В этой нотѣ, которая подготовлена длительными переговорами графа Панина и французских дипломатов и которая была лично просмотрѣна императрицей Екатериной II, содержалось провозглашеніе слѣдующих начал:

- 1) Нейтральные суда могутъ безпрепятственно плавать изъ порта въ портъ и вдоль береговъ воюющихъ государствъ.
- 2) Грузъ, принадлежащій подданнымъ воюющихъ державъ (за исключеніемъ военной контрабанды) на нейтральныхъ судахъ свободенъ.
- 3) Относительно понятія военной контрабанды должно руководствоваться ст. 10 и 11 торговаго договора Россіи съ Англіей 20 іюня 1766 года и этотъ договоръ долженъ получить силу и для всѣхъ воюющихъ государствъ (согласно этому договору военной контрабандой является оружіе, военное снаряженіе, снаряды, сѣра и селитра).
- 4) Портъ признается блокированнымъ только въ томъ случаѣ, когда входъ въ него связанъ съ очевидною опасностью, возникшею вслѣдствіе нападенія на портъ воюющихъ судами, расположенными достаточно близко и стоящими на якорѣ.
- 5) Эти начала необходимо примѣнять въ процессахъ и приговорахъ о законности призовъ.

Кромѣ того, въ деклараціи указывается, что для защиты этихъ принциповъ приведена въ боевую готовность часть русскаго флота.

Въ отвѣтъ на русскую ноту Франція заявила, что она всецѣло къ ней присоединяется, но Англія возразила, что она не можетъ отказаться отъ права захвата нейтральной собственности подъ нейтральнымъ флагомъ, хотя готова уважать русскій флагъ, а Испанія возразила, что она можетъ отказаться отъ права захвата ней-

тральной собственности подъ нейтральнымъ флагомъ лишь при условіи, что такой практикѣ воздержится и Англія (59).

Императрица Екатерина II, однако, стнудь не желала ограничиваться простымъ провозглашеніемъ международныхъ нормъ, которыя должны имѣть силу въ морской войнѣ. Она хотѣла создать санкцію въ видѣ организаціи *вооруженнаго нейтралитета* и поэтому она обратилась къ ряду нейтральныхъ державъ съ предложеніемъ торжественно присоединиться къ принципамъ, выдвинутымъ въ русской нотѣ. Переговоры велись съ Даніей, Швеціей, Голландіей, Португаліей, Имперіей и королевствомъ двухъ Сицилій. Вскорѣ Данія и Швеція не только формально присоединились къ русской деклараціи, но и заявили, что ихъ флотъ тоже будетъ состоять силой охранять провозглашенныя Императрицей Екатериной II нормы. Въ 1781 году къ Россіи кромѣ того присоединились Голландія и Пруссія, затѣмъ Имперія, Португалія и королевство двухъ Сицилій. Такимъ образомъ впервые въ исторіи международныхъ отношеній европейскихъ государствъ по инициативѣ Россіи была сдѣлана попытка выработать не партикулярныя нормы, регулирующія отношенія отдѣльныхъ государствъ согласно ими заключенному договору, но нормы, общія для всѣхъ державъ, соответствующія правосознанію народовъ и долженствующія имѣть силу при войнѣ на морѣ европейскихъ государствъ.

Вслѣдствіи Россія и другія союзныя съ ней государства вынуждены были отказаться отъ нормъ деклараціи въ пользу нейтралитета, но всетаки эта декларація имѣла крупное значеніе въ развитіи международ-

59) *Barghoorn Die bewaffnete Neutralität. 1883. Fauthell. La diplomatie française et la ligue des neutres de 1780. 1893. v. Pruttwitz und Gaffron. Die bewaffnete Neutralität. ihre theoretische und praktische Bedeutung. 1907. J. B. Scott. The Armed Neutrality of 1780 and 1800. 1918.*

наго права, потому что впервые целый ряд государств выступили с требованием, чтобы право войны на море создавалось не произволом отдельной державы, но решением всех заинтересованных государств.

Декларация вооруженного нейтралитета 1780 г. выдвинула наряду с требованием уважения к нейтральной торговле и попытку дать исчерпывающее определение двум понятиям, игравшим в морской войне большую роль: блокады и военной контрабанды. И то и другое при своем расширительном толковании было одинаково опасно для нейтральных. Блокада являлась правом воюющего закрывать с моря доступ в неприятельский порт для каких бы то ни было судов. Нейтральные суда могут на свой страх дѣлать попытки прорыва блокады, но за это рискуют потерей судна и груза, которые являются в таком случае законным призом. Блокада должна быть действительной и должна быть предварительно объявленной. И то и другое часто не соблюдалось. Уже в средние века практиковалось со стороны воюющих общее запрещение торговли с целым рядом неприятельских портов, фактически доступ к которым оставался открытым. В особенности Нидерланды в XVI веке и в ряд указов XVII века очень широко применяли блокаду, закрывая фиктивно всякия сообщения с портами своего врага. Такова была практика и Англии в союз с Нидерландами во время их борьбы с Людовиком XIV, когда по договору в Whitehall в 1689 году все французское побережье в Ламанше, Атлантическом океане и Средиземном море было объявлено блокированным. В виду невозможности иметь достаточных сил для осуществления подобной блокады голландцы и англичане выставили дополнительно два принципа: нейтральное судно может быть захвачено, когда оно по достоверным признакам имѣет целью поорвать блокаду (*droit de prevention*) и когда оно, хотя и спаслось от преследования блокирующих судов, но встрѣтилось с судном воюющего, не достигнув

нейтрального порта назначения. Надо отметить, что уже тогда Швеция и Дания не только протестовали против подобной практики, но в 1693 году заключили военный союз и добились отмены суровых мер Англии и Голландии против нейтральной торговли (60).

Во всяком случае отдельные детали блокады остаются очень спорными и акт вооруженного нейтралитета впервые стремится дать возможно более узкое определение блокады, которое более всего соответствует интересам государств, в войну не участвующих. Военная контрабанда в эту эпоху тоже остается довольно спорным понятием и этому в большой степени способствовал Г. Гроций своим учением, что есть предметы, которые одновременно могут служить и военным и мирным целям — *res anseritis usus*.

Франция по вопросу о военной контрабанде занимает очень умѣренную позицию. Ордонансом XVI и XVII веков (особенно 1681 года) признают за контрабанду только военные припасы и военное снаряжение. В целом ряде договоров, начиная с Пиринейского 1659 года, и в договорах, заключенных послѣ Утрехтского мира 1719 г., провозглашаются те же принципы, но Англия и Голландия стараются истолковать понятие контрабанды возможно более расширительно. В Суатгемптонском договоре 1625 г. Англия и Голландия признают, что контрабандой являются: поддольствие, военные припасы, корабли, оружие, паруса, пенька и канаты, золото, серебро, медь, железо, олово и т. д. (61).

Такия противорѣчивыя понятия контрабанды порождали безконечныя затруднения и в противоположность блокаде попытки точно и ограниченно определить военную контрабанду, как это было сделано в декларации вооруженного нейтралитета, остались безрезультатными до XX века и начала мировой войны, во время ко-

60) Wehberg. Seekriegsrecht. 1915, 26-27.

61) Wehberg. Op. cit. 25.

второй вопрос о контрабанде опять вызвал безконечные споры и конфликты воюющих с нейтральными.

Для защиты прав своей торговли нейтральные создают специальный институт *конвоя* или сопровождения торговых судов военными, задача которых - защита торговли от разбоя и неправомысленных действий воюющего (62). Военный нейтральный флаг покрывает торговые суда и в принципе при наличии военной охраны не допускается остановки, осмотра и обыска торговых судов. Процедура ограничивается лишь тем, что воюющий может получить от конвоира все необходимые сведения и должен довольствоваться подобным заявлением. Эти нормы находят свое признание в шведских инструкциях 1653 г. и в голландских инструкциях 1656 г. и особенно 1781 года, где ясно высказывается правило, что голландские военные суда и катеры должны воздерживаться от осмотра конвоируемых нейтральных судов в тех случаях, когда командующий конвоем дает уверенность, что его суда не перевозят военной контрабанды. Особенно долго и упорно отказывается признавать конвой, как международное установление, Англия и, когда в 1779 году Голландия организует в широком масштабе доставку во Францию дерева, пеньки и корабельного снаряжения, посылает эти перевозки происходить под конвоем голландских военных судов, английский флот не признает конвоя, производит нападения на конвой и в конце концов вызывает со стороны Голландии объявление войны (1781 г.).

В эту эпоху вполне отчетливо обрисовывается теория нейтралитета, как правоотношения воюющих к государствам в войне неучаствующим. Прежний термин *amicis, pacati* сменяется новыми выражениями. Грочий говорить о нейтральных, как *de his qui in bello medii sunt*, а во Франции еще раньше в половине XVI века уже

62) Bagnot. Théorie de convoi. 1910. Schlegel. Visitation of neutral vessels under convoy. 1884.

употребляется слово «*neutres*» и «*neutralité*» (63). Правда, если по общему характеру эпохи в виду наличия целаго комплекса равноправных и суверенных образований, утверждающих свое индивидуальное понимание международного права и выдвигающих свои частные интересы, как единственный стимуль своего поведения, теоретически легко должна была народиться и упрочиться теория нейтралитета, то с другой стороны в виду того, что на суше и особенно на море проявляется стремление к гегемонии одной державы, материальные условия для нейтралитета были далеко не всегда благоприятны.

Бинкерсгук мог в 1737 г. (в *Questiones juris publicis*) формулировать ряд прав и обязанностей нейтральных. Нейтральное государство может притязать со стороны воюющих на уважение своих верховных прав, потому что оно само ни оказывает ни помощи, ни содействия ни одной из воюющих сторон.

На самом деле во всей своей строгости последовательности такое понимание нейтралитета было еще чуждым XVIII веку и публицисты этого времени (особенно Vattel и G.F. Martens) различали полный, абсолютный, строгий нейтралитет и неполный, несовершенный или ограниченный. Первый имеется налицо, когда нейтральная держава действительно ничем и никак не помогает одному из воюющих. Когда же в силу прежнего обязательства, принятого еще до войны, нейтральное государство оказывает в той или иной форме поддержку воюющему, то это не будет нарушением нейтралитета, но лишь его несовершенной формой.

На самом деле понятие нейтралитета было чрезвычайно неустойчивым. И, например, Петр Великий самым решительным образом требовал от нейтрального Давида в 1716 году: 1) прекратить „как всякую

63) Fauchille. Traité de droit international. II. 1921, стр. 639.

корреспонденцию, так и всю коммерцию со Швецией", 2) снарядить "четыре-х каперовъ, изъ которыхъ на каждомъ имѣть не менѣе 12 пушекъ и 50 человекъ" для нападенія на шведскія суда и 3) предоставить въ распоряженіе русскаго флота транспорты для подвоза снарядовъ и продовольствія. Въ своемъ возраженіи Дандигъ ссылался на свой нейтралитетъ, но Петръ Великій упорно не хотѣлъ его признавать (64).

Помощь воюющимъ выражалась иногда въ совершенно открытой, почти циничной формѣ. Если въ средніе вѣка и въ XVI и XVII вѣкахъ швейцарскіе кантоны поставляли наемниковъ для разныхъ армій, то это дѣлалось съ согласіемъ самихъ бойцовъ. Наоборотъ, въ позднѣйшее время торговля солдатами дѣлается прибыльной статьей дохода для нѣмецкихъ князей, продававшихъ своихъ подданныхъ тысячами въ другія страны. Британская армія, сражавшаяся въ Америкѣ противъ колонистовъ, въ значительной части пополнялась солдатами, купленными въ Германіи. Ландграфъ Гессенскій доставилъ около 12.000 человекъ, герцогъ Брауншвейгскій около 4.000 и т. д. Даже Фридрихъ II возмущался подобными фактами и заявлялъ, что онъ не продавалъ бы своихъ подданныхъ англичанамъ, какъ "продать свой скотъ на убой" (65).

Въ 1788 г., когда Россія вела войну съ Швеціей, Данія должна была, согласно рѣше заключенной конвенціи, прислать Россіи вспомогательный корпусъ. Швеція настаивала, что это — нарушеніе нейтралитета. Наоборотъ, Данія утверждала, что она, оставаясь нейтральной,

64) Мартенсъ. Совр. межд. право, II, 589.

65) С. Котляревскій. Правосое государство и внѣшняя политика, 1909, стр. 254.

Вмѣстѣ съ тѣмъ считалось вполне допустимымъ прохождение такихъ иностранныхъ континентовъ черезъ неопыятельскую территорию и голландскіе порты были своеобразной базой, откуда изъ Германіи доставлялись въ Англію вспомогательные отряды.

должна выполнить условія своего договора съ Россіей. Последняя въ концѣ концовъ разрѣшила конфликтъ тѣмъ, что сама по собственной инициативѣ отказалась отъ датскаго вспомогательнаго корпуса.

Несмотря на эти споры и конфликты, именно въ эту эпоху находитъ свое теоретическое оправданіе ученіе о нейтралитетѣ, какъ о правѣ каждаго государства не принимать участія въ борьбѣ другихъ державъ, быть лишь зрителемъ происходящей на его глазахъ драмы и спокойно ждать того момента, когда слабый окажется побѣжденнымъ, а сильный побѣдителемъ. Нейтральный не секундантъ и не судья, какъ утверждаетъ Бинкерсдукъ, онъ только посторонній, одинаково чуждый и равнодушный къ исходу войны, гдѣ правонарушитель можетъ оказаться въ проигравшей сторонѣ, а невинный — въ проигравшей. Въ послѣдствіи, въ XIX вѣкѣ будетъ сдѣлана попытка оправданія нейтралитета указаніемъ на то, что нейтральное государство не должно быть совершенно безучастнымъ и равнодушнымъ и что оно обязано предупреждать войны, являющіяся угрозой для существованія не однихъ воюющихъ, но и въѣхъ державъ, подверженныхъ между собой собою (66). Но эта попытка рѣшаетъ только вопросъ съ предупрежденіемъ насилія, но не даетъ отвѣта на другую проблему: можно ли уже во время войны пресѣчь дальнѣйшее насиліе и заставить правонарушителя прекратить борьбу и подчиниться безпристрастному суду нейтральныхъ?

Однако, въ тотъ моментъ, когда этотъ вопросъ будетъ поставленъ во всей широтѣ, современная доктрина нейтралитета перестанетъ существовать въ той формѣ, въ какой она сложилась въ три послѣднія столѣтія.

66) Мартенсъ. Совр. межд. право, II, 586.

Bonfils-Fauchille. Traité de droit intern. II, 643.
Rivier. Principes du droit des gens, II, 384. Pradier-Fodéré. Traité de droit intern. t. VIII, стр. 872.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫИ .

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.
(Отдѣлъ IV).

Стр.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
278	2 св.	Волькей	Вольней
279	12 св.	осуществляются	реализуются
284	9 св.	была	и была
285	8 св.	современныхъ государствъ	современныхъ народовъ
300	1 св.	Троннау	Троппау
300	12 св.	Спика	Спина
303	18 св.	для всѣхъ иностранныхъ судовъ	для всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ
310	16 св.	поставилъ Россію	поставилъ Россію лицомъ къ лицу
318	17 св.	уступаетъ	уступаетъ Соединеннымъ Штатамъ
340	13 св.	Наиболѣе важною	Но наиболѣе важною
346	17 св.	въ конвенціи	въ конвенціи
348	12 св.	индульты	индульта
352	2 св.	шелку	шелка

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЯ ОТНОШЕНИЯ
ВЪ XIX И XX ВѢКАХЪ.

Г л а в а XVI.

§51. Общий характеръ международно-правовыхъ отноше-
ний новѣйшей эпохи. Правовое национальное демократи-
ческое государство и международное право. Соединенные
Штаты Америки и международное право. Великая Француз-
ская Революція и международное право. Кризисъ междуна-
роднаго морского права въ эпоху Наполеона. §52. Идео-
логия новой эпохи и ея влияние на международное пра-
во. Новые пути его развитія.

Г л а в а XVII.

§53. Международныя отношенія до 1856 г.: Вѣнский кон-
грессъ, Священный Союзъ, теорія вмѣшательства, Восточ-
ный вопросъ. Борьба Италии и Германіи за национальное
объединеніе. Берлинскій Конгрессъ 1878 г. §54. воору-
женный миръ и колониальное расширеніе великихъ дер-
жавъ (1878 г. - 1914 г.).

Г л а в а XVIII.

§55. Развитіе международнаго административнаго права
въ XIX и XX вѣкахъ. §56. Развитіе третейскаго суда.

Г л а в а XIX.

§57. Кодификація формальнаго международнаго права:
Парижская декларация 1856 г. §58. Кодификація права
мирнаго разрешенія международныхъ конфликтовъ на
Гаагскихъ Конференціяхъ 1899 г. и 1907 г. §59. Коди-

фикации законов и обычаев войны на суше. §60. Коди-
фикация права морской войны в Гааге в 1907 г. и в
Лондоне в 1909 г. §61. Развитие теории нейтралитета.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

- С.А.Котлиревский. Правовое государство и внешняя по-
литика. 1909.
- С.А.Котлиревский. Развитие международных отношений
в новейшее время. 1922.
- Мартенс. Современное международное право, т. I. 1898.
- Стойнов. Очерки по истории и догматике междуна-
родного права. 1874.
- de Barral. Etude d'histoire diplomatique de l'Europe.
II partie. 1885.
- Bourgeois. Manuel politique de la politique étrangère,
v. II-III, 1910.
- Bris. Die Fortschritte des Völkerrechts seit dem Wie-
ner Kongress. 1890.
- Catellani. Le droit international au commencement du
XX-e siècle. Revue gen. de droit internat.
publ. 1901.
- Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe. 1891.
- Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe depuis
le Congrès de Berlin jusqu'à nos jours.
1919.
- Despagnet. La diplomatie de la III-e République et le
droit des gens. 1904.
- Driault. La question d'Orient depuis ses origines
jusqu'à nos jours. 1921.
- Dupuis. Le principe d'équilibre et le concert euro-
péen. 1909.
- Dupuis. Le droit des gens et les rapports des Grandes
Puissances avec les autres Etats avant le
pacte de la Société des Nations. 1921.
- Hazen. Europe since 1815. 1909.
- Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité, vol
X-XVIII. 1865 и д.
- Mancini. Della nazionalità come fondamento del dirit-
to dalle genti. 1851.
- Moore. The principles of american diplomacy. 1918.

- Oncken. Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen.
Pierantoni. Storia del diritto internazionale nel secolo XIX. 1876.
Redslob. Das problem des Völkerrechts. 1917.
Redslob. L'histoire des grands principes du droit des gens. 1923.
Seignobos. Histoire de l'Europe contemporaine. 1907.
Wheaton. Histoire des progrès et des variations du droit international, vol. II. 1865.

Источники:

- Мартенсъ. Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, т. I-XV. 1874-1909.
Albin. Les grands traités politiques. 1912.
Descamps et Renault. Recueil international des traités du XIX siècle, сь 1914 г.
de Lapradelle et Politis. Recueil des arbitrages internationaux depuis 1798. 1905.
Strupp. Urkunden zur Geschichte des Völkerrechts, bd. I-II. 1911.

Глава XVI.

§51. Общій характеръ международно-правовыхъ отношеній новѣйшей эпохи. Правовое національное демократическое государство и международное право. Соединенные Штаты Америки и международное право. Великая Французская Революція и международное право. Кризисъ международного морского права въ эпоху Наполеона. §52. Идеология новой эпохи и ея влияние на международное право. Новые пути его развитія.

Развитіе международного права идетъ не по восходящей прямой, но оно напоминаетъ непрерывнымъ ритмическія колебанія, приливъ и отливъ, возвращеніе назадъ, чтобы потомъ снова двигаться впередъ къ невѣдомымъ идеальнымъ цѣлямъ, рисуящимся лишь въ неясныхъ очертаніяхъ въ далекомъ будущемъ. И при этомъ постоянно колебаніи чувствуется всегда присутствіе идей и правовыхъ учрежденій прежнихъ эпохъ, вкладывающихъ свой неизгладимый отпечатокъ на новую жизнь и на молодое правовое творчество.

Просвѣтительная и революціонная доктрина конца XVIII вѣка провозглашаетъ начало народовластія и неотчуждаемыхъ правъ людей, она какъ будто стремится возродить примать права и господство свободного договорнаго сожительства людей, знакомое уже въ эпоху средневѣковья, но новая доктрина отвергаетъ принципъ религознаго авторитета и творить культъ новаго начала національности какъ объединенія людей не въ силу случайнаго господства надъ ними династіи, но по ихъ свободному объединенію. Народъ есть начало, середина и конецъ всякой власти. Власть не является самодовлѣющимъ, субстанціональнымъ началомъ, но она лишь проявленіе общей воли. Власть и носители ея существуютъ для народной пользы, но не народъ для нихъ. Ради внутренняго мира устанавливается государственныя порядки, но носители власти стали разсматривать себя, какъ собственниковъ государства, а не гражданъ ста-

ли смотреть, как на работ. И этот трагический результат роста и усиления государственной власти породил рабское равенство и рабский дух вместо первоначального свободного естественного равенства. Но народ всегда сохраняет свое право отозвать или уничтожить власть, нарушающую свои полномочия. И никто не осветил более ярко и отчетливо основную проблему правовой организации власти, как Руссо: "нужно найти такую форму союза, которая бы защищала и охраняла собой силу личности и имущество каждого участника союза, в котором каждый, соединяясь со всеми, повиновался только самому себе и оставался таким же свободным, каким был и раньше". И это происходит, когда "каждый из нас отдает свою личность и свои силы под верховное руководство общей воли и становится нераздельною частью целого". Теоретически это разрешимо только при непосредственном участии народа в осуществлении политического господства, когда властвующий сливается в одном лице с подвластными. И этот строй становится как бы идеальной целью, к которой стремятся приблизиться французская революционная конституция.

Новая программа народовластия неизбежно отражается на международных отношениях. Для Гоббса и Канта государства еще живут в диком, естественном состоянии и развитие политической жизни среди людей может, по мнению Канта, быть гороскопом грядущей жизни народов. Параллель можно провести дальше. У людей имеются священные нестязаемые права "все люди, как говорит декларация колонии Виргинии, рождаются одинаково свободными и независимыми и обладают естественными, их личности присущими, равными правами; ни они, ни их потомство ни каким образом не могут лишиться этих прав". Народы тоже, по природе своей, свободны, независимы и равноправны и в их внутреннем устройстве они не могут подчиняться иной власти, кроме ими установленной. И в международной жизни возник-

кает та же проблема - создание союза, который защищал бы силой каждого отдельного члена, который, соединяясь со всеми, оставался бы всетаки свободным. Политические отношения людей только микроскопом более грандиозного и великого строя, обнимающего всех людей и все народы, одинаково равных и свободных пред лицом высшей справедливости. Руссо долго мучился этой мыслью и до самой смерти работал над рукописью "De la société du genre humain". Вместо анархии непрерывных династических войн и системы координационного права усилием свободной воли и разума народов надо преодолеть все препятствия и собрать Европу в одно правовое целое. В культурном отношении процесс объединения европейских народов продвинулся очень далеко и надо ему дать новую формальную рамку. "Откуда присистемается состояние анархии в Европейской Республике? Оно является следствием того, что публичное право Европы не установлено сообща и не имеет авторитета общего решения, и, не имея общих основ, оно непрерывно изменяется согласно обстоятельствам времени и места; кроме того, оно полно противоречий, которые можно преодолеть только по праву сильного; во всем без определенного согласования подчиняясь в спорных случаях личным интересам, право дикую войну неизбежно даже, если народы хотели быть справедливыми" (Extrait du projet de paix respectable de l'abbé de Saint Pierre. 1762).

Руссо не только теоретически выдвигает проблему международного европейского союза, но он намечает и практические пути, устанавливая, какие права и обязанности должны быть даны своим членам союз и какие органы должны быть созданы союзом. Руссо верить, что, если Европейская Республика народитя хотя бы на один день, она будет существовать вечно.

Руссо живо воображал и обрисовывал анархическую систему свободной ему международной жизни, но он пытался решить эту проблему во имя разума, игнорируя те ус-

ловия и силы, которые толкали народы на борьбу. Он как будто обходит проблему взаимоотношения внутреннего строя с новым международным порядком и нигде не пыгается уловить те сложные факторы, которые поддерживали в Европе состоявшие войны против волеи Бенгта и Канта, глубоко освятили проблему и указали на ряд предварительных условий, без которых реализация Союза Мира является простой утопией.

Однако, взгляды Руссо и в области внутреннего строительства государств и в области внешних отношений превосходят те дозунги, за которые будет вестись борьба в течении XIX и XX веков. Одни силы центробежные ведут к собиранию человечества и к упрочению международного порядка, другие центробежные ведут к обострению национальной вражды, к экономическому соперничеству и к попыткам уничтожить и смести с лица земли своего врага и соперника. И есть апологеты одних и других сил и если международное право для одних высшая и последняя политическая цель, потому что задача международного права это господство мира в отношении между государствами, то для других международное право не может и не должно существовать, потому что согласно этому плану: „Die Völker gelten als verbrüderd, der Krieg als ein Verbrechen der Könige“. Кроме того, человек от рождения против своей воли становится подданным государства, т.е. принудительно организованного права, тогда как государство не может существовать без подданных и не может подчиняться организованному принуждению (Lasson).

Эти два враждебных мировоззрения кладут отпечаток на развитие международного права в новое время и в то время, как один идеал возмещается к универсалистическим тенденциям средних веков и ренессанса, другой живет культом национально-династического строя XVII и XVIII веков и утверждениями Гоббеса и Спинозы, возрождающимися в учениях Остина

в Англии в первой половине XIX века.

Однако, новые формы политического строя не только в своей теоретической и доктринальной сущности оказали влияние на публицистов, работавших в области международного права, но они и непосредственно были хотя и косвенными, но все таки крупными факторами в развитии международного права.

В международно-правовой истории слишком мало обращали внимания на ту роль, которую сыграла в упрочении нового порядка отношений между народами американская демократия. Только выступление Америки в мировой войне снова напомнило всем государствам, что принципы американского строя не ограничиваются внутри-государственными рамками, а имеют безусловно большее значение.

Война, которая ведется в конце XVIII века 13 северо-американскими колониями, чрезвычайно своеобразна. Колонии не хотят борьбы, но пробуют оказывать только наивысшее сопротивление. И, наконец, когда все аргументы исчерпаны, колонии обращаются с горячим призывом не к королю Георгу III и не к правительству Норте, но к британскому народу: „Позвольте нам быть такими же свободными, как и вы, и единение с вами будет для нас наивысшей славой и наибольшим счастьем“. Если же британский народ отвергнет протянутую ему руку и будет поддерживать своих мещан-стрельцов, нарушающих неотчуждаемые человеческие права, тогда кровопролитие станет неизбежным (1774 г.). Начинается открытая война, ведома британскими войсками и германскими наемниками жестоко, но в своем обращении к противнику Вашингтон воздерживается от применения ветхозаветного правила: око за око, зуб за зуб. В своем манифесте американский главнокомандующий молится Господу разуму и справедливости, чтобы он смягчил ожесточенный сердца врага.

Пусть сами поймут, насколько жестоко пытаться угнетать народ, твердо решившийся быть свободным. Американцы будут стремиться только к одному, чтобы мир и доброе расположение снова водарились между народами. „Мы зовем все народы к взаимной дружбе и братской любви. И эту христианскую цель можно осуществить только христианскими средствами. Мы не обнажим меч, который не будет никому давать пощад, и не используем для новых жестокостей насилий, творимых иностранцами“. Возвратившие колонии вынуждены из чувства самосохранения принять навязанную им борьбу — „...мы вынуждены возможно лучше использовать средства борьбы, данные нам Провидением, но вместе с тем мы обращаемся ко всему роду человеческому, чтобы он был судьей в нашем споре. Исход же войны будет предопределен волею Того, Кто видит все скорби и страдания даже подстреленной птицы, падающей с неба, и Он не оставит без поддержки народ, собирающий ряды своих воинов под знаменем Везувияго во имя наиболее благородных начал, украшающих жизнь человечества“ (19 июля 1777 г. в Middle-Brook).

Если война — вынужденное зло, то народы должны во время борьбы примирять друг к другу возможно меньше страданий, и Вашингтон постоянно возвращается к своим приказам к требованию гуманно относиться к раненым и пленным и почти отказывается от репрессалий. В договор с Пруссией в 1785 году содержится целый ряд чрезвычайно гуманных норм по отношению к пленным и, наконец, устанавливается совершенно необычайное для эпохи правило о неприкосновенности частной собственности во время морской войны и о запрещении пользоваться морскими каперами.

При окончании войны, как средства против правонарушения, возникает вопрос: нельзя ли найти других, более человеческих и более справедливых решений международных споров, чем применение силы и насилия. И впервые, после темной эпохи династических войн, делает-

ся попытка воскресить к новой жизни третейский суд. И эта попытка имеет место на американской почве. Как совершенно основательно указал Lammasch, в этом отношении выдающуюся роль сыграли американские юристы и особенно ст. секретарь Джон Джей (John Jay) (1). Согласно его отзыву и посланию конгрессу Вашингтона 9 февраля 1790 года Соединенные Штаты предложили Англии решить третейским судом спор о границах между Канадой и Штатами в районе реки Ст. Круа. Договор этот был подписан в 1794 году. Тот же договор установил и другие третейские суды по поводу конфискации Штатами имущества «лоялистов», т.е. оставшихся во время борьбы за независимость Штатов вernoподданными британской короны, и необходимости возместить причиненный им конфискацией ущерб и, наконец, еще и другой третейский суд по вопросу о вознаграждении американских судовладельцев за захват их имущества британскими военными судами и каперами. Эти третейские суды были только первой ласточкой и затмевались целому ряду сложных пограничных споров или притязаний иностранных подданных против государств, стали создаваться третейские суды и смешанные комиссии, которые не только произвели большую работу в смысле поддержания мира, но и приучили народы на американском материке к мысли, что прежде всего надо искать мирные способы разрешения своих споров.

Америка в этом смысле была учительницей старой Европы и указала ей тот единственный путь, по которому должно идти развитие международного права. Соединенные Штаты вынуждены были рано или поздно выдвинуть и другие начала и вступить в полосу длительного конфликта с Европой, где, после поражения Великой Французской Революции, началось укрепление реставрации, пытавшейся в лиц Священного Союза уста-

1) Lammasch. Die Lehre von der Schiedsgerichtsbarkeit in ihrem ganzen Umfange. 1913, стр. 30.

новить обязательный для всех народов строй неограниченной монархии.

Соединенные Штаты в своей конституции провозглашают принцип народовластия. Народ Соединенных Штатов, чтобы укрепить справедливость, обеспечить внутреннее спокойствие, внешнюю безопасность, гарантировать общее благо и свободу, установил и принял конституцию, в которой специально упоминается обязанность конгресса обеспечивать сохранение международных норм (Конституция 1787 года. 88).

Для европейских абсолютных монархий начала XIX века такие начала были плодом революционного безумия. Но эти начала неизбежно должны найти себе применение и к международным отношениям. На основе свободы и независимости своих членом пойдут порядки жизни современных государств и не сила, но право одухотворяет эту систему. «Нам говорят, что гром гремит далеко и что весь Атлантический Океан отделяет нас от возможной опасности и что, если опасность и грозит другим, мы все таки останемся невредимыми». Но это неправильно. Америка не может играть второстепенной роли. Как союз свободных государств, как великая республика, она не может помешать тому, чтобы ее принципы, ее чувства и ее пример не производили бы впечатлений на другие народы и не служили бы предметом надежд всего культурного мира. И в другом месте своей речи в 1823 году в конгрессе тот же американский политический деятель (Вебстер) утверждает: «Соединенные Штаты, как самостоятельная нация, заинтересована в том, чтобы система народных законов и система международного права удерживалась бы на благо всего человечества. Дух нового века, наша оживленная деятельность, торговые сношения, место, все более и более значительное, которое мы занимаем в отношениях между цивилизованными государствами, — все это тесно и неизбежно связывает нас с другими народами и нам чрезвычайно

важно, чтобы всегда охранялись те благотворные принципы, на которых основываются отношения народов. И мы имеем те же интересы ясные и бесспорные в поддержке международного закона, как индивиды имеем в поддержке закона общества». Америка протестовала против попыток Европы не допускать освобождения испанских колоний от метрополии и она должна протестовать против всяких попыток сильных держав угнетать слабую (речь Вебстера в конгрессе 8 сентября 1823 г.).

Американская традиция утверждает свободу и независимость граждан. Отсюда их право по собственной воле устанавливать у себя власть. И другие государства не могут поэтому покушаться на внутреннюю суверенитет народов. Но это не только чисто отрицательное начало и не простая запрятельная норма, но эта система, последним словом и завершением которой должно быть создание прочного международного правопорядка через обеспечение при помощи закона свободы и равенства всех членом международного объединения. И раньше Вебстера и Монроэ эти начала провозглашались Вашингтоном, а впрочем, что по образу и подобию Американских Штатов, возникнут Штаты Европейские и молодая Америка будет наставником и учителем старой Европы.

Мысли творцов американской демократии были живой силой в развитии отношений американских народов на новой основе, но вместе с ними из этих мыслей преемственно ведет свое происхождение план, возникший на Новом Свете во время мировой войны о том, что между народами должно быть создан порядок, где господствовать вместо силы будет справедливость. Корни такой идеи организации человечества лежат однако в живом примере самих Соединенных Штатов, история которых с первых дней своего существования является борьбой не только за материальные интересы, но и за вечные ценности права.

На американском континенте новые принципы международного правопорядка могли развиваться более мирно и последовательно, чем в Европе, где революционным началом, провозглашенным Францией, вызвали сразу решительную оппозицию династических государств, понявших всю опасность провозглашения принципов демократии и братства народов. В октябре 1796 года Екатерина II писала гр. Разумовскому, русскому послу при Вильямском дворе: «В этой борьбе народов против престола не столько идет дело о возстановлении во Франции порядка, сколько о том, чтобы обезопасить победу монархов над этими зловредными началами, жертвами которых прежде всего могут сделаться наиболее близкая к Франции владения» (2).

Революционная Франция неизбежно стремилась не ограничиться одним провозглашением новой системы сожительства народов, но она считала, что ее задача стать фактической руководительницей европейских народов, которые не свободно по простому соглашению должны превратиться в высшее правовое единство, но под водительством избранного народа, защищающего не только свое свободное существование, но и свободу всех наций Европы. *C'esta Dei per Francos* получало свой глубокий смысл в войну, ведомую французскими революционными крестьянами с реакционными монархиями Центральной и Восточной Европы. Распространение революционных начал приводит к колоссальному росту политического и культурного влияния французской державы, возросшей императорской Риме и объединяющей в одно целое ряд политических образований романских на юге и германских на северо-западе Европы. В революционной доктрине в сущности нет тех противоречий, в которых ее слишком часто упрекают. Она только сама переживает в короткий промежуток времени различные фазы развития и быстро переходит

2) Мартенот. *Соврем. межд. право*, I, 117.

от идеи свободного сожительства и свободного сотрудничества народов к идее создания принудительного порядка, неизбежно символизирующейся в принципе единой власти и единой воли.

Революция оперирует с понятием общественного договора. Она устанавливает, что общая воля, лежащая в основе всякого политического образования, служит общей пользе и является в сущности подчиненной интересам совокупности индивидов, образующих высшее единство. Это не принцип постоянства и абсолютности государства, но наоборот, подчиненность общей воле, которая сама может постоянно изменяться и не является жестким, неподвижным началом. Если же мотивы, побудившие индивидов создать единство, принимают иное направление и приводят людей к стремлению вместо одного образования создать два новых, то не может быть для этого никакого препятствия. Воля граждан определяет не только государственный строй, но и пределы распространения государства (3). Таким образом впервые намечается теория национальностей, как свободное объединение людей, могущих отвергнуть те условные территориальные границы, которые проведены не согласно требованиям разума и воли граждан, но иногда просто силой оружия или согласно династическим интересам.

Принцип национальностей в такой форме находит и свое практическое применение. Франция будет увеличивать свои пределы лишь при условии, что жители присоединяемых областей выскажутся за слияние с французским народом. Если Мирабо поворит, что уступка территории без опроса местных жителей есть акт насилия и тирании, то конституция 1793 года утверждает, что при аннексии территории кроме плебисцита нужно еще и отсутствие каких либо актов, свя-

3) Redslob. *L'Histoire des grands principes du droit des gens*. 1923, стр. 286.

звещающих жителей с другим государством.

В 1790 и 1791 г. г. впервые ставится эта проблема, когда идет вопрос о присоединении Авиньона. Петионы де Вилльеви уверяют, что значительное большинство населения высказывается за присоединение к Франции. Затем он провозглашает принцип, что каждый народ не только свободен устанавливать у себя государственный строй, но может всегда отказаться от своих старых подданных связей, чтобы соединиться с другим государством.

Но можно ли установить какие либо предѣлы или границы этому праву на национальное самоопределение? Петионы де Вилльеви пробует указать на то, что Авиньон имѣет еще и историческую индивидуальность и поэтому может вполне самостоятельно рѣшать самъ о своей судьбѣ (4).

Тоже самое повторяется и при обсужденіи вопроса объ Эльзасѣ. "Народъ Эльзаса присоединился къ французскому народу, потому что онъ самъ этого пожелалъ; его воля, а не договоръ въ Монстерѣ узаконили его соединеніе съ Франціей" (Марленъ ле Дуа въ 1790 году). И въ Савойѣ "Суверенное национальное собраніе аллоброговъ" въ 1792 году въ каедальномъ собраніи въ Шамбери объявляет о воссоединеніи съ французскимъ отечествомъ (5). Но надо отмѣтить, что на этотъ разъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, подобное свободное выраженіе национальной воли осуществляется въ присутствіи французскихъ войскъ.

Если въ основѣ государства лежитъ общая воля гражданъ, то король не можетъ заслонять народъ въ международныхъ отношеніяхъ. Король при старомъ режимѣ былъ олицетвореннымъ государствомъ. "Для всѣхъ французовъ король былъ какъ бы живымъ образомъ всей Франціи и любовь къ отечеству совпадала съ преданностью

4) Redslab. Op.cit., стр.286-287.

5) Redslab. Op.cit., стр.320.

къ монарху. Когда же перенесли суверинитетъ на народъ, нація заняла мѣсто короля, и любовь къ отечеству слилась съ уваженіемъ къ законамъ. Но, такъ какъ законъ долженъ покоиться на справедливости и, потому что справедливость основывалась на разумѣ и вслѣдствіи того, что Революція должна была утвердить господство разума и такъ какъ Революція осуществлялась не для одного народа, но для всего человѣчества, понятіе отечества стало такимъ же отвлеченно общимъ, какъ и понятіе закона. Создалось отечество для всего человѣчества и оно было всюду, гдѣ господствовалъ разумъ: патриотизмъ былъ равносильнъ преданности правамъ чловѣка и патриотъ былъ гражданиномъ всего свѣта (6).

Французская доктрина отвергла принципъ *международнаго права*, она впервые выдвинула понятіе *международнаго права*, какъ права *междугосударственнаго*, субъектами котораго являются суверенныя политическія образованія, пользующіяся безграничной внутренней свободой и внешней независимостью. Каждое государство имѣетъ свою сферу дѣйствія, гдѣ господиномъ является одно оно и куда другія государства не могутъ вмѣшиваться. Въ силу своей естественной свободы государство само устанавливаетъ у себя свой правопорядокъ и другимъ народамъ нѣтъ до этого никакого дѣла. Кондорсе утверждаетъ: "Каждая нація сама имѣетъ исключительное право давать себѣ законы... она имѣетъ и неотчуждаемое право ихъ изменять; пытаться силой отнять это право это значить стать врагомъ рода человѣческаго" (20 апрѣля 1792 годѣ). Но изъ этой общей нормы могутъ быть исключенія, когда съ противной стороны происходятъ правонарушенія и не соблюдаются нормы, являющіяся основными въ системѣ международнаго правопорядка.

Законодательное Собраніе въ 1791 году въ адресѣ королю по поводу приготовленій союзной коалиціи на

6) Sobal. L'Europe et la Révolution française. I, 1885. 538.

восточной французской границе говорить: «Скажите иностранным державам, что мы будем уважать их законы, их обычаи, их конституции, но что мы желаем, чтобы и к нашему строю относились с уважением. Скажите им, что, если немецкие государи будут продолжать свои приготовления, направленные против французов, мы вторгнемся в их пределы не с огнем и мечем, но со словом свободы. И пусть они сами решат, какая будут последствия пробуждения народов». На вмешательство во французские дела Революция отвечает вмешательством во внутренние немецкие дела.

В ноябре 1792 года депутат Нижнего Эльзаса Рюль сообщает, что часть граждан Майнца поставило ему вопрос, может ли этот город рассчитывать на помощь Франции, чтобы свергнуть иго деспотизма. Карра отвечает: Франция провозгласила суверенитет народов. И этот закон она признает не только для самой себя, но для всего мира. Следовательно, Франция должна оказывать содействие соседним народам, борющимся за высшее благо. Тогда Конвент одобряет эту идею и принимает знаменитый декрет, что Франции окажет поддержку и братскую помощь всем народам, поднимающим знамя восстания в борьбе за свою независимость. Генералы республиканской армии получают приказ поддерживать восставшие народы и защищать граждан, подвергавшихся преследованиям за дело свободы.

Но этот декрет всетаки не поколебал значения основного принципа невмешательства и ряд последующих законодательных актов, особенно постановление того же Конвента после протеста Англии подтверждают, что принципиально Республика не будет вмешиваться во внутренние дела других государств.

Теория международного права, как права между государствами, приводит к другим результатам. Если субъектами международных правоотношений являются государства, тогда можно точно провести границу в сфере военных действий, когда не частные лица должны

быть страдательной стороной, но лишь вооруженные организованные силы, выступающие от имени государств. Война не есть отношение индивидуумов к индивидуам, учит Рюссо, но государства к государству. Также идеи развивает и знаменитый призыв судьи Порталиса, когда он заявлял, что не между частными лицами идет война, между людьми, организованными государством в военные части (7).

7) В своей речи Порталис утверждает: «Мораль обязательна между народами, как и между людьми. Она — общий закон всего мира. Но между народами слишком мало средств заставить соблюдать предписания нравственности. Нации живут еще в естественном состоянии, т. е. в состоянии, когда каждый сам суверенный господин в оценке своих поступков и судья в своем собственном деле. Отсюда вооруженные столкновения, репрессалии, частая война, колеблющая державы и опустошающая весь свет. Каждый гражданин, независимо от своих частных интересов должен служить общему благу своего отечества. Государство должно заботиться не только о своих внутренних делах, но оно должно и способствовать общему благу объединения всего рода человеческого...»

Право войны основывается на том, что народ во имя своего самосохранения или для самозащиты желает, может или должен причинить насилем другому народу. Это отношение вещного но не личного характера и оно именно является войной: это отношение государства к государству, но не индивида к индивиду. Между двумя или несколькими воюющими нациями отдаленно люди этих наций враги лишь в силу случайности: они враги не как люди и даже не как граждане, они враги только как солдаты. Надо воздать должное философии, которая согласна этим первоначальным истинам многократно

Сама война, какъ насиліе одного народа надъ другимъ, не можетъ быть оправдана. Волькей утверждаетъ, что у народовъ нѣтъ права нападать на сосѣдей, похищать у него матеріальныя блага и лишать его свободы. Декретъ 22 мая 1790 г. допускаетъ только одну войну, когда дѣло идетъ объ отраженіи нападенія и защитѣ права. Всѣ другія войны преступны и незаконны и Жалле говоритъ, что народамъ также запрещается нападать на другую націю, какъ одному человѣку нападать на другого. И такое запрещеніе является лишь прямымъ выводомъ изъ общаго принципа свободы народовъ.

Для обезпеченія свободы и самостоятельности народовъ нужно ихъ общее соглашеніе. Національное Собраніе и Конвентъ постоянно возвращаются къ этой мысли. Нападеніе одного народа на другой не можетъ быть частнымъ дѣломъ двухъ государствъ, но является прямой угрозой для всѣхъ народовъ безъ исключенія. Государства должны всѣ объединиться, чтобы принять мѣры противъ правонарушеній, въ конечномъ итогѣ создавшихъ опасность независимости и спокойствію всего человѣческаго рода. Если же одинъ народъ угнетаетъ другой, онъ становится предъ лицомъ вѣчнаго правосуднаго бунтовщика и разбойника.

Революціонная доктрина вырабатываетъ и Декларацию правъ народовъ (Грегюаръ) и утверждаетъ принципъ, что народы образуютъ одно великое социальное един-

— призвала правительства Европы обезпечить въ договорахъ свободу и безопасность торговли во время войны, уваженіе къ произведеніямъ искусства и ко всякой частной собственности, но политика, еще не ставшая политическимъ правомъ, отказала пока въ признаніи обязательности за гѣми заключеніями, къ которымъ пришла философія". Рѣчь, произнесенная Португалисомъ при открытіи Призового Суда 14 февраля VIII года. Ср. Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens. II, 1865, 52-53.

ство. Та же сила, которая приводитъ къ соединеніямъ въ политическіе союзы людей, вызываетъ и объединеніе всѣхъ народовъ. Если основной нормой человѣческаго поведенія является нравственное требованіе къ каждому индивиду, чтобы онъ относился къ ближнему такъ, какъ желаетъ, чтобы относились къ нему, то такое же правило приимчиво и къ народамъ. Послѣдніе обязаны соединиться въ высшій союзъ для общаго поддержки и общаго блага. Война и стремленіе къ господству являются простыми заблужденіемъ. Настанетъ время, тогда народы поймутъ, въ чемъ ихъ настоящіе интересы и когда они протянутъ другъ другу руку для дѣла всеобщаго мира.

Сдѣлавъ уже вѣрить, что этотъ моментъ приближается, что изъ Европы можно создать государственное единство, что повсюду можно призвать къ жизни республики съ однороднымъ устройствомъ и что эти республики могутъ слиться въ одно высшее цѣлое по примѣру Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Такова была идеальная программа, намѣченная Французской Революціей, но фактически она осуществлялась не силою убѣжденія и не добровольнымъ соглашеніемъ, но насильственнымъ покореніемъ сосѣднихъ народовъ и вовлеченіемъ ихъ въ сферу прямого французскаго политическаго вліянія. Система военнаго расширенія приводитъ къ деспотизму и рожденію могущественной имперіи Наполеона. Въ это время въ первые годы XIX вѣка осуществляются черезъ пятьсотъ лѣтъ идеи Дюбуа объ осуществленіи мира въ Европѣ черезъ французскую державу. Наполеонъ какъ будто учитываетъ короткий промежутокъ времени, который ему данъ для осуществленія его грандіозныхъ проектовъ. Священная Римская Имперія германской націи перестаетъ существовать въ 1806 г. На Рейнѣ образуется Вестфальское королевство съ Герономомъ Бонапартомъ, въ Голландіи королемъ назначенъ Людовикъ Бонапартъ, въ Испаніи — Иосифъ Бонапартъ. Почти всѣ европейскія государства становятся на положеніи союзны и федеративнаго древняго Рима — импе-

гаторской Франции. Нужно только на континенте сломить Россию, на океане Англию и тогда Французская империя станет вселенской монархией.

Одно время Наполеон допускает идею диархии на континенте, чтобы уничтожить морское могущество Англии, но затем она оказывается несбыточной и война — последняя схватка двух великих империй — должна решиться, будет ли господствовать на Старом Свете единая власть или опять будет восстановлена анархическая система свободного сожительства многочисленных равноправных образований.

Россия выступает освободительницей Европы и она является силой, против которой коалиционные массы западно-европейские народы остаются безпомощными.

Империя Наполеона фантастически быстро разлагается на свои составные национальные части, но по объяснению одного историка *„Наполеон хотел сделать всех европеец одним народом при господстве одного права и при юрисдикции единого третейского суда“* (8). Попытка насильственного собирания Европы в один своеобразный союз в таком масштабе больше никогда не повторилась, но империя Наполеона не прошла бесследно, наложив на ряд народов печать новой культуры и нового права и эта печать оказалась неизгладимо следственною, чем само кратковременное европейское политическое объединение.

Французская Революция сделала попытку реформировать морское международное право. Если Руссо и Порталис были правы, настаивая на междугосударственном характере международного права и, если индивиды участвуют в войне только в качестве военного организованного элемента, тогда и на суше и на море частная собственность должна быть неприкосновенна.

8; Gerwinus. Geschichte d. XIX Jahrhunderts I bd., стр 6.

В 1792 г. депутат Керсент ставит в Национальном Собрании вопрос о необходимости издания декрета, определяющего отмену права морской добычи. Французское правительство, считая, что принятие подобной нормы в интересах всех континентальных европейских государств берет на себя инициативу для ведения переговоров и в целом ряде государств встречают самое благожелательное отношение. Соединенные Штаты, затем Австрия, Португалия, Дания, Тоскана, Генуя и Неаполь выражают свои симпатии французскому предложению. Из немецких государств торговый Гамбург даже заключает специальное соглашение с Францией о неприкосновенности частной собственности в морской войне. Но в этот же самый год начинается решительная борьба Франции с союзной коалицией и война принимает сразу чрезвычайно суровые формы.

Монархические державы после казни Людовика XVI считают, что Франция является не только простым воюющим государством, но врагом европейского порядка и всего рода человеческого. По отношению к Франции не может быть нейтральных и все европейские народы или открыто или косвенно должны помогать поражению новой революционной власти.

Затем выдвигается и другой мотив. Франция призывает себя призвать для защиты своих предельно весь народ, всех людей, способных носить оружие. Благодаря этому она ставит на ноги чрезвычайно многочисленную армию, отравая крестьян и рабочих от мирных занятий. Англия в своих интересах нейтральным считает особенно опасным создание такой вооруженной силы. И Англия подчеркивает, что такая всеобщая мобилизация мужского населения вызывает сокращение посевной площади и голод во Франции. Только при помощи нейтрального посредства зерна и предметов продовольствия французы могут продолжать войну. Нужно по этому утверждать революцию blockade Франции и тогда коалиция победит. Революция ваттель и Грочия укажет

вали на голод, как на средство войны, и во имя военной необходимости англичане пытаются изолировать Францию и через истощение вынудить ее к капитуляции.

Россия в этот период переданной через русского посла барона Крюднера 10 августа 1793 года в Копенгаген датскому правительству, настаивает на том, что в борьбе с Францией не может быть никакого нейтралитета, потому что Франция совершила отцеубийство, казнив короля и потому что она напала на соседей и объявила себя сторонником открытого возстания в других странах. По отношению к ней вся Европа находится в состоянии войны и, если некоторые государства и не желают выступить открыто, то они должны организовать экономическую блокаду Франции и должны прервать с ней всякие сношения.

Более осторожно действует Англия. В ряд инструкций и указов 1793 и 1794 г. г. определяется, что все нейтральные суда, перевозящие зерно или продовольствие, предназначенные во Францию, должны быть захвачены и отведены в английские порты, где британская власть имеет право выкупить захваченные грузы. Наконец, в других указах определяется захватить и для судов, ведущих торговлю между французскими колониями и метрополией. В этом конфликте Англия и ее союзники первые нарушают международные прецеденты и пытаются экономической блокадой добиться тех результатов, которые недостижимы для них на полях сражений.

Впоследствии, когда при императоре Павле Россия выходит из коалиции против Франции, она снова выступает сторонницей принципов вооруженного нейтралитета и в 1800 г. подписывает декларацию вместе с Данией, Швецией и Пруссией о защите прав нейтральных. Особенно важным для нейтральных была наличие права конвоя, обеспечивающего нейтральным торговым судам, сопровождаемым военными своей же нацио-

нальности, от насилий со стороны воюющих. На это Англия однако отвечает не только захватом шведских, датских и русских судов, но и нападением без объявления войны на Копенгаген и полным уничтожением датского флота (1801 г.). Дания была вынуждена отказаться от принципов вооруженного нейтралитета и ее примеру последовала и Россия после смерти императора Павла.

После того, как Наполеон становится господином Центральной Европы, борьба за владычество над морем с Англией принимает более ожесточенный характер. Попытки французского флота оспорить британское господство над океаном были неудачны. Наполеон выдвигает новую форму борьбы: торговую блокаду против Англии. По договору 1806 г. Пруссия обязалась закрыть доступ для английской торговли в Ганновер, устье Везера и Эльбы. В ответ на это двумя указами 18 апреля и 14 мая того же года Англия объявила блокамированным все северное побережье центральной Европы от Бреста до устья Эльбы.

На это Наполеон ответил знаменитым Берлинским декретом 21 ноября 1806 г., согласно которому британские острова объявлялись в состоянии блокады: всякая торговля и корреспонденция с Соединенным Королевством признавались запрещенными, все письма и пакеты, адресованные в Англию или направленные из Англии, подлежали конфискации, британские подданные, находившиеся в пределах Франции или ее союзников, объявлялись военнопленными, все английские товары подлежали конфискации и торговля ими провозглашалась недопустимой. Суммы, вывученные от продажи конфискованных товаров, должны были служить возмещением для французских и других коммерсантов, пострадавших от мер, принятых Англией. Нейтральные суда, направляющиеся из Англии или ее колоний, не должны допускаться во французские или союзные порты. Британское правительство на Берлинский декрет ответило объявле-

нием блокады всей Франции и всех ее союзников. Все суда, направляющиеся в блокированные порты или оттуда выходящие, со всем грузом подлежат конфискации.

Наполеон тогда Миланским декретом 17 декабря 1807 г. объявил, что нейтральные суда, направляющиеся из Англии или ее колоний, не только имеют закрытым доступ во французские или союзные порты, но подлежат захвату со всем своим грузом. В результате всех насильств над нейтральными Соединенные Штаты Америки должны были запретить своим подданным, согласно закону 1810 г., какую бы то ни было торговлю с воюющими.

К системе континентальной блокады были привлечены все государства Европы и только в 1812 г. Россия и затем Швеция отказываются быть орудием в руках Наполеона и с гибелью последнего надеются и попытка установить такие способы ведения морской войны, которые в сущности восстанавливают систему естественного состояния, когда границы права совпадают с пределами физической мощи.

Континентальная блокада, осуществляемая против Англии Наполеоном, была и полным отрицанием морского международного права и отрицанием прав нейтральных. Эта блокада не оказалась достаточно могучим средством, чтобы сломить британскую волю к победе, но она показала всю слабость и непрочность морских международных обычаев и прецедентов, была толчком к тому, чтобы позднее в половине XIX века было поднято вопль о частичной кодификации норм, регулирующих борьбу государств на море.

Значение просветительной философии и Американской и Французской Революций не ограничивается теоретическим оправданием народовластия и стремлением расширить идеи правопорядка до его всемирного и всеобщего воплощения. Просветительная философия явля-

ется исходной точкой для провозглашения начала космополитизма и *примата идеи человечества*. Ст. этой силой, центристической в смысле умиротворения международного права, борется *идея примата государства*, которая находит своих упорных апологетов и в XIX и XX веках.

Начало примата человечества и начало примата государства являются не только политической доктриной, но и реальной силой в истории международных отношений.

Необходимость сохранения государства выставляется, как начало, оправдывающее не только простые международные правонарушения, но и международные преступления. Принцип, что государство - начало и конец права, остается господствующей официальной доктриной, имеющей резко выраженный реакционный характер и пытающейся идеализировать готт строй международной анархии, который был установлен династическими монархиями в XVIII веке. Международное право есть внешнее право изолированных государств и каждое государство, даже поступая согласно международным нормам, действует совершенно автономно и независимо, и в сущности тут имеется только удивительный параллелизм разрозненных волей. Интересы государств оцениваются ими только индивидуально, а не с коллективной точки зрения.

Несмотря на развитие мирового хозяйства, несмотря на интенсивный обмен товарами и людьми, несмотря на рост и распространение внешне однородной культуры среди общества современных государств, государство всетаки является высшей формой политической интеграции, самым сильным и наиболее притягательным общением людей. В государствах право может быть лишь выражением соотношения между совершенно автономными единицами. Внутри территории власть принадлежит только государству, а во вне оно свободно. Нет ни обычных, ни прецедентных норм, ограничивающих свободу государства отвергать или заключать договор

ры (9).

Однако, государство не только историческая и органическая индивидуальность. Оно еще есть живое воплощение нравственного идеала и постоянное основание для нравственных требований по отношению к индивидуумам. Право государства поэтому является абсолютным и проявлением «правды мирового духа» и власть его непроеизводна, первоначальна и ничему больше неподчинена. Великие суверенной воли государства является последним источником всякого права (Гегель) (10).

Такое учение невидимо царило в немецкой школе юристов XIX века. Но их попытки оправдать или объяснить международное право или через самообязывание государств или через соглашения были и оставались совершенно бесплодными, потому что индивидуально и субъективно построить объективную систему права оказалось невозможным.

Как верно было указано одним из новейших исследователей, представление о сосуществовании множества субъектов права, какковые, несмотря на глубокое различие в величии, численности населения и реальных средств власти и господства, равны в правовом отношении, возможно лишь при допущении юридической гипотезы: что надъ этими социальными образованиями — государствами — стоит правопорядок, разграничивающий сферы господства отдельных государств и не допускающий вторжения одного государства в сферу другого (Kelsen).

Иначе можно сделать лишь одно заключение: между суверенными современными государствами нет и не может быть права и выше их нет поэтому и правопоряд-

9) M. Haber, Beiträge zur Kenntniss der soziologischen Grundlagen des Völkerrechts und Staatengesellschaft. Das öffentliche Recht der Gegenwart IV, 1910, стр. 56-134.

10) Hegel, Philosophie des Rechts, стр. 308 и т.д.

ка. Исходя из идеи примата государства, Лассон пошел к этим выводам.

Отдельные государства, как части, на которые распадается человечество, не могут сходить в общении на нравственных или правовых основах. Государство, как высшая моральная личность, не может творить правонарушений.

«Как волк и ягненок, как тигр и бык, никогда в реальной жизни не могут вместе кормиться, точно также и государства никогда между собой не установят братского соглашения и искренней любви».

Искони между государствами ведется спор из-за господства; он вспоминается всюду, где сталкиваются люди, сознающие себя разнородными по отношению друг к другу. Внутри государства этот спор регулируется юридическим путем. Вне государства и между государствами один исход: борьба. «Лишь тогда, когда один народ, поработав другой, является господином, а тот слугой, только тогда доказывает он свое превосходство; и доказать это нужно посредством физической силы и с таким мужеством, чтобы не бояться потерять все жизненные блага и даже саму жизнь, лишь бы утвердиться в свободе своего самопознания».

«Тот народ, который не питает ненависти к чужому, является жалким народом, недостойным самостоятельной жизни...» «Поэтому все отношения государств покоятся на острие меча» (11).

Отсутствие правопорядка выше государств приводит к состоянию непрерывной войны народов друг с другом. Доктрина может оправдывать вооруженное насилие и может создавать культ войны, но социальная потребности людей и народов вынуждают их искать пути мирного развития и мирного улажения конфликтов государств. Во имя запросов нравственности и тре-

11) Lasson, Princip und Zukunft des Völkerrechts, 1871, особ. стр. 23, 24, 25, 34 и 35.

бований религии люди ищут преодолѣния насилия и жизнь выдвигаетъ съ исторической необходимостью задачу, если не положить предѣлъ массовымъ кровопролитіямъ, то ограничить право народовъ во имя ненависти и разрушенія уничтожать или обращать въ рабство дру-гіе народы.

При такомъ мирозозерцаніи не государство, но че-ловѣчество является высшимъ и послѣднимъ идеаломъ въ социальныхъ отношеніяхъ. Вмѣсто христіанскихъ первоучителей апологетами примата челоѣчества выступаютъ представители научной или позитивной философіи, утверждающіе органическое единство всего міра и вѣрнѣе, что развитие вселенной въ поискахъ и достиженіи нрав-ственного идеала идетъ въ силу законовъ, могущихъ быть установленными съ такою же опредѣленностью, какъ и въ областяхъ точнаго знанія.

Въ началѣ XIX вѣка проповѣдникомъ новыхъ идей является Сень-Симонъ во Франціи, утверждающій, что по-литическая свобода и идея народоправства были лишь одною изъ цѣлей социального развитія, но что въ даль-нѣйшемъ жизнь выдвигаетъ новыя начла. Нельзя думать, что социальные противорѣчія могутъ быть разрешены на основѣ индивидуализма и свободной конкуренціи. Нужно организовать новое производство на основѣ принципа ассоціаціи, что приведетъ къ упроченію чувства соли-дарности и братской преданности. Вмѣсто ожесточенной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ надо организовать плано-мѣрное завоеваніе и использование силъ природы. Власть должна сблизиться съ рабочимъ классомъ для защиты его противъ капитала. Въ своемъ «Новомъ Христіанствѣ» Сень-Симонъ говоритъ о гѣхъ религиозныхъ требовані-яхъ, которыя выдвигаетъ современное европейское созна-ніе: «Всякое общество должно заботиться о возможно болѣе быстромъ улучшеніи нравственного и физическаго состоянія самого бѣднаго класса. Оно должно быть ор-ганизовано такъ, чтобы осуществлять эту цѣль».

Такия задачи не могутъ осуществляться усилиемъ

отдѣльныхъ народовъ. Для этого нужны объединенныя уси-лія государствъ всего міра, и Сень-Симонъ нѣсколько разъ возвращается къ мысли о международной органи-заціи челоѣчества. Народы въ своей совокупности то-же должны ссуществовать принципъ ассоціаціи. Въ своей «Реорганизациіи европейскаго общества» и въ «Мѣншіяхъ по поводу мѣръ противъ коалиціи 1815 г.» Сень-Симонъ желаетъ установленія въ Европѣ твердаго правопоряд-ка. Онъ, подобно Канту, настаиваетъ на необходимости однороднаго конституціоннаго устройства у членовъ ев-ропейскаго союза, онъ признаетъ обязательнымъ устрой-ство постоянного международного суда и кодификацію международного права, но особенно энергично онъ на-стаиваетъ на принципахъ экономической организациі мі-ра, на устройствѣ въ грандіозномъ масштабѣ работъ, имѣвшихъ мировое значеніе, въ видѣ, напримѣръ, прорытія каналовъ и въ планомерномъ переселеніи избытковъ жи-телей изъ однихъ странъ въ другія. Не только формаль-но должно быть признано единство надъ-государствен-наго порядка, но на этомъ порядкѣ лежитъ обязанность создать хозяйственную организацию международныхъ сно-шеній и такимъ путемъ повести наиболѣе прочный фун-даментъ подъ новымъ надъ-государственнымъ строемъ.

Ученикъ Сень-Симона Контъ провозглашаетъ глав-нымъ предметомъ религіознаго почитанія Великое Суще-ство - Челоѣчество, которое является и внутреннимъ и вѣншимъ единствомъ. Индивидуальный челоѣкъ, социаль-ныя группы и государства только абстракціи, которыя не имѣютъ реального существованія. Общій порядокъ вѣшняго міра находитъ свое воплощеніе въ органиче-скомъ единствѣ и солидарности живущаго на землѣ че-ловѣческаго рода. Внутреннее субъективное единство или душа Великаго Существа образуется единеніемъ въ силу любви какъ съ нимъ, такъ и индивидуальныхъ душъ между собой. Каждый индивидъ переживаетъ двѣ стадіи: прижизненную, когда прямо и непосредственно происхо-дитъ служеніе челоѣчеству, и посмертную или вѣчную,

когда слушание пребывает в своих результатах в памяти потомков. Живущее меньшинство людей связано большинством отошедших. Процесс развития человечества состоит в том, что судьбы людей и народов все меньше определяются их волей и все больше высшим от них независимым началом. Критический дух и стремление к эмпирии это бунт живых против мертвых, индивидуального принципа против собирательного. Позитивизм вместо божества создает поклонение человечеству и в последнем итоге стремился к сократизму, организации всенародного единства на основах совершенной и всеобщей нравственной солидарности (12).

Последователь Конта Спенсер вводит, что эволюция человечества идет по непрерывной восходящей линии к царству права и справедливости. Социальная жизнь автоматически ведет к тому, что ложное представление сопровождается бедствиями, вызываемыми истинное представление. Происходит своеобразное педагогическое воздействие, как результат несоблюдения правовых норм. Люди и народы понемногу приучаются не вторгаться во взаимные сферы и эти вторжения, которые сначала образуют бурные колебания, становятся все слабее и в конце концов исчезают, уступая место устойчивому долговременному равновесию. Последнее вовсе исключает насилие (13).

Космополитизм был могущественной силой, породившей не только движение в пользу мира в разных странах Европы, но он был лозунгом и политическими партиями, принявшими название интернациональных (международных) и думавших через провозглашение профессиональных лозунгов объединить пролетариат разных стран, считая, что рабочий класс стоит выше национальных и государственных предрассудков. Об

12) O. Comte. Cours de la philosophie positive, t. VI.

13) Спенсер. Справедливость, перев. Филиппова 1898.

формы движения в пользу всеобщего мира пережили тяжелый кризис во время великой войны, но затем при попытках великих держав создать всемирную мирную организацию они получили сильнейший стимул к дальнейшему своему развитию.

Идея примата государства является началом, враждебным международному праву, идея примата человечества недостаточно ясно и определенно утверждает тот основной принцип, что всемирная организация может быть только *humanitas nationum*, как учил в XVII в. Вико. Современные народы и национальности стремятся к все большей сложности своего состояния, они добиваются своего единства, преодолевая внешние препятствия, затрудняющие их рост и, наконец, они стремятся возможно точнее координировать отношение друг к другу. Народы провозглашают свою свободу, независимость и равноправие перед высшим порядком. Они хотят, чтобы их субъективные основные права пользовались защитой всего человечества и они желают иметь гарантии, чтобы территориально их не расчленили по праву более сильного. Всемирный порядок не дѣлает из людей мировых граждан, нигде не имеющих своего отечества, но дает им возможность найти свое национальное приютище и свою родину, существование которой стоит под охраной надгосударственного права. Подобно небесному государству Блаженного Августина, международный правопорядок зовет на свое лоно все народы и все племена, не заботясь о глубоких различиях в их строе и языке. И он не только зовет народы на свое лоно, но он берет на себя обязанность стоять на страже тех национальных сокровищ, которые были сбережены народным духом и которые являются высшей ценностью для всего человечества.

Глава XVII.

§53. Международные отношения до 1856 г.: Вильский конгресс, Священный Союз, теория высшества. Восточный вопрос. Борьба Италии и Германии за национальное объединение. Берлинский Конгресс 1878 г. §54. Вооруженный мир и колониальное расширение великих держав (1878 г.—1914 г.).

В результате войн, вызванных в Европе Французской Революцией и Наполеоном, начинается своеобразное национальное пробуждение, принимающее не только форму политической борьбы, но еще и культурного возрождения. Современники чувствовали, что начинается новая эпоха в жизни народов и что все военные потрясения не могли пройти совершенно бесследно. Франция в конечном итоге осталась раздавленной европейской коалицией, но она сохранила свои границы, сохранила принцип новой гражданственности и ее принципы были ферментом новых народных движений, загоравшихся то на Пиринейском, то на Аппенинском, то на Балканском полуостровах, то, наконец, в Центральной Европе. Однако, это национальное духовное возрождение открывает начало национального самоопределения со стороны свободной совокупности людей (*nationalité élargie*); наоборот, оно утверждает «любовь к свободной исторической». Ренан мог упрекать значительно позднее Штрауса, что немцы в противоположность французам создали культ исторической индивидуальности: «Вы подменили знамя политики этнографической и археологической вместо политики либеральной. Мы же создали нашей революцией сознание народов».

Такой же характер воскресения исторических традиций имеет национальное движение в Италии и славянском мире, где оно тоже открытие историков и лингвистов, являющихся горячими протажистами идеи политического возрождения своих угнетенных народ-

ностей. В 1810 г. де Сталь в своей книге о Германии указывает, что государство должно совпадать с национальностью, единством во силу общего языка, права и обычая. И в это же самое время на Балканах сербский народ уже ведет свою героическую борьбу за национальное освобождение, почти одинокой, без помощи близкой Австрии и более далекой России.

Но державы, победительницы Франции, меньше всего отдавали себе отчет в значении того движения, которое начинало охватывать всю Европу. После того, как с Францией был заключен первый мирный Парижский договор (1814 г.), по которому новые французские границы восстанавливались в том виде, в каком они существовали к 1-му января 1792 г. (14), союзники решили окончательно урегулировать территориальный порядок Европы на общем конгрессе в Вьне.

Вильский конгресс 1815 г. (15).

Первые после Вестфальского мира 1648 г. государства Европы стояли перед решением целой совокупности сложных проблем, причем важную роль играл снова вопрос о перераспределении германских территорий и о новом строе для союза немецких государств.

Для дипломатии школы Меттерниха не нужно было вообще руководствоваться какими-либо общими принци-

- 14) По второму мирному Парижскому договору 1815 г. Франция получила границы 1790 г.
- 15) Angeberg. Le congrès de Vienne et les traités de 1815. 1863. Flassan. Histoire du congrès de Vienne 1829. De Jaucourt. Correspondance du ministre intérimaire des affaires étrangères pendant le Congrès de Vienne. 1905. Pradt. Le congrès de Vienne. 1815. Документы у Klüber. Akten des Wiener Kongresses. I-IX. 1815-1835. Мартенс. Собрание трактатов, т. III, N 79-86.

нами и всё споры и конфликты можно было разрешить лишь на основѣ компромиссовъ и обоюдныхъ уступокъ. Наоборотъ, Таллейранъ съ большимъ блескомъ защищалъ идею легитимизма и политическаго равновѣсія. Стремленія Россіи сохранить единство Польши подъ условіемъ ея присоединенія къ Россійской Имперіи и желаніе Пруссіи захватить всю Саксонію оправдывали точку зрѣнія французскаго дипломата, добившагося заключенія формальнаго союза съ Англіей и Австріей противъ Россіи и Пруссіи.

Наконецъ, Александръ I выработалъ инструкціи, прямо противоположныя по своему характеру оппортунизму Меттерниха и легитимизму Таллейрана. Русскій императоръ хотѣлъ предоставить народамъ «выгоды представительной системы» и онъ думалъ, что тогда рѣшенія конгресса стали бы дѣйствительно прочными и постоянными. Европейская политика должна «изучать и собираться съ нравственнымъ положеніемъ различныхъ народовъ, чтобы согласно съ этою общою точкою зрѣнія опредѣлить территориальный составъ, внутренне порядки, а равно и взаимныя отношенія государствъ, соединеніе которыхъ съ этихъ поръ должно было составить великую европейскую семью».

Однако, Александръ I не отличался большою рѣшительностью и его ближайшіе сотрудники мѣняе всего почувствовали «представительной системѣ». Взгляды Меттерниха и Таллейрана взяли верхъ и по всей вѣроятности мирный конгрессъ закончился бы разрывомъ въ виду оппозиціи Австріи, Англіи и Франціи притязаніямъ Россіи и Пруссіи, если бы возвращеніе Наполеона не привело бы къ новой короткой войнѣ, закончившейся пораженіемъ при Ватерлоо.

28-го мая (9-го іюня) 1815 г. былъ подписанъ актъ Вѣнскаго Конгресса.

Вопреки желаніямъ Александра I конгрессъ санкціонировалъ во имя принципа равновѣсія новое расчлененіе Польши. Восточная Галиція съ Тарновомъ, присое-

диненная къ Россіи въ 1809 г., возвращалась Австріи. Часть Западной Галиціи съ Краковомъ образовывала небольшую постоянно нейтральную Краковскую республику, существовавшую до 1846 г., когда она была захвачена Австріей. Познань и Западная Пруссія оставались во владѣніи прусскаго короля, а Россія получала остальную часть герцогства Варшавскаго, причѣмъ Александръ I далъ обязательство обезпечить польскому народу представительныя учрежденія.

Австрія восстанавливала свои прежнія границы и въ Сѣверной Италіи захватывала Ломбардію и Венецію.

Въ Германіи Пруссія получала значительную часть Саксоніи, рядъ областей по Рейну и въ Вестфаліи.

Изъ Германіи создается конфедерація подъ названіемъ Германскаго Союза. Секретная нота графа Нессельроде еще въ 1814 г. (11 ноября) указывала на значеніе для Россіи существованія отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, объединенныхъ лишь слабою политическою связью. Это самый вѣрный способъ «обрѣсти Европѣ ручательство во внутреннемъ спокойствіи Германіи и надѣлжу, что силы, доселѣ подчиненныя единоличному распоряженію, будутъ обращены въ пользу общую». Вѣнскій трактатъ спеціально упоминаетъ, что цѣль Германскаго Союза — охраненіе независимости и территориальной неприкосновенности его членовъ и признаніе ихъ полнаго равенства. Въ союзъ входятъ, кромѣ владѣтельныхъ германскихъ государей и вольныхъ городовъ, императоръ австрійскій, короли прусскій, датскій и нидерландскій. Но въ Германскомъ Союзѣ фактически преобладающую роль должны играть Австрія и Пруссія и борьба между ними во второй половинѣ XIX вѣка окончательно рѣшитъ вопросъ о господствѣ въ пользу монархіи Гогенцоллерновъ.

Бельгійскія провинціи, ранѣ принадлежавшія Австріи, были присоединены къ Голландіи, которая получила названіе королевства Нидерландскаго. Это королевство должно было воскресить систему вѣснаго барьера противъ Франціи.

Швейцарія получала обратно всё свои территории. Вместе с тем в текст договора державы подтвердили, что «нейтралитет и неприкосновенность Швейцарии, точно также как и ее полная независимость от иностранного влияния, соответствуют истинным интересам европейской политики».

Королевство Сардинское присоединило Геную и вынуждено было признать два свои северо-восточные провинции (Шабла и Фосинья) нейтрализованными.

В Италии из цбломъ рядъ княжествъ въ Тосканѣ, Пармѣ, Пьяченцѣ, Гвастальѣ, Моденѣ и въ другихъ были посажены принцы изъ Габсбургской династии, а въ Неаполѣ были восстановлены Бурбоны.

Вѣнский конгрессъ вмѣстѣ съ тѣмъ санкционировалъ колониальныя и морскіе захваты Англии, наложившей во время Наполеоновскихъ войнъ свои руки на Мальту, Гельголандъ (въ Европѣ), на Тобаго, Тринидадъ, С. Лючію и Гайяну (въ Америкѣ), на Сейлонъ (въ Азіи) и на Капскую колонію, захваченную у голландцевъ (въ Африкѣ).

Кромѣ условій политическихъ и территориальныхъ Вѣнскій конгрессъ сдѣлалъ робкіе шаги для кодификаціи нѣкоторыхъ нормъ матеріальнаго права. Въ частности впервые намѣчена общія регулюровка свободы судоходства по европейскимъ рѣкамъ, затѣмъ установленъ рангъ дипломатическихъ агентствъ и высказано пожеланіе о запрещеніи торговли неграми.

По первому вопросу на конгрессѣ было принято во вниманіе особое положеніе въ смыслѣ торговыхъ сношеній международныхъ рѣкъ, т. е. рѣкъ, протекающихъ по территории различныхъ государствъ. Судоходство по такимъ рѣкамъ объявлено свободнымъ для всехъ народовъ и точно установлены одинаобразные сборы для поддержанія въ исправности фарватера и береговыхъ знаковъ. Въ приложеніи къ договору помѣщены регламенты судоходства по Рейну, Неккару, Майну, Мозелю, Мазсу и Шельдѣ.

Что касается установленія ранга пословъ, то согласно регламенту 19 марта 1815 года были установле-

ны три класса дипломатическихъ представителей:

- 1) Послы, легаты и нунции (ambassadeurs, légats ou nonce).
2) Посланники (envoyés, ministres ou autres accrédités auprès des souverains).
3) Повѣренные въ дѣлахъ (chargés d'affaires accrédités auprès des ministres des affaires étrangères).

(Протоколомъ Ахенскаго конгресса 1818 г. великія державы создали еще классъ министровъ-резидентовъ, ministres résidents, которые заняли мѣсто между посланниками и повѣренными въ дѣлахъ).

Наконецъ, послѣднимъ вопросомъ была декларация съ пожеланіемъ запрещенія торговли неграми. Въ XVIII вѣкѣ англичане по Утрехтскому миру получили монополное право отъ Испаніи на ввозъ негровъ въ Америку (договоръ Assiento), но послѣ провозглашенія независимости Американскихъ Штатовъ и завоеванія Индіи торговля эта потеряла для англичанъ свое значеніе и английское правительство выступило самымъ энергичнымъ поборникомъ запрещенія торга н-вольниками. Въ эгомъ смыслѣ Вѣнскій конгрессъ не создаетъ обязанности для договаривающихся сторонъ. Онъ только обращается къ всемъ государствамъ съ пожеланіемъ, соответствующимъ требованіямъ религіи и нравственности, и это являлось первымъ толчкомъ къ тѣмъ длительнымъ переговорамъ и многочисленнымъ соглашениямъ, которые были заключены въ XIX вѣкѣ и которые ставятъ своей цѣлью провести рядъ практическихъ мѣръ для окончательнаго подавленія негроторговли.

Священный Союзъ и торія вмѣшательства (16).

Реакціонное движеніе, направленное противъ принциповъ народовластія и противъ національнаго пробуд-

16) Brockhaus. Das Legationsprinzip. 1866. Gorres.

ждения, находить свое выражение в знаменитом акте 14-го (28-го) сентября 1815 г., утверждающим между монархами России, Пруссии и Австрии Священный Союз. Последний основывается на личных патримониальных началах и является соглашением Александра I, Франца I и Фридриха-Вильгельма III, противоположающим права монархов правам народов. Правда, как отмечает русский исследователь С. А. Котляревский, по мысли Александра I, монархи являются истолкователями цблей и задач государства, как посредники между волей Провидения и интересами народов, но они всетаки являются истолкователями безответственными и неограниченными. (Впоследствии к Священному Союзу присоединились почти все европейские государства кроме Англии, Турции и Папской области) (17).

В акте Священного Союза говорится, что государства, подписавшие акты, должны „открыть предъ лицомъ селенной ихъ непоколебимую рѣшимость, какъ въ управленіи върненными имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не какими-либо иными правилами, какъ заповѣдями святой вѣры, правды и мира (18). Такая цель однако была лишь формой, прикрывавшей совершенно иное содержание. Союз фактически сталъ твердой опорой не мира, но насильственной защиты династическихъ интересовъ Габсбургонъ, Бурбоновъ, причемъ постепенно оброставалась и главная его задача, сводившаяся къ обобщенной перестраховки правъ монарховъ занимать принадлежіе имъ престолы. Для легитимистической системы Меттерниха это однако было недостаточно. Надо было создать

Die Heilige Allianz und die Völker. 1859. Mühlenbeck. Les origines de la Sainte Alliance. 1888.
 17) С. А. Котляревский. Витиния полигика и правовое государство. 1909, стр. 281.
 18) Мартенсъ. Совр. межд. право, I, 162. Мартенсъ. Собрание трактатовъ, т. IV, ч. I, N 39.

систему однородныхъ неограниченныхъ монархическихъ воровозаній для того, чтобы нигдѣ въ Европѣ не оставалось бы такого живого центра, гдѣ билось бы отчетливо народная жизнь и который бы сталъ бы притягательной силой и яркимъ примѣромъ «представительной системы».

Въ различныхъ конгрессахъ, гдѣ рѣшались судьбы Европы членами Священного Союза, проблема авторитарнаго вмешательства во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ выдвигалась неоднократно.

На первомъ конгрессѣ послѣ мира, заключеннаго въ Вѣнѣ, въ Ахенѣ въ 1818 г., на которомъ присутствовали императоры Русскій и Австрійскій и король Прусскій, были приняты мѣры для облегченія положенія Франціи. Срокъ оккупации союзными войсками французской территории былъ сокращенъ и была уменьшена контрибуція, лежавшая на Франціи. Особая декларация подтверждала тѣсный союзъ трехъ монарховъ и объявляла, что союзники въ отношеніяхъ между собою и къ другимъ государствамъ будутъ руководствоваться началами международного права. Конгрессы или конференціи должны собираться и на будущее время для рѣшенія европейскихъ вопросовъ и осужденія просьбы о помощи со стороны законныхъ правительствъ противъ народныхъ движеній. (19) Однако послѣдняя, однако усиливались въ рядѣ странъ и особенно въ Германіи, въ виду чего на совѣщаніи въ Карлсбадѣ въ 1819 г. представители различныхъ немецкихъ государствъ выработали суровыя мѣры, направленные къ ограниченію свободы собраній и свободы слова. (20) Въ слѣдующемъ 1820 г. уполномоченные Австріи, Пруссіи и Россіи собрались на конгрессѣ въ Троицкѣ и въ слѣдующемъ году въ Лаиогахъ. Причиной этихъ конгрессовъ было революціонное движеніе въ Испаніи, Португаліи и Сардиніи. Въ Ливбахѣ было рѣшено поручить австрійскимъ войскамъ охранять пограничье въ Неаполѣ и аннулировать конституцію, даванную королемъ народу инакомъ 1801 г. (21) Этого было

Декларация конгресса в Троннау говорит, что государства члены союза не могут допускать изменений в своем внутреннем строе революционным путем. В таком случае они исключаются из союза, а Австрия, Пруссия и Россия принадлежат право не признавать подобных перемены, которая вообще действуют заразительно и представляют международную опасность. Сначала Австрия, Россия и Пруссия примыкают дружеские союзы, а затем могут прибегнуть и к силе.

Испанская революция вызвала конгресс в Вероне (1822 г.), где было решено поручить Франции восстановить порядок в Испании. Напрасно кардиналь Спика предостерегал против политики вмешательства, указывая на то, что в Италии ненависть к Австрии, пытавшейся играть роль блюстителя порядка на Аппенинском полуострове, укоренилась глубже, чем влияние карбонариев. В декларации Веронского конгресса требовалось от европейских держав, чтобы они не только по форме, но и по духу поддерживали бы основы существующего европейского порядка. Против экзекуции в Испании заявили решительный протест британский министр-президент Каннинг. В разговор с французским послом в Лондоне он говорил: "... вы предпринимаете крестовый поход ради политической теории: разве вы не знаете, насколько эта система нам ненавистна и насколько британская система есть результат побед, одержанных подданными над их монархом?" (19).

19) Однако, нельзя упускать из виду, что англичане тоже допускали ряд исключений из основного принципа невмешательства. Каннинг формулировал английские принципы, указавши, что британское правительство допускает вмешательство лишь в случае, когда возникает непосредственная опасность для одного государства или когда жизненные интересы его нарушены внутренними событиями другого государства (1821 г.). Герцог Веллингтон выска-

Новое национальное и революционное движение вызывает тяжелые конфликты на Балканах. Греческий народ борется за свою независимость против турецкого султана и, если Меттерниху удалось удержать Александра I от помощи грекам, то Николай I, не смущаясь нападками и упреками со стороны австрийского двора, вступает в соглашение с британским правительством Каннинга в 1826 г. Через год к соглашению присоединяется Франция и дело доходит послѣ Наваринского боя до открытой военной помощи России возставшей Греции. По Адрианопольскому миру России с Турцией признается независимость Греции в 1829 г. и в 1830 г. на основании Лондонского протокола подтверждается международное признание греческого королевства.

В момент революционных потрясений 1830 г., когда почти одновременно вспыхнула революция во Франции, Бельгии и Польше, Австрии, Пруссии и России еще раз подтверждают свое согласие в борьбе с опасностями, вызываемыми народным восстанием, но вернуть прежнюю силу Священному Союзу было уже невозможно. Открытая оппозиция Англии, Соединенных Штатов Америки, не желавших допустить вмешательства европейских держав в борьбу южно и центрально-американских колоний за свое освобождение, зарождение новой французской власти, установленной народом через революцию, и, наконец, появление таких новых свободных государств, как Греция - все это подрывало авторитет трех монархий, желавших видеть в Европе

заль еще более широкое толкование, допустив вмешательство, когда затрагиваются жизненные интересы британских подданных (1822 г.). См. Bonfils-Fauchill. Manuel de droit intern. 1913, стр. 178. Ср. также Kamptz. Völkerrechtliche Erörterung des Rechts der europäischen Mächte in die Verfassung eines einzelnen Staates sich einzumischen. 1821 и Rotteck. Das Recht d-s Einmischung. 1845.

спокойствие кладбища. Несмотря на свой неизбежный конец, Священный Союз был в истории международного права одной из редких попыток организовать в большом масштабе принуждение в жизни народов, причем это принуждение направлено не против правонарушений, но против одного из основных принципов международного права: против свободы народов в их внутреннем самоуправлении.

Священный Союз однако был безсилен помешать революции в Бельгии и провозглашению бельгийским народом своей самостоятельности (1830 г.). При добрососедательном отношении Англии и Франции, в силу Лондонского договора 1831 г., Бельгия была объявлена самостоятельным и постоянно нейтральным государством. Признание самостоятельности новой державы со стороны Голландии последовало только в 1839 г.

Восточный вопрос и Крымская война 1853 г. - 1856 г. (20).

Турецкая империя, будучи государством национальностей и не имея возможности создать прочную связь между различными своими землями, соединенными лишь простым военным насилием, переживает в первую половину XIX века длительный болезненный кризис. Почти одновременно с греческим возмущением начинается

20) Маттенсон. Соорание трактатов, т. XII. 1898 (очерк дипломатических переговоров, предшествовавших Крымской войне). Ancien diplomate. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée. I-II. 1874. Berner. Die Orientfrage beantwortet durch die Verträge von 1856 und 1878. 1878.

Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat, v. I. 1881. Torcsda. La question d'Orient. Revue des deux mondes. 1854. Gourdon. Histoire du Congrès de Paris. 1857. De Moncault. Le traité de Paris et ses suites. 1898.

борьба Египта с центральной османской властью. Когда в 1833 г. Мехмет Али во главе египетской армии угрожает Константинополю, турецкий султан обращается за помощью к России и русский флот выходит в Босфор, а русский экспедиционный корпус высаживается на берег в непосредственной близости от столицы османов. По Ункларь-Искелесскому договору, заключенному в том же году, Турция согласна принимать военную помощь со стороны России и в будущем и в отъез на это со своей стороны обязуется закрывать Дарданеллы для других иностранных военных судов.

Но через семь лет, когда опять возникает опасность для султана со стороны Мехмета-Али, которого открыто поддерживает Франция, для привлечения Англии на русскую сторону, канцлер гр. Несельроде счел возможным отказаться от того исключительного положения, которое занимала по отношению к Турции Россия с 1833 г. По договору о проливах 1840 г. и 1841 г. Босфор и Дарданеллы, пока Турция находится в мире, закрываются для всех иностранных судов (включая и русских). Таким образом устанавливается новое правило, имевшее некоторый смысл только в том случае, когда Россия воюет с морской державой, а Турция в этой войне сохраняет нейтралитет. Такого случая не произошло ни разу ни в XIX, ни в XX века, а принцип закрытия проливов косвенно подтвердил несуществующее право Турции распоряжаться проливами не в интересах прибрежных черноморских держав и всего международного общения, но исключительно с чисто эгоистической своей точки зрения.

Однако, несмотря на уступки европейским державам, Николай I упорно желал рассматривать Турцию, как умирающее государство, подлежащее разделу. Выбрав с тем Россия настойчиво охраняла права, которые вытекали из Кучук-Кайнарджийского договора и которые давали русским широкую возможность оказывать покровительство христианским народностям в империи ос-

томанов. Возникновение съ Франціей спора о Святыях мѣстах послужило поводомъ къ открытому столкновѣнію съ Турціей, поддержанной Англіей, Франціей и Сардиніей. Вышательство Австріи и Пруссіи вынудило Россію капитулировать и согласиться на суровыя условия Парижскаго мира 1856 г. Право покровительства христіанамъ перестало быть привилегіей Россіи и дѣлается общимъ правомъ европейскаго концерта.

Россія соглашается на своеобразную и унижительную нейтрализацію Чернаго моря, сводящуюся къ тому, что Турція и Россія обязуются имѣть въ Черномъ морѣ лишь определенное количество легкихъ военныхъ судовъ, не имѣть военно-морскихъ базъ и разрушить существующія укрѣпленія. Такъ какъ Турція сохраняла право держать военный флотъ, она тѣмъ самымъ получала военно-морское преимущество надъ Россіей. Между Днѣстромъ и Прутомъ Россія теряла Бессарабію, которая отходила къ Молдавіи и Валахії, составившихъ два отдѣльныхъ государства, князья которыхъ утвердились Портой.

Сербіи тоже была предоставлена почти полная независимость и было сохранено только утверждение сербскаго князя султаномъ.

Наряду съ этимъ было въ третій разъ подтверждено начало полного закрытія Босфора и Дарданель для прохода военныхъ иностранныхъ судовъ.

На Дунаѣ судоходство было объявлено свободнымъ и были созданы двѣ Рѣчные Комиссіи Прибрежная и Общая, функціи которыхъ сводились къ осуществленію работъ для обезпеченія плаванія по Дунаю. Прибрежная комиссія должна быть постоянной, а Общая должна выработать планъ работъ и затѣмъ прекратить свое существованіе.

Политическія условія Парижскаго договора не оказались долговѣчными. Въ 1859 г. произошло объединеніе Молдавіи и Валахії въ одно Румынское княжество, преобразованное впоследствии въ королевство и добившееся полной самостоятельности въ 1878 г.

Нейтрализація Чернаго моря была односторонне отвергнута Россіей въ 1870 г. и русскіи канцлеръ и Губернаторъ указывали на фактъ нарушенія нормъ Парижскаго договора и морской вооруженія Турціи въ Архипелагѣ, какъ на мотивы, побудившіе русское правительство ликвидировать «нейтрализацію» Чернаго моря. Протесты Англіи и Франціи не помѣшали тому, что на конференціи въ Лондонѣ въ 1871 г. русская точка зрѣнія получила официальное признаніе и Россія получила возможность полного осуществленія своихъ верховныхъ правъ въ Черномъ морѣ.

Кромѣ разрѣшенія политическихъ и территориальныхъ проблемъ, Парижскій конгрессъ 1856 г. дѣлалъ попытку частичной кодификаціи морского международнаго права и это было однимъ изъ наиболее важныхъ результатовъ его дѣятельности (см. ниже лг. XIX §57).

Борьба Италіи и Германіи за національное объединеніе (21).

Національное движеніе съ особенной силой проявилось въ Италіи и Германіи, которая долгія столѣтія, несмотря на богатую культурную жизнь, въ политическомъ отношеніи были только «географическимъ понятіемъ» и какъ будто не сознавали значенія государственнаго единства. Реакціонная политика Габсбурговъ, ихъ господство на сѣверѣ Италіи и тяжелая опека надъ всѣмъ Апеннинскимъ полуостровомъ, обострила народное движеніе, сначала прорывавшееся лишь спорадическими вспы-

21) Bourgeois. Manuel de la politique étrangère. III. 1910. Stern. Geschichte Europas seit 1815. bd. I-VIII. 1894-1920. Orsi. Italia moderna. Storia degli ultimi 150 anni. 1901. Friedjung. Die Einigung Italiens und Deutschland. 1859-1866 (Helmoltz Weltgeschichte VIII bd.). 1921. Friedjung. Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland. 1859-1869. 8 aufl. 1910.

шкемы то в Неаполь, то в Сардинии, то в папских областях и наконец получившее общій политическій центр и руководство въ наиболее значительномъ политическомъ образованіи - Пьемонтскомъ королевствѣ. Въ 1849 г. итальянцы оказались разбитыми австрийскими войсками, но въ 1856 г. на конгрессѣ въ Парижѣ министръ иностранныхъ дѣлъ короля Сардиніи Кавуръ доказывалъ недопустимость постоянного вмѣшательства австрийцевъ въ итальянскія дѣла. Собственными усиліями Италия не могла завоевать своей самостоятельности. Извѣстную помощь ей была оказана императорскою Франціей, желавшей ослабить Австрію, но отнюдь не хотѣвшей настоящаго итальянскаго единства отъ Альпъ до Адриатическаго моря. Война, начавшаяся въ 1859 г., привела къ быстрой побѣдѣ французскихъ и итальянскихъ войскъ надъ австрийскими. Франція и Австрія въ Виллафранкѣ заключили предварительный миръ, по которому Ломбардія уступалась французскому императору, въ свою очередь передававшему ее Сардиніи. Вся Италия должна была превратиться въ конфедерацию отдѣльных государствъ, въ которой должна была принимать участіе и Австрія. Однако, народное голосованіе въ центральной Италиі было за присоединеніе къ Сардиніи и поэтому Цюрихскій договоръ 1859 г., подтвердившій миръ въ Виллафранкѣ, казался неосуществленнымъ. Въ Неаполь и Сициліи Гарибальди изгналъ Бурбонцевъ и фактически почти вся Италия въ силу народнаго движенія слилась въ одно государство. Въ 1860 г., согласно Туринской конвенціи, Франція согласилась признать новый порядокъ въ Италиі подъ условіемъ уступки Савойи и Ниццы. Послѣ войны 1866 г. Венеція оказалась присоединенной къ новому королевству и только четыре года оставался занятымъ французскими войсками и только гибель имперіи Наполеона III привели къ освобожденію столицы Италиі и къ ликвидациі сѣверныхъ владѣній папы.

Однако, въкоторыя земли на крайнемъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ (Трентия и Триестъ) оставались еще въ

рукахъ имперіи Габсбурговъ и эти земли - Italia irridenta - были поводомъ къ постоянной враждѣ къ нѣмецкому союзу. Стремленіе присоединить эти провинціи итальянскія области были мотивомъ, опредѣлявшимъ въ большей степени политику Италиі, чѣмъ формальная союзная соглашенія съ Австріей и Германіей.

Германія въ противоположность Италиі была извѣстнымъ политическимъ единствомъ и до и послѣ войны Революціи и Наполеона. Правда, это единство въ видѣ Германскаго Союза съ 1815 г. было очень слабымъ, но среди самихъ отдѣльныхъ государствъ центробѣжныя стремленія и извѣстный партикуляризмъ были какъ-будто господствующими. Свообразіе Германскаго Союза состояло еще въ томъ, что двѣ державы играли въ немъ главную роль и будущее должно было выясниться, австрийская ли имперія или же королевство прусское будетъ вождемъ нѣмецкихъ народовъ.

Въ 1864 г. нѣмецкія государства нападаютъ на Данию, король которой Христианъ IX распространялъ дѣйствіе новой конституціи на Шлезвигъ и Гольштейнъ въ то время, какъ эти оба герцогства, входяшія въ Германскій Союзъ, должны были управляться на особые основаніяхъ. Австрія и Пруссія овладѣли безъ особеннаго труда у Дании Шлезвигъ и Гольштейнъ, но затѣмъ между двумя побѣдительницами возникла споръ, приводящій къ вооруженному столкновенію имперіи Габсбурговъ съ королевствомъ Гогенцоллерновъ. Союзникомъ Пруссіи въ этой войнѣ въ 1866 г. была Италия, а союзниками Австріи - Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Ганноверъ, Саксонія, Кургессенъ и Нассау. При посредничествѣ Наполеона III между Австріей и Пруссіей былъ заключенъ миръ въ Прагѣ 23 августа 1866 г., въ силу котораго Пруссія захватывала не только герцогства, отобранныя у Дании, но еще Ганноверъ, Кургессенъ, Нассау и Франкфуртъ на Майнѣ. Послѣ основанія новаго Северо-Германскаго Союза Пруссія становилась безспорнымъ вождемъ всей Германіи.

Въ 1870 г. послѣдовала конфликтъ между Франціей и Пруссіей изъ-за кандидатуры на испанскій престолъ родственника прусскаго короля Леопольда Гогенцоллерна. Послѣдній, правда, самъ добровольно отрекся отъ кандидатуры, но Франція хотѣла гарантіи на будущее время и, такъ какъ прусскій король будто бы въ рѣшительной формѣ (какъ объ этомъ сообщила Эмская депеша, составленная Бисмаркомъ) отказалъ въ подобномъ требованіи, Франція 19 іюля 1870 г. объявила Пруссіи войну (22).

Послѣ гибели имперіи, новое французское правительство созвало Национальное Собраніе, рѣшившее принять предлагаемыя Германіей тяжелыя условія мира.

Первоначально Германія требовала уступки не только Эльзаса и Лотарингіи, но еще и Бельфора и уплаты контрибуціи въ 6 миллиардовъ франковъ. Послѣ длительныхъ переговоровъ было рѣшено сохранить за Франціей Бельфоръ и уменьшить контрибуцію до 5 миллиардовъ. Национальное Собраніе приняло эти условія и сначала была подписана въ Версали прелиминарный миръ и затѣмъ окончательный во Франкфуртѣ 10 мая 1871 г. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ послѣдствій нѣмецкой побѣды было провозглашеніе въ 1871 г. Германской имперіи, главой которой съ титуломъ императора былъ избранъ прусскій король.

Берлинскій конгрессъ 1878 г. (23).

Парижскій конгрессъ могъ принять Турцію въ качествѣ равноправнаго члена въ обменіе культурныхъ го-

22) Benedetti. Ma mission en Prusse. 1871. E. Ollivier. La guerre de 1870. Revue des Deux-Mondes. 1910-1911. May. Le traité de Francfort. 1909. A. Sorel. Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande. 1871. Welchingér. La guerre de 1870 causes et responsabilites. 1910.

23) Хигаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ.

сударствъ и могъ возложить на конферты европейскихъ державъ обязанность по защитѣ правъ христіанскихъ народностей въ имперіи оттомановъ, но снѣ не могъ развѣ навсегда ликвидировать ту борьбу за національное освобожденіе, которая продолжала съ неослабввающей энергіей вестись въ предѣлахъ Турціи.

Въ 1875 г. вспыхнуло новое возстаніе въ Герцоговинѣ и вскорѣ Сербія и Черногорія, заинтересованная въ участи своихъ соплеменниковъ, открыто начали военныя дѣйствія противъ Турціи. Силы однако были слишкомъ неравны и, несмотря на помощь со стороны русскихъ добровольцевъ, положеніе двухъ маленькихъ христіанскихъ государствъ становилось критическимъ. Россія хотѣла дѣйствовать черезъ европейскій конферты и добилась созыва въ Константинополь конференціи послать для выработки условій мира и для составленія проекта реформъ для Герцоговины, Босніи и Болгаріи. Однако, Турція рѣшительно отвергла условія конференціи и Россія вынуждена была прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Послѣ пораженія турецкихъ армій въ февралѣ 1878 г. около Константинополя въ Санъ-Стефано былъ подписанъ прелиминарный миръ, который обезпечивалъ полную независимость Черногоріи, Сербіи и Румыніи и создалъ изъ Болгаріи сильное государство подъ фиктивнымъ про-

т. II. 1886. Мартенсъ. Восточная война и Брюссельская конференція. 1879. d'Avril. Negotiations relatives au traité de Berlin. 1886. Bluntchli. Le Congrès de Berlin. Revue de droit international. XI, XII и XIII. Brunswick. Traité de Berlin annoté et commenté. 1878. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat v. II. 1884. Hanotaux. Le congrès de Berlin. Revue des Deux-Mondes. 1908. Mules. Il Congresso di Berlino. 1878. Ср. также Entcheff. Die völkerrechtliche Bedeutung des Berliner Vertrags von 1878. 1903. Caleb. La Bulgarie et le traité de Berlin. 1909.

текторатомъ Турціи, причѣмъ болгары получали выходъ къ Эгейскому морю.

Въ Азіи Россія приобрѣтала Карсъ, Батумъ, Ардаганъ, Баязитъ, долину Алашкерта и въ Европѣ - часть Добруджи.

Когда эти условія стали извѣстны въ Англии и Австріи, они вызвали тамъ не только протесты, но и угрозы. Британскій флотъ вошелъ въ Мраморное море, а австрийскія войска начали сосредотачиваться на юго-западной границѣ Россіи, угрожая сообщеніямъ армій, находящихся въ Турціи. Въмѣшательство Бисмарка, предложившаго посредничество Германіи, привело къ созыву Берлинскаго конгресса, который долженъ былъ установить новый и, казалось, прочный порядокъ на Балканахъ.

Въ дѣйствительности западно-европейскіи государства стремились только къ одной цѣли: не допустить дальнѣйшаго роста русскаго вліянія на Балканахъ и для осуществленія этой задачи рѣшили пожертвовать національнымъ принципомъ. Берлинскій конгрессъ установилъ ту первенствующую роль, которую стала играть въ европейской политикѣ Германія и онъ впервые поставилъ Россію съ коалиціей Западной Европы подъ руководствомъ германскаго желѣзнаго канцлера.

На конгрессѣ было рѣшено отвергнуть проектъ созданія «Великой Болгаріи» съ выходомъ къ морю и не только замкнуть Болгарію въ ея этнографическія границы, но еще расчленивъ болгарскій народъ на два отдѣльные образованія: собственную Болгарію и Восточную Румелію, сохранившую болѣе тѣсную связь съ Турціей въ видѣ провинціи, управлявшейся христіанскимъ генералъ-губернаторомъ.

Такое искусственное расчлененіе не могло долго продолжаться и черезъ нѣсколько лѣтъ Болгарія, несмотря на формальную зависимость отъ Турціи, по собственной волѣ объединилась съ Восточной Румеліей /1886 г./

Черногорія была объявлена независимой и хотя получила портъ Антивари, но подъ условіемъ наблюденія

и контроля надъ портомъ Австро-Венгріи.

Боснія и Герцоговина, вызвавшая войну своимъ возстаніемъ и насчитывавшая около 80% сербскаго населенія, были переданы для занятія и управленія Австро-Венгріи, которой кромѣ того было предоставлено право военной оккупации и въ имѣвшемъ большое стратегическое значеніе Новобазарскомъ Санджакѣ. Появленіе австрийскихъ войскъ въ Босніи и Герцоговинѣ вызвало возстаніе мѣстныхъ жителей и, только послѣ упорныхъ боевъ австрийцамъ удалось сломить сопротивленіе какъ православнаго, такъ и мусульманскаго населенія.

Сербія формально признается независимой и получаетъ незначительныя территориальныя приращенія. Румынія тоже объявлена совершенно независимой и получила Добруджу взаменъ Бессарабіи, снова уступленной Россіи.

Кромѣ Бессарабіи, Россія получила въ Закавказьѣ Ардаганъ, Батумъ и Карсъ при условіи, что Батумъ будетъ открытымъ портомъ «порто-франко, по преимуществу коммерческимъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ подлежали возвращенію Турціи Баязитъ и долина Алашкерта.

Турція принимала на себя обязательства произвести реформы на островѣ Критѣ и въ Арменіи и обезпечить всему христіанскому населенію начало религіозной свободы. Въ свою очередь и на Болгарію, Черногорію, Сербію и Румынію возлагалась обязанность уважать принципъ религіозной свободы гражданъ и ихъ равноправія передъ закономъ.

Берлинскій конгрессъ не затрогнулъ положенія Греціи и только въ 1881 г. послѣдняя при поддержкѣ великихъ державъ добилась уступки отъ Турціи небольшой части Фессалии съ населеніемъ въ 300.000 человекъ.

Берлинскій конгрессъ не разрѣшилъ, но осложнилъ борьбу національностей на Балканахъ. Наряду съ турецкимъ господствомъ надъ славянскими народностями, въ Македоніи было создано еще угнетеніе сербовъ императрицей Габсбурговъ въ Босніи и Герцоговинѣ. Оба эти ре-

ультата привели къ длительнымъ внутреннимъ конфликтамъ въ Турціи и Австріи, къ коалиціи балканскихъ государствъ противъ Турціи въ 1912 г. и, наконецъ, къ столкновенію Австріи и Сербіи, приведшему къ мировой войнѣ и къ гибели монархіи Габсбурговъ.

*Вооруженный миръ и колониальное расширение великихъ державъ
(1878 г. — 1914 г.).*

Послѣ Берлинскаго конгресса и униженія Россіи въ Европѣ наступаетъ эпоха вооруженнаго мира, когда въ продолженіи почти сорока лѣтъ главную роль играютъ молдавіи Германская имперія, стремящаяся создать сферу своего исключительнаго вліянія на всемъ континентѣ, чтобы овладѣе съ удвоенной силой перейти къ упроченію своего могущества и на морѣ.

Дипломатическое поражение Россіи въ Берлинѣ вызвало возбудженіе въ русскомъ общественномъ мнѣніи противъ двухъ нѣмецкихъ имперій, заставившихъ русское правительство идти на капитуляцію. Съ другой стороны Германія считала необходимымъ закрѣпить, какъ свое господство въ центральной Европѣ, такъ и исключительное положеніе Австро-Венгріи на Балканахъ. Въ 1879 г. обѣ имперіи заключаютъ формальный союзъ, направленный противъ Россіи, которая, несмотря на нависшую надъ нею военную угрозу, пытается всетаки поддерживать дружескія сношенія какъ съ Вѣной, такъ и Берлиномъ.

Для упроченія германской гегемоніи Германія добивается сближенія и заговья и союза съ Италіей (1882—1887 г. г.). Коимъ того подписывается дружественное соглашеніе Итали съ Испаніей и, наконецъ, на Балканахъ Румыніа, Сербія и Болгарія дѣлаются орудіемъ австро-нѣмецкой политики.

Изолированныя и одинокія Франція и Россія вынуждены искать сближенія и въ 1892 г. подписываютъ военное соглашеніе, предусматривающее защиту отъ нападенія со стороны Германіи и Австріи.

Въ политическомъ отношеніи происходитъ подготовка къ будущей войнѣ и обѣ враждебныя стороны напрягаютъ свои усилія къ содержанію и къ техническому оборудованію войскъ, причемъ сбывается пророческія слова Канта о томъ, что вооруженія могутъ сами по себѣ привести къ борьбѣ народовъ, когда «расходы на такой миръ становятся въ концѣ концовъ дороже короткой войны. Тогда вооруженія становятся мотивомъ, чтобы нападениемъ начать войну и этимъ положить конецъ слишкомъ тяжелому бремени расходовъ» (Zum ewigen Frieden, 1795).

Типичнымъ моментомъ въ новѣйшей эпохѣ европейскихъ народовъ является ихъ лихорадочное и быстрое распространеніе по всему міру и попытки установить окончательный раздѣлъ еще свободныхъ и незанятыхъ земель. Въ теченіи долгихъ десятилѣтій Европа посылала колонистовъ и завоевателей въ Африку, Америку и Австралію и къ концу XIX вѣка уже можно было считать, что раздѣлъ вселенной завершенъ и только изъ-за нѣсколькихъ менѣ значительныхъ территорій борьба еще продолжалась.

Три великія европейскія державы создали черезъ расширеніе свои колониальныя имперіи и только Германія пришла слишкомъ поздно, чтобы потребовать мѣсто и для себя «подъ солнцемъ». Бисмаркъ недостаточно цѣнивалъ значеніе колоній и только при его преемникахъ германская имперія стремится стать державой морской и колониальной.

Франція еще въ 30-ыхъ годахъ заняла Алжиръ, затѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ, пользуясь междоусобной войной Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ, попыталась создать подъ своимъ покровительствомъ мексиканскую имперію, гдѣ на тронъ вступилъ австрійскій эрцгерцогъ Максимиліанъ, погибшій въ 1866 г. Послѣ Франкфуртскаго мира и Берлинскаго конгресса, французскія колониальныя

владѣнія начинаютъ быстро расти. Въ 1881 г. заключенъ съ Тунисомъ договоръ протектората, въ 1884 г. устанавливается французское покровительство надъ Анамомъ и Тонкиномъ и въ 1884 г. надъ Камбоджей, въ 1885 г. острова Малагаскаръ попадаютъ подъ французское вліяніе и въ 1896 г. въ силу закона, принятаго парламентомъ, Малагаскаръ дѣлается французской колоніей. Одновременно идетъ и энергичная колонизація въ Западной и Центральной Африкѣ и намѣчается соединеніе въ одно цѣлое французскихъ владѣній по побережью Средиземнаго моря съ колоніями на Атлантическомъ океанѣ.

На устьяхъ Нила въ концѣ XIX вѣка происходитъ столкновеніе между французскимъ расширеніемъ и британскими, но послѣ длительныхъ переговоровъ споръ ликвидированъ и устанавливаются границы вліяній (Фашода - 1898 г.).

Въ свою очередь Англія, вышедшая полной побѣдительницей въ столѣтней колониальной борьбѣ съ Франціей въ 1815 г., продолжаетъ со своей стороны укрѣплениіе своей имперіи. Британская колонизація стремится обезпечить Индію и съ 1825 г. ведетъ войны съ Бирмой, которая окончательно дѣлается достояніемъ англичанъ только въ 1886 г. Со стороны Гималайскихъ горъ съ 1863 г. британскія войска предпринимаютъ экспедици противъ Буттана, Читрала, Непала, Сиккима и въ девятидесятыхъ годахъ заканчиваютъ присоединеніе земель, или бывшихъ самостоятельными, или въ зависимости отъ Китая.

Въ сѣверо-западномъ направленіи англійское расширеніе въ Индіи было болѣе медленнымъ и менѣе удачнымъ. Только въ 1843 г. происходитъ завоеваніе Синда на нижнемъ теченіи Инда, затѣмъ покоряется Пенджабъ и англичане подходятъ у Пешавера къ афганской границѣ. Здѣсь въ 1895 г. происходитъ столкновеніе съ русскимъ расширеніемъ, идущимъ изъ центра Азіи.

Въ Африкѣ Англія осуществляетъ оккупацию Египта, воспользовавшись возстаніемъ Араби-паши въ 1882 г.,

причемъ предусмотрительно ранѣ скупила значительную часть акцій Суэцкаго канала. Послѣ захвата Египта, бывшего въ вассальной зависимости отъ Турціи, Англія стремится расширить сферу своего вліянія по верхнему теченію Нила, но здѣсь встрѣчается съ национальнымъ движеніемъ махдистовъ и, послѣ ряда неудачъ, отказывается на время отъ дальнѣйшихъ завоеваній (1888 г.). На югѣ Африки всенныя операціи англичанъ противъ Трансваля тоже кончатся неудачей. Однако, это не останавливаетъ роста новыхъ британскихъ африканскихъ колоній Родезии на югѣ и въ центрѣ Африки Нигерии. Черезъ десять лѣтъ съ удвоенной энергіей англичане возобновляютъ борьбу, завоевываютъ Суданъ въ 1899 г. и въ Южной Африкѣ присоединяютъ Трансваля и Оранжевую Республику (1902 г.).

Въ Средиземномъ морѣ англичане заняли Кипръ въ 1878 г. и, владѣя Перимомъ, Адепомъ и Кувейтомъ (съ 1905 г.), установили свое исключительное вліяніе въ Аравии, поддерживая тамъ арабское национальное движеніе, направленное противъ турокъ.

Третьей мировой имперіей была Россія, добившаяся отъ Китая въ 1858 г. присоединенія территории на лѣвомъ берегу Амура и въ 1860 г. всего пространства восточнѣе Уссури.

Въ Центральной Азіи былъ заключенъ мирный договоръ съ Бухарой въ 1868 г., причемъ русские получали Самаркандъ съ прилегающими областями. Договоры протектората съ Бухарой и Хивой были заключены въ 1873 г., причемъ хивинскій ханъ призналъ себя «покорнымъ слугою Императора Всероссийскаго». Въ 1884 г. Россія присоединила Мервъ и вышла на плоскогорье Памира.

Въ 1894 г. возникъ конфликтъ между Китаемъ и Японіей, поведшій къ войнѣ и полному пораженію китайскихъ войскъ. Однако, миръ, заключенный въ Симоносевахъ въ 1895 г., предоставлявшій Японіи не только Формозу, Пескадорскіе острова, свободу дѣйствій въ Кореѣ, но и завладѣніе частью континентальной территоріи Китая

(Ляодунским полуостровом), вызывая протесты России, Франции и Германии. Япония была вынуждена отказаться от чрезмерных своих притязаний.

Но в 1898 г., если Германия добилась от Китая уступки Kia-чоу, то Англия получила Вэйхайвей, а Россия заняла часть Ляодунского полуострова с Портъ-Артуром и Таленваномъ.

На Дальнем Востоке русское расширение столкнулось с японским и привело к войне 1904-1905 г.г., закончившейся миром в Портсмуте. Согласно мирному договору Россия предоставила Японии свободу действий в Корее, отказалась от своих прав на Ляодунском полуострове и уступила японцам южную часть Сахалина.

Необходимо также отметить, что во второй половине XIX века (в 1867 г.) Россия добровольно уступает свои северо-американские владения, представлявшие чрезвычайную ценность по своим природным богатствам (золотая россыпь).

Три колониальные империи вступают между собой в соглашение по поводу спорных вопросов. Англия и Франция в 1904 г. регулируют вопросы, касающиеся азиатских владений (распределение сферы влияния в Китае), американских (регулировка рыбной ловли в Нью-Фаунленде) и, наконец, африканских, где Франции предоставляется свобода действий в Марокко, а Англии в Египте.

В свою очередь Россия и Англия разрешают добродетельным образом споры в Центральной Азии, причем Россия признает известные преимущества за англичанами в Тибете и Афганистане, а в Персии создаются три зоны: северная - русского влияния, средняя - нейтральная и южная - британского влияния (соглашение 1907 г.).

Другие европейские государства тоже пытались обезпечить за собой колонии. Бельгийское колониальное общество создало целое африканское государство

Конго, признанное на Берлинской конференции в 1885 г. Эта же конференция выработала общие правила о порядке приобретения владений в Африке.

Италия водворилась на Красном море (в 1885 г.), но ее попытки наложить руки на Абиссинию (в 1896 г.) закончились полной неудачей.

Германия только с 1884 г. начала развивать свою колониальную деятельность и создала лишь незначительные колонии в Африке (Того, Камерун, Западная и Восточная Африка) и захватила несколько островов на Тихом океане.

После заключения англо-французского соглашения Германия решительно выступает в 1905 г. против попытки Франции распространить свое влияние на Марокко и добивается созыва международной конференции в Алжире (1906 г.), которая однако признала специальные интересы Франции и Испании. Несмотря на подписание протокола 1909 г., в котором германские представители согласились на то, что немцы заинтересованы в Марокко лишь экономически, но не политически, в 1911 г. германское правительство отправляет в Агадир (марокканский порт) военное судно и требует компенсаций от Франции. После длительных переговоров Франция соглашается на незначительные территориальные компенсации по среднему течению Конго. Это столкновение было последним перед мировой войной и казалось, что больше спорных колониальных вопросов между великими державами нет и что может наступить период консолидации того раздвела африканского и азиатского материка, который осуществился в XIX и XX веках.

Из держав не-европейских кроме Японии, захватившей Ляодунский полуостров и аннексировавшей в 1910 г. Корею, Соединенные Штаты Америки стали державой мировой и колониальной после победоносной войны с Испанией, когда они захватили Филиппины, затем присоединили Гавайские и Самоанские острова и усту-

новили протекторатъ надъ Кубой. Въ 1903 г. Соединенные Штаты поддержали Панаму, отделившуюся отъ Колумбійи, и добились исключительныхъ правъ (вплоть до постройки укрѣпленій и базъ) въ районѣ Панамскаго канала.

Мировое распространеніе великихъ державъ однако само по себѣ не было факторомъ, вызвавшимъ войну 1914 года.

Балканы послѣ Берлинскаго конгресса, были тѣмъ большимъ мѣстомъ Европы, гдѣ національная борьба велась съ наибольшимъ ожесточеніемъ, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ европейскія государства рѣшительно воздерживались отъ принятія мѣръ, могущихъ поколебать господство оттомановъ.

Возстанія въ Македоніи и на островѣ Критѣ принимали хроническій характеръ и, когда слабая Греція попыталась присоединить къ себѣ своихъ соплеменниковъ, она оказалась разбитой (1897 г.). Переворотъ въ Турціи и захватъ власти младо-турками привелъ въ 1908 г. къ провозглашенію Болгаріей своей полной независимости и къ аннексіи Босніи и Герцоговины Австро-Венгріей.

Последнее вызвало рѣшительные протесты не только со стороны Турціи, но и Сербіи. Черезъ три года Италия объявляетъ войну Турціи и пробуетъ завоевать Триполи. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Турціи, балканскіе народы съ вѣдома Россіи заключаютъ военный союзъ, наносятъ поражение Турціи и, казалось, могутъ рассчитывать на пріобрѣтеніе завоеванныхъ территорій (1912 г.). Однако, вмѣшательство Австріи приводитъ къ тому, что сербы вынуждены отказаться отъ выхода въ Адриатическое море. Между балканскими государствами-побѣдителями начинается изъ-за Македоніи братоубійственная борьба, приводящая къ полному пораженію Болгаріи. Въ 1913 г. и 1914 г. на Балканахъ создается раздраженное настроеніе и Сербія чувствуетъ себя глубоко униженной имперіей Габсбургевъ. Въ этотъ

моментъ Германія посылаетъ въ Константинополь военную миссію съ чрезвычайными полномочіями. Убійство въ 1914 г. становится исходнымъ моментомъ къ общему европейскому кризису и мировой войнѣ, но въ извѣстномъ смыслѣ эта борьба предопредѣлялась развитіемъ политическихъ отношеній послѣ Берлинскаго конгресса, когда одно государство въ теченіи болѣе, чѣмъ тридцати лѣтъ играло руководящую роль въ Европѣ, отвергая принципы права и опираясь лишь на свою военную мощь.

Глава XVIII.

§ 55. Развитие международного административного права в XIX и XX вѣках. § 56. Развитие третейского суда.

Войны Революции и Наполеона сблизили в политическом отношении народы Европы. Священный Синод до известной степени отразил новые тенденции, когда попытался создать через господство тетрархии твердый правопорядок, в котором принуждение должно было поддерживать существующее внутреннее устройство, потому что перевороты внутри государства грозили привести к международным осложнениям и столкновениям.

Рост торговых отношений, развитие промышленности и, наконец, техническая и оборонная вызывают новые потребности и приводят к необходимости установить и соответствующую международную организацию. Сначала эти потребности удовлетворяются лишь спорадическими отдельными соглашениями и только постепенно выдвигается безусловная необходимость общего мирового регулирования всех возникающих вопросов. Цѣлая система международных договоров определяет обмен как духовными, так и материальными ценностями и создается принцип координации действий, а в более рыхлых случаях учреждаются и специальные международные органы, являющиеся реальным выражением новых задач, выдвигаемых культурным обменом народов в мировом масштабе. Конечно, и в XVIII вѣкѣ происходил обмен духовными ценностями и влияние французской просветительской литературы не ограничивалось территорией французского королевства. Но в XIX вѣкѣ этот обмен становится гораздо более интенсивным и взаимным, общим не для европейских народов по отношению друг к другу, но для всех населяющих вселенной. Вместе с тем, благодаря улучшившимся средствам связи и сообщений, обмен известиями полити-

ческого или обще-культурного характера не только сближает, но и связывает народы чрезвычайно тѣсно многими нитями, которые образуют как бы нервную систему человечества, реагирующую одинаково на все события, происходящие в разных уголках земного шара.

Международное управление получило чрезвычайное развитие в XIX вѣкѣ, но вопреки мнѣнию Л.ф.Штейна и Ф.Мартенса, оно далеко не является ни единственной формой международно-правовой регуляции сношений государств, ни наиболее благородной частью системы международного права. Управление всегда остается прикладным, служебным и узко ограниченным по своим целям. Оно образует область реальных ясно осязаемых интересов, но оно никогда не может вырваться из своих узких рамок и стать началом, одушевляющим мировую правопорядок. Даже больше того: международное управление само нуждается в наличии высшей нормы права, обеспечивающей правильный ход международной администрации и вместе с тем международная администрация может развиваться лишь при наличии известных формально-правовых гарантий, потому что анархия, проявляющаяся в войнах, как самопомощи, разрушает ту хрупкую систему международного управления, которая складывается лишь при условии мирного состояния в жизни народов.

Торговые отношения народов.

Особенно сильно проявляется начало связанности народов в области экономической политики. Вместо принципа меркантилизма, соответствовавшего династически-монархическим образованиям, замыкающимся в защиту своих экономических интересов, создается система, принципиально утверждающая свободу торговли, но на самом деле устанавливающая впервые мировую организацию международно-хозяйственной системы.

Новые договоры, заключенные под влиянием экономических идей свободы торговли, приводят к утверждению трех принципов:

- 1) начала равноправия за подданными обеих сторон и широкого доступа в страну;
- 2) начала связанности государств в их таможенной автономии;
- 3) начала наибольшего благоприятствования, заключающегося в том, что льготы для торговли, предоставленные одному народу, распространяются и на подданных других народов, заключивших договоры позднее.

Сначала Англия, следуя идеям А. Смита, установила в ряд договоров новые принципы, с 80-х годов по тому же пути пошла Франция и в конечном итоге, как на это указывает Ф. Мартенс, образовалась «система западно-европейских договоров», к которой примкнуло большинство европейских государств (24).

Следуя по тому же пути, Германия положила основание «западно-европейскому таможенному союзу», в который вошли кроме Франции многие государства Центральной и Восточной Европы (1891-1894 г.г.).

Система торговых соглашений устанавливает примать общих потребностей мирового хозяйства над индивидуально-государственным. И в немецком рейхстаге депутат Генель утверждал необходимость такого подчинения (1883 г.): «Расцвет промышленности и торговли возможен только тогда, когда возможен определенный и точный расчет в наших торговых отношениях, что вполне вознаграждает нас за связанность тарифов» (25). Условия мирового оборота ведут таким путем к ограничению суверенной свободы государства в экономической политике и приводят к мы-

24) Мартенс. *Соврем. между. право* II, 225-226.

25) Котляревский. *Правос. государство и внешняя политика*. 1909, стр. 315.

сли, что вместо военной борьбы в будущем установится лишь экономическое соперничество хозяйственных национальных энергий. Действительно, ни промышленная конкуренция Англии и Соединенных Штатов Америки в конце XIX и начале XX века, ни стихоточное экономическое соперничество Англии и Германии само по себе не было и не могло быть фактором военных столкновений.

Экономическое развитие человечества ставит и более сложную проблему регулирования не только обмена, но производства и распределения и в этом смысле чрезвычайное значение имеет Брюссельская конференция 1902 г., которая была вызвана стремлением уравнивать условия конкуренции между государствами, производящими свекловичный и тростниковый сахар, и поднять вообще его потребление. В договор приняли участие 14 государств (в том числе и Россия с 1907 г.), причем они обязались не выдавать премий при вывозе сахара и не облагать черными пошлинами ввозимый иностранный сахар. В некоторых случаях устанавливается и твердое количество сахара, могущего подлежать экспорту (26). Специальная международная комиссия в Брюссель должна следить за соблюдением договора.

Специальные международные органы управления.

Брюссельская комиссия с постоянным бюро является лишь одним из тех многочисленных органов международного управления, которые были созданы европейскими народами в XIX и XX вв.

Принцип свободы судоходства по рекам, протекающим через территории различных государств и потому называемых международными, был провозглашен с полной определенностью во время Французской Рево-

26) Kuffmann, *Wirtschaftsindustrie und internationales und koloniales Recht*. 1904.

люди, когда декретъ Conseil executif provisoire въ 1792 г. установилъ норму, что „ни одно государство не можетъ, не совершая несправедливости, претендовать на исключительное право пользоваться теченіемъ рѣки и препятствовать соседнимъ народамъ, живущимъ у верхняго ея теченія, пользоваться тѣми же выгодами“. Еще дальше пошло постановленіе перваго Парижскаго мирнаго договора 1814 г., опредѣлившее, что судоходство по международнымъ рѣкамъ должно быть свободно для *всѣхъ народовъ*.

Недостаточно было провозгласить принципъ свободы судоходства, нужно было еще обезпечить его осуществленіе и для этого наиболѣе цѣлесообразнымъ было созданіе специальныхъ международныхъ органовъ - рѣчныхъ комиссій. Такая комиссія была создана для Рейна по регламенту 1831 г. и 1868 г., для Дуная согласно Парижскому мирному договору 1856 г. и Берлинскому 1878 г., для Конго по соглашенію 26 февраля 1885 г. Аналогичная комиссія для обезпеченія свободы судоходства черезъ Суэцкій каналъ предусматривалась по акту о нейтрализаціи Суэцкаго канала 1888 г., но она была совершенно аннулирована согласно англо-французскому договору 1904 г.

Наряду съ рѣчными комиссіями, но съ менѣе широкими полномочіями, были созданы международные органы, преслѣдующіе санитарныя цѣли. Таковы были: Международный Санитарный Совѣтъ въ Бухарестѣ (1881 г.), Высшій Совѣтъ Здравія въ Константинополѣ (1899 г.) и Совѣтъ Здравія въ Танжерѣ (съ 1840 г.).

Всемирныя уни.

При увеличивающихся сношеніяхъ между государствами вопросъ о почтѣ былъ выдвинутъ прежде другихъ и нормально въ первой половинѣ XIX вѣка государства заключали между собой большее количество сепаратныхъ соглашеній о почтовыхъ сношеніяхъ. Такъ, Россія заклю-

чала почтовую конвенцію съ Австріей въ 1843 г. и 1849 г., со Шведіей въ 1843 г. и т. д. Однако такого рода соглашенія были неудобны, потому что не гарантировали общаго однороднаго порядка для почтовыхъ сношеній между различными государствами. Поэтому большее значеніе имѣли такіе почтовые союзы, какъ австро-прусскій 1860 г., къ которому присоединились нѣкоторыя нѣмецкія государства. Здѣсь были установлены общія условія передачи корреспонденціи, природа, вѣсъ и способъ пересылки предметовъ, способы взиманія платы и т. д. Толчкомъ къ международной регуляровкѣ почтовыхъ сношеній было установленіе во всѣхъ европейскихъ государствахъ однородной правительственной организаціи почтового дѣла. Обсужденіе общихъ началъ, которыя должны были лечь въ основу международной конвенціи, происходило на конференціи въ Парижѣ въ 1863 г., но не привело къ опредѣленнымъ результатамъ. Въ 1869 г. Северо-Германскій Союзъ сдѣлалъ предложеніе о созывѣ перваго международного почтового конгресса, но война помѣшала этому созыву. Наконецъ, въ 1874 г. по предложенію Германии въ Бернѣ собрался конгрессъ, на которомъ былъ подписанъ актъ объ учрежденіи „*Всеобщаго Почтоваго Союза*“, въ окторый первоначально вошло 22 государства, а впоследствии къ нему присоединились всѣ народы земного шара.

Бернский почтовый конгрессъ учредилъ международный органъ Почтоваго Союза - постоянное бюро въ Бернѣ.

Другимъ мировымъ союзомъ былъ Телеграфный, причѣмъ здѣсь опять можно установить тѣ же фазы развитія, что и при народженіи Почтоваго союза. Сначала соглашенія имѣли сепаратный характеръ. Такъ, Австрія и Пруссія заключили телеграфную конвенцію въ 1849 г. Въ 1850 г. образовался германо-австрійскій телеграфный союзъ, къ которому присоединились не только германскія государства, но и Россія (1854 г.). Въ свою очередь Франція и Бельгія заключили телеграфную конвенцію и

къ ней присоединяются многія другія европейскія государства.

Въ Парижѣ на международной конференціи въ 1865 г. происходитъ выработка общей телеграфной конвенціи, которая дополняется и развивается на рядѣ новыхъ конференцій въ Вѣнѣ, Римѣ, Петербургѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Формально однако въ основѣ «Всеобщаго Телеграфнаго Союза» лежитъ актъ, подписанный въ Петербургѣ въ 1876 г.

Третьей мировой унией былъ союзъ, возникшій на конференціи въ Парижѣ въ 1884 г. по охранѣ подводныхъ телеграфныхъ кабелей.

Наконецъ, беспроволочный телеграфъ вызвалъ заключение въ Берлинѣ въ 1906 г. «Международной радио-телеграфной конвенціи».

Железнодорожныя сообщенія тоже были предметомъ международной регулировки на Бернской конференціи 1886 г., когда были выработаны правила относительно ширины железнодорожной колеи и подвижного состава, чтобы и въ томъ и въ другомъ отношеніи не было препятствій въ международныхъ сношеніяхъ. Еще больше значенія имѣло международное соглашеніе, принятое въ Бернѣ въ 1890 г. о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Въ 1911 г. международная конференція въ Бернѣ выработала также общія правила о перевозкѣ пассажировъ и багажа.

Наряду съ международной регулировкой средствъ сношеній и сообщеній было приступлено къ международной охранѣ промышленной собственности (Парижская конвенція 1883 г.) и правѣ собственности на произведенія литературы и искусства (Union internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques - Бернская конвенція 1886 г.).

Опасность эпидемическихъ заболѣваній и особенно холеры и чумы привела къ созывамъ, начиная съ 1851 г., международныхъ санитарныхъ конференцій. Борьба съ злоупотребленіемъ алкоголемъ тоже привела къ ряду между-

народныхъ соглашеній (начиная съ Гаагской конвенціи 1867 года).

Другой проблемой, вызвавшей рядъ договоровъ, была вопросъ о работоторговлѣ. Переговоры, которые велись въ Лондонѣ въ 1817 г. и 1818 г., въ Ахенѣ въ 1818 г. и въ Веронѣ въ 1822 г., не дали опредѣленныхъ результатовъ. Только въ 1841 г. Англія, Австрія, Пруссія, Россія и Франція заключили соглашеніе, ратификація котораго однако встрѣтила самую рѣшительную оппозицію французскаго общественнаго мнѣнія. Переговоры о мѣрахъ противъ работоторговли продолжались и позднѣе и только въ 1890 г. конференція въ Брюсселѣ выработала генеральный актъ, содержащій рядъ рѣшительныхъ мѣръ для полной ликвидаціи работоторговли и особенно въ «подозрительномъ посягѣ», обнимавшемъ западную часть Индійскаго Океана, Красное море и Персидскій заливъ.

Развитіе рабочаго движенія выдвинуло проблему охраны труда общими международными нормами и Бернская конвенція 26 сентября 1906 г. была первымъ робкимъ шагомъ, устанавливавшимъ запрещеніе употребленія бѣлаго фосфора для изготовленія спичекъ и запрещеніе ночной работы женщинъ.

Различныя международныя союзы административнаго характера являются хаотическимъ и безформеннымъ нагроможденіемъ разныхъ учреждений, преслѣдующихъ иногда самыми разнообразными путями по существу однородныя цѣли. Новѣйшее развитіе международного права поэтому съ необходимостью выдвигаетъ объединеніе и упрощеніе управленія въ международной жизни, что можетъ быть достигнуто лишь при организаціи права на основѣ не простой координации, но социальной субординаціи.

Развитіе третейскаго суда въ XIX и XX вѣкахъ.

Выше (Гл. XVI, §51) было указано на ту роль, которую сыграла Америка въ возстановленіи авторитета третейскаго суда, совершенно заглобшаго въ XVII и XVIII

вѣкахъ. Американская практика въ этомъ отношеніи была очень смѣлой и часто споры, касавшіеся такихъ жизненныхъ вопросовъ, какъ территориальныхъ границъ, получали свое правовое разрѣшеніе.

Какъ указываетъ Ламмашъ, только одинъ разъ конфликтъ между Англійей и Соединенными Штатами вызывалъ вооруженное столкновение (въ 1812 г.). Нормально споры о сѣверныхъ границахъ въ районѣ рѣки Св. Лаврентія и большихъ озеръ, въ районѣ озера Гуронъ и Лѣсно-го озера, въ районѣ острова Ванкуверъ и, наконецъ, граница Канады съ Аляской рѣшаются третейскимъ судомъ. Такимъ же образомъ ликвидируются и многолѣтніа столкновения изъ-за правъ американцевъ на рыбную ловлю въ британскихъ водахъ Канады и Нью-Фаунленда сначала въ 1877 г. и затѣмъ окончательно въ 1910 г.

Точно также и границы между южно-американскими государствами и особенно границы Бразиліи были проведены согласно третейскому рѣшенію (27).

Въ спорѣ Англии съ Соединенными Штатами по поводу толкованія Гентскаго мирнаго договора въ 1822 г. судьей былъ избранъ Императоръ Александръ I, который долженъ былъ выяснить, имѣютъ ли право американцы на вознагражденіе за американскихъ невольниковъ, попавшихъ въ территорію, оставшуюся за англичанами. Въ виду признанія судьей необходимости англичанамъ вознаграждать американцевъ была создана специальная комиссія, опредѣлившая сумму вознагражденія (28).

Однако, Императоръ Николай I относился отрицательно къ третейскому суду и, когда Сардинія и Австрія въ 1845 г. обратились къ нему съ просьбой разрѣшить споръ по вопросу о толкованіи договора 1751 г., за прешавшему Сардиніи вывозить соль въ Швейцарію, то онъ отаѣтилъ въ Вѣну черезъ канцлера гр. Нессельроде: "Его

Величество полагаетъ, что далеко не всѣ средства примиренія исчерпаны... Третейское рѣшеніе всегда производитъ непріятное впечатлѣніе на одну изъ спорящихъ сторонъ... Его Величество не беретъ на себя роли третейскаго судьи, но хочетъ быть примирителемъ..." Однако, Николай I всетаки выразилъ мнѣніе о томъ, что по духу конвенціи 1751 г. право на сторонѣ Сардиніи и это мнѣніе и было принято за рѣшеніе.

Несмотря на недовѣріе къ третейскому суду, онъ всетаки понемногу пускаетъ корни и въ Европѣ. Пограничные споры Италіи и Швейцаріи изъ-за горы Кравайрола (1873 г.), между Великобританіей и Португаліей изъ-за острова Булама (1870 г.) и изъ-за владѣній въ бухтѣ Делагоа (1872 г.), между Великобританіей, Франціей и Нидерландами изъ-за границъ въ Гвіянь — разрѣшаются третейскимъ судомъ. Точно такимъ же путемъ ликвидируются споры изъ-за аместовъ иностранныхъ подданныхъ (англійскаго капитана Уайта въ Перу въ 1864 г., англійскаго капитана Капентера въ нидерландской колоніи въ 1895 г. и т. д.).

Однако, больше всего вниманія вызываютъ споры, связанные съ морской войной и нейтралитетомъ.

Въ 1852 г. Соединенные Штаты и Португалія обращаются къ суду Наполеона, тогда президента Французской Республики по поводу дѣла американскаго капера «General Armstrong», который подвергся нападенію со стороны англійской эскадры въ порту Файаль на Азорскихъ островахъ въ португальскихъ территориальныхъ водахъ. Португалія должна была отвѣчать за то, что она не приняла мѣръ для того, чтобы англичане отнеслись съ уваженіемъ къ нейтралитету ея территориальныхъ водъ. На судѣ однако выяснилось, что португальцы вслѣдствіе малочисленности своего гарнизона не могли фактически оказать сопротивленіе и что американцы первые начали споръ съ англичанами. Поэтому принцъ Наполеонъ призналъ, что Португалія не можетъ подлежать отвѣственности за несоблюденіе нейтралитета.

27) Lammasch. Die Lehre von der Schiedsgerichtsbarkeit in ihrem ganzen Umfange. 1913, 30-32.

28) Мартановъ. Современ. межд. право II, 493.

Больше значения имело Алабамское дело, возникшее между Англией и Соединенными Штатами Америки. Во время междоусобной войны Южные Штаты заказывали англичанам каперские суда, которые нападали на торговый северо-американский флот, причем суда топили, а экипаж захватывали в плен. Из каперов некоторые буквально терроризировали купеческие суда и привели почти к полной ликвидации северо-американской морской торговли.

Во время войны представители северо-американского правительства протестовали против снаряжения каперов в британских портах, а после окончания борьбы Штаты предъявили Англии требование о возмещении убытков. Спор грозил привести к открытому столкновению и только благодаря благоразумной уступчивости британского правительства в 1869 г. в Лондоне была заключена предварительная конвенция, которая однако была отвергнута американским сенатом и через два года в 1871 г. в Вашингтоне был подписан компромисс о третейском суде, который содержал нормы материального права, долженствующая лечь в основу третейского решения. Согласно Вашингтонским правилам: «нейтральная держава обязана относиться с должным благоразумием, чтобы в пределах ее территориального господства не допускать снаряжения и вооружения судна, относительно которого есть основание думать, что оно предназначается для крейсирования или для принятия участия в военных операциях против державы, по отношению к которой нейтральное государство поддерживает мирные отношения» (29).

Британское правительство отрицало, что в 60-х годах эта норма была действующим правом, но оно всетаки подчинилось неблагоприятному для нея решению третейского суда, заставившего в Женеве с конца 1871

29) v. Pauer. Die Entscheidungsgeschichte der Waschingtoner Regeln. 1908.

г. по сентябрь 1872 г., и уплатила Соединенным Штатам убытки в размере 15½ миллионов долларов.

Алабамское дело было первым третейским разбором после двухлетнего перерыва, разбором, который затрагивал честь обеих сторон, вызвал ожесточенную полемику, одно время грозил привести к войне, но затем всетаки дал возможность восторжествовать принципам права.

Съ этого времени авторитет третейского суда начинает укрепляться и в XIX веке можно насчитывать уже около 60 случаев третейских решений.

Третейский суд, возрожденный в практике народов, однако начинает развиваться в направлении известной дифференциации.

Случаи третейских судов, знакомые по практике начала XIX века, были лишь явлениями спорадическими и индивидуальными. Спорящие стороны заключали запись для ликвидации одного конкретного спора и после решения запись теряла свою силу.

Практика второй половины XIX века выдвигает и другой принцип: в соглашениях, устанавливающих мировую унию, Всеобщий Почтовый Союз или Телеграфный, или в ряды торговых договоров встраиваются особые статьи, носящие название компромиссарных условий и определяющих, что все споры, возникающие при толковании и применении договора, стороны обязуются передавать на решение третейскому суду. Такого рода условия часто очень часто и они имеют и в противоположность восторжествовать акты 1890 г., подписанном в Брюсселе, и в Сахарной конвенции 1902 г. и т.д.

Кроме того могут быть заключены третейские договоры общего содержания, которые определяют, что по известным категориям споров — обыкновенно делаются «ограничение „кроме вопросов, затрагивающих жизненные интересы или независимость и честь договаривающихся держав” — признается компетенция третейских судов. Тогда суд уже не является случайным и

временным явлением, но оно связывает стороны постоянно, потенциально является всегда готовым и отказ от решения спора через третейский суд, кроме случаев, особо оговоренных, является международным правонарушением.

Такого рода соглашения были заключены Францией и Англией в 1903 г. и затем по этому образцу стали заключаться и другие общие договоры о третейском разбирательстве, и число их достигло к 1912 г. до 100. Образовалась целая сеть обязательств, которая однако вследствие створок далеко не имела такого серьезного значения, какое им приписывали.

Гораздо важнее были общие третейские договоры, определявшие, что все споры — "tous les différends et tous les litiges" — возникающие между вступающими в соглашение государствами и не разрешенные дипломатическим путем, передаются в третейский суд.

Первый такой договор был заключен между Чили и Аргентиной в 1902 г. Затем этому примеру последовали: Италия и Дания, Голландия и Италия, Голландия и Дания, Дания и Португалия, Италия и Аргентина (1904 г. — 1905 г.). Тот же характер носил и договор пяти центрально-американских республик в 1907 г.

Рост третейского суда шел от индивидуальной инициативы, но значение его, как средства для поддержания и укрепления общего мира, сознавалось вполне отчетливо к концу XIX века. Возникал вопрос, нельзя ли помимо частных соглашений выработать общие принципы формального права, обязательные для всех государств и нельзя ли создать высший международный третейский судебный инстанция, которая фактом своего существования напоминали бы народам об их долге решать свои споры не через кровопролитие, но на основе норм объективного права? На эту проблему дает ответ предложение России в 1898 г. приостановить вооружения и найти мирные способы разрешения международных конфликтов. Инициатива России по созыву

Гаагских Конференций не дает сразу тех результатов, на которые можно было надеяться, но поздние государства снова возвращаются к забытому пути и создание постоянного судебного международного органа будет одной из целей народов после мировой войны.

Г л а в а XIX .

§57. Кодификация формального международного права: Парижская декларация 1856 г. §58. Кодификация права мирного разрешения международных конфликтов на Гаагских Конференциях 1899 г. и 1907 г. §59. Кодификация законов и обычаев войны на суше, §60. Кодификация права морской войны в Гааге в 1907 г. и в Лондоне в 1909 г. §61. Развитие теории нейтралитета.

Развитие международного права, как и других форм координационного права, шло отъ прецедента, обычая и мнения ученых юристов къ болѣе точнымъ и объективнымъ видамъ: къ договору, т. е. партикулярному констатированію нормы и, наконецъ, къ соглашенію, т. е. констатированію нормы въ актѣ, общемъ и обязательномъ для цѣлаго комплекса субъектовъ права.

Международные прецеденты и обычаи были неясны и спорны и часто даже тѣ государства, которыя ихъ примѣняли, дѣйствовали почти инстинктивно и безсознательно. Въ виду отсутствія яснаго критерія часто оставалось лишь темное и подчасъ противорѣчивое чувство, что одно дѣйствіе является правомѣрнымъ, а другое правонарушеніемъ. Сами государства считали право обязательнымъ для противной стороны и менѣе всего для себя самихъ. Координационная система въ сущности, вопреки мнѣнію Еллинека, менѣе всего является самообязываемъ и гораздо больше реализуется, какъ авторитарная попытка навязать другимъ свое пониманіе права. И если историкъ частнаго права (Stobbe) говорить, что только шефены на исходѣ средневѣковья и знали частное право, хотя и очень плохо и часто обнаруживали, какъ это было видно изъ запросовъ въ высшіе суды, величайшее невѣжество, то это mutatis mutandis примѣнимо было и къ европейской дипломатіи, считавшей себя въ правѣ говорить о международныхъ нормахъ, но въ дѣйствительности имѣвшей о нихъ чрезвычайно смутное представленіе.

Парижская декларация 1856 г. (30).

Кризисъ, пережитый международнымъ правомъ въ эпоху войнъ Наполеона, приводитъ къ необходимости точно установить въ общемъ международномъ актѣ нормы дѣйствующаго морского права. Соединенные Штаты, какъ нейтральное государство, болѣе всего пострадали во время борьбы Англии съ Франціей и поэтому они проявляли въ этомъ вопросѣ особую энергію. Въ 1823 году статсъ-секретарь Адамсъ поднялъ проблему объ отмѣнѣ въ морской войнѣ права морской добычи, но, если Франція и Россія отнеслись къ обсужденію этого вопроса съ извѣстной симпатіей, британское правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы принципъ захвата частной собственности въ морской войнѣ остался бы въ силѣ.

На первыхъ американскихъ общихъ конгрессахъ въ Панамѣ (1826 г.) и затѣмъ въ Лимѣ (1847 г.) обсуждались вопросы морского права и нейтралитета и въ Лимѣ было даже достигнуто соглашеніе между пятью южно-американскими республиками относительно отмѣны каперства, провозглашенія принципа, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ и установленіе начала дѣйствительности блокады. Однако, этотъ послѣдній актъ остался нератификованнымъ. Еще дальше пошли Бразилія и Уругвай въ договорѣ 1851 г., гдѣ содержится отмѣна права захвата частной собственности на морѣ. Бразилія и Уругвай хотѣли, чтобы это начало было признано составною частью американскаго международного права. Однако, этотъ договоръ остался безъ серьезныхъ практическихъ послѣдствій.

Крымская война, начавшаяся въ 1854 г., привела къ необходимости согласовать англійскіе и французскіе

30) Bowles. The declaration of Paris of 1856. 1900. Desjardins. Le Congrès de Paris et la jurisprudence internationale. 1884. Wehberg. Seekriegsrecht 1915, стр. 42 и д.

принципы, имевшие силу во время морской войны. Франция с конца XVIII века признавала, что нейтральный груз не прикосновенен под неприятельским флагом и что неприятельский груз не может подлежать захвату под нейтральным флагом. После некоторых колебаний Англия согласилась признать французские принципы и таким образом отказалась от своей традиционной практики, соответствовавшей нормам Consolato (см. выше Гл. X, §43).

На Парижском мирном конгрессе французский уполномоченный граф Валуевский предложил принять четыре основных начала для морской войны. Эти начала получили одобрение Австрии, Англии, Пруссии, России, Сардинии и Турции.

16 апреля 1856 г. была подписана декларация, содержащая эти начала:

- 1) Каперство отменяется, как для держав, подписавших декларацию, так и впоследствии присоединившихся.
- 2) Нейтральный флаг покрывает неприятельский груз, за исключением военной контрабанды.
- 3) Нейтральный груз под неприятельским флагом, за исключением военной контрабанды, является неприкосновенным.
- 4) Для своей обязательности блокада должна быть действительной, т. е. должна быть поддерживаема достаточными морскими силами, чтобы на самом деле не допускать прохода судов к неприятельскому побережью.

Условия декларации образуют одно целое и стороны обязались при заключении отдельных соглашений принимать все четыре принципа целиком. Декларация была вместе с тем открытым международным актом, к которому могли присоединиться и другие государства.

Затруднение возникло, однако, с присоединением к декларации Соединенных Штатов Америки. Ст. секретарь Марси в ночь 28 июля 1856 г. указал, что если

последние три пункта декларации не могут возбуждать сомнений, то пункт первый об отмене каперства является совершенною новостью. Только в двух договорах 1675 г. Швеции и Нидерландов и 1785 г. Пруссии и Соединенных Штатов упоминается об отмене каперства. Соединенные Штаты не могут отказаться от каперства, потому что они считают, что создание могущественного флота и армии разорительно для страны и опасно для гражданской свободы. Отмена каперства выгодна только державам, располагающей крупными морскими силами. На отмену каперства Штаты могут пойти лишь при условии уничтожения права добычи в морской войне. На последнее, однако, Англия ни за что не хотела согласиться и Соединенные Штаты поэтому отказались присоединиться к Парижской декларации 1856 г.

Парижский конгресс, однако, не ограничился кодификацией четырех принципов морского международного права.

В текст мирного договора ст. 8 установила начало *обязательного* посредничества в случае столкновения одной из подписавших договор держав с Турцией, причем посредничество должно было исходить от остальных неучастных в конфликту государств-участников договора.

Наконец, в протокол, подписанном 14 апреля 1856 г. высказывается желание, чтобы государства во всех своих несогласиях, прежде чем прибегать к оружию, обращались к добрым услугам какой либо дружественной державы. Такое желание было только речкой и неудачной попыткой формулировать обязанность государств до применения насилия исчерпать все мирные средства.

Проблема мирного разрешения международных конфликтов на Гаагских Конференциях 1899 г. и 1907 г. (31)

Вопрос, только вкосьзь затронутый на Парижском

31) Brown Scott. The Hague Peace Conferences. 1909.

конгрессъ въ 1856 г., ставится во всей своей полнотѣ значительно позднѣе, когда въ 1889 г. Россія беретъ на себя инициативу по созыву Мирныхъ Конференцій.

Траты на вооруженія ложились тяжелымъ бременемъ на Россію. вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе, чѣмъ какое либо другое русское правительство должно было стремиться къ расширеніямъ или наступательнымъ войнамъ. Консолидація существующаго территориальнаго распредѣленія была одной изъ задачъ русской политики, и два эти мотива опредѣлили русское выступленіе. Въ первой нотѣ 12 августа 1898 г. проблема ставится очень широко: „Императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благоприятно для изысканія, путемъ международнаго обсуждения, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить народамъ истинный и прочный миръ и прежде всего положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій. Таковъ высшій долгъ для всѣхъ государствъ“.

Въ слѣдующей нотѣ 30 декабря, наряду съ ограни-

Bustamente y Sirven. La Segunda Conferencia de la Paz. I-II. 1908. Fried. Die zweite Haager Friedenskonferenz. 1908. Higgins. The Hague Peace Conferences. 1909. Holls. The Peace Conference of the Haage. 1900. Meurer. Die I Haager Friedenskonferenz, bd. I. Das Friedensrecht. 1905, bd. II. Das Kriegsrecht 1907. Nippold. Die Zweite Haager Friedenskonferenz. I-II. 1908. Lemonon. Seconde Conférence de la Paix. 1909. Schücking. Das Werk vom Haag, bd. I. Der Staatenverband der Haager Konferenzen. 1912. II. Wähberg. Das Problem eines internationalen Staatengerichtshofes. 1912. Zern. Die beiden Haager Friedenskonferenzen von 1899 und 1907. 1915. Документы: Actes et documents de la Première Conférence de la Paix 1899 и Actes et documents de la Deuxième Conférence vol. I-III. 1907.

ченіемъ вооруженій и кодификаціей права войны, выдвигается проблема мирнаго разрѣшенія международныхъ споровъ.

На Мирныхъ Конференціяхъ послѣдней задачей придалось рѣшающее значеніе. Мартенсъ, будучи самъ участникомъ работъ Конференціи, говоритъ о блестящемъ рѣшеніи вопроса, а Деканъ, бельгійскій юристъ, указываетъ, что была достигнута „охрана общаго мира честными и совмѣстными усиліями всѣхъ“. „Исторія со временемъ поставитъ въ заслугу Гаагской Конференціи, что она искренне и съ пользой потрудилась надъ дѣломъ укрѣпленія и организаціи мира подъ сѣнью справедливости“.

Первая Мирная Конференція, собравшаяся въ Гаагѣ въ 1899 г. и Вторая Мирная Конференція, засѣдавшая въ 1907 г. впервые приступили къ кодификаціи формальнаго права, обративши прежде всего вниманіе на мирные способы и такимъ образомъ дѣйствительно вписали въ исторію международнаго права совершенно новыя страницы.

Первая конвенція, подписанная 17 (29) іюля 1899 г. и 5 (18) октября 1907 г., вводитъ прежде всего международныя слѣдственныя Комиссіи, компетентныя при спорахъ, не затрагивающихъ ни чести, ни существенныхъ интересовъ, но вытекающихъ изъ различнаго оцѣнки фактическихъ данныхъ дѣла. Такія комиссіи объективно и спокойно констатируютъ фактъ и на этомъ и контактъ свою дѣятельность, причемъ стороны въ дальнѣйшемъ сохраняютъ свободу дѣйствій. Надо отмѣтить, что въ такой формѣ слѣдственные комиссіи еще не проявляли своей дѣятельности. Единственный серьезный инцидентъ, именно столкновение эскадры адмирала Рожественскаго съ англійскими рыбацкими судами въ 1904 г. если было предметомъ разслѣдованія со стороны международной комиссіи въ Парижѣ, то въ конечномъ итогѣ онъ обсуждался далеко не только съ точки зрѣнія факта и вызвалъ заключеніе, которое въ сущности имѣло характеръ третейскаго судебнаго рѣшенія.

Наряду с международными арбитражными комиссиями первая конференция говорит о *посредничестве*, которое рекомендуется, но не признается обязательным, так как в тексте (ст. 2) содержится оговорка - "насколько позволяют обстоятельства". Посредничество может исходить как от инициатив самих участников конфликта, так и от третьих лиц. Наконец, посредники могут играть роль секундантов в дуэли и могут взять на себя улажение конфликта, причем сами спорящие остаются в стороне и ждут тридцать дней исхода переговоров государств-секундантов. Такой вид посредничества оказался в практике совершенно неприменимым. Наиболее важной частью международного формального права является вопрос о третейском суде.

В Гааге наряду с общими началами об организации третейского суда была выдвинута и проблема организации *Постоянной Палаты Третейского Суда*, который вылился в очень многочисленный список судей (каждое государство, участник Конференции - а на Второй Конференции принимало участие 44 государства - выбирало из своих или иностранных ученых по 4 члена), составленный сроком на шесть лет. Из этого списка в случае спора заинтересованная государства выбирают состав суда, который таким образом не является постоянным и не может устоять прецеденту и односторонним решениям. Члены Палаты должны пользоваться при исполнении своих обязанностей дипломатическим иммунитетом. При Палате состоит секретарь и постоянное бюро (канцелярия).

Постоянная Палата принципиально признается компетенцией по вопросам юридического характера и главным образом в вопросах толкования и применения международных договоров. Однако, это признание компетенции имеет характер лишь простого *пожелания*. Попытки России в 1899 г. и 1907 г. установить начало *обязательности* для государств по вопросам *юридического*

характера обращаться в Палату, встретили *оппозицию* оппозиции Германии и были отвергнуты в *общем* *сущаях*. Напрасно русская делегация хотела ограничить начало обязательности технически-правовыми и в *сущности* второстепенными вопросами, напрасно она *создалась* на исключение из компетенции вопросы, *за* *трагивавших* «честь», упорное германское *сопротивле-* *ние*, поддержанное и другими державами, привело к тому, что предметная правоспособность Палаты перестала существовать в своей юридической форме и единственно компетентными в решении вопроса, *может ли* *быть* *передан* спор в Палату, были и остались одни государства, не связанные обязанностью в правовом *смысле* *этого* *слова*.

Однако, вторая Мисная Конференция все-таки признала начало обязательного третейского суда по вопросу, *имевшему* гораздо большее значение, чем *толкование* *договоров*.

Частая насилья, которые осуществлялись великими державами по отношению к мелким американским и европейским государствам в связи с невыполнением последних денежных обязательств, вызвали сначала осуждение чисто теоретическое подобной практики (доктрина Драго - аргент. министра иностр. дел), а затем и принятие на Второй Мирной Конференции конвенции, согласно которой третейский суд должен быть компетентным при подобных конфликтах.

Однако, эта конвенция имеет характер исключения и в сущности квалификация в Гааге права о мирном разрешении международных споров имеет не столько прикладной, сколько принципиальный и декларативный характер.

Во вступительной части первой конвенции в редакции 1907 г. говорится о мотивах, вынудивших приступить к кодификации международного права. Прежде всего это сознание необходимости «способствовать всеми силами мирному решению международных столкнове-

ний", сознание "солидарности, связующей народы во имя божественности", желание "укрепить чувство международной справедливости" и сознание "преимущества единообразной и правильной организации третейского судопроизводства". И главный мотив особенно подчеркнутый в заглавии первого раздела "О сохранении всеобщего мира".

Средства, установленные Мирными Конференциями для достижения возвышенных целей, были недостаточны и неудачны. Надо было найти другую более совершенную юридическую форму, во мотивы, во имя которых будет вестись борьба за рост и укрепление международного формального права, останутся теми, которые были торжественно провозглашены в Гааге в 1899 г. и 1907 г.

Кодификация законов и обычаев войны на суше во XIX и XX ввках.

Право войны на суше до второй половины XIX века развивалось прецедентными или партикулярными договорами, но именно в этой области столкновения народов и различное истолкование норм имело особенно тяжелые последствия. Американцы были одними из первых, выработавших во время междусобойной войны в 1863 г. замечательные «Полевые инструкции для армий Соединенных Штатов», первоначально составленные по поручению президента Линкольна профессором Либесом и затем одобренные комиссией военных специалистов. В Европе, однако, один специальный вопрос из области права войны прежде всего привлек общественное мнение и затем вызвал и международное соглашение. Это была проблема положения раненых и больных во время войны. Швейцарец Дюнань был очевидцем битвы при Сольферино (1859 г.) и написал «Souvenir de Solferino», где живо и образно представил страдания раненых на поле сражения, погибавших мучительной смертью от недостатка ухода и отсутствия медицинской помощи. Для того, чтобы в будущем облегчить и улучшить

раненых. Дюнань решил обратиться с воззванием к частным лицам и возбудил вопрос об организации в различных государствах обществ для подания медицинской помощи больным и раненым во время войны. Женевское благотворительное общество, по инициативе своего председателя Г. Муанья созвало в Женеве в 1863 г. международный съезд, на котором были выработаны проекты об устройстве национальных обществ для помощи раненым и больным, причем было выражено пожелание, чтобы лазареты и их персонал пользовались полным иммунитетом. Последнего можно достигнуть только через международное соглашение, которое и было заключено в Женеве в следующем 1864 г. по инициативе швейцарского правительства, поддержанного Наполеоном III.

В результате была выработана известная Женевская конвенция, определявшая неприкосновенность походных лазаретов и постоянных военных госпиталей, иммунитет медицинского и санитарного персонала, не могущих подлежать военному плёну, обязанность оказывать неприятельским раненым такую же помощь, как и своим, отпуск на родину выздоровевших инвалидов и, наконец, установившая отличительный знак для учреждений, обслуживающих больных и раненых — белый флаг с красным крестом.

Впоследствии в 1868 г. в Женеве была сделана попытка дополнить и исправить первоначальную конвенцию, но эти исправления не были ратификованы державами — участниками второй конференции. Только в 1899 г. на первой Гаагской Конференции была сделана попытка распространить действие Женевской конвенции на морскую войну.

Почти одновременно с подписанием конвенции в 1864 г. возникли во всем ряде государств «Общества Красного Креста», стремящиеся в любое время принять все меры для приготовления организаций помощи раненым в момент войны.

Вторым международным актом, регулирующим право войны была Петербургская декларация 1868 г., которая была результатом русской инициативы, в частности военного министра Милютина, и которая впервые выставила в качестве критерия запрещенности средств войны причинение ненужных страданий и в частности объявила недопустимым употребление разрывных пуль весом не более 400 грамм.

Правительство Императора Александра II через несколько лет решило осуществить более широкую цель: приступить к полной кодификации законов и обычаев войны. В циркулярной депеше князя Горчакова от 17 апреля 1874 г. указывалось, что Россией руководило «чувство человеколюбия, вполне согласное с общими желаниями, пользами и потребностями... С этой целью необходимо оказывается постановить с общего согласия правила, основанные на началах полной взаимности и обязательны для правительств и их войск. По мнению нашему в этом заключается долг и польза всех государств».

Однако, хотя Брюссельская конференция и собралась и выработала проект конвенции, кодифицирующей законы и обычаи войны на суше, она всетаки обнаружила глубокий противоречия между точкой зрения великих держав и особенно Германии и точкой зрения мелких государств, как Швейцария и Бельгия, поддерживаемая Англией и стремившихся к тому, чтобы международное право дало бы самую широкую санкцию народному поддому, т.е. попытке народа вне всякой военной организации с оружием в руках сопротивляться врагскому войску.

Брюссельская конвенция осталась не ратификованной и попытки русского канцлера убедить другие державы и особенно Англию в пользе и значении кодификации права войны в 1875 г. не привели ни к каким результатам (32). В 1876 г. возник тяжелый конфликт

32) 25 января 1875 г., отвечая на ноту лорда Дарби,

на Балканах и Россия была вынуждена временно отказаться от своих планов.

Только в 1898 г., когда по инициативе России возникает вопрос о созыве Мирной Конференции, после того, как выясняется невозможность интегрального осуществления программы 12 августа о сохранении мира и разоружении, выдвигается другая задача: кодификация войны.

Важным шагом вперед в развитии международного права является установление во Второй Конференции необходимости формального объявления войны. Практика XVIII и XIX веков привела к тому, что иногда военные действия начинались совершенно неожиданно, как это было с японцами, напавшими в ночь с 26 на 27 января 1904 г. на русский флот в Порт-Артур.

Третья Гаагская конвенция 1907 г. определяет, что враждебные действия не могут начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения как в форме простого объявления, так и в виде ультиматума.

Важно было установить хотя бы краткий срок между объявлением войны и фактическим началом воен-

князь Горчаков пишет: «Именно потому, что международному праву не достает точности и ясности, брюссельский проект и пробует устранить, сколько возможно, эту неопределенность, эти пробелы, эти противоречия. Именно, потому что этому праву не достает санкции, конференция и предполагала дополнить его единственно возможной санкцией, истекающей из взаимного обмена деклараций, легших в основание инструкциям их армий... Русское правительство полагало и полагает, что в какой бы мере не был бы достигнут этот результат, он все-таки оказал бы истинную услугу человечеству». Приведено у Стоянова. Очерки по истории и догматике межд. права, 1875, стр. 258.

ных действий. На этомъ настаивали русскіе и голландскіе представители, но Конференція отклонила подобную форму.

Въ развитіе принциповъ Петербургской деклараціи 1868 г. Первая Мирная Конференція установила, несмотря на протесты британской делегаціи, недопустимость употреблять пули, легко разрывающіяся или сплюскающіяся въ человеческомъ тѣлѣ (пули «Думь-думъ», примѣнявшіяся англичанами въ Индіи), и затѣмъ признала запрещеннымъ пользованіе снарядами, единственная цѣль которыхъ распространеніе удушливыхъ газовъ (хотя американскій морской представитель Маһалъ настаивалъ, что газы могутъ быть очень гуманнымъ средствомъ войны). Кроме того Конференція запретила на 5 лѣтъ метаніе съ воздушныхъ аппаратовъ взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, но, по истеченіи пятилѣтняго срока, на второй Конференціи въ 1907 г. эта декларація не была возобновлена.

Обсужденіе проекта законовъ и обычаевъ войны вызвало на первой Конференціи въ 1864 г. бурную пренію. Британская делегація не желала, чтобы въ конценціи устанавливалась обязательность буквальнаго ея воспроизведенія въ внутри-государственныхъ нормахъ - полевыхъ инструкціяхъ арміямъ. Она хотѣла сохранить свободу выбора и проф. Мартенсу стоило большого труда выяснить, что не внутри-государственное право опредѣляетъ международное, но наоборотъ послѣднее первое.

Еще больше затрудненій возбудилъ вопросъ о допустимости народнаго подъема. Если въ *незанятой* территоріи и допускалось сопротивленіе мѣстнаго населенія, то это признавалось недостаточнымъ бельгійской и швейцарской делегаціями и въ результатѣ была принята неясная и гуманная резолюція, что конвенція не могла предусмотрѣть всѣхъ случаевъ (въ частности возстаній на *занятой* непріятелемъ территоріи), но что непредусмотрѣнные случаи тоже должны быть разрешаемы черезъ примѣненіе общихъ нормъ международного права.

Бельгійская делегація въ лицѣ своего представителя Веегнаертъ рѣшительно протестовала противъ предоставленія какихъ-либо правъ воюющему при занятіи имъ непріятельской территоріи, но эта делегація не могла предложить иного юридическаго выхода и въ результатѣ оккупация получила свою правовую организацію. Законы и обычаи войны не суть, кодифицированныя впервые въ 1864 г. и пересмотрѣнныя въ 1907 г., дають возможность ввести борьбу народовъ въ извѣстныхъ формальныхъ рамкахъ и считають почему для дальнѣйшаго служенія сферы примѣненія насилія. Военнымъ силамъ воюющихъ противопоставляется мирное населеніе, не участвующее непосредственно въ борьбѣ и пользующееся поэтому неприкосновенностю. Вмѣсто посейней нормы, что въ войнѣ дозволяется все, что можетъ сломить сопротивленіе врага (*necessaria ad finem belli*), утверждается принципъ абсолютной недопустимости ряда средствъ, хотя они и могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія военной цѣли (употребленіе яда или отравленнаго оружія, вѣроломное убійство, объявленіе, что никому не будетъ дано пощады, бомбардированіе незащищенныхъ мѣстъ и т. д.). Устанавливаются точныя правила для обращенія съ военнопленными и твердо подтверждается принципъ, что при военной оккупации власть воюющаго лишь временно заступаетъ власть собѣдѣннаго государства. Отсюда вытекають и права мѣстныхъ жителей на уваженіе ихъ религіозныхъ взглядовъ и подданническихъ связей, на неприкосновенность ихъ имущества и на полную юридическую защиту ихъ гражданскихъ правъ.

Наконецъ, вопросъ о положеніи раненыхъ и больныхъ было предметомъ новой Женевской конвенціи 1906 г. (23 іюня/6 іюля), замѣняющей и расширяющей нормы старой конвенціи 1864 г.

Международная кодификація права войны на сущь могла дать свои результаты лишь при условіи, что государства проникнутся духомъ новыхъ челоуѣчныхъ международныхъ нормъ и наряду съ военной подготовкой

они произвести и моральную подготовку армий в смысле проявления гуманного отношения к врагу, вышедшему из строя или не могущему оказывать сопротивления.

В действительности, когда началась мировая война, как командный состав, так и солдаты не имели никакого или же очень смутное представление об обязанностях, лежащих по отношению к врагу. В итоге военными силами было совершено, иногда и бессознательно, безконечное число правонарушений и ничем не оправдываемых насилій.

Кодификация права морской войны в Гааге в 1907 г. и в Лондоне в 1908 - 1909 г.г. (33).

Русско-японская война 1904-1905 г.г. вызвала ряд конфликтов как из-за вопросов морской войны, так особенно и нейтралитета. Англия, не будучи участницей столкновения, считала, что с русской стороны были допущены правонарушения и для их предотвращения в будущем она согласилась на частичную кодификацию некоторых норм права борьбы на море.

На Второй Мировой Конференции в 1907 г. в VI конвенции была подтверждена желательность предоставления *индальты*, т.е. льготного срока для неприятельских торговых судов, застигнутых врасплох объявлением войны. Это было общим правилом в конце XIX и начале XX века. В 1898 г. Соединенные Штаты Америки представили испанским судам 30-ти дневный срок, Россия в 1904 г. японским судам - 48 часов, а Япония

33) Кроме литературы о Мисских Конференциях (см. примечание к §58) ср. бар. Б. Нольде. Лондонская конференция. Восток и Европ. 1910. Лондонская Конференция изд. Министерств. Иностр. Дел. 1910. Hold v. Fernack. Die Reform des Seekriegsrechts durch Londoner Konferenz 1908-1909. 1914.

русскими - 7 дней. Эти прецеденты нашли таким образом свое санкцию в международном соглашении.

Другим вопросом была проблема о допустимости преобразования торговых судов в военные. Она получила особенно острый характер в связи с англо-итскими протестами против преобразования судов Дюроувольного флота «Смоленска» и «Петербург» в крейсера во время русско-японской войны. VII Гаагская конвенция допустила эти преобразования, но лишь при условии, что преобразованные суда становятся частью военно-морских сил, что они имеют отличительные признаки судов своего флота и что они соблюдают законы и обычаи войны. Вопрос о допустимости преобразования в открытом море остался неразрешенным.

Что касается средств, применяемых в морской войне, то русско-японская война выяснила чрезвычайную опасность для нейтральных судов, мин, разбрасываемых в больших количествах и уносимых морскими течениями очень далеко от места разбрасывания или установки. VIII Конвенция допускает пользование минами с якорями, если они делаются безопасными, когда срываются с якорей, и минами без якорей, если они становятся безопасными через час после утери над ними контроля. Точно также могут быть применяемы и торпеды, лишь при условии, что они делаются безопасными, не попав в цель.

Бомбардирование с моря, согласно IX Конвенции, запрещается производить по незащищенным городам, селениям, жилищам и строениям. Однако, допускается уничтожение верфей, баз и мастерских, могущих быть использованными для военных целей и бомбардирование населенного пункта при отказе снабдить морские силы нужными для них продовольствием, топливом или пресной водой.

На первой Гаагской Конференции была выработана конвенция о применении Женевской конвенции 1864 г. к морской войне, но, после того как в 1906 г. Женевская

конвенция была заново переработана, X Конвенция 1907 г. содержит приложение новой Женевской конвенции к морской борьбе. Особенно энергично в данном случае подчеркивается иммунитет госпитальных судов, которые в бою должны оказывать помощь раненым и больным без различия национальности.

Вопрос о морской добыче был вывинут американской делегацией, добывавшейся в 1907 г. в Гааге признания неприкосновенности на море частной собственности, но вследствие оппозиции почти всех великих держав американское предложение не было принято.

Вторая Гаагская Конференция ограничилась только тем, что в XI конвенции, согласно установленной международной практики, определила неприкосновенность мелких рыбачьих судов и судов, выполняющих религиозные, научные или благотворительные поручения. Кроме того, определена и неприкосновенность почтовой корреспонденции, как на нейтральных, так и неприятельских судах, причем воюющие должны принимать все меры для скорейшего отправления корреспонденции по назначению. Самым важным актом Второй Мирной Конференции была выработка проекта Международной Призывной Палаты (по XII Конвенции 1907 г.).

Согласно практике, корни которой уходят к началу XV века (ср. выше Гл. X, § 43), вопрос о законности захвата судов и товаров решался национальными призовыми судами, согласно материальному праву захватчика.

XII Гаагская Конвенция ограничивает право национальной призывной юрисдикции необходимостью применять нормы, кодифицированные в международных соглашениях, публично провозгласить приговоры и не осуществлять судебного разбора более чем в двух инстанциях.

Кроме того, в XI Конвенции представляется и совершенно новое понятие, которое сводит национальные при-

зовых судов могут быть обжалованы в Международную Призовую Палату. Последняя состоит из 15 судей и 15 судей-заместителей, из которых 8 судей и 8 судей-заместителей назначаются великими державами, остальные члены в известном порядке средними и малыми государствами. Назначение производится на 6 лет и Палата должна заседать в Гааге.

Эта Палата должна была играть очень важную роль в развитии международного права и особенно в гарантии прав нейтральных, но она осталась только проектом и не претворилась в жизнь вследствие целаго ряда затруднений. Соединенные Штаты Америки не могли допустить в силу своего конституционного права, чтобы судебная дѣла не рѣшались окончательно национальной юрисдикцией и поэтому в протоколѣ 1910 г. было оговорено, что Палатѣ не может принадлежать ни кассационная, ни апелляционная роль, но что она лишь определит убытки и причитающееся вознаграждение.

Другим затруднением было полное отсутствие кодифицированного материального призового права. Для преодоления этого препятствия была создана в 1908 - 1909 г. г. специальная Конференция в Лондоне, выработавшая послѣ продолжительной работы текст декларации о правѣ морской войны.

Лондонская декларация была первой попыткой сводки прецедентных и обычных норм права морской войны и она дает картину дѣйствующей системы, не пытаясь что скольконибудь существенно реформировать.

Прежде всего в Лондонской декларации подробно и съ большими деталями регулируется блокада, являющаяся закрытием части неприятельскаго берегового пространства для морских сношений. Чтобы повлечь за собой юридическія послѣдствія, блокада должна быть дѣйствительной. Въ чемъ выражается «дѣйствительность», осталось невыясненнымъ, потому что въ декларации нѣтъ формулировки, содержащейся въ конвенціи 1856 г. (см. выше § 57) и просто указывается, что «дѣйствительность»

блокады есть вопрос факта. На самом деле при современных условиях и особенно при техническом совершенстве средств связи сравнительно небольшие морские силы могут успешно поддерживать блокаду. Но надо отметить, что в современной морской войне, благодаря опасности, постоянно грозящей от мин и подводных лодок, блокада в своей классической форме почти перестала существовать и нормы Лондонской Декларации были в значительной степени анахронизмом даже в 1903 г.

Блокада должна быть объявлена и это объявление должно быть нотифицировано, как нейтральным государствам, так и местным неприятельским властям.

Другим важным ограничением для нейтральной торговли является право воюющих на конфискацию предметов военной контрабанды. Лондонская декларация выработала список предметов абсолютной и относительной контрабанды. Первые подлежат захвату при простом конечном назначении в неприятельское государство, а вторые при назначении военным силам или управлению неприятеля. К абсолютной контрабанде отнесены оружие, снаряды, порох, военное обмундирование и снаряжение, лошади и вьючные животные и т. д. К относительной контрабанде — съестные припасы, фураж, повозки, корабли, железнодорожный материал, самолеты и т. п. Наконец, имела в Декларации и свободный список предметов, ни в коем случае не подлежащих конфискации. Сюда отнесены хлопок, шерсть, шелк, каучук, кожи и т. д. Эта классификация во время мировой войны оказалась совершенно неприменимой. Все национальное хозяйство воюющих было мобилизовано и милитаризовано и провести границу между абсолютной и относительной контрабандой оказалось невозможным. Вместо с тем выяснилось уже во время войны чрезвычайное значение хлопка, шелка, каучука и т. д. для чисто военных целей (резина для легких автомобилей, шелка для аэропланов и аэростатов) и в итоге правила Лондонской Декларации

о военной контрабанде оказались в жизни неприменимыми.

Декларация содержала нормы о правах воюющих подвергать конфискации нейтральные суда, оказывавшие услуги противнику перевозкой его военных сил или же вообще имь зафрахтованных.

Нейтральные суда нормально не могли подлежать уничтожению, но должны были, согласно Декларации, быть отведены в ближайшие порты для установления правых путем факта законности захвата. Только при опасности такого отвода для военного судна нейтральный корабль мог подлежать уничтожению, но лишь при условии предоставления полной безопасности экипажу и пассажирам и сохранении всех судовых бумаг. Наконец, впервые с полной определенностью в международном акте определяется право нейтральных на неприкосновенность их судов, плавающих под прикрытием военного флага (право конвоя).

Развитие теории нейтралитета.

Во XVIII веке понятие нейтралитета теоретически признавалось в доктринах, исходивших из факта существования равноправных суверенных государств, участвующих лично и окончательно, желают ли они принять участие в войне или наоборот остаться в стороне от борьбы. Однако, в эту эпоху существуют еще градации нейтралитета: он может быть «полным» и «неполным», «договорным», «благожелательным» и т. д.

Только в XIX веке формируется теория, находящая у Листа свое яркое выражение: «Для нейтральных держав (*medi in bello*) война является *res inter alios acta*: от воюющих она имеет право требовать, чтобы военные действия их не касались; но со своей стороны она обязана по отношению к воюющим не принимать никакого участия в военных действиях. Нача-

ло нейтралитета означает ограничение войны одними только воюющими державами" (Листв.Международное право, 1912, 438-439).

Провести нейтралитет действительно, однако, никогда не удалось. Если нейтральное государство официально и не принимало участия в помощи воюющим, то частные лица, как военными поставками, так и займами, всегда могли оказывать помощь той или другой стороне с тем своеобразным оттенком, что такое участие во враждебных действиях осуществлялось не во имя моральных требований, но в силу материального расчета и жажды обогащения. Нейтралитет имѣл чисто-отрицательный характер: это была обязанность воюющих осуществлять вооруженное насилие лишь в своих собственных пределах и таким образом война получала локальное ограничение. Такой характер имѣет III Конвенция 1907 г. (как и XIII Конвенция, переносщая те же нормы на морскую войну), гдѣ воюющим запрещается проводить войска через нейтральную территорию, устанавливать аппараты и станци для связи и пользоваться вообще сооружениями в пределах не участвующаго в войнѣ государства. Последнее съ своей стороны должно препятствовать всѣм средствам попыткам воюющих использовать его территорию. Войска, случайно попавшія в нейтральное государство, подлежат интернированию и разоружению, а военнопленные, бѣжавшіе отъ непріятеля, должны быть отпущены на свободу.

Совершенно неправильно Гл. III Конвенции говорить о «нейтральныхъ лицахъ» (каковыми в правовомъ смыслѣ могутъ быть только нейтральныя государства), разумѣя подъ ними частныхъ лицъ, нейтральныхъ подданныхъ, не могущихъ сослаться на свой нейтралитетъ при поступлении на военную службу къ одному изъ воюющихъ или вообще при совершении враждебныхъ действий. Однако, къ враждебнымъ действиямъ не относятся поставки оружія и займы.

Теорія нейтралитета въ своемъ новѣйшемъ развитіи была отголоскомъ принциповъ "laissez faire, laissez passer", перенесенныхъ въ международныя отношенія. Такое ученіе хотѣло развязать руки нейтральнымъ въ ихъ стремленіи поддержать пламя вражды и извлечь изъ борьбы возможно большія выгоды, но оно отрицаетъ моральный долгъ и правовую обязанность, о которой очень неопредѣленно упоминаетъ I Конвенция, — положить конецъ вооруженному столкновению и кровопролитію среди народовъ. Изъ двухъ сторонъ только одна будетъ правой, другая виновной и судъ нейтральныхъ долженъ быть высшей инстанціей, чтобы не допустить торжества насилия надъ правомъ. Нѣтъ войны, которая при современныхъ условіяхъ была бы даже для географически смыхъ отдаленныхъ государствъ постороннимъ дѣломъ. И никакая война никогда не будетъ изолированной и будетъ въ одинаковой мѣрѣ затрагивать всѣ народы. Нейтралитетъ въ своей новой формѣ былъ болѣзненнымъ отраженіемъ господства принциповъ чисто координационной и эгоистической правовой системы. Въ будущемъ ученіе о нейтралитетѣ исчезнетъ и уступить мѣсто коллективной ответственности и коллективной регулировки споровъ народовъ о правѣ.

ОТДЕЛЪ ПЯТЫИ .

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.
(Отдѣлъ V).

Стр.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
363	12 сн.	нѣмецкихъ, но и для	нѣмецкихъ ученыхъ, но и для
363	8 сн.	началомъ государ- ственнымъ	началомъ, государ- ственнымъ
374	18 сн.	заднія	зданія
375	6 св.	Abbaa	Abbaa

О Т Д Ъ Л Ъ V.

КРИЗИСЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ВЪ МИРОВОУ ВОЙНУ.

Г л а в а XX.

§62. Внутреннія условия кризиса международнаго права: 1) Государственная теорія международнаго права. 2) Недостатки кодификаціи международнаго права въ Гаагѣ и Лондонѣ. §63. Внѣшнія условия кризиса международнаго права: 1) Развитие техники. 2) Развитие военного искусства. 3) Мировое распространение войны. §64. Кризисъ права войны на сушѣ. §65. Кризисъ права войны на морѣ и кризисъ теоріи нейтралитета. §66. Преобразование международнаго права послѣ мировой войны.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ:

- Gerner. International law the and world war. 1920.
Fauchille. La guerre de 1914. Recueil de documents intéressants le droit international v. I-III. 1916-1920.
Fauchille. Traité de droit international public. Tome II Guerre et neutralité. 1921. Mérignhac et Lemonon. Le droit des gens et la guerre de 1914-1918 vol. I-II. 1920-1921.
Müller-Meinigen. Der Weltkrieg 1914-1917 und der Zusammenbruch des Völkerrechts bd. I-II. 4 aufl. 1917.
Philippson. International law and the great war. 1919.
Rolin. Le droit moderne de la guerre vol. I-II. 1921.
Tönnies. Weltkrieg und Völkerrecht. 1917.
Ср. также: Revue générale de droit international public 1914-1918. Zeitschrift für Völkerrecht 1914-1917, германские билья книги, французские желтые, бельгийские серые той же эпохи, Times, Times, Norddeutsche Allgemeine Zeitung и т. д.

Глава XX.

- §62. Внутренние условия кризиса международного права: 1) Государственная теория международного права. 2) Недостатки кодификации международного права в Гааге и Лондоне. §63. Внешние условия кризиса международного права: 1) Развитие техники. 2) Развитие военного искусства. 3) Мировое распространение войны.
§64. Кризис права войны на суше. §65. Кризис права войны на море и кризис теории нейтралитета. §66. Преобразование международного права после мировой войны.

Государственная теория международного права была господствующей в XIX и начале XX веков. Но она уже не покрывала и не объясняла всей сложности новых международных отношений. Государства оказывались связанными друг с другом не только временными, переходными и случайными интересами, но и общими задачами, которыми можно было осуществлять лишь в постоянном взаимодействии и тесной связи народов друг с другом. Даже частные цели отдельных государств уже не были эгоистическими проявлением личных потребностей, но как бы служением высшему общему началу. Россия, будучи могущественной военной державой, берет инициативу для предложения всеобщего разоружения. Англия выступает во время русско-японской войны в защиту прав нейтральных и позднее соглашается на учреждение Международной Призывной Палаты. Отдельные частные интересы уже неотделимы и неразрывно связаны с началами общего одинакового права. Создается органическая взаимная обусловленность цели и правопорядка с правами отдельных его субъектов. И с особенной силой просыпаются новые принципы согласованности общего с частным в попытках кодификации норм единого надгосударственного права на двух Гаагских Конференциях.

На эти же новыми путями развития мирового пра-

вопорядка въ непреодолимомъ противорѣчїи находится учене, что источникомъ права является не дѣло, но части, что единицамъ принадлежитъ право быть судей въ общемъ дѣлѣ и что однимъ изъ нѣрмальныхъ путей проявленїи частнаго начала можетъ быть примѣненїе жестокаго насилїя. Отсюда и утверждениа, что война не есть правовое средство или правовое понятїе. Война, какъ учитъ Lueder, есть примѣненїе силы для осуществленїя государственнаго принужденїя противъ чужаго государства. И, если государство можетъ только само оценивать, когда оно въ правѣ прибѣгнуть къ пролитїю крови, оно одно только и рѣшаетъ о томъ, какими средствами лучше всего осуществить военныя задачи. Достаточно признать, что война — явленїе не юридическое, а фактическое насилїе, какъ это дѣлаютъ Листъ, Рейльборнъ, Діена, Маринони и т. д., и тогда долана опаста правовыя нормы, регулирующїя насилїе, которое по существу не допускаетъ правовой регламентаціи. Ливеръ утверждаетъ болѣе открыто то, о чемъ другїе говорятъ болѣе замаскированно: «Всѣ насильственные военныя мѣры, необходимыя съ точки зрѣнїя военной цѣли, нужны и должны осуществляться безъ какихъ либо ограниченїй и никакой правовой запретъ не можетъ ограничить ихъ примѣненїя (1)». Отрицать это, значитъ создавать противорѣчїе въ самомъ понятїи войны и значить поступать безчеловѣчно, потому что вождямъ государства находится въ томъ же положенїи, какъ и человѣкъ, вовлеченный въ борьбу не за жизнь, а за смерть. Чтобы спасти себя, онъ

1) Lueder. Krieg und Kriegsrecht (Holtzendorffs Handbuch bd. IV, 1883), 180—181. Къ Людеру близко подходитъ и Листъ, являющїй, правда съ оговорками, что «Вожущїй вообще имѣетъ право прибѣгать ко всемъ средствамъ, примѣненїе которыхъ необходимо, чтобы сломить сопротивление непрїятеля (necessaria ad finem belli)». Международное право. 1912, стр. 393. Ср. Strupp. Landkriegsrecht. 1914.

долженъ побѣдить врага. Гуманность требуетъ тоже скорѣйшаго окончанїя войны. Судьей въ сомнѣнїяхъ можетъ быть только военное командованїе и оно не можетъ быть въ своей свободѣ, связано непрїемлимыми условїями. Только нормы, немогущїя оказывать влїянїя на цѣли войны и не вторгающїяся въ принципиально безграничную военную компетенцію командованїя, можно признать допустимыми 2).

Отсюда вытекаетъ полное отрицанїе примата права дѣлающагося игрушкой въ рукахъ органа преслѣдующаго лишь одну цѣль: всеми средствами обезпечить побѣду надъ противникомъ. Именно въ этой сферѣ роль права особенно значительна, потому что оно должно связывать воюющихъ не только послѣ кровавой битвы, когда требуется проявленїе лишь минимума человечности, но въ гораздо болѣе степени ограничиваетъ предупредительно насилїя и кровопролитїя, запрещанъ прибѣгать къ ряду средствъ, могущихъ быть очень дѣйствительными по своимъ результатамъ съ точки зрѣнїя военной цѣли (отравленїе воды, распространенїе эпидемїи въ мѣстѣ расположенїя врага, предательское убїйство выдающагося непрїятельскаго вождя и т. д.), но всетаки запрещенныхъ правомъ во имя извѣстныхъ моральныхъ требованїй.

Такое сознательное отрицанїе безусловной силы за правовыми запретами было характерно не только для нѣмецкихъ, но и для крїстовъ другихъ странъ, утверждавшихъ о своей принадлежности къ позитивному правленїю. Культъ государства и культъ войны, непониманїе, что уже сложилась органическая связь между частнымъ и общимъ началомъ государственнымъ и вселенскимъ, привелъ съ роковой неизбежностью къ стремленїю государствъ во время мировой войны совершить беззачетное число преступленїй, для которыхъ было одно оправданїе, что только черезъ причиненїе дѣйствительныхъ ранъ и увѣщїй можно заставить врага смириться и признать себя побѣжденнымъ. Въ результатъ за сто лѣтъ не

2) Lueder. Op. cit., стр. 188.

было пролито столько человеческой крови и не было причинено столько страданий, как за четыре года мировой войны. И для всех правонарушений было одно объяснение: необходимо спасти свой народ через убийство чужого и в моменте военного безумия не поняли одного, что убивая чужих и совершая насилие над невинными причиняют вред себе самим, потому что настало время, когда всякая борьба в мире стала борьбой жлобособной и братоубийственной и когда на всаке мировой истории не-возможны последствия международных правонарушений оказались тяжестью, болфе значительной, чфм жалкие и забытые военные результаты.

Если государственная власть признавала себя единственным первоисточником международного права, то она пыталась при кодификации на мировых конференциях сохранить за собой возможность последней оцнки и суждения. В Гааге и Лондоне одной из главных забот было возможно болфе последовательное проведение принципа взаимности в несении международных обязанностей и это приводило иногда к совершенно неожиданным результатам.

В Гааге в 1899 г. и 1907 г. было установлено начало, что подписанные соглашения действительны только между договаривавшимися державами. И таким образом законы и обычаи войны на суше находят свое применение только когда *все воюющие* являются участниками соответственного договора. В мировой войне принимали участие государства (Болгария, Италия, Сербия, Турция и Черногория), не ратификовавшие конвенции 1907 г. В итоге эта конвенция как будто теряла свою правовую обязательность, но сохраняла ли силу конвенция 1899 г.? Согласно одним юристам конвенция 1899 г. была замнена в 1907 г. новой конвенцией и для государств, принявших последнюю, старая конвенция болше не имеет силы. В итоге законы и обычаи войны, благодаря оплошностям при кодификации, оказались как бы несуществующими. Правда, другая точка зрения

настаивала на том, что конвенция 1899 г. всетаки сохраняется силу, потому что новая конвенция замбает старую в отношениях договаривавшихся держав и следовательно остается в силе: 1) для государств, ратификовавших лишь акт 1899 г. и 2) в отношениях государств, ратификовавших акт 1907 г., к государствам, ратификовавшим лишь акт 1899 г.

В конечном результате создается очень запутанное положение и возможны серьезные сомнения по поводу действительности международных норм, которая сначала выросла в вид прецедента и обычая и которым поздне была сообщена договорная форма, не укрпленная, но подточившая их правовой авторитет.

То же самое повторилось и с Лондонской декларацией 1909 г., где в предварительном постановлении говорилось, что подписавшие державы согласны признать, что правила декларации в существе своем соответствуют общепризнанным началам международного права. Однако, этим обычаям и прецедентам была придана тоже договорная форма, причем подписавшие державы не ратификовали декларации. Тут тоже могли возникнуть большие сомнения в пользе подобной кодификации, предоставляющей широкую возможность не соблюдать под формальными предлогами действующего права.

Наконец, в Гааге иногда создавали и фиктивное международное право, к каковому, например, относилась декларация о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных аппаратов, которая в действительности в 1907 г. не была ратификована всеми подписавшими державами и поэтому не имела силы во время мировой войны.

Иногда самый текст соглашения и деклараций может дать повод к недоразумениям. Декларация 1899 г. запрещает употребление снарядов, имеющих *единственным назначением* распространение удушливых и вредных газов. Но остается открытым вопрос, можно ли признать не снаряды, но аппараты, распространяющие удуш-

ливые газы и можно ли употреблять в бою снаряды, хотя и распространяющие газы, но дающие вместе с тем при разрыве осколки, могут причинять обыкновенный ранения? — На этот вопрос нельзя получить ясного ответа, а военная практика выдвинула и одно и другое применение удушливых газов.

Несовершенство кодификации привело к тяжелым последствиям, но последствия эти оказались возможными лишь при наличии убеждения, что субъективной оценкой государства определяется реальность той или другой нормы объективно международного права.

Однако, не только внутренние условия развития международного права приводили к тому, что при мировой войне были неизбежны конфликты на почве применения неясных и противоречивых норм, но и внешние условия создавали тоже для реализации правовых велений чрезвычайно неблагоприятную обстановку.

До войны общераспространенным убеждением была вера, что развитие материальной культуры идет не только параллельно с ростом правовых учреждений, но даже способствует укреплению и прогрессу последних. Правда, еще до 1914 г. военная техника стремилась не только усовершенствовать существующие средства массового уничтожения врага, но и изобрести новые способы, невзирая на прежнюю веру. Прогресс техники привел к изобретению скорострельной артиллерии, к применению сильно-взрывчатых веществ, к употреблению фугасов, пулеметов, ручных гранат, к использованию в морской войне подводных мин, к созданию минных полей и, наконец, к попыткам применения подводных лодок. Мировая война обострила и ускорила этот процесс и привела к тому, что международно-правовая регуляция опоздала и оставила нерешенным вопрос о допустимости широкого применения тех или других новых способов борьбы. Одно было ясно, что цель военно-техническая и цель правовая находятся между собой в неустрашимом противоречии, потому что

задача вывести неприятеля из строя через причинение страданий и убийство несовместима с требованиями человечности и критерий Петербургской декларации 1864 г. о том, что недопустимо причинение калечных страданий, с военной точки зрения непонятно, потому что все раны и все увечья никогда не могут быть излишними и тяжелое ранение, дѣлающее противника на всю жизнь инвалидом, более выгодно, чем причинение легких ран, по излечении которых солдат или офицер снова возвращается в строй.

Наряду с ростом технических средств военного искусства преобразилось и искусство организованных военных сил, отдѣляющихся от народной массы и образующих категорию комбатантов — воюющих, современное развитие стратегий привело к военному социализму, к мобилизации не только мужчин, но почти всего населения. Оно вызвало необходимость отказаться от принципов Французской Революции и Наполеона, что война питает войну, т.е. что занятая неприятельская территория снабжает войска всем необходимым. Для снабжения армии нужно было создать такой сложный механизм, который мог функционировать только внутри страны, но который в рядѣ государств мог питать безостановочно миллионная армия снарядами и продовольствием лишь при некотором внешнем подвозѣ. Промышленная Германия и отсталая земледѣльская Россия одинаково нуждались в подвозѣ различных материалов и блокада их — применение чл. 24 ст. 1901 Convention — могла оказаться решающей для исхода мировой войны. Новая стратегическая обстановка вызвала возрождение в самых жестоких формах промышленной или торговой войны. И с необычайной силой проявилась тенденция, знакомая по войнам Наполеона, изолировать континентальную империю от подвоза с моря, что вызвало отчаянную попытку немцев примкнуть крейсерскую войну подводными лодками и этим привести Англию к капитуляции через голодную катастрофу.

Изменились и условия боя. Вместо прежней героической схватки в открытом поле двух враждебных армий, схватки, где индивидуальность и талантливость полководца играют всё ещё с моралью солдат решающую роль, сражение делается безконечным во времени и в пространстве. Против живой стёны бойцов выдвигается другая непрерывная стёна и бой вырождается в систематическое ежедневное уничтожение друг друга, причём каждый день в среднем в Европé сь июля 1914 г. по 1918 г. убивается 3.000 человек, из которых 3.000 одних русских. Правда, бывають моменты, когда бой делается более интенсивным, но для мировой войны типично, что в сущности около четырёх лёт происходит три грандиозных сражения: на западном, восточном и юго-восточном фронтах. Новая окопная война делается борьбой жестокой и своеобразной. Иногда невозможно оказывать помощь раненым, которые лежат между линиями окопов, иногда нельзя приступить къ погребению павших и никакия нормы международного права не могут сделать новый образъ борьбы людей более человечным.

При штурме и взятии неприятельских окопов иногда, в особенности на западном фронте, нёт времени, чтобы заботиться о неприятельских раненых и пленных, и иногда происходит суммарная чистка взятых и оставшихся в тылу окопов.

Новая техника, новая тактика и стратегия делают коллективное убийство чрезвычайно совершенным и прежняя эпохи не делали подобных безконечных жертв богу войны и ненависти. Война получает более трагический и алогичный характер и в конечном итоге по природе своей стремится уничтожить всякия правовыя ограничения и стать безконечным и полным насилием. Если на зарё социальной жизни трудно даже сказать, существовала ли война, потому что она имела чрезвычайно гуманныю форму судебного поединка, то современная война волнами пролитой крови хочет поколебать основы

права среди народов. Однако, несмотря на свои тенденции, мировая борьба всетаки не стерла совершенно законность и обычаев войны на суше и на море и в конечном итоге явзвала лишь чувство глубокой реакции, потому что и для победителей и для побжденных жертвами принесенная, не могли оправдать никаких политических результатов.

Наконец, послднимъ външнимъ неблагоприятнымъ условиемъ былъ фактъ мирового распространения войны, отсутствіе на европейскомъ материкѣ могущественныхъ нейтральныхъ державъ, которыя своимъ авторитетомъ и своею матеріальною заинтересованностью въ томъ, чтобы всеюше уважали бы ихъ права, могли бы заставить ихъ соблюдать въ войнѣ нормы международного права. Въ Европѣ, а сь 1917 г. въ Америкѣ и Азии, почти всё народы или фактически или формально принимали участие въ борьбѣ и конечно Швейцарія, Голландія, Данія, Испанія, Швеція и другія мелкия государства, оставаясь нейтральными, не были въ состояніи оказывать достаточно внушительнаго давленія на воюющихъ.

Такимъ образомъ сложилась обстановка, когда сами воюющія державы были сторонами и судьями въ своемъ дѣлѣ и считали для себя вполне допустимымъ совершать правонарушенія, но отрицали подобное право за своими противниками.

Крнансь права войны на суше.

Нормально субъектами активного права войны являются арміи воюющихъ. Но и на Брессельской Конференціи 1874 г. и на Гаагской 1899 г. было признано право за населеніемъ назанятой территории при приближеніи врага съ оружіемъ въ рукахъ оказывать ему сопротивление, причём население признается за воюющаго, если соблюдать законы и обычьи войны и открыто носить оружіе. Во время мировой войны эта проблема вы-

лучила особое значение при нападении Германии на беззащитную и постоянно-нейтральную Бельгию.

В Бельгии существовало национальное ополчение (garde civique), задачей которого защищать национальную независимость и территориальную неприкосновенность своего отечества. Такое ополчение, конечно, всегда могло быть призвано для военной службы и пользование им не является запрещенным. Национальное бельгийское ополчение имело свои отличительные знаки, имело военную иерархическую организацию и члены его должны открыто носить оружие.

Что же касается народного подвига, то правительство бельгийское не пыталось его организовать. Наоборот, указом короля от 4 августа населению было предложено воздержаться от враждебных действий против германской армии и сложить все оружие в помещениях местного управления и местной полиции. Однако, народный подвиг может быть спонтанным, результатом местного возбуждения и быть ничем невфрейтованым, вопреки бельгийским официальным утверждениям, что в Лувен, Намур, Динант и некоторых других пунктах население пыталось оказывать сопротивление немецким войскам. Но отсюда не следуют те выводы, к которым пришло немецкое командование, отдавая приказ расстреливать тех лиц, которые были захвачены с оружием в руках. Лучшими документов, иллюстрирующими германские преступления, совершенные в Бельгии, являются официальные белые немецкие книги, подтверждающие массовые казни даже священников и женщин, героически сопротивлявшихся немецкому вторжению.

Совершенно особое значение в войне на суше имеет применение некоторых способов или средств, являющихся специально запрещенными как международным обычаем, так и Гаагскими соглашениями. В войне нельзя объявлять, что врагу не будет дано пощады. Раз противник выведен из строя и не может больше со-

противляться, с ним следует обращаться гуманно. Между тем в 1914 г. один германский генерал Шенгер отдал приказ не давать пощады врагу, это приказание было подтверждено на процессе этого генерала в Лейпциге в 1922 г.

Перед наступлением генерала Гинденбурга в ноябре 1914 г. на русском фронте в приказе по армиям императора Вильгельма осмелился повторить фразу, знакомую по его речи в 1900 г., когда отправлялись войска для карательной экспедиции против Китая: "По-ре победенными! Победителя не знает жалости!" В августе 1915 г. австрийский генерал Зорвич, командующий III армией, приказывает частям, ему подчиненным, брать как можно меньше пленных. В свою очередь немцы упрекали как русских в безчеловечном отношении к раненым и пленным, так особенно настаивают на том, что на западном фронте после вступления немецких окопцов происходило mitoyage, уничтожение солдат, еще могущих оказывать сопротивление.

В сражении запрещается прибегать к способам, причиняющим излишние страдания и в частности еще в 1864 г. в Петербургской декларации было подгаеждено старое правило о недопустимости пользоваться разрывными пулями, а в Гааге был принят запрет о пользовании пулями, деформирующимися в человеческом теле (пули «дум-дум»). Между тем в мировой войне австрийцы систематически пользовались разрывными пулями, причем объясняли, что эти пули применяются лишь для пострелки. На самом же деле в данном случае пострелка ведется по живой цели и поэтому на арабском, итальянском и русском фронтах применение разрывных пуль австрийцами приводило к очень тяжелым ранениям.

Гораздо менее обоснованными были взаимные обвинения вошедших в употребление пули «дум-дум». В отдельных случаях деформация пуль действительно производилась самими ожесточенными бойцами, а иногда

рикошетная пуля причиняли ранения, аналогичные ранениям от пуль «дум-дум». Однако, говорить с тем, что союзники или немцы и австрийцы систематически применяли пули «дум-дум», было бы неправильно.

Что касается положения раненых и павших, то тут наблюдался факт регрессивного и безчеловечного развития. Очень часто оказывалось невозможным по условиям окопной войны подбирать раненых и хоронить мертвых. Старая многовековая практика, устанавливавшая долг для воюющих заключать особые капитуляции после боя, для того, чтобы обезпечить помощь жертвам сражения, оказалась совершенно неприменимой. Напрасно Международный Красный Крест обращался к воюющим 26 октября 1915 г. с предложением заключать краткосрочные перемирия для погребения убитых и помощи раненым, все государства, принимавшие участие в войне, возразили, что чрезвычайно интенсивный и затяжной характер нового боя абсолютно исключает возможность таких перемирий. Положение раненых очень часто оставалось тяжелым, и, когда они попадали в плен к противнику. Все народы, участвовавшие в мировой борьбе, обвинили друг друга в почти неслыханных жестокостях по отношению к беззащитным и выведенным из строя противником. Бюллетень Международного Красного Креста за 1914-1918 г. г. дает большой и очень объективный материал, безосторонне фиксирующий тяжелые правонарушения, совершенные германскими войсками против французов (особенно вопиющим был факт сожжения французского военного госпиталя в Гомери в 1914 г., где погибло 120 раненых солдат и офицеров, причем с оставшегося в живых санитарного персонала немцами было взято обязательство не говорить правды) и австрийскими войсками в Сербии. Менее тяжелые правонарушения имели место со стороны немцев и их союзников на русском фронте.

Зато неизмеримо более жестоко было обращение в Германии с пленными русскими и особенно с русскими

солдатами и унтер-офицерами. При эпидемических заблуждениях в лагерях русских военнопленных очень часто медицинский немецкий персонал отказывался оказывать помощь и русские солдаты погибли от полного отсутствия ухода и пищи. К жестоким телесным наказаниям прибегали немцы по отношению к солдатам, отказывавшимся работать в копать или фабриках, и в этом отношении английские и французские солдаты были всегда на особом привелигированном положении по сравнению с русскими. Впоследствии благодаря вмешательству Международного Красного Креста, нейтральных представителей и допущения особых миссий, произволивших обследовать положение пленных на местах, их участь несколько улучшилась, хотя и оставалась всегда достаточно тяжелой. Совершенно новым моментом в судьбе пленных была попытка со стороны воюющих использовать их против того государства, подданными которого пленные являлись. В Германии среди пленных шла национальная и политическая агитация. Поляки, украинцы из русской армии выделялись в особые группы и впоследствии из них были созданы национальные военные части. То же пытались немцы сделать и с ирландцами и мусульманскими подданными Англии и Франции. В свою очередь аналогичные попытки осуществлялись и во Франции и в России, но чрезвычайно неоплодотворительно и нерешительно, и только в конце мировой войны окончательно сложились на западном и на восточном фронтах чешская и польская армии.

Во время мировой войны общий правовой кризис коснулся и военной оккупации. Теоретически она не может иметь политических последствий и она в сущности является лишь временной замкнутой побжденной власти власти побдителя, который должен относиться с полным уважением к старым законам, поскольку они не противоречат военным целям. Германская практика оказалась от этой точки зрения. Во всех занятых территориях, на западе в Бельгии, на востоке в Поль-

шъ, Литвъ и Курляндіи нѣмецкія военныя власти пытались не только дискредитировать старую власть, но и вообще сдѣлать ее въ будущемъ невозможной черезъ возбужденіе національной борьбы въ чрезвычайной рѣзкой и жестокой формѣ. Попытки Германіи, однако, не увѣщались успѣхомъ и съ точки зрѣнія дѣствующаго парама были одними изъ тѣхъ правонарушеній, которыя себѣ безнаказанно позволяло правительство Гогенцоллерновъ и за послѣдствіа которыхъ пришлось расплачиваться всему германскому народу.

Однако, не только по отношенію къ личностямъ противника война приняла форму, совершенно неизлечимую прежнему времени, но и въ смыслъ разрушенія собственности борьба получила зловѣщій отпечатокъ. Почти полная непрерывность боевъ и ихъ локализация въ одномъ опредѣленномъ пространствѣ привела къ тому, что поле сраженія, растянувшееся на сотни и тысячи квадратныхъ километровъ, стало не только кладбищемъ для бойцовъ, но стало мѣстомъ смерти и разрушенія. На поляхъ уничтожались не только посѣвы, но земля раскапывалась, всѣ деревья вырубались, всѣ зацѣпа разрушались и печать убійства ложилась на прежде богатія долины Франціи и Бельгіи. Артиллерійскій огонь по невидимымъ цѣлямъ иногда не могъ отличиться чрезмѣрной точностью и въ старинныхъ французскихъ городахъ разрушались драгоценныя памятники готической архитектуры. Обстрѣлы Парижа (въ 1918 г.) изъ дальнобойнаго нѣмецкаго орудія съ разстоянія около 80 километровъ не могли отличаться точностью пристрѣлки и если шельные снаряды попадали въ госпитали, гдѣ убивали больныхъ, и въ церкви, гдѣ убивали молящихся, то они могли попасть и въ Лувръ, и въ Тюльери, и въ Notre-Dame, и въ Национальную Библіотеку.

И не только техническое совершенство приводило къ иррациональному и слѣпому уничтоженію имущества и безцѣнныхъ культурныхъ сокровищъ (разрушеніе Реймскаго собора), но и сознательная воля военного командо-

ванія была направлена тоже къ противоправному разрушенію частной непріятельской собственности.

Германское командованіе задалось цѣлью подорвать и уничтожить цвѣтущую промышленность Франціи и Бельгіи. Для этого былъ созданъ консорціумъ крупныхъ нѣмецкихъ фирмъ - Abban-Konzern и затѣмъ специальное учрежденіе при военномъ министерствѣ въ Берлинѣ Wum-ba (Waffen und Munitions Beschaffungs Amt), которое организовывало систематическое разрушеніе французскихъ фабрикъ и заводовъ и продавало вывезенное изъ Франціи оборудование и машины германскимъ предпріятіямъ. Съ удивительною послѣдовательностью осуществлялась эта новая практика промышленной войны и надо было имѣть безграничную вѣру въ окончательную нѣмецкую побѣду, чтобы думать, что эта холодная и спокойная работа по уничтоженію плодовъ долгихъ человеческихъ усилий, можетъ остаться безнаказанной. Не столько послѣдствія военныхъ операцій, сколько эта безумная затѣя германскаго командованія вызвала во Франціи неописуемое негодованіе и требованіе полной уплаты со стороны Германіи возмѣщенной за весь причиненный ею Франціи вредъ.

Кризисъ права войны на морѣ и нейтралитета.

Война на морѣ всегда затрагиваетъ интересы нейтральныхъ. Попытки общей кодификаціи нѣкоторыхъ нормъ морского международнаго права сначала въ Парижѣ въ 1856 г., затѣмъ въ Лондонѣ въ 1908-1909 г. г., не могли привести къ полному признанію уваженія правъ нейтральной торговли на морѣ, потому что, благодаря ученію о военной контрабандѣ, рядъ нейтральныхъ товаровъ всегда могъ подлежать захвату со стороны воюющихъ, а, благодаря военной блокадѣ, нейтральныя суда, пытающіяся въ свой рискъ нарушить запретъ проникновенія въ блокированный портъ, могли стать законной добычей воюющихъ.

Если Лондонская Декларация различала предметы абсолютной и относительной контрабанды (ср. выше Гл. XIX §60) и допускала конфискацию последней лишь при прямом назначении военными силами или управлению вооружающего, то это различие было чрезвычайно неудобным для союзных держав, имевших безспорное владичество над морскими мировыми путями. Подвоз мёда, шелка, шерсти, резины, хлопка, зерна и мяса из Америки в Голландию и Данию обеспечивал бы снабжение Германии продуктами, необходимыми для её армии. В известном смысле было преувеличением утверждать, как это делали германские публицисты, что прекращение подвоза сырья и продовольствия могло вызвать голод и полное истощение Германии. По размерам своей посёвной площади, по количеству различных продовольственных продуктов и при рациональном порядке распределения запасов с большими лишениями Германия все-таки могла бы избежать катастрофы, но ей грозила опасность другого чисто военного характера. Сырье было необходимо для технического снабжения армии; без хлопка, резины, мёда, шелка противник получал преимущество при постройке аэропланов, при службе связи, при оборудовании фабрик для выделки снарядов и т. д. Наряду с этим, вследствие полного отсутствия конкуренции, военные поставки из Америки пролили дать союзникам неисчерпаемые материальные ресурсы. Было также вполне ясно, что, если Германия с большим трудом, но все-таки может просуществовать несколько лет почти без всякого импорта, то Англия, будучи отрезана от Америки и своих колоний, через несколько месяцев будет вынуждена признать себя побежденной.

Это и были мотивы, в силу которых союзники стали постепенно расширять понятие военной контрабанды и в конце концов дошли до объявления Германии как бы в состоянии фиктивной блокады, тогда как последняя на это стала реагировать все более безудержным применением крейсерской войны подводными лодками.

что также привело к своеобразной фиктивной блокаде английского и французского побережья. Но если результаты были почти одинаковы, то способы были глубоко различны. Британская практика сохранила старую правовую форму остановки, осмотра, обыска и отвода нейтральных и неприятельских торговых судов в свои порты для призового разбора. Наоборот германская практика не только порвала с правовой традицией, но превратилась в своеобразное новое коллективное убийство людей, иногда не только принадлежавших к мирному элементу и не-комбатантам, но и являвшихся подданными нейтральных держав. Такие международные преступления были фактами совершенно новыми и исключительными, обязанными своим появлением техническому прогрессу и уверенности, что военный интерес и военная необходимость идут впереди права. Это была система потопления подводными лодками торговых неприятельских и нейтральных судов без предупреждения.

Англия стала расширять понятие военной контрабанды почти с самого начала войны. Согласно королевскому указу от 29 октября 1914 г., вопреки исламь Лондонской декларации, мёд, никель, алюминий, хром, каучук и другие предметы становятся предметами абсолютной контрабанды и подлежат, следовательно, захвату, если существует предположение, что конечным пунктом назначения этих товаров является Германия. Согласно британскому списку 23 октября абсолютной контрабандой является глицерин и сёр. Однако, в это время предметы продовольствия еще значатся в списке относительной контрабанды. Только после германского указа о запрещении частной торговли импортируемым зерном (25 января 1915 г.) Англия 4 февраля объявляет, что, вследствие государственного контроля в Германии над импортом зерна, грузы с зерном и продовольствием на нейтральных судах, направляющихся в немецкие порты, подлежат захвату. 20 августа 1915 г. Англия указывает, что хлопок будет считаться

за абсолютную контрабанду. Еще через несколько месяцев в апреле 1916 г. британский атташе-секретарь по иностранным делам заявляет, что Англия не будет больше признавать различия между относительной и абсолютной контрабандой. «Отношение во взаимоотношениях стран между жителями, принимающими участие в военных действиях прямо или косвенно и не принимающими, таково, что всякое различие между военными силами и гражданским населением оказалось стертым. Вместо с тем целым рядом указов в Германии установлен государственный контроль над всеми предметами, являющимися относительной контрабандой. Пока имеются налицо такие факты, права воюющих должны быть одинаковыми по отношению к обоим видам контрабанды». Новый британский список предметов военной контрабанды, опубликованный 13 апреля 1916 г., обнимал 169 названий и впоследствии был еще два раза расширен (2 ноября 1916 г. и 2 июля 1917 г.).

Примеру Англии в этом отношении послушно следовали Россия и Франция.

В ответ на попытки союзников закрыть подвоз в Германию необходимого ей для военных целей сырья германское правительство принимает в широкой форме подводные лодки, которые по чисто техническим причинам не могут соблюдать общепризнанных норм международного права об остановке и осмотре торговых судов, потому что тогда для подводных лодок возникает опасность, что остановленное судно попытается их таранить или же потопить артиллерийским огнем (во время мировой войны почти все крупные британские суда получили орудия для самозащиты от подводных лодок).

4 февраля 1915 г. германское правительство объявило театром военных действий воды, омывающие Англию и Ирландию, и заявило, что с 18 февраля все неприятельские суда (торговые и военные) будут в этой зоне уничтожаться, причем будет невозможно при-

мать меры к спасению пассажиров и экипажа. Нейтральные суда ставились в известность, что они подвергаются тем же опасностям, проликаясь в запретную зону.

Это заявление Германии сразу вызвало энергичные протесты союзных держав (англо-французская нота 1 марта 1915 г.) и нейтральных (Соед. Шт. Америки 10 февраля того же года, Голландия 12 февраля и т.д.). Немецкому военному командованию послѣ взрыва всеобщаго негодования, вызваннаго потоплением «Лузитанія» (7 мая 1915 г.), когда погибло 1547 людей, из которых 100 американских подданных, пришлось действовать несколько болѣе осторожно и только въ концѣ мировой войны, когда окончательно погибла надежда одержать побѣду въ открытом бою, германское правительство сдѣлало попытку осуществить войну подводными лодками безъ всякихъ ограничений. 31 января 1917 г., несмотря на опасность открытаго выступления Соед. Штатовъ Сѣверн. Америки, Германия объявляетъ запрещеннымъ морскія сношенія съ Англійей, Франціей и Италіей. Подводныя лодки получаютъ приказъ топить безъ предупрежденія неприятельскія и нейтральныя суда въ тѣхъ водахъ, гдѣ плаваніе было провозглашено запрещеннымъ. Война подводными лодками съ этого момента дѣлается реальной опасностью для морскаго могущества Великобританіи. Ежемесячно съ апрѣля 1917 г. топятъ до 1.000.000 тоннъ и англичане нѣтъ возможности пополнять недостатокъ судовъ. Только черезъ принятіе нѣкоторыхъ военныхъ мѣръ и черезъ усиленное кораблестроительство въ Америкѣ преолаживается опасность, одно время грозившая привести къ тяжелой катастрофѣ союзниковъ.

Съ точки зрѣнія права проблема войны подводными лодками разрѣшается просто. Въ морской войнѣ нельзя примѣнять средствъ, прогизающихъ воѣмъ существующимъ и общепризнаннымъ нормамъ. Немецкіе юристы указывали на другія соображенія. Подводная война является новымъ средствомъ, еще не урегулированнымъ правомъ. Понятіе военной необходимости исключаетъ въ данномъ

служил силу провокации велений, и, наконец, подводная война является репрессалиями за английские правонарушения. И в последнем итоге само существование Германии было поставлено на карту и для спасения своего существования немцы могли прибегнуть к средству, необходимому для осуществления цели войны. По-своему лучше всего объясняет применение подводных лодок в мировой борьбе. Когда народы ведут войну, они считают, что чувство самосохранения должно идти вперед права и этимы они сами разрушают всю сложную и трудную систему норм, выросшую из мясоевковой практики, но не имевшей иной санкции, кроме произвола самих участников войны.

Глубокий кризис права во время мировой борьбы заставил и широкие народные массы и тех же людей, которые были политическими вождями этих масс и которые сознавали, что на них лежит тяжелая ответственность за страдания и смерть их соотечественников — бойцов на поле сражения, снова задуматься над проблемой преодоления насилия в отношениях между государствами.

Из великих держав одна — Северо-американская демократия оставалась дольше всего нейтральной. Она не хотела быть борцом, но хотела быть вострым безпристрастным судьей в споре народов. Глубокое религиозное убеждение, что на основе отношений народов, как и отдельных людей, должна царить справедливость, было мотивом, определившим отношение Соединенных Штатов к воюющим. Президент Вильсон говорит, что он сторонник нового общественного договора, который должен охватить весь мир. Права народов должны стать священными и неприкосновенными, но это возможно только при наличии реальной силы, которая должна стоять на страже интересов всей совокупности существующих государств. Надо создать силу, гарантирую-

щую новый правопорядок, силу, "настолько превосходящую те средства, какими располагали досель существовавшие или проектированные союзы, чтобы ни одна нация и ни одно возможное соединение наций не могло бы ни противостоять, ни сопротивляться этой силе".

В последней речи, произнесенной, когда наступили последние дни мировой войны (27 сентября 1918 г.), Вильсон утверждает, что в потрясениях борьбы зарождается воля всего человечества. Вместо разрозненных стремлений отдельных государств проявляются общие настроения всех народов, сознающих свое единство. Люди могли вызвать вооруженную борьбу, но свыше их сил положить ей предел. И эта буря, потрясая мир в самых его основах, приведет к новому порядку международных отношений.

Есть одна цель, которая должна быть упрочена всеми государствами, приглашенными на Мирную Конференцию, и этой целью должно быть учреждение Лиги Наций. В основе ее организации должны лежать принципы общности для всех справедливости и запрещение отдельным государствам осуществлять частные притязания, противоречащие общим интересам всех народов. Принципу справедливости соответствует и одинаковое отношение в смысле экономического всех государств друг к другу, а хозяйственный бойкот и блокада должны быть общим средством принуждения только против правонарушителя.

Глава американской республики вволил в интернациональное осуществление своей грандиозной программы и ему пришлось пережить минутой глубокого разочарования и в Европе и на своей родине.

Создание мирового правопорядка на прочных основах не могло быть реализовано сразу. В своем крестном пути народы и все человечество ищут окольных дорог и кривых путей. Только после мучительных разочарований и длительных заблуждений достигается цель, казавшаяся абсолютным идеалом, но при достиже-

ни становится лишь одной из ступеней безконечной лестницы, ведущей в безбрежное будущее.

Эти скитания и поиски не остаются бесплодными. В истории международных отношений исчезает постепенно принцип единовластного господства и считается почва для нарождения свободно-договорного объединения всего человечества. В смысл нравственных и правовых ценностей это не открытие нового, но лишь преобразованное осуществление начал, уже сложившихся в между-индивидуальной жизни в ее примитивных формах и в этом смысле международное развитие напоминает кругооборот, однако, не воспроизводящий прошлое, но дающий картину непрерывного проявления правовых основ общественной жизни, всегда новых по форме, но бессмертных по своему существу.